Изъ лавки.
Книгопродавца Базунова.

№ 6.27

40838

~~N 247~~

~~230.~~

~~N 83~~

Чо 438

ПУТЕШЕСТВІЕ

Господина

СОННИНІЯ

ВЪ

ВЕРХНІЙ и НИЖНІЙ

ЕГИПЕТЪ,

СЪ

ОПИСАНІЕМЪ СТРАНЫ,

НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ и РЕЛИГІИ,

природныхъ жителей.

Съ Французскаго.

Изъ Книгъ Павла Петровича Носкина

МОСКВА, 1809.

ВЪ Типографіи, у Ѳ. Любія.

Цѣна 5 руб.

Петро Тимофієвич ЛІКАР

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для округа Императорскаго Московскаго Университета.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 961.

40838

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Египетъ, въ наши времена разоренный, вертепъ разбойничествъ и безчеловѣчій, можетъ наконецъ имѣть надежду возвратить славу, коею нѣкогда гремѣлъ. Содѣлавшись владѣніемъ народа, не меньше знаменитаго того, которымъ древность гордится; сія прославленная страна, которою вѣка, на истребленіе истекшіе, содѣлали неудобопознаемою, достигнетъ до древней имянитости своей. Земли, народъ, города, селенія оживотворятся, пріимутъ новое образованіе, и Египетъ будетъ не тотъ, что былъ не въ давнемъ времени.

Слѣдовательно, почитаю нужнымъ представить Египетъ въ томъ видѣ, въ которомъ нашли его французы; показать изображеніе нравовъ въ немъ обитающаго народа, и у котораго вѣжливость наслѣдуетъ грубому и звѣрскому невѣжеству; описать остатки величественныхъ зданій, разсѣянныхъ на землѣ гордившеюся ихъ величавостію и удивительною громадою; нарисовать нѣкоторыя черты украшенія, которое щедрая

Природа являла глазамъ людей неблагодарныхъ, безпрестанно ее оскорбляющихъ; наконецъ дать понятіе о сей части Африки, прежде перемѣны вида оныя. Подобная картина предоставитъ Читателю способъ послѣдовать съ любопытностію за успѣхами неожидаемаго возрожденія, и видѣть труды моихъ соотечественниковъ, кои пребудутъ незабвенными, въ недрахъ безсмертія (*).

Безъ сихъ обстоятельствъ конечно нынѣ издаваемое мною путешествіе, не было напечатано, и рукопись его пребыла бы неизвѣстною. Сочинитель разсудилъ, что обязанъ дать отчетъ Отечеству своему въ пріобрѣтенныхъ имъ познаніяхъ, и служа съ усердіемъ, остался бы неблагодарнымъ, естьлибъ не посвятилъ ему послѣдствія трудовъ своихъ, коихъ польза Отечества была единственнымъ предметомъ.

Во ономъ сочиненіи послѣдовали порядку повѣствованія: оное для Путешествія есть самоприличнѣйшее. Пріятно

(*) Читатель великодушно извинитъ восторгъ *Г. Сочинителя*: онъ писалъ свое Предисловіе во время пребыванія войскъ Французскихъ въ Египтѣ, и видно не предвидѣлъ послѣдствія ихъ подвиговъ. (Примѣч. Россій. Перев).

40838

быть водиму Путешественникомъ, сопровождать его вездѣ, раздѣлять труды и опасности, равномѣрно и наслаждаться съ нимъ успѣхами имъ пріобрѣтенными въ его изысканіяхъ. Но сіе повѣствованіе не имѣетъ сухости Журнала, или дорожной записки. Примѣчанія, разбирательства, общественныя истолкованія и подробныя объясненія отвлекаютъ отъ него, скучное единообразіе.

Наконецъ, ничто не было упущено, чтобъ содѣлать сіе Путешествіе достойнымъ любопытности и вниманія, коихъ заслуживаетъ страна, изобилующая чудесами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I. *Причины ревности путешественниковъ обнародовать свои открытія. — Побужденіе Автора удержаться скорымъ изданіемъ Книги своей. — Затрудненія могущія повстрѣчаться съ Путешественникомъ, спѣшившимъ обнародовать свое сочиненіе. — Путешественники. — Гассельквистъ и Савари. — Новѣйшихъ временъ путешественники въ Египетъ* - - 1

——— II. *Бюфонъ. — Отъѣздъ изъ Монбарда. — Кораль. — Троглодитъ. — Лангедокъ. — Фаланжистъ. — Сбереженіе рыбъ. — Смѣшное приключеніе. — Заливъ Ліонской.* - 12

——— III. *Отъѣздъ изъ Тулона. — Пристанище. — Берега Корсики. — Генуа. — Опера. — Островъ Эльба и прикосновенные къ оному острова. — Возставшая буря. — Прибытіе въ Палерму.* - - - - 19

——— IV. *Морскія почести. — Англинскіе Путешественники. — Палерма и онаго города окресности.* - 31

Стран.

ГЛАВА V. Переѣздъ изъ Палермы въ Мальту. – Измѣреніе морской глубины между Сициліею и островомъ Мальтійскимъ, такъ и между онымъ и Африкою. – Берега Сициліи. – Пантелерія. — Островъ Мальта. — Свойства земли, Города и произведенія онаго - - - - - - 45

---- VI. Метеорологическія примѣчанія. — Галеры Мальтійскія. — Политическое и философическое разсмотрѣніе обстоятельствъ, до Ордена Мальтійскаго касающихся. — Древности и нарѣтіе острова Мальты. — Мальтійскія собаки. — Переѣздъ отъ Мальты до острова Кандіи. — Птицы, называемыя Мореплавателями. — Прибытіе въ Египетъ. 67

---- VII. Пустыни Ливійскія. – Берега Египта. — Башни Аравитянъ. — Приставаніе къ Александріи. — Гавани ея. — Оной торговля. — Обозрѣніе города Александріи. - 82

---- VIII. Новая Александрія. – Оной жители. – Жиды. — Мстительность. – Убійство Консула, въ Александріи пребывающаго, и одного Голландца. — Нарѣтіе. — Развалины. - - - - 91

Стран.

ГЛАВА IX. *Окружность Александріи во время Аравовъ. — Шлицы Клеопатры (Эгиллъ). — Клеопатра. — Чертоги Королей Египта. — Столбъ Помпеевъ.* - - 103

——— X. *Развалины. — Каналъ Александрійской. — Водоемы. — Обработываніе земель въ окрестностяхъ Канала. — Зола алкалическая. — Птицы. — Воробьи. — Подземныя Пещеры. — Хамелеоны. — Шакалы.* - - - - 117

——— XI. *Исторія Натуральная Жербуаза, или Египетскаго Іербо, съ примѣчаніями о Исторіи Естественной вообще, и записка о предпріятіи путешествія во внутрь Африки.* - - - 128

——— XII. *Французская факторія. — Статуя. — Адансонъ и его нещастія. — Августъ, другой Французской Переводчикъ. — Древняя гробница. — Имя Александра Великаго и нынѣ еще въ почтеніи въ Египтѣ — Венеціане и Англичане. — Торговля. — Жермы. — Рыбы.* - - - - - 166

——— XIII. *Дорога отъ Александріи до Розетты. — Маадіе. — Гераклея. — Розетта и ея окрѣстности. — Обозрѣніе Дельта.* - - - 180

Стран.

ГЛАВА XIV. Возмущенїя въ Каирѣ. — Восточная одежда. — Суда, употребляемыя на рѣкѣ Нилѣ. — Зима. — Розетта. — Торговля. — Сарацинское пшено, его вывозъ, и древность въ Египтѣ. — Трефлъ (дягилина трава). — Быки и коровы. - - - 196

——— *XV.* Жители Розетта. — Куритель-ныя трубки. — Кофейные домы. — Арабскїя сказки. — Способъ варить кофе. — Постыдные пороки Египтянъ. — Жены достаточныхъ людей. — Разговоръ съ одною изъ нихъ по знакамъ. — Подробности, до сихъ женщинъ касающїяся. — Ревность мущинъ. — Оказываемое женщинамъ уваженїе. - - - 219

——— *XVI.* Жены простолюдимовъ. — Краска черная для глазъ. — Алкифу. — Румяна для рукъ и ногъ. — Генне. — Мази, волосы истребляющїя. — Дородность женщинъ, опрятность оныхъ и ихъ притиранье. - - - - 258

——— *XVII.* Египетскїя собаки. — Кошки. — Прекрасное сего рода животное, вскормленное Авторомъ. — Домашнїя животныя. — Мангустъ, или Ихнемонъ. — Крако-

стран.

дилы. — Родъ Нильской черепахи, ненавидящей крокодиловъ. 256

ГЛАВА XVIII. Замокъ Россетской. — Гугу. — Гюпъ. — Турттереллы. — Шевешъ. — Лотусъ. — Ракеттъ. — Кассіа. — Сикоморъ. — Сшизме. — Дурра. — Индѣйская гвоздика. — Утки. — Дрозды. — Бекасъ. 279

——— *XIX. Натронъ. — Бѣленіе холста и нитокъ. — Другія употребленія Натрона. — Сене. — Птицы. — Описаніе птицы роду Сокола. — Бержеронеты. — Демуазелли. — Гелпъ. — Гриллонъ. — Дожъ. — Делта. — Егретты. — Фулкъ. — Перепелки. — Беккасины — Вооруженныя Плювіе. — Феню - Грекумъ.* 294

——— *XX. Путешествіе въ Абукиръ. — Развалины. — Бедуинцы. — Гавань и рейда. — Толмачъ изъ Жидовъ. — Бартавеллы. — Развалины и остатки древняго Канопа. — Столповидная съ выемками статуя. — Канопа. — Губернаторъ, Замокъ и деревня Абукиръ. — Маленькая пирамида. — Возвращеніе въ Россетту.* 316

——— *XXI. Бедуинцы — Птицы. — Богассъ. — Канопская башня. —*

Стран.

Абу-Мандуръ. — Виноградъ. — Пустыня. — Шакалы. — Ящерицы. — Насѣкомыя. — Змія. — Затрудненія въ разсужденіи пирамиды Абукирской. — Мнѣніе Египятнъ о нѣкоторыхъ путешествующихъ. - - 329

ГЛАВА XXII. Бананъ. — Короссолъ. — Малва (трава). — Мелохіа. — Баміа. — Атле. — Буйволъ. — Вода Нильская. — Зараза. — Климатъ Египта. — Усопшіе. — Кладбища. — Немощи. — Элефантіазисъ. — Глазныя болѣзни. - - - 347

——— *XXIII. Обрѣзаніе женщинъ. — Секта Саадіа, или Ѣдуновъ змій.* 371

——— *XXIV. Зима. — Нильской угорь. — Черепаха. — Птицы. — Соловей. — Хищная птица. — Шевешъ. — Бѣлой лавандіеръ. — Рыболовы. — Геронъ. — Султанская курица. — Вооруженные Плювіе. — Гюппы. — Тенебріонъ. — Померанцовыя деревья. — Лукъ. — Чеснокъ. — Латукъ. — Колоказія. — Мангустъ. — Талебъ. — Какимъ образомъ Африканцы означаютъ человѣковъ. — Крысы и мыши. — Овцы. — Коза. — Разположеніе къ отъѣзду изъ Россетта.* - - 385

Стран.

ГЛАВА XXV. Отъѣздъ изъ Россетта. — Бедуинцы. — Соглашеніе съ Арабами. — Мятежъ въ Абукирѣ. — Берега между Абукиромъ и Александріею. — Дикіе быки. — Послѣдствіе Абукирскаго возмущенія. — Надпись. — Лагерь Бедуинцовъ. — Верблюды. — Тревога въ лагерѣ. — Гостепріимство и нравы Бедуинцовъ. — Мнѣніе, свойственное симъ послѣднимъ. — Древній хубъ. - - - - - 415

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
ВЕРХНІЙ и НИЖНІЙ
ЕГИПЕТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
Служащая введеніемъ.

Причины ревности путешественниковъ обнародовать свои открытія. — Побужденіе Автора удержаться скорымъ изданіемъ книги своей. — Затрудненія, могущія повстрѣчаться съ путешественникомъ, спѣшившимъ обнародовать свое сочиненіе. — Путешественники. — Гасселяквистъ и Савари. — Нынѣшнихъ временъ путешественники въ Египетъ.

Начать въ 1799 году описывать путешествіе, окончанное въ 1780, есть нерадѣніе, которое покажется можетъ удивительнымъ. Ни одинъ путешествующій не употреблялъ столько медлительности показать себя въ большомъ Свѣтѣ. Почти всѣ, напротивъ, спѣшили, по своемъ возвращеніи, сдѣлать извѣстными труды свои и открытія. Подобное усердіе, безъ

сомнѣнїя весьма похвальное, есть и естественное. Дѣйствительно, когда кто имѣлъ духъ, такъ сказать, предать себя на произволъ судьбѣ въ странахъ отдаленныхъ, необитаемыхъ, или, еще того хуже, обитаемыхъ народами, у которыхъ начатое и не совсѣмъ довершенное просвѣщенїе гораздо опаснѣе даже состоянїя дикаго человѣка. Когда кто былъ одаренъ твердостїю, могущею преодолѣть всѣ препятствїя, нужною неусыпностїю превозмочь на всякомъ шагу встрѣчающїяся затрудненїя, и крѣпостїю, которая поддерживаетъ посреди трудовъ душевныхъ и плѣсныхъ отъ подобныхъ предпрїятїй неотлучныхъ; наконецъ, когда способности, опытъ или щастїе содѣлали человѣка въ состоянїе превзойти многочисленныя неудобности, и избѣжать не меньше того многочисленныя опасности: тогда, признаться должно, можно почесть удовольствїемъ, настоящимъ наслажденїемъ, описывать разныя приключенїя, сдѣлавшїя впечатлѣнїе въ продолженїе путешествїя, противурѣчїя, утомленїя, опасности, коими жизнь путешественника попеременно была обуреваема, или угрожаема: ибо, естьли прїятно напоминовенїе прошедшихъ бѣдствїй, повѣсть опыхъ еще того прїятнѣе.

Естьли къ онымъ, единственно личнымъ побужденїямъ, но которыя совсѣмъ тѣмъ всегда почти возбуждаютъ всеобщее вниманїе, человѣкъ, подвергнувшїй себя нечаянностямъ дальныхъ странствованїй, присоединяетъ намѣренїе, больше превознесенное, причины, больше уваженїя достойныя; естьли, будучи возхищенъ любовїю къ славѣ, или, что единое, любовїю

къ общей пользѣ, онъ довольно былъ щасливъ, чтобъ увеличить округъ познаній и пріобрѣсть Наукѣ новые предѣлы, дать отчетъ въ трудахъ своихъ, есть священная обязанность, которую непремѣнно исполнить должно, и всякое умедленіе, всякое небреженіе равномѣрно суть достопорицательны. Перо мое, по наружности, написало собственное мое обвиненіе: ибо въ удивительномъ множествѣ людей и вещей, мною видимыхъ въ теченіе двенадцати лѣтъ путешествій и примѣчаній, не возможно, чтобъ собраніе мое не заключало много любопытныхъ и совсѣмъ новыхъ предметовъ. Я не имѣлъ недостатка въ ободреніяхъ. Пріятели, прославившіе себя Науками и Словесностію, понуждали напечатать мои Путешествія, и *Бюфонъ*, удостоившій меня быть нѣкоторое время соучаствующимъ въ безсмертныхъ трудахъ своихъ; *Бюфонъ*, сіе чудо вѣрѣчія и любомудрія, писалъ ко мнѣ въ 1781: „*Я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не собрали множества „превосходныхъ примѣчаній, коихъ изданіе въ „Свѣтъ сдѣлаетъ вамъ много чести.*“

Но я не наслаждался свободою заняться трудомъ, требующимъ душевнаго спокойствія, веселости духа. Какъ я былъ удаленъ, увы! вкушать сіи плоды благоденствія! Природа, такъ сказать, предназначила мою участь. Имѣя пылкое воображеніе, привязанность къ Наукамъ, страсть къ открытіямъ, хладнокровность мужества; будучи одаренъ непоколебимымъ Физическимъ сложеніемъ, казался быть назначенъ для самоопаснѣйшихъ предпріятій, на исполненіе дѣлъ, совсѣмъ необыкновенныхъ, и по долговременномъ упражненіи въ сего рода дѣяніяхъ

въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ, когда возвратился въ отечество, сія самая Природа, наградившая всякаго изъ насъ особыми разположенїями, казалась наказывать меня за мою недѣятельность и покоище, и въ то же время обвинять Правительство, не умѣющее никогда различать и помѣщать людей въ приспѣйное имъ мѣсто, ни почтить себя выборами, не бывшими осквернеными ковосплетенїемъ, или корыстолюбїемъ. Сїе крѣпкое сложенїе, сносившее зной климата Африканскаго, язвительную сыросить Экватора въ Южной Америкѣ, которому чрезмѣрныя утомленїя и всего лишенїя вредить не могли, разлушилось томленїемъ спокойствїя. Тяжкїя болѣзни возпослѣдовали одна за другою; мрачная задумчивость заступила мѣсто дѣйствїя ума, и несносное души волненїе скоро послѣдовало за спасительнымъ движенїемъ тѣла. Отсутствїе, нѣсколько лѣтъ продолжающееся, возбудило и ободрило алчность нѣкоторыхъ родственниковъ. Чтобъ возвратить то, чего они меня лишили, надлежало мнѣ вступить въ мѣсто, называемое *Святилищемъ правосудїя*, и которое было, поистинѣ сказать, ничто другое, какъ лавиринѳъ, или храмъ ябѣды, коего стѣны, вооруженныя острыми крючьями, зацѣпляли имущество тѣхъ, которые имѣли дерзновенїе входить въ оное. Съ другой стороны люди, заставившїе меня тужить даже о дурной совѣсти большой части Восточныхъ жителей, о грабительствахъ Аравитянъ; люди, между коими блистала тогда женщина, рожденная на поношенїе своего пола и стыда рода человѣческаго; люди, существа коварные и зловредные,

конхъ общество являетъ довольно примѣровъ, и которыхъ, для общей безопасности, полезно обнаружить: М. . . . . У. . . . . Леф. . . . . и другіе, подчиненные мошенники, воспользуясь моимъ въ дѣлахъ незнаніемъ, непопечительностію о корыстолюбивыхъ заботахъ, довѣренностію, откровеніемъ, великодушіемъ и нынѣ довольно слабымъ моимъ нравомъ, навлекли мнѣ тысячи затрудненій, изнурили смутничествами, удручили спорами, и наконецъ содѣлавшись дерзкими грабителями, раздѣлили между собою большіе лоскупы имущества моего, которое раздробили, огорчая и угнетая жизнь, обремененную страданіями и досадою (*).

Посреди толикихъ отвращеній, посреди слишкомъ сильныхъ колебаній для чувствительности, которая бы составила блаженство моей жизни, но оной содѣлалась казнію; посреди сихъ важныхъ и непріятныхъ отвлеченій мыслей, какъ можно заняться твореніемъ, требующимъ всего моего вниманія? Какъ можно было мнѣ преодолѣть другія препятствія, возраждающіяся отъ самаго существа сего сочиненія? Дѣйствительно, двенадцать лѣтъ, упо-

---

(*) По нещастію, не рѣдко видно, что естьли случится честному человѣку имѣть дѣло съ бездѣльникомъ: то сей послѣдній находитъ сильныхъ покровителей, потому что честной человѣкъ довольствуется быть честенъ; но бездѣльникъ напротивъ бываетъ уклончивъ, льстивъ, вкрадчивъ; самыя большія низкости ему ничего не стоютъ: онъ дѣлаетъ все, что угодно; человѣкъ честный дѣлаетъ только то, что должно.

требленныхъ на обозрѣнїе отдаленнѣйшихъ предѣловъ Свѣта, могутъ предоставить познанїй и сдѣлать человѣка опытнымъ; но сїя жертва не есть даръ писанїя, и привычка въ подобныхъ обращенїяхъ мало способна составить Писателя. Взирая безпрестанно на образъ своего истребленїя, коимъ ежедневныя опасности ему всякой часъ угрожаютъ, удрученный утомленїями, обуреваемый почти безпрерывными во всемъ недостатками, тотъ, кто посвятилъ себя на странствованїя, долженъ оградить душу свою тройною защитою, которая бы оберегала его отъ страха и смущенїя. Часто бываемъ окруженъ людьми свирѣпыми и безчеловѣчными, принужденъ иногда имѣть при себѣ таковыхъ, которыхъ воздержать весьма трудно; ему должно иногда въ сихъ послѣднихъ внушать свою неустрашимость; а какъ не всегда легко сдѣлать можно впечатлѣнїе въ людяхъ суровыхъ, имѣющихъ нравъ и свойства отъ звѣря неотдаленныя: то и принужденъ бываетъ, дабы ихъ привесть въ чувство, иногда употреблять и ихъ нарѣчїе. Всѣ подобныя обстоятельства оставляютъ по себѣ признаки, или такъ сказать слѣды твердости, которая въ глазахъ непривычныхъ и чувствительныхъ обитаетъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ грубостїю, и неопровержимо содѣйствуетъ въ слогѣ Писателя. Сверхъ того, стараясь разумѣть и научиться иностраннымъ языкамъ, наконецъ забываешь и свой собственной. Впрочемъ нѣтъ никакого прибѣжища къ Наукѣ, нѣтъ даже времени и свободы заниматься оною. Таковыя суть затрудненїя, которыя бы я непремѣнно испыталъ, и

оныя преодолѣвать долженъ, естьлибъ сталъ писать свои путешествія тотчасъ по совершеніи оныхъ. Естьли путешественникъ есть повѣствователь о людяхъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ, слѣдовательно должно ему описывать и Природу, а дабы изобразить ее достойно, надлежитъ имѣть даръ оную представить какъ въ убранствѣ и красотѣ, такъ и въ изящной простотѣ ея.

Не знаю, естьли ошибаюсь, но думаю, что, по сей послѣдней причинѣ и сообразности, сочиненіе мое много выиграло медлительностію своего изданія, и что я долженъ благодарить самъ себя за то, что послѣдовалъ правиламъ *Монтанія*, которой, упоминая о Сочинителяхъ, говоритъ: *Пусть они напередъ хорошенько подумаютъ объ изданіи трудовъ своихъ; кто ихъ понуждаетъ?* Опыты, книга III, Глава 9.

Египетъ, сіе древнее гнѣздо Наукъ, гдѣ чудеса искуства и Природы другъ у друга оспоривали удивленіе, былъ предметомъ любомудрыхъ наблюденій какъ древнихъ, такъ и нашихъ. Отъ *Иродота* до *Волнея* Писатели, равно прославившіеся, размноженныя повѣсти о странѣ, не имѣющей на поверхности земли себѣ подобной, свидѣтельствуютъ о любопытствѣ, которое она вообще возбуждала. Но сіе скопленіе путешественниковъ не препятствуетъ и мнѣ быть въ числѣ оныхъ, и опасность писать о Египтѣ послѣ другихъ меня не устрашила. Варварство и развалины заступили мѣсто учрежденій и памятниковъ древности, а затрудненія дѣлать изысканія и примѣчанія

не допустили нынѣшнихъ временъ путешественниковъ всего видѣть. Оставалось послѣ ихъ, такъ какъ останется и послѣ меня, довольно предметовъ, если-бы не для зрѣнія, но по крайней мѣрѣ для внимательнаго разсмотрѣнія. Всѣ вещи также не представляются въ одинакомъ видѣ всѣмъ примѣчателямъ. Подобно какъ всякой живописецъ имѣетъ особливую подмалевку и наложеніе красокъ, такъ и путешественникъ, имѣя свой особливой образъ примѣчанія, сообщаетъ оной въ писаніяхъ своихъ. Изъ сего соединенія картинъ и должно ожидать совершеннаго познанія о столь любопытной странѣ, тѣмъ больше и вѣроятнѣе, что, отъ невозможности всего узнать, путешествующій преимущественнѣе прилѣпляется къ предметамъ, къ которымъ больше прилѣжалъ во время своего ученія въ юности. Будучи путеводимъ своею склонностію, а иногда своимъ изступленіемъ, соображаетъ все съ любезнымъ своимъ упражненіемъ, и пренебрегаетъ, что съ онымъ не сходствуетъ, или отъ него удаляется. Такимъ образомъ и по сей причинѣ часто Ботанистъ взираетъ на однѣ только травы; Зоологистъ на звѣрей; любитель древностей на развалины; Физикъ на дѣйствіе Природы; купецъ на средства умножить свое имущество; Политикъ на сношеніе между народами. Одинъ, пренебрегая подробности, представляетъ свои заключенія въ кучѣ безъ различія; другой пышно превозноситъ сущія малости; иной иногда жертвуетъ справедливостію велерѣчію описаній, или силѣ выраженія; а другой, хотя и наблюдатель вѣрный, но грубой и безъ дарованія, дѣлаетъ по-

вѣсти свои отягощительными сухостію слога своего.

Поразительной примѣръ между тысячами другихъ сего пристрастія, которому ввѣряться не должно, видѣнъ въ Путешествіяхъ *Фридерика Гасселкеиста*. Сей ученикъ *Линнея*, ревностный, но *изключительный любитель* Исторіи Естественной, будучи въ *Каирѣ*, хочетъ посѣтить пирамиды *Мемфискія*; но, пришедъ къ подошвѣ сихъ памятниковъ, столько же удивительныхъ какъ громадою, такъ и продолжительностію времени созданія своего, скоро отвращаетъ отъ нихъ взоръ и устремляетъ единственно на *Муравіевъ-Львовъ*, коихъ въ пескахъ той страны изобильно; занимается одними насѣкомыми, и удивительнѣйшее произведеніе древности не привлекаетъ его вниманія. „*Какъ „не великолѣпны пирамиды, сказалъ онъ, но не „дѣлаютъ толикаго впечатлѣнія въ любителя „Исторіи Природы, и не производятъ подобнаго „удивленія, какъ трудолюбіе и прилѣжаніе сихъ „малыхъ животныхъ* (*)."

Я не думаю, чтобы всѣ были согласны со мнѣніемъ Шведскаго Испытателя Природы, которому, сверхъ странности сравненія, можно дать на примѣчаніе, что не стоило труда ѣхать до мѣста построенія *Мемфиса*, чтобъ восхищаться *Муравіями-Львами*, которыхъ и въ другихъ странахъ великое множество, даже и въ Европѣ,

(*) Путешествіе на Востокъ *Фридерика Гасселквиста*, изданное *Линнеемъ*, переведенное съ Нѣмецкаго М*** въ 12 долю листа, Парижъ, 1769, Часть I, страница 107.

и что путешественникъ подвергается посмѣянїю, когда, упорствуя взирать только на предметы, къ которымъ пристрастился, слова отъ слова послѣдуетъ пословицѣ: Ne sutor ultra crepidam (*).

Надлежитъ сказать и то, что немногїе Французскїе путешественники до Верхняго Египта доѣзжали. Ни одинъ изъ числа прославившихъ себя въ послѣднїя сїи времена не простиралъ изысканій своихъ далѣе поля *Сакарасскаго*, то есть, немного проѣхавъ окрестности *Каира*. Самъ *Савари*, издавшій въ Свѣтъ два Тома о Верхнемъ Египтѣ, никогда не бывалъ въ ономъ, и увѣрительность, съ которою онъ о немъ упоминаетъ, описываемыя имъ подробности сего путешествїя, какъ будто бы было существенное, помрачили славу сего пріятнаго Писателя. Я довольно зналъ *Саварїя*; видѣлъ его въ *Александрїи*, на островѣ *Кандїи*, а потомъ и во Франціи. Достойное одобренїе писемъ его о Египтѣ первой части, которую онъ и не намѣренъ былъ продолжать, потому что въ ней упомянуто о всѣхъ мѣстахъ той страны, въ которыхъ онъ былъ, его ослѣпило. Онъ разсудилъ прибавить новое путешествїе, котораго не предпринималъ, а по сему и принужденъ былъ дѣлать выписки, заимствовать отъ *Иродота*, *Страбона*, *Діодора* и пр. — Щастли-

(*) Оная пословица соотвѣтствуетъ Россійской: *Естьли не Попъ, не суйся въ ризы*, т. е. Далѣе своихъ предѣловъ не выходи и за чужое дѣло не берись.

вѣе *Саварїя* и прочихъ, я проѣхалъ весь *Саидъ*, такъ называютъ Аравы Верхній Египетъ, отъ стараго *Каира* до *Ассуана*, и подъ симъ воззрѣніемъ путешествїе мое можетъ быть содѣлается любопытнымъ и вниманїя достойнымъ.

Но что можетъ больше принудить заняться Египтомъ, какъ напоминовеніе, что страна сїя скоро уже не будетъ во владѣнїи угнетающихъ ее Мамелюковъ; что Французы, разпоргнувъ мѣдное иго, подъ которымъ жили въ скотскомъ положенїи потомки славнѣйшаго народа древности, предлагаютъ имъ вольность и средство возвратить Науки и познанїя, прежнюю принадлежность предковъ ихъ! Египетъ, какъ я его описываю, скоро не будетъ тотъ, которой я видѣлъ; чрезъ нѣсколько дней протечетъ великое пространство времени, и я, при жизни моей, въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ, буду почтенъ старымъ путешественникомъ, подобно какъ древнїя Писатели нынѣ суть въ разсужденїи насъ. Таковыя удивленїя достойныя дѣла предоставлены къ изполненїю славнѣйшему народу вселенной. Возстанутъ города изъ своихъ развалинъ; зданїя, къ коимъ свирѣпые владѣтели возпрещали доступъ, содѣлаются извѣстными; тѣ, которые невѣжество и грубость истребить старались, возвратятъ древнюю славу свою, и многїе другїе, песками поглощенные, будутъ явственны. Повсюду образъ великолѣпїя заступитъ мѣсто страшной и безобразной картины истребленїя. Человѣческїя познанїя вездѣ быстро разпространятся. Каналы, изобильные источники благоденствїя, будутъ вырыты, или вновь изправлены.

Торговля всей вселенной получитъ естественно прежнее свое теченїе, и чего *Фараоны*, во всемъ своемъ владычествѣ, предпринять не отважились, соединенїе двухъ морей, Французы, предводительствуемые новымъ *Александромъ*, коего побѣды и Науки со рвенїемъ вѣнчаютъ, оное представятъ на удивленїе столѣтій. Смущается и теряется разумъ, взирая на сїю безпредѣльность славы, коею нацїя Французская себя окружила. Гордясь принадлежать къ оной, тщеславлюся, что могу посвятить ей плодъ трудовъ моихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бюфонъ. — Отъѣздъ изъ Монбарда. — Коралъ. — Троглодитъ. — Лангедокъ. — Фалангистъ. — Сбереженіе рыбъ. — Смѣшное приключеніе. — Заливъ Лїонской.

По возвращенїи изъ втораго моего Американскаго путешествїя, поѣхалъ я въ *Монбардъ*, гдѣ *Бюфонъ* желалъ меня видѣть. Прожилъ у него близъ шести мѣсяцовъ, и сїе слишкомъ скоро протекшее время несомнительно есть эпоха въ жизни моей, которая оставила во мнѣ пріятнѣйшее напоминовенїе. Пребыванїю моему въ ономъ убѣжище, храмѣ просвѣщенїя и здраваго разсужденїя, обязанъ я тѣмъ, чего стою. Я былъ у него зимою: суровость времени удаляла оттуда всѣхъ докучливыхъ. Препровождалъ дни съ возхищенїемъ, въ обществѣ и трудахъ великаго Мужа, общество, прелестїю на-

полненное, неподверженное никакой перемѣнѣ и котораго я съ тѣхъ поръ не находилъ нигдѣ. *Бюфонъ* не былъ изъ числа тѣхъ людей Ученыхъ, которыхъ *Эразмъ* шуткою уподобляетъ Фландрскимъ сбоямъ съ большими лицами, на которыя, дабы они производили свое дѣйствіе, должно смотрѣть издали. Разговоръ его былъ столько же любопытенъ, какъ привлекателенъ, и онъ украшалъ его откровенною и непринужденною веселостію, видомъ добродушія, предоставляющія каждому свободу и удовольствіе. Къ общественнымъ качествамъ своимъ присоединялъ прекрасное тѣлосложеніе. Имѣлъ, подобно какъ *Платонъ*, видную и благородную осанку; широкія плеча возвѣщали о его силѣ; имѣлъ чело возвышенное и величавое, и заставлялъ примѣчать себя важностію своихъ поступковъ. Сверхъ того имѣлъ даръ, у старыхъ людей рѣдко бывающій, наблюдать опрятное попеченіе о самомъ себѣ, чрезвычайную чистоту и опрятность въ одеждѣ: знакъ уваженія и почтительности его къ себѣ подобнымъ.

Правительство назначило Г. *Тотта* Инспекторомъ всѣхъ Французскихъ Конторъ, учрежденныхъ на берегахъ Восточныхъ и въ Барбаріи, а по сему и приказано вооружить фрегатъ въ Тулонскомъ Портѣ для отвозу его въ назначенное ему мѣсто. Я получилъ повелѣніе вступить на сіе военное судно и послѣдовать назначенію онаго; но судьба моя по томъ перемѣнилась, и я, оставя Г. *Тотта* въ *Александріи*, поѣхалъ путешествовать по Египту. Отправился изъ *Монбарда*, получилъ отъ *Бюфона* обѣты и облобызанія, которыя почелъ благо-

словенїемъ духа цѣломудрїя. Почта скоро предоставила меня въ *Марсель*; гдѣ и пробылъ нѣсколько часовъ.

Одинъ частной человѣкъ вздумалъ разрыть пригорокъ въ окрестностяхъ *Сїотата* до самаго моря, коего воды большими впадинами далеко простирались во внутрь земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега. Онъ утверждалъ, якобы оныя подземныя впадины содержатъ великое множество корала, коего не трудная добыча должна чрезвычайно пріумножить вѣтвь сего рода торговли и обогатить своего изобрѣтателя. Многїе объ ономъ письменные проэкты были представлены ко Двору въ *Версалїю*, для испрошенїя ободренїя и помощи. Министръ внутреннихъ дѣлъ совѣповалъ съ *Бюфономъ*, который вручилъ мнѣ всѣ бумаги, дабы собрать подлежащїя свѣденїя и узнать подробности на мѣстѣ; но, по пріѣздѣ моемъ въ *Сїотатъ*, оное предпріятїе было уже въ забвенїи, начатыя работы оставлены и помышленїе о нихъ изчезло.

Мнѣ разсказывали въ *Сїотатѣ* объ одной странной церемонїи, тамъ бываемой всякой годъ въ первыхъ числахъ мѣсяца *Нивоза* (*). Большое число людей, вооруженныхъ саблями и пистолетами, собирается для отысканїя маленькой птички, древними *Троглодитъ* называемой, имя, подъ которымъ *Гено де Монбелїаръ* озна-

(*) *Нивозъ* начинается 10 Декабря, а кончится 9 Января по нашему изчисленію.

чаетъ ее въ Естественной Исторіи птицъ (*). Когда оную находятъ, что не очень трудно, потому что таковая у нихъ всегда въ запасѣ приготовлена, привязываютъ ее на средину шеста, которой два человѣка положа на плеча, какъ будто тяжелое бремя, носятъ по всему городу. Сей чудной ходъ, или процессія, оканчивается взвѣшеніемъ птицы на большихъ вѣсахъ, а по томъ пиршествомъ и увеселеніями. Названіе *Троглодита* столько же странно, какъ и родъ празднества, къ коему оное подало поводъ. Тамъ называютъ его *Пютуа* (**), или отцомъ *Бекаса*, въ разсужденіи его цвѣта, сходствующаго съ перьями *Бекаса*; котораго полагаютъ произходящимъ и рожденнымъ отъ *Пютуа*, или Харька, великаго истребителя птицъ; но отъ котораго ни одна не раждается.

На возвратномъ пути въ *Марсель* остановился я въ *Кассисѣ*, гдѣ заведены двѣ фабрики, на которыхъ работаютъ и шлифуютъ коралъ, коего большая часть отправляется на Африканскіе берега, и тамъ бываетъ промѣнена на людей. Виноградники, сей городокъ окружающіе, предоставляютъ бѣлое вино, которое довольно прославляется.

Въ *Марсели* было извѣстно, что вооружаемой въ *Тулонѣ* фрегатъ скоро въ готовности быть не можетъ. По сей причинѣ разсудилъ я между тѣмъ съѣздить въ *Лангедокъ*, и въ

(*) Motacilla Troglodites. Linn. syst. Natur. изданіе 13. *Крапивникъ*.

(**) *Хорекъ*, звѣрь.

препровожденїи Секретаря Господина *Тотта* отправился сухимъ путемъ въ городъ *Цетъ*, коего славной *Вернетъ* изобразилъ на картинѣ прекрасной видъ. Въ нѣкоторыхъ около города прогулкахъ собралъ я волканическихъ веществъ, а вдоль береговъ нѣсколько раковинъ и другихъ морскихъ произведенїй. Былъ не мало удивленъ видѣть на самомъ даже берегу моря и въ сырой травѣ удивительной родъ жука, рѣдкой въ Сѣверной часши Франціи, и коего украсимъ наименованїемъ *Фалангиста* (*), по удостовѣренїю, якобы длинныя ости латъ его, или крыльевъ, похожи на пики, коими были вооружены воины фаланги Македонской. Вотъ, что послѣдователи порядка въ Исторіи Натуральной называютъ простыми названїями. Какъ можно назвать *простымъ* такое имя, для вразумѣнїя коего должно имѣть вѣрное свѣденїе о древности! *Линней* означилъ сего же насѣкомаго подъ *названїемъ* великана *Тифея*, безъ сомнѣнїя не заключающаго также въ себѣ ничего простонароднаго, и которое кажется не совсѣмъ прилично жуку въ четверть вершка длины, коего свойство, есть, прятаться подъ калъ скотины.

Тѣ, которые занимаются собранїями рѣдкостей, до Исторіи Естественной принадлежащихъ, извѣстны, какъ трудно сохранять природной цвѣтъ на рыбахъ. Извлеченныя изъ

(*) *Жоффруа*, Сокращен. Исторія насѣкомыхъ, въ окрестностяхъ Парижа находившихся. Часть I, страница 72, таб. 5, фигура 3.

жидкости, въ которой обитаютъ, лишенныя влажности, безъ которой обойтися не могутъ, скоро теряютъ съ жизнію блескъ и отцвѣтокъ чешуи своей: блѣдная кожа ихъ обращается въ темную и багровую краску, и въ кабинетахъ нашихъ не имѣютъ уже онѣ той жизненной наружности, которая кажется будто бы еще оживляетъ другихъ животныхъ. Всевозможное совершенство, до котораго достичь было можно въ ономъ искуствѣ, видѣлъ я у Г. *Борїеса*, Медицины Доктора, въ *Цетѣ*. Онъ прилѣжалъ и занимался Исторїею и пргуготовленїемъ рыбъ. Собранные имъ въ ономъ родѣ образцы сохранили хотя не блескъ, но по крайней мѣрѣ часть красоты живой Природы. Сей Испытатель Естества не хотѣлъ мнѣ открыть тайны способа сбереженїя своего; однакожъ обѣщалъ сообщить *Бюфону* на нѣкоторыхъ условїяхъ. Неизвѣстно мнѣ, что воспослѣдовало отъ переписки, которую старался я учредить между ими.

Мы посѣтили состоящїя съ одной стороны *Баларукскїя* цѣлительныя теплицы, а съ другой *Фронтиньянскїе* виноградники, которые производятъ топъ крѣпкой и благовонной напитокъ, коего чрезмѣрное употребленїе не рѣдко отправляло людей на теплыя воды.

Наконецъ настояло время возвратиться къ берегамъ *Прованса*, и мы рѣшились ѣхать туда моремъ. Договорились цѣною за проѣздъ со Шкиперомъ одной стоявшей въ *Цетскомъ* Портѣ тартаны. Ожидали въ трактирѣ назначеннаго къ отъѣзду часа, какъ запыхавшїйся Шкиперъ прибѣжалъ и объявилъ намъ, что Г. Коммен-

дантъ города требуетъ, чтобъ мы къ нему явились, гдѣ другія на сей же тартанѣ отъѣзжающія особы уже находились. Онъ предупредилъ и сказалъ мнѣ, что Г. Комендантъ чрезвычайно гнѣвенъ, а особливо на меня за то, что, будучи Офицеръ, отъѣзжалъ я изъ *Цета* безъ его соизволенія. Хотя и могъ я освободиться отъ исполненія столь страннаго приказанія, однакожъ пошли къ Коменданту. Онъ былъ инвалидной Офицеръ и назывался *Керелль* (*). Какъ скоро меня увидѣлъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: *Удивляюся, государь мой! что вы меня не посѣтили; я пригласилъ бы васъ къ моему обѣду. — Милостивый государь! отвѣчалъ я; вы можете великодушно извинить иностраннаго путешественника, Офицера, не привязаннаго къ сухопутной службѣ, что не вѣдалъ о вашемъ существованіи, сколь оно не есть важное, и обѣды совсѣмъ не въ числѣ предметовъ моихъ изысканій. — Сего довольно, государь мой!* сказалъ нѣсколько смущенный Г. *Керелль; вы можете ѣхать, когда вамъ угодно; что касается до сего народа*, продолжалъ онъ съ величавымъ видомъ, показывая на предстоящихъ путешествія сотоварищей моихъ, *онъ можетъ итти; мнѣ до него нѣтъ дѣла.* Мы пошли, и смѣялись отъ добраго сердца сему приключенію, коего подобіе съ именемъ Коменданта столько было поразительно.

(*) *Керелль.* Оное слово, переведенное на Россійской языкъ, значитъ *ссора, брань, брюзгливость.*

Возсталъ вѣтеръ, взволновалось море, небо покрыто было тучами, все предвѣщало приближеніе и наступленіе дурной погоды. Хозяинъ судна не очень спѣшилъ отъѣздомъ; однакожъ снизшелъ на наши прозьбы, и, поднявъ паруса, оставилъ прочіе шарпаны, которымъ слѣдовало съ нами сопутствовать. Ночь была бурная, и сильная зыбь чрезвычайно колебала небольшое наше судно. Всякому извѣстно, сколь сія часть Средиземнаго моря, въ которую впадаетъ *Ронъ*, опасна мореплаванію. Отъ сего и наименована *заливомъ Ліонскимъ* (Львинымъ моремъ) (*), яко бывшая, такъ сказать, жестокая и страшная по причинѣ штурмовъ и нерѣдко бываемыхъ здѣсь кораблекрушеній, а не по названію города *Ліона*, какъ обыкновенно думаютъ: ибо оной отъ сихъ водъ въ весьма дальномъ разстояніи. Мы претерпѣли нѣсколько часовъ безпокойствія, и не бывъ подвержены никакому нещастію, взошли въ *Марсельскую* гавань, откуда, ни мало не мѣшкавъ, отправились въ *Тулонъ*.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Отъѣздъ изъ Тулона. — Пристанище. — Берега Корсики. — Генуа. — Опера. — Островъ Эльба и прикосновенные къ оному острова. — Возставшая буря. — Прибытіе въ Палерму.

26 Апрѣля 1777 года, въ десять часовъ вечера, *Аѳталанта*, прекраснѣйшій всего Французскаго флота фрегатъ, отправился въ море

(*) *Ліонъ* значитъ *левъ*.

изъ Тулонской гавани. Г. *Дюрфортъ* командовалъ онымъ, и на немъ находились тридцать двѣ пушки и около трехъ сотъ человѣкъ военныхъ и морскихъ служителей. Нѣкоторыя Особы изъ *Версалiи*, Г. *Тессе* съ супругою, Г. *Даiенъ*, Г. *Меунгъ*, получили позволенiе на ономъ ѣхать, и ихъ должно было завозить въ *Палерму*, *Мальту* и *Сиракузу*. Сiи люди были изъ числа тѣхъ, которыхъ напредъ сего называли *большими Боярами*; но они, сложа съ себя Придворную гордость, содѣлались людьми весьма прiятными. Госпожа *Тессе*, благоразумнѣйшая сего времени женщина, управляла сею небольшою колонiею Придворныхъ, и вѣжливость, прiятное и откровенное обхожденiе начальника, выборъ Офицеровъ, составили изъ соединенiя людей на *Атталантѣ* любезнѣйшее общество, такое, какого на морѣ вообразить было не возможно. Г. *Тотъ* имѣлъ при себѣ Кавалерiйскаго Офицера и одного Шателетскаго Совѣтника, странное собранiе и достойное своего изобрѣтателя. Гражданинъ *Вантюръ*, ученый Переводчикъ Восточныхъ языковъ, бывшiй по томъ при Египетской армiи, находился и при ономъ отправленiи. Трудно было помѣстить столь великое число людей. По сей причинѣ принуждены снять съ кормы четыре заднiя пушки, чтобъ надѣлать каюты въ комнатѣ, а пороховая верхняя камера такъ была загромощена наставленными кроватями, что въ ней поворотиться не было способа.

Мы выѣхали при благополучной погодѣ, которая не долго продолжалась. Вѣтеръ скоро повернулся въ противную сторону и со стре-

мленїемъ началъ дуть съ Востока. Небо, покрытое густыми облаками, проливало безпрестанной дождь. На другой день около корабля летали птицы. Въ числѣ оныхъ запримѣтилъ я горлицъ, небольшихъ куличковъ съ цвѣтною на шеѣ полоскою и одинъ *Блонжїосъ*. Многїя садились на корабельную оснасѣку, и они столь были утомлены и оглушены бурею, что мы поймали руками нѣсколько куличковъ (*) и родъ птицы *Крабїе*, извѣстной подъ названїемъ *Блонжїоса* (**).

Стараясь тщетно подняться подъ направленїе береговаго вѣтра, плыли во всѣ стороны, наконецъ принуждены искать пристанища, и бросили якорь въ два часа по полуночи, на другой день нашего отъѣзда, на рейдѣ *Девинїетъ* въ заливѣ Тулонскомъ. Берегъ, къ коему присталъ фрегатъ, высокъ; весьма различное онаго хлѣбопашество, *бастиды* (***), разсѣянныя одна отъ другой не въ дальномъ разстоянїи, веселой его видъ, прїятно противообразятъ позади лежащимъ безплоднымъ и сѣрова-

---

(*) *Бюфонъ*, Истор. Естес. о птицахъ, разкрашен. фигур. таб. 921. *Линней* Aharadrius hiaticula, чернозобой зуекъ, ржанка, желтоносой куликъ.

(**) *Бюфонъ*, Разкрашен. фигур. таб. 328. *Линней* Ardea minuta, Чапура, цапля.

(***) Загородные домики у достаточныхъ людей, близъ городовъ построенные; оныя *бастиды* больше извѣстны въ Полуденныхъ Провинціяхъ, особливо въ Провансѣ.

тымъ пригоркамъ, составляющимъ основанїе прелестной сей картины. Совсѣмъ тѣмъ, на склоненїи оныхъ горъ пасутся славные и вкусные бараны окрестностей Тулонскихъ, и питаются сочными и душистыми травами. Земляника, тамъ растущая въ великомъ множествѣ, имѣетъ пріятной запахъ, и столь вкусна, что я въ жизнь мою подобной нигдѣ не ѣдалъ.

Охота, которую не могли мы далеко распространить отъ корабля своего, предоставила намъ нѣсколько перепеловъ, возвратившихся уже съ зимняго жилища своего. Видѣли хохлатыхъ куличковъ. Мнѣ удалось застрѣлить желтую стрясогуску (*) и одну небольшую птичку, прежде *Бюфона* никѣмъ еще не описанную, и которую онъ назвалъ *Гавуе* отъ имени *Шикъ Гавоттъ*, подъ которымъ она извѣстна въ Провансѣ, гдѣ также ее называютъ *Шикъ Мусташъ*, по поводу черныхъ полосъ, у ней около носа бывающихъ (**). Сїи послѣднїя птички летали парами по кустарникамъ и по пашнямъ, около баштидъ лежащимъ; они совсѣмъ не дики и полетъ ихъ коротокъ, не очень высокъ и много сходенъ съ воробьинымъ.

Восточный вѣтеръ былъ стремительный; погода становилась бурная, и мы опустили второй якорь. Пробыли въ ономъ положенїи до

(*) *Бюфонъ*, разкращен. птиц. таб. 28. Фигур. 1. *Линней*; Motacilla baarula.

(**) *Бюфонъ*, разкрашен. птиц. таб. 626. Фигур. 1. *Линней*; Emberisa provincialis. *Поддорожникъ*.

втораго Мая, и тогда вѣтеръ, сдѣлавъ поворотъ отъ Сѣверо-Запада, позволилъ намъ вступить подъ парусы.

3 Числа на разсвѣтѣ островъ *Корсика* былъ отъ насъ въ шести или семи миляхъ, и мы въ продолженіе пути могли разсмотрѣть берега его. Лежащіе между мысами *Кальви* и *Корсомъ* самые Сѣвернѣйшіе сего острова состоятъ изъ высокихъ горъ, повидимому неплодоносныхъ и составленныхъ изъ скалъ съ большими проломами. Горы мыса *Кальвіа*, кои защищаютъ пространную и безопасную гавань, суть выше всѣхъ, въ сей странѣ острова лежащихъ; вершина ихъ была покрыта снѣгомъ. Видѣли также въ заливѣ между мысами *Корсъ* и *Кальвіемъ* рыжій островъ (Изола Росса), не большой и низкой островъ, защищающій отъ Западныхъ вѣтровъ глубокую и важную гавань.

Усмотрѣли многихъ *Марсуиновъ*, или *Суфлеровъ* (*), по поверхности воды плавающихъ, предвѣщаніе почти неминуемое дурной погоды. Дѣйствительно не возможно было намъ ни приближиться къ *Корсикѣ*, ни продолжать дороги; вѣтеръ сдѣлался вдругъ противнымъ и къ бурѣ склонной; по сей причинѣ и рѣшились пристать къ *Генуѣ*, куда и прибыли 4 числа, въ десять часовъ по полуночи.

Никто конечно не ожидаетъ, чтобъ сталъ я описывать городъ *Геную*. Онъ столько уже извѣстенъ, а особливо съ послѣднихъ сихъ вре-

---

(*) *Линней*: Delphinus phocenae, *Ворванъ*, морская свинья, рыба роду кита.

менѣ, что я могу умолчать о немъ. Только разскажу одно небольшое произшествїе, въ которомъ были мы главными дѣйствующими, хотя по наружности не весьма важное, но доставляетъ примѣръ нрава народовъ, а по сему и достойно быть помѣщено въ повѣствованїи путешественника.

На Генуезскомъ Театрѣ двѣ танцовщицы занимали первое мѣсто въ балетахъ; обѣ получили въ удѣлъ красоту и молодость; обѣ были одарены равною легкостїю; но *Граціи* сопровождали тѣлодвиженїя и шаги одной, а танцы и скачки другой единственно являли одни опыты силы, больше удивительные своимъ проворствомъ. Сїя послѣдняя на себя обращала всѣхъ вниманїе и общее рукоплесканїе; но первая едва удостоена была равнодушїемъ. Свойственно Французамъ дать понятїе о хорошемъ вкусѣ; имъ принадлежало отмстить за презрѣнныхъ Грацій. Мы условясь и положа между собою нѣкоторыя мѣры, въ первое представленїе Офицеры и пассажиры заняли разныя мѣста въ Театрѣ. Какъ скоро нами защищаемая Акциса явилась на сцену, то и принята нами съ восторгомъ и довольно яснымъ возклицанїемъ. Нѣсколько Генуезцовъ пристали къ намъ; но крики, хлопанїе въ ладоши, стукъ тростей большой части зрителей, не взирая на наше негодованїе, утвердили побѣду другой танцовщицы. Подобная неудача насъ ни мало не разстроила. На другой день, собравъ новыя силы, употребили всѣ способы произвесть какъ можно больше шуму. Сопротивники наши намъ ни въ чемъ не уступали; но какъ мы разсѣ-

яны были по разнымъ частямъ залы, но и привлекали всегда на свою сторону новыхъ согласниковъ. Таковое противуборствованіе возбудило вниманіе Сената, возпослѣдовалъ Указъ не возмущать Театральнаго представленія. Мы онаго не возмущали; но какъ скоро начинался балетъ, сумятица возставала больше прежняго. Постановлены стражи по всему партерру: мы ими не уважали. Наконецъ послѣ пяти или шести представленій, въ продолженіе коихъ сопротивленіе послѣдовательно уменьшалось, имѣли мы удовольствіе видѣть мнѣніе наше вообще принятымъ. Актриса, которая до пріѣзда нашего заслуживала всеобщія рукоплесканія, оныхъ лишилась, и они были обращены къ нашей защищенной. Будучи довольны симъ торжествомъ, сдѣлали празднество на своемъ фрегатѣ въ честь обѣихъ танцовщицъ. Та, которой разстроили мы успѣхи, весьма вѣжливо приняла наше приглашеніе, и мы употребили всѣ способы извлечь изъ ея памяти небольшое злоключеніе, коему мы были причиною.

На ономъ же Театрѣ видѣлъ я въ первый разъ сіи посрамленныя существа, имѣющія только видъ человѣка. Принесенныя въ жертву корыстолюбію пріятнѣйшаго искуства, пріобрѣтаютъ они, со вредомъ собственнаго бытія своего, ясный и сладкогласный голосъ; но не свойственный Природѣ, потому что онъ не есть мужеской, ни женской. Ни одно Государство въ Европѣ не осквернило себя подобнымъ преступленіемъ, неизвѣстнымъ никакимъ народамъ, но предоставленнымъ Попамъ, по ту сторону

Алпійскихъ горъ живущимъ, тѣмъ, которые мещутъ проклятіе за всё и на всѣхъ; но не страшатся составлять хоры, назначенные прославлять величество Божества и наполнять храмы согласными голосами нещастныхъ жертвъ, коихъ, изъ варварскаго мудрованія, изключили они изъ числа человѣковъ; но, чему трудно повѣрить, есть то, что сія мысль изувѣченія возпріяла свое начало въ женской головѣ. Славная въ древности Королева, *Семирамида*, сокровищами, могуществомъ, побѣдами и блескомъ царствованія своего, превознесенная свыше прочихъ смертныхъ, *Семирамида* первая подала примѣръ безчеловѣчія, помрачающаго ея жизнь и дѣянія.

Пашероттн, котораго не за-долго предъ симъ временемъ *Бридонъ* видѣлъ на Палермскомъ Театрѣ, и коего превозноситъ таланты, находился тогда въ *генуѣ*. Какъ не велики похвалы, приписуемыя Англинскимъ путешественникомъ сему пѣвцу, но я нашелъ его гораздо ниже славы своей. Правда, что хотя голосъ его и наполненъ пріятствомъ, но игра безъ чувствованія и рѣчь безъ жару; надлежало его слышать, но не смотрѣть на него. Хотя онъ еще былъ молодъ и строенъ, но поступки и ухватки его имѣли въ себѣ нѣчто робкое, принужденное, что совсѣмъ безобразило его пѣніе. Впрочемъ исполнялъ онъ все, что имѣли право отъ него требовать. Дѣйствительно, сила дѣйствія и выраженія была несонравственна изуродованному его положенію.

Будучи одержимы противными вѣтрами въ Генуезской гавани цѣлые десять дней, нако-

нецъ 15 Мая, въ шесть часовъ по утру, отправились въ путь, и съ помощію сильнаго Сѣверо-Восточнаго вѣтра скоро удалились отъ высокихъ и прелестныхъ береговъ сей прекрасной часши Италіи. Позади насъ приморскія Алпійскія горы представлялись въ видѣ безпредѣльнаго амфитеатра, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. Высокія горы, лежащія вдоль залива *Ласпеція*, слово, Французскими мореходцами произносимое *Еслеси*, представлялись глазамъ нашимъ; вершина ихъ была покрыта снѣгомъ, и оныя показались мнѣ неплодоносными и составленными изъ каменистыхъ скалъ, разрѣзанныхъ въ утесъ. Изъ оныхъ горъ большою частію получается всякаго рода прекрасной мраморъ, привозимый изъ Италіи. Мы оставили въ лѣвой сторонѣ островъ *Горгону*, состоящій подъ владѣніемъ Герцога Тосканскаго. Оной не весьма пространенъ, фигуры нѣсколько кругловатой, и по горамъ своимъ издалека примѣтенъ; оныя горы съ береговыми показались мнѣ одного свойства. Мы плыли потомъ между мысомъ *Корсомъ* и *Капраріею*, небольшой островъ, простонародно называемый *Кабреръ*, владѣнія Республики Генуэзской. Оный составленъ изъ почти безплодной каменной горы, на которой однакожъ есть селенія, которыя снабжаютъ корабли хорошими матросами.

14. Вѣтеръ пересталъ намъ благопріятствовать; по сей причинѣ и принуждены продолжать поперечное плаваніе между *Корсикою* и островомъ *Эльбою*, изъ числа владѣній Короля Неаполитанскаго. Островъ сей имѣетъ двѣ хорошія гавани, и на немъ произходитъ мрамор-

ная ломка, но особливо прославляется желѣзными рудниками и своими горнами, на которыхъ работаютъ сей минераллъ, слѣдуя способу, описанному Артиллеріи Капитаномъ *Тронсонъ дю Кудре*. Способъ оной хозяйственнѣе, скоротечнѣе и гораздо выгоднѣе посредства высокихъ печей, въ прочихъ мѣстахъ въ Европѣ на заводахъ вообще употребляемыхъ, и оной предоставляетъ желѣзо, не уступающее добротою лучшему Шведскому, мягкостію и твердостію, и гораздо больше, чѣмъ онаго выходитъ изъ обыкновенныхъ горновъ, не требуя излишнихъ издержекъ. Желѣзные и магнитные рудники, на островѣ *Эльбѣ* находящіеся, дѣлаютъ мореходцамъ приближеніе къ нему весьма примѣтнымъ перемѣнами, коимъ компасъ бываетъ тогда подверженъ.

Часть береговъ *Корсики*, лежащая между мысомъ *Корсомъ* и *Бастію*, одного свойства съ противнымъ ей берегомъ, о которомъ уже упоминалъ, то есть, состоявлена изъ крутыхъ горъ, въ числѣ которыхъ самыя возвышенныя были тогда покрыты снѣгомъ. Городъ *Бастія* изображалъ намъ пріятную наружность, построенъ на склоненіе пригорка; гавань онаго военныхъ кораблей помѣщать не можетъ, но для малыхъ судовъ чрезвычайно удобна.

Около полудня возсталъ попутный вѣтеръ, и мы прошли близъ *Монте-Кристо*, необитаемой и безплодной скалы, лежащей къ Югу и въ недальномъ разстояніи отъ острова *Эльбы*, отъ котораго кажется она отдѣлена какимъ либо сильнымъ потрясеніемъ, въ здѣшнихъ водахъ не рѣдко бывшимъ. Черта,

соединяющая сїи оба острова, и поднесь явственна, и я увѣренъ, что *Планоза* (*Планузъ*, или *плоскїй островъ*), камень почти наровнѣ съ водою, между ими находящеюся, нѣкогда сосшавлялъ часть оныхъ. Мнѣ сказывали, что сей послѣдній камень служитъ убѣжищемъ великому множеству *фоковъ* (*) и *гоенландовъ* (**).

Мы увидѣли позади корабля стадо *петрелъ*, мореплавателямъ извѣстныхъ подъ названїемъ бурныхъ птицъ (***). Когда онѣ къ намъ прилетали въ три часа по полудни, время было прекрасное, вѣтеръ дулъ съ Юго-Востока, море почти не колыхалось; но въ семь часовъ съ сильнымъ стремленїемъ вѣтеръ перешелъ на Юго-Западъ, небо покрылось тучами и предвѣщало непогоду, ночь была претемная и часто повторяемыя молнїи усугубляли ужасъ оной; море страшно взволновалось, и мы наконецъ были принуждены плыть во всю ночь подъ нижними парусами. Сїя незапно возставшая буря продолжалась до полудня 15 числа. Мы находились тогда поперегъ устья *Вонифатїя*, или залива, отдѣляющаго островъ *Корсику* отъ *Сардинїи*, въ двенадцати или пятнадцати ми-

---

(*) Phoca, Тюлень, нерпа, животное, на землѣ и въ водѣ живущее.

(**) Larus. Итальянцы ее называютъ oca-marino-crocalo. Водяная птица, хохотунъ, большой рыболовъ.

(***) Бурная птица. *Бюфонъ* Истор. Естествен. о птицахъ, разкраш. фигур. No 993. *Линней* Procellaria pelagica.

ляхъ отъ береговъ твердой земли. Рѣдко можно плыть въ здѣшнихъ странахъ, не бывъ подвержену непогодѣ. Море, отшибаемое совсѣмъ въ противную сторону большимъ пространствомъ береговъ и безчисленными подводными камнями, колеблемое вѣтрами, коихъ многіе проливы часто перемѣняютъ склоненіе, обыкновенно бываетъ здѣсь бурное и неспокойное. Во время утренней непогоды горлицы и перепелки, думая сыскать на кораблѣ защиту отъ бури, на оной прилетали; но сіе негостепріимчивое убѣжище не избавило отъ смерти сихъ нещастныхъ путешественницъ. Всѣ они допускали брать себя руками, будучи столько утомлены и изпуганы родомъ смятенія стихіи, посреди коего находились. Я запримѣтилъ, что горлицы прилетали парами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля съ одной стороны многочисленныя стада морскихъ свиней покрывали воды, а съ другой большая черепаха тягостію своею обременяла поверхность оныхъ.

16 Паки претерпѣли незапную бурю, отъ Запада-Юго-Запада возставшую, но не столь сильную, какъ первая; а 17 увидѣли *Устику*, островъ, зависящій отъ Сициліи. Оной имѣетъ не болѣе четырехъ миль окружности, и кажется обработанным. Сіе мѣсто было пристанищемъ въ оныхъ водахъ грабящихъ морскихъ разбойниковъ, не взирая, что Король Неаполскій, дабы удалить ихъ оттуда, года съ четыре тому назадъ рѣшился построить на оном изрядную крѣпость. Мы имѣли также предъ собою въ виду возвышенные берега мыса

Сентъ-Витто въ Сицилїи, и въ десять часовъ ввечеру опустили якорь у входа въ Палермскую гавань.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Морскія почести. — Аглинскіе путешественники. — Палерма и онаго города окрестности.

Дѣло было немаловажное условиться, какимъ образомъ военные корабли обязаны салютовать и быть салютуемы въ Портахъ иностранныхъ Державъ. Всякой Комменданть имѣлъ на сей случай особенныя предписанїя, и естьли приказано имъ наблюдать славу флага своего въ сраженїяхъ, то не меньше того строго повелѣно не обезчестить онаго въ обрядѣ отдаваемыхъ ими почестей, или тѣхъ, которыхъ они имѣютъ право требовать. Сей тщеславный церемонїалъ не рѣдко бывалъ источникомъ важныхъ раздоровъ, могущихъ поколебать спокойствїе народовъ. Начальники, привыкшїе заниматься вздорами, дѣлали изъ сихъ подробностей свое важнѣйшее упражненїе. Въ числѣ подобныхъ бывали въ *Смирнѣ*, Восточной гавани, больше всѣхъ посѣщаемой Европейскими судами, таковые, которые выдумывали способъ исключительно присвоить себѣ пушечные выстрѣлы, коими всѣ купеческїя суда обязаны почтить военные корабли, какой бы не были нацїи, при входѣ въ гавань, и спѣшили отвѣчать за таковую оказываемую честь даже

прежде окончанїя оной, страшась, чтобъ корабли другихъ Державъ не приняли ее на щетъ свой. Какъ будто бы слава оружїя могла состоять въ вещахъ, столь маловажныхъ, единственно способныхъ наполнять однѣ пустыя головы и совсѣмъ непристойныхъ военнымъ людямъ, искуству и храбрости коихъ препоручены крѣпости, назначенныя наносить чрезъ пространство волнъ страхъ непрїятелямъ отечества и покровительствовать торговлѣ, потому что сїе простое упущенїе уваженїя, которое отъ обиды совершенно отличить должно, больше унижаетъ виновника онаго, нежели имѣющаго право требовать сей почести. Я думаю, что многїе помнятъ, съ какимъ хладнокровнымъ равнодушїемъ одинъ Голландской начальникъ въ Индѣйскихъ моряхъ отвѣчалъ *Бугенвилю*, которой велѣлъ его спросить, что естьли корабль его будетъ салютовать Голландскую крѣпость: то какимъ образомъ будетъ ему отвѣтствовано на сїю почесть? *Когда снимаю я предъ кѣмъ шляпу*, отвѣчалъ иностранецъ: *то съ моей стороны исполняю вѣжливость, которую оказать ему почитаю себя обязаннымъ; но не справляюсь напередъ, возвратитъ ли онъ мнѣ поклонъ мой и сниметъ ли свою!*

Но какъ то ни есть, мы были принуждены повиноваться обряду, и какъ скоро *Атталанта* стала на якорѣ въ Палермскомъ Портѣ, то и отправленъ Офицеръ къ Сицилїйскому Вицерою съ поздравленїемъ, и дабы рѣшить съ нимъ важный вопросъ о *салютацїяхъ*. Было постановлено, что фрегатъ долженъ сдѣлать пятнадцать выстрѣловъ и что цитадель обязана

отвѣчать толикимъ же числомъ. По сему условію салютовали мы крѣпость; но ожидали болѣе двухъ часовъ, не получая никакого на оборотъ отвѣта. Впрочемъ не могли мы негодовать, или досадовать за таковое странное замедленіе: ибо имѣли въ виду трудившихся безъ отдыха канонеровъ, которые старались всѣми силами приподнять нѣсколько до половины въ землю зарытыхъ пушекъ, и постановляли ихъ на деревянные обрубки вмѣсто лафетовъ, дабы сдѣлать ихъ къ стрѣльбѣ способными. Таковое было тогда положеніе артиллеріи Сицилїанской. Варварійскіе разбойники, будучи объ ономъ извѣстны, умѣли употреблять таковую оплошность въ свою пользу: ибо пріѣзжали въ самую гавань и уводили корабли изъ оной.

Вицерой прислалъ своего Офицера поздравить насъ съ пріѣздомъ, и пригласить на *Конверзаціоне*: симъ именемъ называются бесѣды, собранія, бываемыя въ знатныхъ домахъ Италіи.

Мы пробыли въ Палермѣ три дня. Я употребилъ ихъ на скорое обозрѣніе того, что могло обратить любопытство какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ онаго, уже извѣстныхъ какъ по разнымъ описаніямъ, такъ и прекраснымъ рисованнымъ видамъ. Равномѣрно также скоро опишу все, что столь краткое пребываніе позволило мнѣ запримѣтить.

Гавань полукругловатая, лучшая и безопаснѣйшая въ здѣшнихъ водахъ, защищена крѣпостію, коей артиллерія, какъ уже выше упомянулъ, ничего страшнаго не заключаетъ. Городъ, предмѣстія и гульбища, около лежащія,

представляютъ амфитеатръ, сколько пріятный, столько и разнообразный. Хребетъ пустыхъ и безплодныхъ горъ возвышается позади города и дѣлаетъ положеніе его больше изобразительнымъ. Онъ окруженъ четверыми прекрасными воротами; двѣ улицы, къ онымъ прикосновенныя съ концовъ, и пересѣкая одна другую почти въ срединѣ, составляютъ небольшую площадь, *Оттанголо* называемую, съ которой видны всѣ четверо воротъ. Оныя улицы размѣряны по прямой линіи, широки, хорошо выстроены и намощены большими камнями. Ввечеру на самой длинной и главной изъ сихъ двухъ улицъ великое множество освѣщенныхъ лавокъ и кофейныхъ домовъ, большое число проѣзжающихъ каретъ съ зазженными фонарями, и толпа пѣшеходцевъ, другъ предъ другомъ спѣшившихъ, приводятъ на память великолѣпіе и шумъ улицы Св. Гонорея, въ Парижѣ. Сицилїанцы, свыше степени рабочаго человѣка, иначе не ѣздятъ, какъ въ каретахъ. Здѣсь достаточной человѣкъ почитаетъ за стыдъ употреблять свои ноги. Число каретъ чрезвычайно велико, такъ что чужестранные и пріѣзжающіе могутъ нанять довольно хорошую за семь или восемь франковъ въ сутки. Всякой здѣсь носитъ шпагу: сапожникъ съ кожанымъ своимъ фартукомъ и замаслянымъ камзоломъ; парикмахеръ съ запудреннымъ кафтаномъ и пудрянымъ мѣшкомъ; однимъ словомъ, всякой ремесленникъ, выходя изъ дому въ обыкновенномъ нарядѣ ремесла своего, имѣетъ на боку привѣшенную длинную Криспинову шпагу, голову покрытую проспраннымъ и старымъ парикомъ, и не рѣдко на носу очки.

Тѣ, которые читали *Бридоновы* путешествія въ Сицилію и Мальту, извѣстны, что онъ забавлялся и шутилъ на щетъ одной Француженки, содержательницы здѣсь трактира, которой одинъ и есть во всемъ Палермѣ для пріѣзжающихъ чужестранцовъ. Онъ наполнилъ половину главы книги своей на описаніе, или лучше сказать на посмѣяніе болтанія и тщеславія сей женщины, и по сему поводу распространилъ свою сатиру вообще на всѣхъ Француженокъ, что конечно не справедливо и не очень вѣжливо. Но ихъ пріятности и любезность, которымъ всѣ единогласно воздаютъ достойную похвалу, не могутъ быть попрачены досадою прогнѣваннаго Англичанина. Впрочемъ, кромѣ *Бридона*, многіе другіе Англинскіе путешественники поставляли себѣ удовольствіемъ злословить нашу націю, а въ глазахъ человѣка безпристрастнаго сей духъ ревнованія и надмѣнности столько же презрителенъ и посмѣянія достоинъ, какъ и высокое о себѣ мечтаніе госпожи *Монтанье* (такъ называлась трактирщица). Дабы имѣть случай поговорить съ нею о *Бридонѣ*, за нѣсколько лѣтъ предъ нами бывшимъ въ Палермѣ, остался я у ней обѣдать. Она знала, что онъ писалъ на ея щетъ колкія и язвительныя глумленія; и сколько мужъ и она были обруганы въ его книгѣ; но не были ей извѣстны всѣ подробности. Я прочиталъ ей статью, до ней принадлежащую. Тогда доказала она мнѣ, что *Бридонъ* не совсѣмъ удалился отъ истинны, когда описывалъ ее великою пустомелію: ибо она была неизтощима, разсказывая мнѣ небольшія приклю-

ченїя, принудившїя ее просить Агличанина искать другой квартиры, и о сей матерїи такъ разпространила свою повѣсть, что составила изъ ней главу, столько же продолжительную, какъ та, въ которой упоминаетъ о ней Аглинской путешественникъ.

Церкви какъ въ *Палермѣ*, такъ почти и во всей Италїи, убраны съ великолѣпїемъ. Нѣкоторыя, на примѣръ церковь Езуитовъ, столько обременены убранствами и сокровищами, что даже вкусъ отъ того страдаетъ; но, сверхъ прекрасныхъ живописей, кои украшаютъ внутрь большой части сихъ зданїй, особливое удивленіе заслуживаетъ великолѣпный олтарь церкви Святыя Екатерины, сдѣланный изъ прекраснаго мрамора, и которой, по удивительной игрѣ Природы, составляетъ около престола широкую закраину, представляющую вѣтвь съ листьями. Въ Соборной церквѣ девяносто колоннъ, оную поддерживающихъ, изъ Восточнаго гранита, порфировыя гробницы и огромная дарохранительница, изъ лазурева камня сдѣланная. Священникъ, отдернувъ послѣдственно и съ большимъ таинствомъ четыре или пять завѣсокъ, показалъ мнѣ большой деревянной крестъ, увѣряя меня съ важнымъ видомъ, якобы онъ началъ Св. *Никодимомъ*, который, будучи преодолимъ сномъ во время трудовъ своихъ, къ немалому удивленїю проснувшись, увидѣлъ работу свою окончанную. Желательно только, чтобъ она была превосходнѣе!

Естьли церкви въ Палермѣ убраны великолѣпно, но за то храмъ, воздвигнутой Природѣ и Наукамъ, въ совершенно бѣдственномъ поло-

женїи. Сїе служитъ доказательствомъ, что тамъ больше набожны, нежели любопытны, и имѣютъ болѣе благоговѣнїя къ святынѣ, чѣмъ склонности къ просвѣщенїю. Здѣшняя кунсткамера, или *Музеумъ*, представляетъ безпорядочное совокупленїе разныхъ предметовъ, не заслуживающихъ ни любопытства, ни вниманїя. Собранїе животныхъ почти недостойно воззрѣнїя, и состоитъ изъ нѣсколькихъ чудовищъ, въ спиртѣ сохраняемыхъ, и шкурахъ, молью изъѣденныхъ, и коихъ остались одни ласкутья. *Аббатъ*, надзиратель сего Кабинета, объявилъ мнѣ, что Езуиты, во время изгнанїя ихъ изъ Областей Короля Неапольскаго, онаго драгоцѣннѣйшїя вещи или продали, или увезли съ собою. Однако совсѣмъ тѣмъ существуютъ и понынѣ нѣсколько любопытныхъ окаменѣлостей, и прекрасные остатки древности, съ коихъ, сказывалъ мнѣ смотритель, славный и ученый *Гамильтонъ*, Аглинской Посолъ въ Неаполѣ, снялъ рисунки и сдѣлалъ оныхъ описанїе. Здѣсь показываютъ также Анатомическїе *Препараты* мущины и женщины, отмѣнно искусно сдѣланные однимъ Сицилїйскимъ Докторомъ, которой еще въ живыхъ находился. *Фазелло*, сочинившїй Исторїю Сицилїи, и другїе Писатели, упоминали о великанахъ, которые якобы въ древнїя времена на ономъ островѣ обитали, и о ихъ оставахъ, или костяхъ, не рѣдко находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ производитъ взрытїе земли. Въ *Музеумѣ* Палермскомъ нѣтъ ничего такого, которое было бы соотвѣтственно, или бы принадлежало къ людямъ росту чрезвычайнаго. Я желалъ даже, въ разсужденїи

сего предмета, вступить въ разговоръ съ начальникомъ Кабинета; но не возможно было намъ разумѣть другъ друга по причинѣ отмѣнной разности нашего выговора Латинскаго языка, которой принужденъ я употреблять, будучи не довольно силенъ въ Италiанскомъ. Въ числѣ просвѣщенныхъ людей, съ которыми имѣлъ случай совѣтовать и которыхъ разспрашивалъ, не нашелъ я ни одного, которой бы хотя мало помнилъ, чтобъ видалъ остатки великановъ, или бы слыхалъ, чтобъ они когда нибудь существовали, гдѣ бы то ни было во всей Сицилiи.

Близъ лежащiе загородные домы суть весьма прiятны. Особливо мѣсто, *Багарiа* называемое, отстоящее на три мили отъ города, заслуживаетъ вниманiе красотою своихъ полей, разнообразiемъ пашни, плодородiемъ земли и по множеству увеселительныхъ домовъ, коими оное украшено. Дорога, къ нему ведущая, обсажена съ обѣихъ сторонъ сабуромъ и Индѣйскими фигами. Здѣсь представляется глазамъ постыдное зданiе, воздвигнутое однимъ Княземъ *Палагони* дурному вкусу; оное столько отвратительно, что даже не заслуживаетъ названiя дурачества. Пусть вообразитъ Читатель наружность Замка, отягощеннаго множествомъ каменныхъ статуй, грубо сдѣланныхъ, поставленныхъ въ безпорядкѣ и представляющихъ чудовищъ столь омерзительнаго разположенiя, что даже не достойны посмѣянiя. Внутренность въ подобномъ же вкусѣ; стѣны въ комнатахъ облеплены стеклами, разписанными наподобiе мрамора; обломки зеркалъ, отражающiе

всѣ предметы съ тысячу разныхъ сторонъ, составляютъ потолоки. Тамъ видимы большія Распятіе, пирамиды, составленныя изъ чашекъ, подносовъ, кофейниковъ и другаго роду сосуда, которой кажется никогда не долженствовалъ употребляемъ быть въ Архитектурѣ (*). Всѣ сіи вещи разположены такимъ образомъ, что они составляютъ совершенно раздражительное соединеніе. Въ церкви, на примѣръ, находится группа прекрасныхъ Ангеловъ, которые, будучи совсѣмъ наги, уподобляются живой Природѣ; посреди ихъ существуетъ большая деревянная фигура, изображающая мертваго человѣка и до половины съѣденнаго червями. По нещастію оная такъ искусно сдѣлана, что не льзя при первомъ взглядѣ не почесть ее за естественную. Мнѣ сказывали, что изъ числа женщинъ, любопытствуя посѣтить сіе обиталище грубой странности, нѣкоторыя падали въ обморокъ, а другія, будучи беременны, испытали надъ собою весьма непріятныя приключенія, взирая на сіе совершенно отвратительное изображеніе, напитавъ сперва зрѣніе съ удовольствіемъ, пріятною картиною Ангеловъ. Владѣтелю сего Замка сдѣлано на имянѣе запрещеніе, потому что онъ совершенно разоряется исполненіемъ вздорныхъ и съ разсудкомъ несообразныхъ мыслей своихъ: ибо домъ его въ городѣ, сказываютъ, убранъ въ подобномъ же вкусѣ, какъ и деревенской.

Замокъ Князя *Валгарнера* стоитъ подлѣ дому Князя *Палагонія*, но на оной ни мало

(*) Урыльники.

не походитъ. Построенїе онаго разположено въ хорошемъ вкусѣ, такожъ и убранство; его положенїе и видъ, коимъ насыщается зрѣнїе, отмѣнны; прекрасный Театръ, на которомъ Благородные люди представляютъ разныя пїэсы, великолѣпные сады, пріятные водометы, а сверхъ всего чрезвычайная вѣжливость хозяина, все содѣйствуетъ къ содѣланїю сего жилища прелестнымъ.

Избравъ свободное время, посѣтилъ я также и *Монтреалъ* (Монреалъ), небольшой городъ, построенной на вершинѣ весьма упѣсистой горы. Къ оному ѣздятъ по великолѣпной и вновь проложенной дорогѣ. На отлогистомъ покатѣ оныя сдѣланы не въ дальномъ одинъ отъ другаго разстоянїи прекрасныя водохранилища, коихъ прозрачныя и проточныя воды прохлажаютъ путешественника, а между тѣмъ по обѣимъ сторонамъ дороги построены каменныя стѣны, на которыя проходящїй облокотиться можетъ, не бывъ подверженъ ни малѣйшей опасности, свободно насыщаясь пріятнымъ благоуханїемъ цвѣтовъ померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ, въ долинѣ растущихъ. Видъ становится обширнѣе, чѣмъ далѣе ѣдешь по сей прекрасной дорогѣ, а на вершинѣ оной уже обѣемлетъ неизмѣримое пространство. Въ разныхъ мѣстахъ сей стѣны существуютъ многїя надписи, которыя по большой части суть ничто иное, какъ только одна *игра словъ*, не заключающая ничего достойнаго примѣчанїя. Пространная церковь, созданная *Вильгельмомъ Добрымъ*, составляетъ главное украшенїе *Монреаля*; вся она облѣплена мозаиками, а жертвен-

никъ изящной работы вылитъ изъ чистаго серебра.

Въ числѣ вещей достопамятныхъ, въ окрестностяхъ *Палермо* находившихся, непремѣнно представляютъ любопытности чужестранцевъ монастырь Капуциновъ, не въ дальномъ разстоянїи отъ города состоящїй, и коего прекрасные сады служатъ публичнымъ гулянїемъ. Подъ онымъ монастыремъ показываютъ пещеру или погребъ, раздѣленный на четыре большїя галлереи, въ которыя проходитъ свѣтъ чрезъ отверстїя, или окошки, сдѣланныя вверху каждаго конца. Въ оной пещерѣ сохраняются не въ тѣлѣ, но кожа и кости всѣхъ отшедшихъ съ сего свѣта Капуциновъ съ самаго созданїя онаго монастыря, такожъ и трупы нѣкоторыхъ городскихъ жителей. Есть и особливыя гробницы для пышныхъ и знатныхъ Особъ, которыя даже послѣ своего изтребленїя опасаются быть смѣшены съ прочими смертными. Увѣряютъ, якобы для несомнѣннаго сохраненїя оныхъ тѣлъ пріуготовляютъ ихъ, высушивая медлительно на умѣренномъ огнѣ такимъ образомъ, чтобъ изтреблялось одно мясо, а кожа оставалась мало вредимою. Когда они совершенно высушены, облачаютъ ихъ въ обыкновенное Капуцинское одѣянїе и поставляютъ стоящихъ на полкахъ, разположенныхъ наподобїе ступеней вдоль стѣнъ пещеры; голова, руки и ноги нагїя и ничѣмъ не покрыты. Подобное сбереженїе не есть ни мало пріятное. Изсохшая, блѣдная, похожая на кору и во многихъ мѣстахъ треснувшая кожа непосредственно приклеена къ костямъ. Легко вообра-

зить можно, судя по разнымъ кривлянїямъ сего немалаго числа изсушеныхъ фигуръ, вящще обезображенныхъ длинною бородою, колико подобное зрѣлище есть отвратительное, и кто видалъ живыхъ сего общества монаховъ, тотъ можетъ имѣть понятїе объ ономъ странномъ собранїи мертвыхъ Капуциновъ.

Но оставимъ унылое и печальное пребыванїе, въ которомъ человѣкъ тщетно старается избѣгнуть свое изтребленїе, и обратимъ взоры на прїятную и одушевленную каршину разныхъ произрастѣнїй щастливой и изобильной земли Сицилїи. Будучи нагрѣта солнечнымъ зноемъ и подземными огнями, земля не отвергаетъ почти никакого посѣва (*). Хотя покрытая прекрасною зеленью, или обогащенная изобилїемъ пашни, по которому въ древнїя времена островъ назывался *Житницею Рима*; хотя здѣсь деревья всякаго рода покрываются благовонными цвѣтами и плодами, всегда она является въ богатомъ нарядѣ плодоносїя. Чтобы происходило тогда, естьли бы рачительнѣе вспомоществовали ей люди, которые плодородїемъ ея содѣлавшїеся не столь заботливыми, суть не столь дѣятельны и не столь рачительны размножать сокровища, предоставляемыя имъ Природою съ толикимъ щедролюбїемъ и благопрїятствїемъ?

(*) Въ саду *Палермскаго* Архіепископства въ грунтѣ на вольномъ воздухѣ расли многія *Банановыя* деревья (musa paradisiaca L), на которыхъ существовали цвѣты и плоды.

Женщины, которыхъ я видѣлъ въ части Сицилїи, мною посѣщаемой, всѣ вообще прекрасныя. Сказываютъ, якобы онѣ къ любви весьма склонны; щастливыя разположенїя, коими онѣ обязаны пріятнымъ содѣйствїямъ атмосферы. Острота климата разслабляетъ чувствительность и слишкомъ часто ожесточаетъ сердца.

Жирныя паствы питаютъ многочисленныя стада быковъ отмѣнной красоты, коихъ родъ одинакой съ Французскими подобными живописными. „Однакожъ всегда они отъ нихъ разнствуютъ образованїемъ роговъ, которые весьма „примѣчательны по ихъ длинѣ и правильности „вида; оные рога имѣютъ небольшую кривизну, „и ихъ обыкновенная длина, измѣримая прямою „линїею въ три, а иногда и въ три съ половиною „фута: всѣ они правильной округлости и фигуры совершенно одинаковой. Дичь всякаго рода „находится въ изобилїи, и *рябчикъ*, столь уважаемый превосходнымъ вкусомъ своего мяса, „здѣсь не рѣдокъ (*)."

Море, кажется, будто бы не уступаетъ въ щедрости, дабы усугубить несмѣтныя пособїя, которыя земля предоставляетъ пищѣ и роскошной жизни островскихъ жителей. Рыбы здѣсь великое множество. Для ловли *Тунцовъ* (мор-

---

(*) *Въ сокращенномъ описанїи Сицилїи*, напечатанномъ въ концѣ *Бридонова* путешествія, повѣствуютъ якобы *рябчикъ* есть птица, свойственная только оному острову; но сіе несправедливо: ибо извѣстно, что она обитаетъ и въ другихъ жаркихъ мѣстахъ.

ская рыба) употребляютъ подобные же невоы, какъ и вдоль береговъ бывшаго Прованса. Оныхъ наловлено было столь много во время пребыванія моего въ Палермѣ, что рыбаки, носящіе ихъ по улицамъ, преслѣдуемые барабанщикомъ, продавали ихъ по двѣ съ половиною копѣйки фунтъ, а нѣсколько предъ симъ временемъ, когда стояли мы на рейдѣ *о Винѣетъ*, по той же самой рыбы фунтъ продавался въ *Тулонѣ* по шести копѣекъ.

Другое морское сокровище, изобилующее близь береговъ Сициліи и оныя красными представляющее, есть *Кораллъ* (*), промысломъ коего занимается великое число лодокъ. Наконецъ, дабы ничто не казалось неодушевленнымъ и безъ движенія, птицы *Гоёланды* во всѣ стороны разсѣкаютъ воздухъ быстрымъ своимъ полетомъ по поверхности мачтъ кораблей, въ гавани стоящихъ, и противополагаютъ прекрасную бѣлизну перьевъ своихъ блестящей лазури всегда почти ясной атмосферы.

(*) Камнерастѣніе, родъ куста, растущаго въ морѣ, которой, будучи вынутъ изъ воды, на воздухѣ твердѣетъ и бываетъ обыкновенно краснаго цвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переѣздъ изъ Палерма въ Мальту. — Измѣреніе морской глубины между Сициліею и островомъ Мальтійскимъ, такъ и между онымъ и Африкою. — Берега Сициліи. — Пантелерія. — Островъ Мальта. — Свойства земли, города и произведеній онаго.

Мы оставили прекрасную Палермскую гавань 22 Мая, нѣсколько послѣ полуночи. Фрегатъ былъ вооруженъ всѣми пушками: ибо орудія, принесенныя въ жертву спокойствію пасажировъ, и коихъ отсутствіе разстроивало порядокъ корабельной наружности, паки поставлены на свои мѣста. Наши Придворные Бояре съ нами разстались. Испугавшись дурной погоды, которую мы испытали на морѣ, а особливо бури, нами претерпѣнной во время проѣзда поперегъ устья *Бонифатія*, не захотѣли они болѣе подвергать себя ярости толико непостоянной стихіи, и за благоразсудили ѣхать въ *Неаполь* чрезъ Сицилію, и по томъ возвратиться сухимъ путемъ во Францію. Ихъ увѣряли въ *Версаліи*, и я слыхалъ подобное же мнѣніе и въ Парижѣ, якобы военной корабль былъ непотрясаемъ посреди волнъ, и что на немъ также покойну можно быть, какъ въ собственномъ своемъ домѣ. Какое было ихъ удивленіе, когда увидѣли они, что сія столь проспіранная и тяжкая махина есть ничто, какъ бренное игралище вѣтровъ и пѣнистыхъ волнъ! Мы теряли пріятное общество, и я сердечно

сожалѣлъ, что разлука наша лишала меня случая присѣсть къ *Сиракузѣ* и видѣть вблизости гору *Этну*, которую Природа опредѣлила быть въ Сициліи, будто бы единственно только для того, чтобъ явить примѣръ своего могущества какъ въ благодѣяніяхъ своихъ, такъ и во время своей ополчивости.

Не въ дальномъ отъ гавани разстояніи изпытали мы совершенное безвѣтріе, продолжавшееся до половины другаго дня. Вокругъ корабля находилось великое число небольшихъ лодокъ, упражняющихся въ добычѣ *коралла*. Мы видѣли большую морскую черепаху и многихъ рыбъ, называемыхъ Средиземнаго моря мореходцами *Муанами* (*) (монахами), и кои суть родъ морскихъ псовъ (chien de mer). Четыре человѣка солдатъ Палермскаго гарнизона скрылись на корабль нашъ, и привели съ собою украденную ими лодку. Они были приняты, а лодка отдана рыбаку для отвозу на берегъ. Изъ числа оныхъ двое уже были Французскіе дезертеры. Въ десять часовъ вечера Сицилійской Офицеръ прибылъ на корабль къ намъ, и требовалъ ихъ обратно именемъ Вицероя. Они находились подъ защитою Французскаго флага; ему было отказано, и Офицеръ возвратился весьма недоволенъ худымъ успѣхомъ возложеннаго на него дѣла. Мы также съ нашей стороны лишились въ *Палермѣ* двухъ матросовъ,

(*) Сію рыбу также называютъ *Poisson ange*, или просто *ange*, рыба-ангелъ, или ангелъ. Squalus squatina Л. Рашпля *Слов. Акад.*

въ ономъ городѣ скрывшихся, которыхъ никакъ не возможно было намъ замѣнить.

Бюфонъ съ мудрымъ основанїемъ постановилъ, что Средиземное море, съ начала озеро небольшаго пространства, получило въ прошедшїя времена чрезмѣрное и незапное приращѐнїе въ то самое время, когда *Черное море* отверзло себѣ проходъ чрезъ Босфоръ, и когда осѣданїе земель, которыя въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гибралтарской проливъ, соединяли Африку съ Европою, не возпрепятствовало же Океану оросить ихъ своими водами. Онъ мнилъ, что почти всѣ острова Средиземнаго моря составляли часть твердыхъ земель до большихъ потрясенїй части земнаго Шара. Дабы больше утвердить мнѣнїе о сихъ знаменитыхъ приключенїяхъ Природы, просилъ онъ меня удостовѣриться въ глубинѣ моря между *Сицилїею* и *Мальтою*. Мнѣ не возможно было желать лучшаго случая, чтобъ исполнить его намѣренїя. На кораблѣ нашемъ находился знающїй берега кормщикъ, старикъ весьма опытной и во всѣхъ частяхъ достойной, который въ неоднократныхъ своихъ путешествїяхъ измѣрялъ оную глубину въ разныхъ мѣстахъ. Я возпользовался тихою погодою, чтобъ поговорить съ нимъ свободнѣе объ ономъ, и заключенїе любопытныхъ подробностей, имъ къ свѣденїю моему доставленныхъ, было совершенно согласно со мнѣнїями *Бюфона*. Дѣйствительно между *Сицилїею* и *Мальтою* глубина воды обыкновенно бываетъ отъ 25 до 30 шести-футовыхъ саженей, а въ срединѣ канала, гдѣ глубина должна быть гораздо больше, не находится болѣе ста. На другой сто-

ронѣ между островомъ *Мальтою* и мысомъ *Бонъ*, въ Африкѣ, еще того меньше воды: ибо лотъ болѣе 25, или 30 саженей глубины не показуетъ во всей ширинѣ раздѣляющаго оныя двѣ земли канала.

Съ Востока дующій вѣтеръ принудилъ насъ плыть къ *Санта-Витто*, возвышенному и въ утесъ разрѣзанному мысу. Берега отъ *Палерма* до оной полосы суть крутые и пересѣкаемые долинами, коихъ земля, обремененная сокровищами хлѣбопашества, пріятно противообразитъ безплодію въ сосѣдствѣ оной лежащихъ скалъ. Вдоль береговъ есть довольно глубины, и корабли могутъ приставать къ онымъ безъ опасенія. Въ скоромъ времени прошли мы между *Маретимо* и *Фавоянномъ*, два небольшіе острова, Королю Неапольскому принадлежащіе, на которые онъ ссылаетъ Государственныхъ своихъ преступниковъ. Плывучи къ *Мальтѣ*, удобно было намъ видѣть большое пространство отлогистыхъ береговъ Сициліи между мысомъ *Марсалла* и мысомъ *Пассаро*, на концѣ коего построена крѣпостца. Вдали усмотрѣли мы хребетъ высокихъ горъ, параллельно съ берегомъ лежащихъ. Время было прекрасное, небо ясное, корабль плылъ медлительно по поверхности, тихимъ вѣтромъ едва колебаемой, и мы не могли насытиться зрѣніемъ обширныхъ полей, украшенныхъ всѣми прелестями Природы и разнообразностію трудовъ земледѣлія.

По утру, 25 числа, находились мы близъ *Пантелеріи*, острова, больше длиннаго, нежели широкаго, во внутренности возвышеннаго, и коего оба конца низкіе и отлогистые. Одинъ

корабельной Офицеръ нашъ, которой въ предслѣдующемъ своемъ путешествіи приставалъ къ оному, увѣрилъ меня, что на островѣ находится только одинъ ключь; но что на вершинѣ самой возвышенной горы, то есть, почти въ срединѣ острова, есть довольно пространное озеро. Сіе озеро безъ сомнѣнія долженствуетъ быть жерломъ погасшей огнедышущей сопки, потому что тотъ же Офицеръ нашелъ тамъ всѣ признаки онаго, какъ-то: лавы, ноздреватые камни (пемзы) и проч. Мореходцы страшатся сосѣдства *Пантелеріи*, а особливо въ зимнее время: ибо опытъ доказалъ имъ, что рѣдко можно проходить мимо онаго острова, не испытавъ незапной бури.

Ввечеру видѣли нѣсколько ласточекъ; мы находились въ четырехъ миляхъ отъ *Пантелеріи*, и вѣтеръ дулъ съ Востока. 26 Числа, въ три часа по полуночи, взошли въ Малтійской Портъ, прекраснѣйшій и пространнѣйшій во всей вселенной. Входъ въ гавань весьма узкой, защищаемъ съ каждой стороны неприступнымъ Замкомъ; корабли должны какъ можно больше усиливаться передними парусами, дабы имѣть довольно вѣтра, или скоропечности, чтобъ переправиться чрезъ сей проходъ, посреди котораго незапно застигаетъ ихъ безвѣтріе по причинѣ возвышенія крѣпостей, многимъ превосходящее вышину корабельныхъ мачтъ. Обыкновеніе Французскихъ военныхъ кораблей было, салютовать крѣпость тринадцатью пушечными выстрѣлами, на которые отвѣтствовано было одиннадцатью. Когда Орденскіе корабли входили во Французскія гавани, то на-

блюдали подобной же порядокъ. Естьли *Генералъ-галера* находилась въ гавани, то должно было въ честь ея сдѣлать еще пятнадцать выстрѣловъ, а когда Генералъ посѣщалъ Французскаго Комменданта, которому однакожъ напередъ слѣдовало навѣстить Мальтійца: то, изъ уваженія къ нему, дѣлали пятнадцать выстрѣловъ. Каждой Орденской Баліи, которому угодно было пріѣхать на корабль; принятъ былъ со звукомъ пяти выстрѣловъ, такъ что не рѣдко случалось, что Французской военной корабль, въ Мальтійской гавани стоящій, больше издерживалъ пороху во время своего тамъ пребыванія, чѣмъ въ продолженіе всего похода.

Укрѣпленія, защищающія крѣпость и городъ, себѣ *на свѣтѣ подобныхъ* не имѣютъ, и они были содержаны съ отмѣннымъ попеченіемъ. Извѣстно, что соединенныя силы Имперіи Оттоманской противу сей непреоборимой защиты не имѣли успѣха. Подобное завоеваніе, или лучше сказать новое чудо, было предоставлено Французской храбрости.

Кровля домовъ какъ въ Италіи, такъ и во всѣхъ Восточныхъ странахъ, сдѣлана плоская наподобіе терраса. Предмѣстіе *Валетта*, или новымъ городомъ называемое, хорошо выстроено; камни, употребляемые на построеніе зданій и мощеніе главныхъ улицъ, не имѣютъ прочности, когда бываютъ въ дѣло употребляемы: они твердѣютъ на воздухѣ, но они суть такой чрезвычайной бѣлизны, которая отягощаетъ зрѣніе, и наипаче тогда, когда отражаютъ солнечной

блескъ. Дворецъ Великаго Магистра довольно пространенъ, и какъ съ наружности, такъ и во внутренности представляетъ прекрасную простоту.

Мальтійской Орденъ имѣлъ публичное книгохранилище, коего приращеніе было довольно успѣшно; приватныя Библіотеки Командоровъ, послѣ ихъ кончины, были отсылаемы въ оное; вдвойнѣ находящіяся книги продавались, а вырученныя деньги употреблялись на покупку недостающихъ книгъ. Въ оной Библіотекѣ находились нѣкоторые предметы, до Исторіи Естественной касающіеся; въ числѣ оныхъ была примѣчательна окаменѣлая кость, довольно большая; оную въ *Мальтѣ* полагали быть кускомъ окаменѣлаго дерева, но свойства кости были довольно явственны, и я въ естествѣ ея убѣдилъ людей просвѣщенныхъ. Она была часть *лядвеи* большаго четвероногаго животнаго, съ коей предоставилъ я рисунокъ Г. *Бюфону*.

Другой кабинетъ рѣдкостей, но больше стоющій, принадлежалъ нѣкоему Г. *Барбару*. Не будучи весьма изобиленъ, заключалъ драгоцѣнныя вещи, и хозяинъ онаго, соединяя вѣжливость съ познаніемъ, съ большимъ удовольствіемъ показывалъ его пріѣзжимъ чужестранцамъ. Сей небольшой *музеумъ* содержалъ нѣсколько прекрасныхъ раковинъ и любопытныя окаменѣлости; большое число медалей были разположены въ искусно сдѣланныхъ ящикахъ. Въ числѣ предметовъ художества съ удовольствіемъ взиралъ любопытной посѣтитель на весьма большую образованную жемчужину; на прекрасную въ свѣтлой тѣни писанную на финифтѣ

голову, и на большой хрустальной медалїонѣ, съ изображенїемъ рѣзьбы славнаго *Михелѣ-Анжа*. Я не хочу кончить сего изчисленїя рѣдкихъ вещей, не упомянувъ объ одной изъ числа странностей, обыкновенно называемыхъ отступленїями Натуры, какъ будто бы Природа можетъ учинить оныя, и кои лучше сказать суть доказательства могущества и удивительной разнообразности ея возможностей. Сїе было изображенїе, мною видимое у Кавалера *Деленнѣ*, управляющаго Французскими дѣлами, одной молодой дѣвочки, у которой на лбу находился третїй глазъ, гораздо больше другихъ двухъ, и самъ по себѣ стоющїй двухъ глазъ: ибо у него было два зрачка и двѣ рѣсницы; прочая наружность лица походила на обыкновенное. Подъ онымъ рисункомъ было написано на Италїанскомъ языкѣ, что сей младенецъ родился въ деревнѣ *Монте Алегро де Мерси* 31 Января 1775; но надпись не означала, и никто не могъ увѣдомить меня, сколько времени сїе одаренное толикимъ излишествомъ зрѣнїя бытїе существовало на свѣтѣ.

Мы оставили городъ, которой отъ множества каретъ былъ весьма шуменъ. Здѣсь не презираютъ ходить пѣшкомъ, и запряженныя лошадьми колесницы со стремленїемъ не прокатываютъ заботу и смущенїе по улицамъ, единственно посвященнымъ гражданамъ пѣшеходцамъ. Одинъ Великїй Магистръ имѣлъ карету и цугъ лошадей, которыхъ почти только и употреблялъ, когда ѣзжалъ въ загородной свой домъ. Орденскїе чиновники и другїе обыватели на сей же случай имѣли легкїя колясочки, запря-

женныя одною лошачихою, которую слуга велъ на обороти: похвальная предосторожность и достойная быть послѣдуема вездѣ, гдѣ человѣческая безопасность будетъ предпочтена буйству роскоши, коей безпорядки въ городахъ многолюдныхъ суть безпрерывной предметъ опасенія, а иногда орудіе смерти смиреннаго и полезнаго гражданина. Желательно, чтобы здѣсь также были въ безопасности отъ пагубныхъ слѣдствій, раждающихся отъ жертвоприношеній *Венерѣ*, по великому числу ея жрицъ, которыя сюда скопляются со всѣхъ сторонъ. Между оными есть всѣхъ націй, и ихъ стеченіе, язвительно противуречущее главному обѣту Кавалеровъ, было удивительно вредно для корабельныхъ служителей, посѣщающихъ сію прельщающую, но обманчивую и гибельную страну.

Бридонъ забавлялся, написавъ, въ разсужденіи Кавалеровъ Мальтійскихъ, нелѣпости, подобныя сказкѣ, выдуманной имъ на щетъ бѣдной Госпожи *Монтаньи*, въ Палермѣ. Въ пріѣздъ мой всѣ умы были жестоко противу его ополчены, и сіе происходило не совсѣмъ безъ причины. Дѣйствительно онъ описываетъ жизнь Кавалеровъ, не посѣщая изъ нихъ ни единаго во все время своего на островѣ пребыванія; его картина, а сей случай не одинъ, въ которомъ можно упрекнуть его, есть несправедлива; и когда упоминаетъ онъ объ обыкновенно бываемыхъ дуэляхъ между Кавалерами, о крестахъ, написанныхъ на противной сторонѣ того мѣста, на которомъ одинъ изъ сражающихся былъ убитъ; о наказаніяхъ, коимъ подвергаются тѣ, которые

не хотѣли выходить на поединокъ (*): то всѣ оныя басни суть непростительныя ошибки, происходящія отъ пера его, обольщеннаго безъ сомнѣнія лживыми и слишкомъ безразсудно принятыми извѣстіями. Что касается до меня, то скажу, что я нашелъ много пріятности въ сообществѣ Орденскихъ членовъ, съ коими имѣлъ я нѣкоторое сообщеніе, и съ признательностію привожу себѣ на память хорошій пріемъ и вѣжливости, оказанныя мнѣ многими, а особливо гражданиномъ *Доломіе*, коего Науки помѣстили въ число любимыхъ и знаменитыхъ своихъ подражателей.

На одну милю разстоянія отъ новаго города существуетъ древній или старой городъ, (Читавехія); въ ономъ Епископъ острова имѣлъ свое пребываніе. Соборная церковь представляетъ великолѣпное зданіе, въ коемъ видимы драгоцѣннѣйшіе мраморы, въ томъ числѣ и тѣ, которые извѣстны подъ названіемъ *верд* и *жонд антикъ* (древней зелени и желти). Церковь хотя весьма просторанна, но во всю длину обита пунцовымъ бархатомъ, обложеннымъ кругомъ широкимъ золотымъ позументомъ. Сіи священныя зданія, будучи простѣе въ Мальтѣ, чѣмъ въ Генуѣ и Палермѣ, суть, по моему мнѣнію, и прекраснѣе и въ лучшемъ вкусѣ. Дѣйствительно, удивительное множество украшеній, коими церкви въ Генуѣ слишкомъ обременены, не представляютъ обольщенному

(*) Путешествіе въ Сицилію и Мальту, Часть I. стран. 363 и пр.

взору, какъ только одинъ блескъ, которой, будучи сопряженъ съ тѣснымъ и такъ сказать скуднымъ построеніемъ оныхъ, удаляетъ отъ нихъ красоту и величественность, въ храмѣ Божества быть долженствующихъ. Съ колокольни соборной церкви, хотя на шестдесятъ семь миль отдаленія, свободно видѣть можно гору *Этну* и густой изходящій изъ оной дымъ.

По близости оной церкви есть небольшой гротъ или пещера, посреди которой возвышается изваянное изображеніе Св. Павла. Сей Апостолъ, какъ извѣстно, у Мальтійцевъ въ великомъ уваженіи: ибо они увѣрены, что онъ присталъ къ ихъ острову, и навсегда освободилъ его отъ змѣй, коими земля ихъ была заражена. Пещера вырыта въ нѣкоторомъ родѣ бѣловатой, мягкой и известковой землѣ, которую обыкновенно называютъ *Мальтійскимъ болюсомъ* (*), Мальтійскою глиною, наименованіе, совсѣмъ неприличное, потому что *болюсъ* есть земля глинистая, больше или меньше чистая, слѣдовательно могущая претвориться въ стекло, и которой кислота вредить не можетъ; но напротивъ *земля Мальтійская*, будучи съ известью одинакого свойства, производитъ въ кислотахъ кипѣніе и въ нихъ разпускается. Что до сего принадлежитъ, то *Бюфонъ* послѣдовалъ мнѣнію большой части Минералогистовъ, преслѣдователей своихъ, которые, подражая другъ другу, почли *Мальтійскую зем-*

(*) Bolus melitenſis, Болюсъ мелитензисъ, Мальтійской болюсъ.

лю болюсомъ, или глинистою землею, а по сему въ своей Исторіи о минераллахъ и помѣстилъ ее въ число болюсовъ; но мудрено отгадать, почему почелъ онъ *землю Малыпійскую* краснымъ болюсомъ, хотя она бѣла какъ мѣлъ, съ которымъ впрочемъ она много сходствуетъ (*). Въ Мальтѣ извѣстна она единственна подъ названіемъ *земли Святаго Павла.* Изъ оной дѣлаютъ дощечки, на которыхъ печатаютъ изображеніе Св. Апостола, держащаго въ рукѣ змія; ихъ посылаютъ въ разныя мѣста Европы, а больше всего въ Гишпанію и Италію. Отъ сего рода пріуготовленія получила она въ торговлѣ, подобно какъ и прочія земли и болюсы, на которыхъ дѣлаются разные отпечатки, названіе *терра сигиллата*, печатной земли. Въ Малыпѣ почитается она удивительнымъ лѣкарствомъ во многихъ болѣзняхъ, а особливо надежнымъ предохраненіемъ отъ лихорадокъ; но всѣ ея свойства состоятъ только въ томъ, что, будучи принята во внутрь, производитъ легкой потъ.

Простолюдимъ не довольствовался тѣмъ, что присвоивалъ землѣ пещеры Св. Павла ка-

---

(*) Красной болюсъ заимствуетъ цвѣтъ отъ желѣзной ржавчины . . . . . „Изъ сего болюса пріуготовляется, или дѣлается *терра сигилатта* „(печатная земля, жирная глина) . . . . Его называютъ еще *землею* изъ *Лемноса*, *благословенною землею Св. Павла*, *землею Мальтійскою*, *землею Константинопольскою.*“ Бюфонъ, Естес. Ист. о минераллахъ, Глава о болюсахъ.

чества почти чрезъестественныя, но сверхъ того утверждалъ, яко бы количество ея не подвержено ни малѣйшему уменьшенію, сколько бы оной не было вынуто. Въ глазахъ Мальтійскаго народа есть она источникъ безпрестанныхъ чудесъ Св. Павла, а по сей причинѣ земля, его именемъ называемая, почитается на острову священнымъ веществомъ. Дѣйствительно сказать должно, что умаленіе ея не есть чувствительное. Можно приписать сіе столь свободное произрастѣніе сырости пещеры и малому затвердѣнію земли. Чтобъ вывесть изъ заблужденія людей, утверждающихъ, якобы она никакъ не убавляется, должно только дать имъ на замѣчаніе довольно явственную пустоту, причиненную остріемъ орудія, коими оную ежедневно, или лучше сказать ежечасно выкапываютъ.

Совсѣмъ бѣлой *лихенъ* (мохъ) растетъ на внутренней внѣшности свода пещеры Святаго Павла.

Поблизости стараго города существуютъ великія рытвины, которыя въ землѣ рухлой и не имѣющей твердости разпространить было не трудно. Они раздѣлены на многія вѣтьви, или раздѣленія, коихъ число столь великое, что даже составляли лавиринфъ, въ которомъ, естьлибъ не взята была предосторожность закласть камнемъ многіе входы сихъ подземныхъ галлерей, то бы въ немъ не только заблудиться, но и умереть было можно; въ древнія времена были они мѣстомъ погребенія, *Катакумбы* (пещеры), названіе, подъ которымъ они и нынѣ извѣстны. Изъ камня сдѣланныя гроб-

ницы, лежащія одна на другой и разной величины, помѣщены по обѣимъ сторонамъ стѣнъ; надъ нѣкоторыми есть каменной куполъ, а по видимому должно думать, что и всѣ оныя такимъ же образомъ были покрыты. Часть оныхъ гробницъ, на которой лежала голова усопшихъ, возвышена почти на два дюйма сверхъ дна; на ней вытесана была форма головы и шеи, такъ что сіи части тѣла были вложены въ сей родъ изголовья мертваго. На нѣкоторыхъ гробницахъ, поширѣ прочихъ, были сдѣланы мѣста для двухъ головъ, безъ сомнѣнія думать должно, что любовная горячность назначила ихъ для любовниковъ, или для супруговъ.

Оныя катакумбы повидимому во времена, не столько отъ насъ отдаленныя, были убѣжищемъ жителей Мальтійскихъ, когда островъ ихъ, подверженный бѣдствіямъ браней, оными не рѣдко былъ удрученъ и разоренъ. Здѣсь видны двѣ старинныя мѣльницы и изображеніе Св. Павла.

Островъ Мальта лежитъ почти посреди моря Средиземнаго, между Сицилією и Африкою, и простирается въ длинныхъ мѣстахъ на семь миль; большая его ширина болѣе четырехъ миль не имѣетъ. Онъ, такъ сказать, представляется въ видѣ почти обнаженной скалы; но не есть въ числѣ тѣхъ каменистыхъ горъ, которымъ острая коса времени едва вредить можетъ, и которыя возбуждаютъ мысль совершеннаго безплодія. Грунтъ его земли состоитъ изъ весьма бѣлаго известковаго камня, мягкаго свойства, не имѣющаго большой твердости, но которой не отвергаетъ изобилія произрастѣній. Хотя большая часть многочислен-

ныхъ сего же моря острововъ были скопищемъ, или произведенїемъ ужасныхъ изверженїй Природы, но Малыпа не испытала ихъ жестокости и имѣетъ совсѣмъ иное произхожденїе. Нѣтъ на ономъ острову ни малѣйшаго слѣда огнедышущей горы, а естьли и находятъ здѣсь лавы: то онѣ произходятъ изъ горы *Везувїя*, и привозятся сюда для дѣланїя мѣльничныхъ жернововъ и для мощенїя градскихъ улицъ. Здѣсь нѣтъ даже никакого могущаго превратиться въ стекло вещества: все принадлежитъ къ роду извести, изключая *талкъ* (каменное сало), гипсъ и глину; но и сїе послѣднее вещество, здѣсь весьма рѣдкое, всегда смѣшано съ известковою матерїею; глины на островѣ *Гозе* и больше и она тамъ бываетъ чище; *Гоза*, въ сосѣдствѣ Мальты лежащій, зависитъ отъ оной.

На островахъ *Мальтѣ* и *Гозѣ* нѣтъ ни единой горы; оба они составлены изъ равнины, пересѣкаемой нѣсколькими маловозвышенными пригорками.

Не льзя смотрѣть безъ удивленїя на рачительное искуство Малыпїйскихъ хлѣбопащевъ, которые стараніемъ своимъ достигли до того, что на скалѣ, по большой части обнаруженной, или едва покрытой на нѣсколько дюймовъ черною землею, основали, или утвердили плодоносїе. Дабы содѣлать сїю, по наружности безплодную землю, плодородною, сїи трудолюбивые люди роютъ гору и оную ломаютъ. Ближайшїе отъ поверхности отломки и которые отъ соосязанїя воздуха затвердѣли, употреблены на сдѣланїе около поля ограды, которая, очи-

щая его отъ камней, слишкомъ твердыхъ, чтобъ быть приведеннымъ въ первоначальное свое существо; также препятствуетъ дождевой водѣ увлекать черную насыпную землю. Нѣкоторое отдѣленіе сей каменистой горы, съ помощію большихъ трудовъ, раздробляется на самыя мѣлкія части и на оныя насыпаютъ тонкой слой чернозему, за которымъ иногда ѣздятъ даже въ Сицилію. Сіе смѣшеніе есть весьма плодоносное; на ономъ произрастаютъ всякаго роду травы, пшено, хлопчатая бумага (*). Фиги и другія фруктовыя деревья здѣсь также растутъ успѣшно; въ сей странѣ созрѣваютъ тѣ превкусные апельсины, которые, по своему красному тѣлу и пріятному благовонію, столько уважаемы въ Европѣ.

Но, признаться должно, что, не смотря на всѣ попеченія и труды Мальтійскихъ жителей, поля ихъ не имѣютъ ничего пріятнаго; видъ ихъ даже отвратителенъ. Стѣны, коими многочисленныя владѣнія обнесены, бѣлые камни, желтоватой и сухой грунтъ земли, почти безъ деревьевъ и безъ зелени, составляютъ картину, отяготительную для зрѣнія. Хлѣбопашество тогда единственно имѣетъ веселую наружность, когда бываетъ вспомоществуемо Природою.

Главнѣйшимъ усиленіемъ Мальтійскаго раченія и искуства должно почесть произве-

---

(*) *Gossipium herbaceum.* L. Гассипіумъ гербасеумъ. Л. *Хлопчатникъ, хлопчатая бумага*, Врач. вещ.

денїя обширнаго сада, надъ которымъ тогда трудились въ *Сентъ-Антуанѣ*, загородномъ домѣ Великаго Магистра, на половину мили отъ города отстоящемъ. Оной садъ дѣйствительно можно полагать чудомъ въ странѣ, въ которой столь трудно удобрить грунтъ земли; во всякомъ другомъ мѣстѣ почитался бы онъ весьма обыкновеннымъ садомъ, хотя и былъ украшенъ многими цвѣтами, между коими находились рѣдкой крупной двойной макъ (*) и отмѣнныя скабіозы (**). Дороги въ аллеяхъ, наполненныя опрывками бѣлыхъ каменьевъ, были непріятны для хожденїя и отяготительны для глазъ. Великій Магистеръ, *Роганъ*, въ ономъ загородномъ домѣ сдѣлалъ для насъ празднество. Въ городѣ никто не могъ обѣдать съ симъ маленькимъ владѣтелемъ, а въ *Сентъ-Антуанѣ* не всякой имѣлъ право сидѣть за его столомъ. Гг. *Дюрфортъ* и *Тотъ*, яко имѣющїе Полковничїй чинъ, одни приглашены къ оному; но совсѣмъ тѣмъ были отдѣлены отъ особы Великаго Магистра всею длиною большаго стола. Прочїе чиновники сидѣли за другимъ столомъ, за которымъ были угощаемы Дворянами, ко Двору Великаго Магистра принадлежащими, и поистиннѣ сказать можно, что никто изъ насъ не сожалѣлъ о скучномъ и сухомъ обрядѣ, наблюдаемомъ при первомъ столѣ. Послѣ обѣ-

(*) Papaver rhoeas. L. Папаверъ реасъ. Л. *Красной полевой макъ.*

(**) Scabiosa atro purpurea. L. Скабіоза атро пурпуреа. Л. *Грудная трава, одышная трава, Рѣпейникъ.* Гмел. I. 206. 11, 61. Палласъ I. 24.

да *Роганъ* оставилъ весь церемоніалъ; соединился съ нами, и хотѣлъ быть соучастникомъ во всѣхъ нашихъ забавахъ.

Хлѣба Мальтійскаго урожая весьма недостаточно для прокормленія жителей сего острова. Большую часть онаго, скотину, наконецъ всѣ предметы необходимой роскоши, землю даже, какъ выше сказано, привозятъ изъ Сициліи, которую въ точномъ смыслѣ можно назвать анбаромъ и базаромъ Мальтійцевъ. Отправленія, назначенныя для привозу сихъ нужныхъ вещей, называются *спероверами*, и какъ туда, такъ и обратно приходятъ отмѣнно скоро: ибо они снабжены искуснѣйшими и отважнѣйшими въ свѣтѣ матросами.

Камни, добываемые въ горахъ острова Мальты, почитаются отмѣнными для построенія домовъ; малая ихъ твердость, прежде дѣйствія надъ ними воздуха, дѣлаетъ ихъ удобными на многія потребности, и будучи уже совсѣмъ обтесаны, бываютъ отправляемы въ Южные уѣзды Французскихъ Провинцій, въ Италію и даже въ Восточныя страны.

Назадъ тому немного годовъ обрѣтено листовое и известковое вещество, которое здѣсь и извѣстно подъ названіемъ *Мальтійскаго камня*. Изъ него были сдѣланы прекрасныя вещи, и Великій Магистеръ, *Пинто*, столь возгордился имѣть его въ своемъ владѣніи, что не только запретилъ вывозить, но даже возпрепятствовалъ всякому вырабатывать оной. Его наслѣдникъ, *Роганъ-Полдюксъ*, не будучи зараженъ столь презрительною завистію, я имѣлъ случай получить многіе необдѣланные и шлифован-

ные отъ онаго куски, которые мною и предоставлены въ Національной Кабинетъ рѣдкостей; но настоящая природа сего вещества до сихъ поръ была еще не извѣстна: его полагали вообще быть мраморомъ, хотя его составъ, твердость, а больше всего образованіе нимало не походили на составъ, затвердѣлость и на тягость мрамора. Одинъ изъ числа путешествія моего сотоварищей, которой, къ довольному уму и болтанію, не присоединялъ большаго просвѣщенія, утверждая иногда съ надмѣнностію самыя неправильныя мнѣнія, Г. *Тотъ*, постановилъ, что мнимый Мальтійской мраморъ есть каменное сало (талкъ). Сіе мнѣніе казалось быть всѣми принятымъ, и Великій Магистръ былъ увѣренъ въ справедливости онаго. Чтобъ подкрѣпить его, Г. *Тотъ* показывалъ отломокъ сего камня, коего одна часть, по его словамъ, была явственно каменнымъ саломъ, и заключалъ, что никакое уже доказательство не можетъ истребить истинны, въ самомъ дѣлѣ бывшей ничто иное, какъ единственно одно только самопроизвольное предположеніе, не имѣющее никакова основанія. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи сего отрывка, которой долженствовалъ служить доказательствомъ безумнаго утвержденія, запримѣтить было можно, что слои иглъ, изъ которыхъ онъ былъ составленъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были разпилены діагонально, и что сіи разрѣзы являли прозрачныя и блестящія плоскости, представляющія наружной видъ каменнаго сала, коими нашъ полуученой и былъ обманутъ. Я принужденъ, такъ сказать, въ присутствіи

большаго общества объ ономъ объясниться. Откровенно объявилъ, что я со мнѣнїемъ Г. *Тота* не могу быть согласенъ, и употребилъ довольно простое разсужденїе, чтобы сдѣлать его для всѣхъ понятнымъ; предложилъ, что *талкъ* есть вещество, кислотою невредимое, но что напротивъ она имѣла сильное дѣйствїе надъ матерїею, известїю наполненною, и которую узнать старались. Мнѣнїе Г. *Тота* было оставлено, предано забвенїю, и сей тщеславной человѣкъ всегда мстилъ мнѣ за сдѣланное мною противорѣчїе.

Впрочемъ не мудрено было мнимому Мальтїйскому мрамору назначить мѣсто между каменистыхъ веществъ: ибо, разсматривая образованїе и разположенїе игольныхъ слоевъ, изъ которыхъ онъ составленъ, примѣчая единоцентренные круги, взору представляющїеся, когда онъ бываетъ разпиленъ поперечно, и въ разсужденїи малой его твердости, которая возпрещаетъ дѣлать изъ него большїе столы безъ того, чтобы оные не треснули; паче всего, обратя вниманїе на положенїе его въ горахъ: то скоро узнаются въ немъ тѣ известковыя накипи, тѣ слѣпленныя пѣла, произведенныя отъ влажности водъ, текущихъ сквозь известковыя вещества; однимъ словомъ, признается Природы-Испытателей алебастръ, которой однакожъ должно отличить отъ того больше твердаго алебастра, которой принимаетъ на себя столь прекрасную полировку, и коего выхваляютъ блестящую бѣлизну.

Его находятъ почти вообще неправильными кусками и коихъ поверхность наполнена

сосочками одинаковаго вещества. На островѣ Гозѣ алебастръ встрѣчается только иногда слоями, но неправильными и небольшими. Известковая скала, оные камни и слои покрывающая, есть обыкновенно не столько бѣла и не имѣетъ столь крупнаго зерна, какъ камень, составляющій большую часть острововъ Мальты и Гозы, что и произходитъ отъ дѣйствія водъ, которыя, протекая сквозь сію скалу, увлекаютъ съ собою ея самыя легкія частицы. Цвѣтъ Мальтійскаго алебастра разнствуетъ въ разсужденіи уѣздовъ, гдѣ его добываютъ; но онъ всегда представляетъ смѣшеніе желтой, сѣрой и черноватой краски. Принимаетъ на себя отмѣнную полировку. Я видѣлъ во Дворцѣ Великаго Магистра сдѣланные изъ него прекрасные столы и весьма большіе простѣнки.

Родъ *лихена* (мха), предоставляющій краску, извѣстную подъ названіемъ *Травяной Орселліи*, растетъ обыкновенно на орошаемыхъ моремъ каменистыхъ горахъ (*). Великій Магистеръ вознамѣрился разпространить и утвердить на своемъ островѣ сію новую вѣтвь торговли, коею обязаны попеченіямъ и старанію почтеннаго гражданина *Доломіе*.

Море береговъ Мальтійскихъ снабжаетъ изобильно рыбою разныхъ родовъ. Здѣсь отмѣнно уважаютъ рыбу, которую природные жители называютъ *аккола*, а Французы имену-

(*) Lichen roxella. Lin. Лихенъ рокселла, Лин. морской капустникъ. Описан. Камчатки, 11, стран. 287. Орлеанъ, кн. для красил. стран. 31.

ютъ *бѣлымъ тунцемъ*. Я не могу вточно-сти рѣшить, къ какому она принадлежитъ роду, потому что я ее иначе не видалъ, какъ изготовленную въ кушаньѣ; она не бываетъ столько толста, какъ обыкновенной *тунецъ*, но тѣло ея есть и бѣлѣе и гораздо вкуснѣе. Весьма вѣроятно, что сія рыба есть та же самая, о которой упоминаетъ *Сетти* въ своемъ *описаніи рыбъ Сардиніи* на стран. 191 подъ названіемъ *Алалунга* (*). Здѣсь также достаютъ кораллъ и множество раковинъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ обыкновенные суть датты (**), коихъ червямъ не многаго стоитъ труда помѣститься въ мягкомъ береговомъ камнѣ; пины Марины (***), въ числѣ коихъ есть отмѣнной величины: ибо нѣкоторые имѣютъ больше двухъ футовъ длины; колючія устерсы (†), коихъ ловятъ въ самой гавани; Ноевы ковчеги (††), нѣкоторой родъ улитокъ, рогатокъ и пр. и пр. Здѣсь также встрѣчается, но рѣдко, раковина, называемая *бумажнымъ наутилемъ* (†††).

(*) Scomber alalunga, Lin. Скомберъ алалунга. Лин. скумбра. Макрелъ. Озерец. IV. стр. 63.

(**) Pholas dactylus, Lin. Фоласъ дактилусъ, Лин. морской финикъ. Озерец. VI. стран. 94.

(***) Pinna nobilis, Lin. Пинна нобилисъ, Лин. морское перо. Озерец. VI. стран. 93.

(†) Ostrea varia, Lin. Остреа варіа. Лин.

(††) Arca Noae, Lin. Арка Ное, Лин. Ноевъ ковчежецъ. Озерец. VI. 89.

(†††) Argonauta argo, Lin. Аргонота арго, Лин. тонкочерепной морской ботикъ. Озерец. Часть VI. стран. 63.

Слои известковыхъ веществъ острововъ Мальты и Гозы изобильны также разнаго рода окаменѣлостями. Здѣсь можно изъ оныхъ сдѣлать весьма достаточное собранїе. Я видалъ въ нихъ раковины, называемыя шпатовыми морскими ежами, весьма большїе червяники, горошистые камни (оолиты), зернистые камни (пизолиты); рыбьи позвонки удивительной величины, отмѣнно большїе окаменѣлые язычки и прекрасные жабики. Сїи послѣднїе двѣ окаменѣлости чернымъ народомъ почитаются быть змѣиными языками и глазами, хотя поистиннѣ сказать между ими нѣтъ ни малѣйшаго подобїя; въ мысляхъ простолюдиновъ суть они достовѣрнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ чудесной услуги, оказанной ихъ острову Св. Павломъ, истребленїемъ всѣхъ змїй.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Метеорологическія примѣчанія. — Галеры Мальтійскія. — Политическое и Философическое разсмотрѣніе обстоятельствъ, до Ордена Мальтійскаго касающихся. — Древности и нарѣчіе острова Мальты. — Мальтійскія собаки. — Переѣздъ отъ Мальты до острова Кандіи. — Птицы, называемыя мореплавателями. — Прибытіе въ Египетъ.

Во время нашего пребыванїя въ Мальтѣ, то есть, въ теченіе двенадцати дней, вѣтры перемѣнялись отъ Сѣвера къ Сѣверо-Востоку,

и препятствовали выходу кораблей. Они были стремительны; море чрезвычайно волновалось; и, къ большему удивленїю жителей, шли безпрестанные дожди. Въ сїе время года въ Мальтѣ дождя не бываетъ. Люди, достойные вѣроятїя, увѣряли, что, въ теченїи сорока лѣтъ ихъ здѣсь пребыванїя, они въ началѣ Іюня дождя не видали. Другая причина удивленїя состояла въ томъ, что оные дожди были препровождаемы громовыми ударами, хотя лѣтомъ оныхъ никогда не слыхали; но зимою, напротивъ, грозы бываютъ частыя и жестокїя.

Дурная погода, которая въ сїе время года почиталась удивительнымъ дѣйствїемъ естества, принудила *Орденскїя* галеры возвратиться въ гавань. Пятнадцати-пушечной залпъ, пущенный съ *Анталанты*, возвѣстилъ о прибытїи оныхъ, на которой Генеральская галера отвѣчала четырьмя выстрѣлами. Всѣ они были вооружены, или лучше сказать обременены невѣроятнымъ числомъ людей; на одной Генералъ-галерѣ было восемь сотъ человѣкъ. Они были великолѣпно украшены; золото сїяло на выпуклостяхъ и на многочисленныхъ рѣзьбахъ кормы; на срединѣ чрезмѣрной величины парусовъ съ синими и бѣлыми полосами представленъ былъ написанной красною краскою большой Мальтїйской крестъ; со вкусомъ убранные ихъ флаги величественно представлялись взору; наконецъ все споспѣшествовало, когда они были подъ парусами, содѣлать изъ нихъ великолѣпное зрѣлище. Но построенїе оныхъ дѣлало ихъ мало удобными въ сраженїяхъ и во время бури. Орденъ сохранялъ ихъ больше для

того, чтобъ имѣть въ виду мечту древней своей знаменитости, нежели въ разсужденіи оныхъ пользы; они были изъ числа тѣхъ старинныхъ заведеній, которыя нѣкогда служили къ прославленію онаго, но нынѣ были только свидѣтельствомъ его безсилія и паденія.

Извѣстно, что *гостелріимственные братіи Св. Іоанна Іерусалимскаго*, оставя сей смиренномудренный титулъ и наименовавшись *Кавалерами*, больше составили изъ себя соединеніе людей военныхъ, нежели общество монаховъ. Послѣдствіе войны, которую вели они противъ Музульмановъ, внушило въ нихъ привычку къ неустрашимости. Исторія ихъ есть сцѣпленіе именитыхъ военныхъ подвиговъ: то иди отъ того, что, покорствуя силамъ и чрезмѣрнымъ непріятеля стремленіямъ, принуждены были оставить Родосъ, будучи увѣнчаны славою удивительной и неслыханной защиты; или отъ того, что, презирая въ Мальтѣ ярость и мужество Солимана, предположили преграду покушеніямъ Оттомановъ; но во всѣхъ случаяхъ являли они тотъ опытъ храбрости, которая кучку людей превращаетъ въ непобѣдимую армію.

Дабы поддержать сію военную ревность, сіе искуство и познаніе браней и побѣдъ надлежало имъ сохранить то наблюденіе правилъ, тотъ порядокъ повиновенія, ту строгость въ общежитіи, на которыхъ основаны могущество и твердость всякаго соединеннаго общества военныхъ людей. Но недвижность, или, лучше сказать, унынѣ Музульмановъ содѣлалось эпохою разслабленія Орденскихъ постановленій.

Послѣдственно оставлены были многїе обряды, хотя по наружности мѣлочные, но отъ наблюденїя коихъ произошли многїе Герои; роскошь заступила мѣсто благородной простоты воиновъ; праздность и соблазнительные ея сопутники наслѣдовали дѣятельности и строгости обыкновенїй; городская лѣность преодолѣла гордость Марсовыхъ полей. Сшибки между Кавалерами и Турками превратились въ пустыя мечтанїя, отъ которыхъ нѣсколько гнусныхъ морскихъ разбойниковъ возчувствовали малую пользу; караваны, или разъѣзды галеръ, содѣлались прїятными прогулками въ прелестныя гавани Сицилїи; стража сихъ великолѣпныхъ стѣнъ, служащихъ памятниками славы Ордена и посрамленїя непрїятелей его, была ввѣрена иностраннымъ и наемнымъ войскамъ, и сїе общественное добродѣтельное мужество, отъ котораго содрогалась одна изъ обширнѣйшихъ Имперїй вселенной, едва была примѣтна въ искрахъ храбрости нѣсколькихъ частныхъ людей.

Толпа Священниковъ окружала Мальтїйской Орденъ. Будучи вездѣ самолюбивы и неспокойны, больше дерзновенны подъ небомъ, которое, при разтворенномъ воздухѣ, волновало разсудки, съ негодованїемъ повиновались они игу Кавалеровъ, и не одинъ уже разъ старались свергнуть его, употребляя любимыя свои орудїя, вѣроломство, суевѣрїе и ложь. Полагаясь на разслабленїе и на непредвидимость, дерзнули, за нѣсколько времени до нашего прїѣзда, завладѣть одною изъ числа крѣпостей, которыя защищаютъ городъ. Сей неожидаемой поступокъ однакожъ возбудилъ на малое время ту

древнюю храбрость, коей употребленїе казалось уже неизвѣстнымъ. Пятьдесятъ Кавалеровъ, подъ предводительствомъ Коммандора *Аполвиля*, взяли крѣпость приступомъ, и захватили большую часть бунтовщиковъ. Во время нашего въ Мальтѣ пребыванїя, много разсуждали объ ономъ возмущенїи, въ которомъ Епископъ острова былъ не непослѣднимъ участникомъ.

Однакожъ владычество Ордена Мальтїйскаго надъ обоими небольшими, ему принадлежащими островами, не было притѣснительно. Еспьли гордость нѣкоторыхъ его сочленовъ удивительно и противообразила ничтожительному и смиренному положенїю предмѣстниковъ ихъ, то она единственно оскорбляла необузданную надмѣнность Духовенства. Полезнѣйшая степень народа, земледѣльцы, были уважаемы. Я уже сказалъ выше, сколь отягощительно было для нихъ украсить изобилїемъ землю, которая, казалось, осуждена Природою быть неплодоносною; потъ лица ихъ былъ почтенъ, и они вкушали въ тишинѣ, безъ дѣлежа и безъ налоговъ, плоды трудовъ своихъ. Благоденствїе не можетъ безъ улыбки взирать на сїи столь рѣдкїя снизхожденїя самовластїя.

Конечно мудреною Политикою должно почитать вѣчное объявленїе войны, коей явное побужденїе основано на разности до закона касающихся мнѣнїй; но они въ самомъ дѣлѣ были оному только предлогомъ. Карлъ V, позволя Кавалерамъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго поселиться на островахъ *Мальтѣ* и *Гозѣ*, требовалъ отъ нихъ сего непремѣннаго во враждѣ пребыванїя; но разположенїе вѣры Христїан-

ской совсѣмъ не было его цѣлію. Турки содѣлались тогда страшными; они разпространили свои завоеванія удивительнымъ образомъ и для всѣхъ Европейскихъ Державъ учинились опасными: що сей Государь и нашелъ въ соединеніи воиновъ, привыкшихъ сражаться съ Музульманами, преграду, могущую защищать собственныя его владѣнія отъ ихъ предпріятій и нападеній.

Другіе народы умѣли воспользоваться условіемъ, которымъ Мальтійской Орденъ былъ обязанъ. Франція особливо получила отъ того великія выгоды. Хотя съ давныхъ временъ Орденъ сей лишился древней славы своей; хотя война его противъ Турокъ была уже ничто, какъ одно суетное страшилище; хотя наконецъ походы его, какъ я выше сказалъ, состояли единственно въ набѣгахъ и грабежахъ нѣсколькихъ маловажныхъ каперовъ, имя Мальтійское на водахъ Турціи столько было страшно, что одно явленіе самой маленькой фелуки (*) подъ Орденскимъ флагомъ разпространяло повсюду ужасъ, и приводило жителей той страны въ робость. Всѣ товары на водахъ, на которыхъ торговля была въ великомъ дѣйствіи, вывозились на иностранныхъ судахъ. Городъ Марсель и небольшія, его окружающія гавани, отправляли туда ежегодно для сей потребы около пяти сотъ кораблей. Оныя суда, возвращаясь по прошествіи трехъ лѣтъ,

(*) Родъ небольшаго судна съ низкими бортами и съ веслами, употребляемаго на Средиземномъ морѣ.

въ теченїи коихъ всѣ находящїеся на нихъ люди жили на щетъ Восточныхъ обывателей, обогащали наши гавани Левантскими пїастрами и предоставляли намъ близь пятидесяти тысячь матросовъ, которые отъ сего рода походовъ содѣлались опытными и искусными въ плаванїи по опасному и затруднительному морю, наполненному островами и подводными камнями. Оными торговыми и морскими сокровищами была обязана Францїя учрежденїю Мальтїйскихъ Кавалеровъ, и подъ симъ политическимъ сношенїемъ соучаствовала въ его сохраненїи ради собственной своей пользы.

Но естьли Политика есть любомудрїе Правительствъ, то и любомудрїе есть также Политика человѣчества, и оная съ удовольствїемъ усматривала въ ономъ самомъ учрежденїи, составленномъ изъ разныхъ существъ, причины согласїя между народовъ. Дѣйствительно, соединенїе людей всѣхъ почти Европейскихъ націй, избранныхъ вообще изъ числа таковыхъ, которые тщательнымъ воспитанїемъ были способны возчувствовать честныя души впечатлѣнїя и здраваго разсужденїя; будучи принуждены жить на острову, на которомъ не имѣли никакого сообщества, кромѣ сотоварищей своихъ; никакихъ забавъ, кромѣ тѣхъ, которыми наслаждались между собою; привыкшїе къ однимъ упражненїямъ; будучи подвластны однимъ правиламъ, однимъ обрядамъ: подобное сообщество, говорю я, было способно смягчить существующую вздорливость между народами и соединить отличность нравовъ ихъ; а естьли раз-

судить, что большая часть сихъ самыхъ людей, по возвращенїи въ свои жилища, были предопредѣлены занимать важныя мѣста, а иногда и отправлять важныя политическїя должности, когда взирали на нихъ на всѣхъ, яко на сочленовъ семействъ, называемыхъ *именитыми* и *многомощными*; то нѣтъ возможности сомнѣваться, чтобъ они сами по себѣ, или по ихъ влїянїю, часто не умѣряли ненависть и ополчивость Кабинетовъ противъ согражданъ сотоварищей своихъ, ихъ друзей. Сїи отдаленныя причины не одинъ уже разъ можетъ быть остановляли потоки человѣческой крови, коею земля слишкомъ часто была орошаема и осквернена, а можетъ быть и удерживали ее въ ту самую минуту, когда она была готова течь. Такимъ-то средствомъ Мальтїйское соединенїе, или соглашенїе, медлительными, но вѣрными дѣйствїями, имовѣрно осуществовало бы сей прекрасной сонъ человѣколюбства, всеобщїй миръ.

Весьма ощутительно, и нѣтъ надобности предувѣдомить Читателя, что сїи разсужденїя, представляемыя таковыми, какъ я ихъ дѣлалъ въ самой Мальтѣ, не могли быть уважаемы, какъ во время стараго порядка вещей, то есть, во время моего путешествїя; съ тѣхъ поръ не суть они столько уже уважительны. Французская Республика, которая, въ теченїи немногихъ годовъ, перепрянула нѣсколько столѣтїй славы, содѣлала бытїе Кавалеровъ безполезнымъ: она пренебрегла и выгоды, ими доставляемыя Францїи, и надежду всеобщаго согласїя, которое они давали предвидѣть народамъ.

Подобныя созерцанія были слишкомъ ограничены для безпредѣльности ея могущества. Обладательница Средиземнаго моря, посредствомъ завоеванія острововъ *Мальты* и *Гозы*, разпространила она свои предѣлы до Восточныхъ морей, и присвоила себѣ всю ихъ торговлю, а между тѣмъ, по тѣснымъ своимъ союзамъ съ націями, коихъ выгоды содѣлались едиными съ ея пользою, совершила и утвердила важнѣйшій предметъ общественнаго порядка, собраніе народовъ.

Прежде нежели островъ *Мальта* содѣлался принадлежностію братіи Св. Іоанна Іерусалимскаго, находился онъ послѣдственно подъ владѣніемъ разныхъ народовъ. Со временъ Карѳагенцовъ до Аравитянъ перемѣнилъ онъ многихъ владѣтелей, а по сему остатки древности на ономъ острову не рѣдки. Въ самой Мальтѣ напечатано въ 1794 сочиненіе на Италіанскомъ языкѣ, описывающее многіе сіи древніе остатки, найденные при взрытіи земли, въ 1788 учиненномъ.

Естьли вѣрить нѣкоторымъ Писателямъ, то Мальтійской языкъ еще древнѣе на ономъ острову, чѣмъ большая часть развалинъ, которыя на немъ встрѣчаются, хотя долгое время почитали его дурнымъ смѣшеніемъ Арабскаго языка съ Италіанскимъ. Одинъ Ученой Мужъ, родомъ изъ Мальты, *Антоній Вассали*, не въ давномъ времени отомстилъ за сдѣланное націи его обвиненіе, не имѣть собственнаго своего нарѣчія, и доказываетъ, что сей языкъ можетъ равняться со всѣми богатѣйшими и из-

обильнѣйшими, нынѣ существующими языками (*).

Въ Мальтѣ нынѣ весьма рѣдко видѣть можно той прекрасной породы собакъ съ длинною шерстію (**), называемыхъ *Мальтійскими собаками*, порода совсѣмъ отличная отъ Испанскихъ съ длинною же шерстію собакъ (***), съ которыми она была смѣшана въ разныхъ сочиненіяхъ Исторіи Естественной. Родъ сихъ собачекъ казался изчезать въ самой Мальтѣ: ибо онѣ тамъ были отмѣнно рѣдки; но за то не трудно было тамъ достать лягавыхъ собакъ прекрасной породы. Сіе приводитъ мнѣ на память, что я въ жизнь мою нигдѣ не встрѣчалъ толикое множество и такихъ хорошихъ коротконогихъ охотничьихъ собакъ, какъ на улицахъ города Генуи.

По утишеніи бурной погоды и противнаго вѣтра, оставили мы Мальтійскую гавань 7 Іюня 1777, въ 3 часа послѣ полудня, и поднявъ паруса, направили путь къ острову Кандіи. Тогда находилась съ нами фелука, которую Г. *Тоттъ* разсудилъ купить въ намѣреніи посѣщать берега, къ которымъ фрегату пристать было не возможно; весь экипажъ на ней состав-

---

(*) Словарь Мальтійскаго языка, сочин. Антоніемъ Вассаліемъ, напечатанной въ Римѣ, въ 1796. *Зри* Энциклопедической Магазинъ, рѣдкое и любопытное собраніе, Часть 4 втораго года, стран. 139.

(**) Chien epagneul. Шіенъ епаніолъ.

(***) Bichon. Бишонъ.

ленъ былъ изъ Мальтійцовъ. Подобная мысль была изъ числа тѣхъ, которыя не рѣдко раждались въ нѣсколько странномъ воображеніи Г. *Тота*: ибо чрезъ то отягощалъ онъ плаваніе фрегата большимъ затрудненіемъ, потому что фелукѣ не льзя было ни съ нимъ сопутствовать вмѣстѣ, ни за нимъ слѣдовать во время бурной погоды. Начальнику скоро наскучилъ подобной сопроводникъ, и я узналъ, что вскорѣ, по выѣздѣ изъ Александріи, онъ его оставилъ и потопилъ.

По утру 8 числа, во время прекрасной погоды и при умѣренномъ Сѣверо-Западномъ вѣтрѣ, хищная птица, которую почелъ я за кончика самца (*), опустилась на рейну нашего судна; мы находились въ четырнадцати, или пятнадцати миляхъ отъ всякой земли. Матросы называютъ сію птицу *Корсеромъ* (морскимъ разбойникомъ), потому что она пересѣкаетъ крестообразно дорогу у перепеловъ и у другихъ путешествующихъ по поверхности сихъ водъ пичекъ, дабы удобнѣе уловить ихъ на полетѣ: переправа, сопряженная для нихъ со многими бѣдствіями. Будучи ввержены въ волны буйностію вѣтровъ, а иногда разтерзаны немилосердыми когтями крылатыхъ, подобно имъ пернатыхъ, сіи беззащитныя и безвинныя существа, прилетая на берега, на которыхъ могли бы наслаждаться спокойствіемъ, послѣ толикихъ опасностей и утомленій, рѣдко тамъ избѣгаютъ смерти, приготовленной имъ чело-

(*) L. Falconisus. Л. Фалконизусъ.

вѣкомъ, жестокосерднѣйшимъ и прожорливѣйшимъ ихъ непріятелемъ.

Мы плыли на Западъ, и въ скоромъ времени вѣтеръ началъ дуть съ той самой стороны. Не только пребылъ онъ намъ противенъ двое сутокъ, но сдѣлался столь жестокъ и взволновалъ море такъ, что подвергъ корабль нашъ немалому безпокойствію. Птица, предвозвѣстительница бурь (*), появилась на поверхности слѣда нашего судна, и приуготовила насъ къ бури, которую мы скоро и испытали.

12 Числа, при ясномъ небѣ, и парусы наши, надутые благопріятнымъ вѣтромъ, скоро представили нашему взору островъ *Серигo*, древнюю *Цитеру*, къ которому пристала *Венера*, когда была сотворена изъ морской пѣны. Лежащій у входа въ Восточной Архипелагъ островъ сей, во время Французскихъ побѣдъ, составлялъ часть Французской Республики подъ наименованіемъ *Департамента Эгейскаго моря*. Любезнѣйшему народу въ Свѣтѣ принадлежало владѣть землею, которую древность посвятила любезнѣйшей изъ Богинь.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Департамента моря Эгейскаго усмотрѣли мы безплодныя, ненаселенныя и въ видѣ спицы составленныя четыре скалы. *Ово*, коей образованіе дѣйствительно довольно походитъ на форму яица; оба *Куффа*, изображающіе изрядно тотъ родъ корзинъ, симъ именемъ называемыхъ въ Восточной торговлѣ; наконецъ *Сериготъ*, или

(*) Procellaria pelagica L. Процелларія пелагика. *Малая бурная птица*. Озер. Часть II, стран. 162.

малой *Сериго*. 15 Числа бросили мы якорь въ глубокомъ заливѣ, Дела-Сюдъ называемомъ, на островѣ Кандіи.

На другой день нашего отъѣзда изъ Мальты, въ тотъ самой день, въ которой кончикъ опустился на рейну фрегата, двѣ другія птицы, сѣрая небольшая малиновка (*) и желтая трясогуска (**), сѣли также на снасти нашего судна; но будучи не довольно сильны сносить утомленій продолжительнаго полета, допустили себя поймать рукою. Величина тѣла ихъ не предоставляя изобильной пищи, я упросилъ, чтобъ онѣ мнѣ были отданы. Я отнесъ ихъ въ главную каюту, и тамъ, осыпавъ ихъ ласками, которыхъ, будучи объемлемы страхомъ, не могли они чувствовать, возвратилъ имъ свободу. Или отъ предчувствованія бури, которою мы на другой день претерпѣли, или, не имѣя въ виду никакой земли, опасались пуститься въ открытое море, но послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимаго полета, влетѣли въ то же окно, изъ котораго были выпущены. Съ сего самаго времени пребыли они безпрестанно въ главной каютѣ, а естьли и были встревожены какимъ либо шумомъ, то

(*) Paſſerinette, пасеринетъ. Бюфонъ разкраш. фигур. No 579 фиг. 2. Motacilla Paſſerina L. Мотасилла пасерина Лин. Травникъ, Озер. Часть II. стран. 123. *Щевранокъ*, Слов. Акад. Гмелинъ Часть I. стран. 3.

(**) Motacilla baarula, Мотасилла баарюла, Лин. *желтобрюшка*, Слов. Акад.

вылетали изъ одного окна кормы, или изъ амбразуры, но скоро туда съ другой стороны паки возвращались. Хотя онѣ были разныхъ родовъ, но жили между собою въ наилучшемъ согласіи: онѣ играли и забавлялись на тѣхъ жестокихъ махинахъ, которыя разпространяютъ вдаль трескъ, ужасъ и смерть; на пушкѣ поставлена была ихъ небольшая провизія, изъ хлѣбнаго мякиша и прѣсной воды состоящая; сіе также было мѣстомъ ихъ отдохновенія. Довѣренность ихъ была совершенная: они летали вокругъ довольно шумнаго, ежедневно изъ двадцати человѣкъ составленнаго стола, и сіи любезные гости увеселяли своимъ щебетаніемъ, пріятными и живыми своими движеніями, сіе столь неодушевленное и столь единообразное жилище. При приближеніи береговъ острова Кандіи, милые наши мореплаватели поспѣшили туда своимъ отбытіемъ, отъ насъ удалились, разпространяя по воздуху умѣренныя свистанія, пріятныя изъявленія ихъ радости, а можетъ быть и ихъ благодарности. Прекрасныя птички! вы оставляли мѣсто засухи и безплодія, которому вы придавали наружный видъ жизни, и отлетали одушевлять прелестныя рощи, уже украшенныя всѣми благодѣяніями Природы. Да пребудьте тамъ долгое время доказательствомъ щастливаго вашего мореплаванія, и тамъ приводите на память, что посреди ужасовъ бурь и ожесточенныхъ волнъ, что въ числѣ людей, которыхъ нужда, заставляя денно и ночно преодолѣвать безпрестанныя опасности, казалось мало содѣлала способными возчувствовать нѣжныя души возбужденія, вы

нашли чувствительныя и сострадательныя существа!

Я имѣлъ случай посѣтить два раза древнюю *Криту*. Сдѣланныя мною тамъ примѣчанія будутъ помѣщены въ моемъ *Путешествіи въ Грецію* (*); которое послѣдственно за симъ будетъ издано. Съ другой стороны страницы моихъ дневныхъ записокъ, содержащія переѣздъ мой изъ *Сюдскаго* залива въ Александрію, потеряны; но я довольно помню, что они не заключали никакихъ важныхъ подробностей. Мы приставали къ Палео-Кастро, на Соломоновомъ мысу, составляющемъ самую Восточную часть острова Кандіи. Сіе мѣсто представляетъ плоской берегъ, на которомъ нѣтъ никакихъ жилищъ, кромѣ пастушьихъ хижинъ. Видъ военнаго корабля, сопровождаемаго фелукою, въ воображеніи сихъ смиренныхъ пастырей, представилъ насъ Мальтійскимъ вооруженіемъ; они скрылися со многочисленными ихъ стадами во внутренность острова, и оставили намъ берегъ, которой въ одно мгновеніе ока явленіе наше содѣлалъ пустымъ. Путь нашъ въ Александрію продолжался недолгое время, и въ нѣсколько дней достигли мы до низкихъ и песчаныхъ береговъ Египта.

(*) *Путешествіе въ Грецію*, Г. Сочиненія; будетъ составлять 4ю и 5ю Части сего Собранія Путешествій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пустыни Ливійскія. — Берега Египта. — Башни Аравитянъ. — Приставаніе къ Александріи. — Гавани ея. — Оной торговля. — Обозрѣніе города Александріи.

Плывучи подо всѣми парусами къ Востоку въ виду береговъ Африки, проѣхавъ *Дернъ* (*), мѣсто, къ которому иногда пристаютъ Турками нагруженные корабли, остается до Александріи великое пространство совершенно неизвѣстныхъ береговъ. Посреди сихъ самыхъ Ливійскихъ горящихъ полей, неотдѣлимомъ владѣніи неплодородія, должно искать границы Египта со стороны Востока; границы, неопредѣлимыя даже въ самыя древнѣйшія времена. Возпали распри между двухъ народовъ, обитающихъ на берегахъ озера Мареотиса, нынѣ безводное и совсѣмъ сухое, въ разсужденіи предѣловъ Египта и Ливіи. Они совѣщали съ Пророчественникомъ (Оракуломъ) Юпитера Аммона. Онъ рѣшилъ, по сказанію *Иродота*, что вся страна, покрытая рѣкою Ниломъ, во время ея разлитія, должна принадлежать первому изъ сихъ двухъ владѣній: черта отдѣленія, весьма нерѣшимая: ибо оная зависѣла отъ большихъ или малыхъ искуствъ и трудовъ, чрезъ которыя воды рѣки были разпространяемы на раз-

(*) Уповательно, что сіе мѣсто есть самое то, которое *Страбонъ* и *Птоломей* въ ихъ Географіи означаютъ подъ названіемъ Derrhis extrema, Деррисъ экстрема.

ныя разстоянїя. Какая нужда впрочемъ въ точномъ раздѣленїи сихъ песчаныхъ слоевъ, сихъ неизмѣримыхъ пустырей на обитаемомъ Шару, которымъ никакой народъ завидовать не долженъ: ибо тамъ ни единой человѣкъ жилища своего основать не можетъ?

Но естьли оные берега не имѣютъ никакого притяженїя для торговли, или для любопытства: то и мореплаванїю представляютъ великїя опасности. Будучи почти въ ровнѣ съ моремъ, издалека совсѣмъ непримѣтны. Корабль, одержимый на пути противными поперечными вѣтрами въ водахъ, на Ландкартахъ нашихъ означенныхъ подъ названїемъ *Залива Аравитянъ*, не имѣетъ надежды убѣжища; ни одна гавань, ни единая рейда не отверзаетъ ему пособительной окружности, и, естьли нѣтъ ему возможности противоборствовать буйности вѣтра и волнъ, его къ берегамъ влекущихъ: то долженъ онъ погибнуть. Ни мало не слѣдуетъ полагаться на утвержденїе нѣкоторыхъ Аравитянъ, назначившихъ мнѣ въ заливѣ ихъ, именемъ называемомъ Три Порта, изъ которыхъ одинъ, ими называемой *Гаванью Солимана*, описанъ мнѣ яко вѣрнымъ и безопаснымъ становьемъ. Не простительно будетъ мореходцамъ утверждаться на сїи, совершенно подозрительныя извѣстїя; а естьли въ отчаянныхъ случаяхъ и найдутъ они тамъ нѣкоторый родъ убѣжища, то подвергаются, естьли ихъ суда не будутъ вооружены лучше тѣхъ, которыми Восточныя моря покрыты, неминуемой погибели на прибрежїи, гдѣ владычествуютъ Африканскїе разбойники.

Приближаніе къ Александріи также подвержено опасностямъ: сія часть Египта столько низка, что приближеніе къ оной требуетъ великихъ осторожностей. Естьли пріѣзжаешь со стороны Ливіи, то есть съ Запада, первой признакъ Египетскія земли есть *Абусиръ*, Европейцами называемый *Башнями Аравитянъ*. Сіи суть два пригорка, на которыхъ на каждомъ возвышается башня. Они видимы, не доѣзжая до нихъ за четыре мили. Одна изъ сихъ башенъ круглая, а другая четвероугольная. По крайней мѣрѣ показались они мнѣ въ таковомъ видѣ, когда взиралъ я на нихъ съ моря. Казалось бы однако, что ихъ образованія разнствуютъ отъ той фигуры, подъ которою они мнѣ показались издалека: ибо *Гранжеръ*, которой, думать должно, посѣщалъ сіи зданія, не сдѣлалъ объ нихъ подобнаго описанія (*).

(*) „На Западномъ краю сего озера (озеро Мареотисъ) видна башня Аравитянъ, которую той „страны жители называютъ Замкомъ *Абусира*. „Дѣйствительно видъ его представляетъ четверо„угольной Замокъ, восьмидесяти футовъ выши„ны, коего каждая сторона имѣетъ двѣсти пять„десятъ футовъ ширины; построенъ изъ пре„красныхъ лещадныхъ камней, стѣны его че„тырнадцать футовъ толщины. На четверть „мили разстоянія отъ онаго Замка есть снизу „четвероугольная, сверху круглая башня, а „въ шести миляхъ отъ сего мѣста, слѣдуя всег„да къ Востоку, существуетъ другая, на стѣ„нахъ которой видны остатки Арабской надпи-

Часть береговъ Египта, отъ Александріи къ Востоку лежащая, отъ береговъ, на Западъ простирающихся, довольно отличается. Они не столько низки и не такъ обнажены, а притомъ пересѣкаемы неровностями. На нихъ примѣчательны нѣкоторые слѣды хлѣбопашества, видны пальмовыя деревья и жилища. Путешественникъ наконецъ удостовѣриться можетъ, что онъ находится въ прямомъ направленіи къ Александріи по встрѣчающейся взору его Помпеевой колоннѣ, а прежде того по виду двухъ пригорковъ, состоящихъ позади нынѣшняго города и въ окружности древней Александріи. Но съ какой бы стороны ни приставали къ симъ опаснымъ берегамъ, то не возможно употребить довольно осторожности, потому что всѣ сіи признаки видны не издалека, и что теченіе воды, увлекая корабли, уноситъ ихъ къ Африкѣ съ такою быстротою, которую легче предвидѣть, нежели изчислить можно.

Двѣ, равномѣрно пространныя гавани, представляются кораблямъ, которые намѣрены стоять на якорѣ близъ Александріи. Одна, состоящая отъ города на Западъ, называется *Старою гаванью:* входъ въ оную нѣсколько затруднителенъ по причинѣ двухъ мѣлей, оставляющихъ между собою довольно узкой проходъ, или каналъ, но внутренность ея составляетъ глубокой бассеинъ, безопасной и защищающей корабли отъ самой неблагопріятной погоды.

„си. Всѣ сіи зданія разрушаются.“ *Гранжеръ, Описаніе путешествія въ Египетъ въ* 1730, *стран.* 221.

Другая, простирающаяся къ Востоку и отдѣленная отъ первой не весьма широкимъ полуостровомъ, получила наименованіе *Новой гавани*; она имѣетъ не много глубины; великое множество подводныхъ камней и мѣлей ее затрудняютъ, и она совсѣмъ открыта Сѣверными вѣтрамъ. Естьли по сему описанію вообразить, что сія послѣдняя гавань нынѣ должна быть почти оставлена, то въ томъ всякой ошибется. Здѣсь изступленіе превозмогаетъ совершенно изчисленную пользу. Хотя Александрійцы и охотно входили съ Европейцами въ торговыя дѣла, но лишали Европейскіе корабли средствъ подкрѣплять безъ опасенія торговлю, отъ которой получали они толикія выгоды. Одни суда послѣдователей *Магомета* имѣли право стоять въ старой гавани, и хотя бы корабли другихъ націй долженствовали погибнуть, за неимѣніемъ безопаснаго убѣжища, но имъ запрещено было входить въ мѣсто, имѣющее толико глупое и безразсудное изключительное право.

У входа въ новую гавань есть подводной камень, называемый *Брилiантъ*. Должно какъ можно ближе къ нему держаться, дабы миновать по другую сторону состоящія мѣли, и которыя, будучи единственно покрыты на нѣсколько футовъ водою, суть еще его опаснѣе. *Брилiантъ*, подобно какъ и другіе въ сосѣдствѣ его, почти наровнѣ съ водою лежащіе камни, могутъ быть частію развалинъ древняго Фара (Маяка), такъ что кораблямъ нынѣ предстоитъ совершенная гибель на останкахъ прекраснѣйшаго въ Свѣтѣ памятника, для сохраненія

ихъ воздвигнутаго и не имѣющаго себѣ подобнаго.

Песчаной грунтъ новой гавани наполненъ скалами и обломками камней, и сіе влажное поле разрушенія часто бываетъ позорищемъ ужаснѣйшаго отчаянія. Канаты източаются и перерываются треніемъ о каменья. Корабли, будучи сжаты другъ съ другомъ вдоль засыпи, съ трудомъ могутъ противиться буйности Сѣвернаго вѣтра и жестокости имъ раздраженныхъ волнъ, а особливо зимою, то есть, въ теченіе мѣсяцовъ Ноября, Декабря и Января, время, въ которое воздухъ бываетъ нѣсколько прохлаженъ отъ дождей и грозъ. При наступленіи подобныхъ бурь, всѣ люди оставляютъ свои суда, опасаясь быть обще съ оными разбиты береговыми камнями. Первый корабль, у котораго канаты перерываются, столкнувшись съ своимъ сосѣдомъ, его съ собою увлекаетъ; оба по томъ ударяютъ третій, которой не можетъ выдержать ихъ стремленія, и въ одну почти минуту вся линія бываетъ смѣшана, изтреблена и волнами поглощена. Не проходитъ почти ни одного года, чтобъ Александрія не была свидѣтельницею подобныхъ сокрушеній, отъ которыхъ безъ сомнѣнія гавань бы ея опустѣла, естьлибъ опасности могли устрашить ненасытимую людскую алчность къ деньгамъ.

Военные корабли, требующіе большой глубины, принуждены стать на якорь тотчасъ, проѣхавъ *Брилліантъ* и двѣ *мѣли*, о которыхъ я уже упоминалъ, то есть, при самомъ входѣ въ гавань. Фрегатъ *Аталантъ* пребылъ такимъ образомъ больше мѣсяца, будучи обезпокоенъ

безпрестанною качкою: положеніе опасное; но которое предпочелъ я лучше раздѣлить съ моими друзьями, чѣмъ переѣхать на берегъ, что совершенно зависѣло отъ моей воли, потому что мнѣ предписано было остаться въ Египтѣ. Сія дурная пристань еще больше наполнена подводными камнями съ Восточной стороны. Кораблямъ нѣтъ средства туда подъѣхать; ибо высадка людей тамъ есть дѣйствіе неисполнимое. Мы тщетно старались пристать туда на шлюбкѣ, въ намѣреніи посѣтить состоящіе на той сторонѣ Обелиски; но колебаніе волнъ столь сильно и часто ударяло шлюбку нашу о камни, что мы едва не потонули и съ трудомъ могли спасти себя.

Оная скверная и неудобная гавань совсѣмъ тѣмъ всегда почти наполнена кораблями. Безпрестанное движеніе являетъ въ ней дѣятельность торговли. Тамъ нагружаются корабли сокровищами Азіи и Африки, а между тѣмъ выгружаются произведенія художествъ и мануфактуръ Европы. Столь важное Географическое положеніе не могло не обратить прозорливаго вниманія Великаго Александра. Посреди скоротечности своихъ побѣдъ возчувствовалъ онъ, что на ономъ мѣстѣ можетъ воздвигнуться позорище сношеній между всѣхъ націй, и вдругъ представилъ Александрію на удивленіе и для торговли народовъ. *Динократъ* начертилъ ея планъ въ присутствіи самаго Александра и управлялъ производимыми въ ней работами. Сей человѣкъ былъ изъ числа людей, имѣющихъ смѣлое и обширное понятіе, и которыхъ вѣки рѣдко производятъ. Бытописаніе сохра-

нило намъ примѣчательной и умъ его изъявляющій поступокъ. Въ намѣренiи содѣлать вѣчными имя и славу перваго въ Свѣтѣ Побѣдителя памятникомъ, навсегда твердымъ, предложилъ онъ употребить на сïе даже часть Земнаго Шара, а именно, чтобъ обтесать безмѣрной величины гору, гору *Афосъ*, и сдѣлать изъ нея непотрясаемую статую, коей сама земля была бы основанiемъ, и которая затмила бы всѣ чудесныя произведенiя Египта. Мысль величественная, удостоившая художника равняться съ Ироемъ.

Съ подобнымъ Александру, чтобъ расположить планъ города, и съ такимъ, каковъ былъ *Динократъ*, чтобъ привесть его въ исполненiе, не мудрено вообразить обширность и великолѣпность сего вновь созданнаго града. Короли Египетскïе паки оной украсили удивительными зданiями, истребленiе коихъ возбуждаетъ наши сожалѣнiя. Въ царствованiе одного изъ Пиломеевъ, *Сострат*ъ, другой Архитекторъ, родомъ изъ *Книда*, построилъ *Фаросъ* (Маякъ), почитаемый древними въ числѣ семи чудесъ Свѣта. Другой Государь собралъ неизчислимую Вифлïотику. Александрïя наконецъ содѣлалась средоточïемъ Наукъ и сокровищъ: нигдѣ въ Свѣтѣ не существовала торговля въ толикой силѣ. Историкъ *Iосифъ* увѣряетъ, что она больше приносила доходу казнѣ Римлянъ въ одинъ мѣсяцъ, чѣмъ остальная часть Египта во весь годъ. Жители ея, съ равнымъ успѣхомъ, упражнялись какъ въ полезныхъ, такъ и въ прïятныхъ художествахъ. Вкравшаяся въ нее роскошь въ скоромъ времени достигла до

самой вышней степени; блестящія и безвредныя увеселенія превратились въ наглое своевольство; вкушаемыя въ ней пріятности были обращены въ пословицу: Нравы развратились и Александрія погибла. Примѣръ жестокій, но народами всегда забвенный и не уважаемъ.

Я не намѣренъ дѣлать описанія сего славнаго Александрова города. Многіе и безъ меня тщились сіе исполнить. Впрочемъ оныя подробности принадлежатъ до Исторіи, а я не забываю, что путешественникъ долженъ повѣствовать только о томъ, что онъ видѣлъ, а не о томъ, что онъ читалъ. Зданія, которыя казались презирать долговременность, обрушились съ городомъ, коему они служили украшеніемъ; пламень, коимъ управляли люпость и невѣжество, пожралъ книгохранилище *Птоломеево*; Фаросъ покрытъ морскими водами, а башня, нынѣ служащая Маякомъ, даже не означаетъ мѣста, на которомъ онъ былъ построенъ. Нынѣшняя Александрія занимаетъ самую малую часть земли въ окружности града Александрова; она представляетъ городъ, или лучше сказать село совсѣмъ новаго разположенія, въ которомъ нѣтъ ничего древняго, кромѣ разсѣянныхъ въ немъ развалинъ. Разумъ жителей, ихъ нравы, познанія, художества, даже и торговля, всё въ ней угнетено, и естьли путешественникъ не былъ подкрѣпляемъ остатками столь нѣкогда славнаго города, то не имѣлъ бы никогда духу упомянуть о новой Александріи.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Новая Александрія. — Оной жители. — Жиды. — Мстительность. — Убійство Консула, въ Александріи пребывающаго, и одного Голландца. — Нарѣчіе. — Развалины.

Я долженъ предувѣдомить, что, будучи въ Александріи много разъ, послѣдственно сообщу свои примѣчанія, хотя они мною дѣланы въ разныя времена. По сей причинѣ оставлю на нѣсколько минутъ образъ повѣствованія и опишу однимъ почеркомъ все, что въ ней видѣлъ во многія поѣздки, не принуждая себя наблюдать числа моихъ изслѣдованій. Я послѣдую сему же порядку, которой показался мнѣ естественнѣе и удобнѣе для Читателей, когда долженъ буду описывать мѣста, посѣщаемыя мною въ разныя времена.

Писать о городѣ Александріи подробно, послѣ толикаго числа именитыхъ Особъ, сказалъ одинъ искусный примѣчатель, путешествующій въ Египтѣ въ царствованіе Франциска I, *будетъ ничто другое, какъ одно повтореніе* (*). Со времени, въ которое Беллонъ писалъ, многіе Сочинители, въ числѣ коихъ можно почесть больше одной именитой особы, предоставили описанія остатковъ сего славнаго города, слѣдовательно и не возможно избѣгнуть *повторенія*. Но, не упоминая теперь о нѣкоторыхъ новыхъ замѣчаніяхъ, мною сдѣланныхъ о развалинахъ

(*) *Примѣчанія Беллона.* Книга 2, Глава 19.

древней Александріи, скажу, что любопытность тѣхъ, которые будутъ читать мою книгу, будетъ мало удовольствована и ожиданіе ихъ обмануто, естьли, дабы предоставить имъ свѣденіе о томъ, что и по нынѣ существуетъ на сколь прославленныхъ берегахъ, велѣлъ бы я имъ справляться не съ моею, но съ другими книгами; впрочемъ буду только упоминать о такихъ вещахъ, которыя были подвержены собственному моему разсмотрѣнію.

Географическая широта Александріи описана древними Астрономами съ довольною точностію. *Птоломей*, будучи самъ родомъ изъ Египта, помѣстилъ ее въ своей Географіи подъ 31° широты Сѣверной, а въ своемъ Алмагестѣ (*) подъ 30° 58′. *Ерастофенъ* его справедливѣе, нашелъ сію самую широту подъ 31° 12′, что весьма сходствуетъ съ примѣчаніями нынѣшнихъ временъ Астрономовъ, коимъ совершенное изправленіе звѣздочетія и инструментовъ предоставило великую выгоду. *Шазель*, Членъ Парижской Академіи Наукъ, утвердилъ сію несходность, и нашелъ широту Александріи подъ 31° 11′ 20″, а долготу подъ 47° 56′ 33″.

Новой городъ, или лучше сказать село Александріа построенъ по большой части на берегу моря. Домы въ немъ, такъ какъ и во всѣхъ Восточныхъ странахъ, имѣютъ кровли, сдѣланныя наподобіе терраса (насыпи); они

(*) Названіе славнаго Птоломеева сочиненія объ Астрономическихъ примѣчаніяхъ.

безъ окошекъ, и отверзтія, вмѣсто оныхъ служащія, почти совсѣмъ задѣланы выдающеюся деревянною рѣшеткою разнаго образованія и столь частою, что свѣтъ едва сквозь оную проходить можетъ. Въ сихъ странахъ, больше чѣмъ въ другихъ земляхъ, подобныя выдумки, превращающія жилища въ темницы, можно назвать настоящими *выдумками ревности*. Сквозь подобную, иногда со вкусомъ разположенную, соразмѣрность перекладинъ можетъ красота видѣть все, что происходитъ на улицѣ, не бывъ сама никогда видима. Въ сего рода вѣчныхъ заключеніяхъ, или уединеніяхъ, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться почитаніемъ, которое Природа повелѣваетъ имѣть ко всѣмъ чувствительнымъ существамъ, испытываютъ они безпрестанныя презрѣнія и поруганія; здѣсь наконецъ одна часть человѣческаго рода, употребя во зло гнусное право сильнаго, удерживаетъ въ уничижительномъ порабощеніи другую часть, коей однѣ прелести, имѣли бы силу смягчить и зной климата и лютость обладателей его.

Городскія улицы узкія, дурно разположенныя, не намощены и безъ Полицейскаго присмотра; ни единое публичное зданіе, ни одно частныхъ людей строеніе не обращаетъ взоровъ путешественника, и естьлибъ развалины стараго города не поражали его вида, то не нашелъ бы онъ въ новой Александріи ничего достойнаго обратить его вниманіе. Турки, Аравитяне, Барбарески, Копты, Сирійскіе Христіяне, Жиды, составляютъ ее населеніе, которое полагается числомъ до пяти тысячь обывателей, естьли въ точности оное опредѣлить

возможно въ такой землѣ, въ которой никогда и ни о чемъ переписей не бываетъ. Торговля сверхъ того привлекаетъ туда множество иностранцовъ со всѣхъ сторонъ Востока, которые и имѣютъ здѣсь маловременное пребываніе. Толикое безпорядочное соединеніе людей разныхъ націй, завидующихъ другъ другу и почти всегда во враждѣ пребывающихъ, представило бы любопытному изслѣдователю странное смѣшеніе одеждъ и нравовъ, если либо вертепъ разбойниковъ заслуживалъ примѣчанія. Удивительно видѣть ихъ толкающихъ другъ друга по улицамъ, по которымъ они бѣгаютъ, а не ходятъ: они также больше кричатъ, нежели говорятъ. Мнѣ не рѣдко случалось останавливаться близъ многихъ особъ, которыя казались мнѣ разпаленными гнѣвомъ: онѣ придавали голосу своему всю силу, свойственную широкой и крѣпкой груди; на лицахъ ихъ изображались черты страсти; глаза отъ ярости сверкали; грубыя движенія сопровождали рѣчи, которыя казались еще того грубѣе. Я подходилъ къ нимъ съ трепетомъ, думая видѣть между ими произведенное убійство; но былъ не мало удивленъ, узнавъ, что разговоръ ихъ состоялъ о весьма маловажномъ торгѣ; что въ словахъ ихъ не было никакой угрозы; что одна наружность ихъ была въ движеніи, и что наконецъ весь этотъ шумъ былъ ничто иное, какъ обыкновенное ихъ обращеніе въ договорахъ о цѣнѣ товаровъ.

Сей обычай, придавать голосу сильнѣйшую гибкость въ разговорахъ, обыкновенъ почти всѣмъ Восточнымъ народамъ, изключая

Турокъ, коихъ осанка и привычки суть степеннѣе и больше основательны (*). Нѣтъ между нами ни одного человѣка, которой бы не могъ запримѣтить, что Жиды, народъ, имѣвшій даръ сохранять свои нравственности и обряды у другихъ націй, отъ которыхъ онъ отчужденъ, говорятъ весьма громко, а особливо между собою. Изключая нѣкоторыхъ изъ числа ихъ, коихъ принужденіе, въ подражаніе нашихъ обращеній, довольно доказываетъ, что они имъ не суть свойственны; видимъ мы всѣхъ ходящихъ по улицамъ съ нагнутымъ впередъ туловищемъ и безъ малѣйшаго колѣно движенія, малыми и быстрыми шагами, болѣе изображающіе бѣгъ, чѣмъ обыкновенную походку. Они существуютъ и въ Египтѣ, гдѣ живутъ въ поношеніи и презрѣны больше, нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, и суть, равномѣрно какъ и въ Европѣ, скупы, хитры, обольстительны и подлые обманщики. Мошенничества ихъ не походятъ на грабежи *Бедуинцовъ* и другихъ воровъ Египетскихъ; они не столь явны и не исполняются съ открытою силою; но суть, подобно какъ и у насъ, хитрыя плутовства;

(*) „Индусцы говорятъ отмѣнно громогласно, „что и показалось мнѣ весьма непріятнымъ до „тѣхъ поръ, пока привычка, которая дѣлаетъ „намъ все сноснымъ, меня къ нарѣчію ихъ пріучила.“ Письмо частнаго человѣка, бывшаго нѣсколько лѣтъ въ воинской службѣ Аглинской компаніи въ Бомбаѣ, помѣщенное въ Путешествіяхъ въ Европу, Азію и Африку, Макинтоша, Часть I.

услужливыя похищенія, которыя, наполняя ихъ карманъ, тихомолкою опустошаютъ кошелекъ ближняго. Вотъ въ какомъ положеніи и съ какими качествами находилъ я Жидовъ вездѣ, гдѣ мнѣ случалось ихъ видѣть. Во всѣхъ мѣстахъ познаются ихъ неистребимые пороки до тѣхъ поръ, пока, упорствуя, не захотятъ переступить черту, ими назначенную, между собою и другими народами; во всѣхъ мѣстахъ равномѣрно видимъ мы ихъ употребляющими тѣ же средства, одинаковыя коварства, одинаковаго роду бездѣльства, коихъ послѣдствіе нарушаетъ порядокъ общества; наконецъ находимъ въ нихъ ту же самую нечувствительность, ту же неблагодарность, которою они въ послѣднія времена оказали Франціи за ея щедроты и великодушные поступки.

Нѣкоторыя Александрійскія Жидовки, во время пребыванія моего въ ономъ городѣ, принимали къ себѣ въ домъ Европейцовъ. Сіи женщины были собою довольно пригожи и не безъ разума. Не льзя сказать, чтобъ и сообщество ихъ было безъ пріятности, а естьли и можно приписать имъ нѣкоторую частицу безмѣрнаго побужденія къ прибытку, изъявляющее свойство мущинъ ихъ націи, но по крайней мѣрѣ похищенія ихъ были больше сносны, обманы любезнѣе, и ихъ въ томъ безъ труда извинить было можно.

Всякой судить можетъ, до какихъ чрезвычайностей могутъ доходить люди, которые въ дѣлахъ само-маловажнѣйшихъ и обыкновенныхъ являютъ наружность изступленія. Когда душа

ихъ волнуется, когда соучаствуетъ въ спыльчивыхъ тѣлодвиженіяхъ: но ничто уже ихъ обуздать не можетъ. Будучи подобны стремительному потоку, наносящему ужасъ какъ своимъ шумомъ, такъ и опустошеніями, предаются они всей ярости бѣшенства своего. Тогда дѣйствительно уподобляются они люпымъ звѣрямъ, оспоривающимъ у нихъ пески, которые они и сами равномѣрно кровію обагряютъ. Отъ сего происходятъ народныя возмущенія, мятежныя сходбища, отъ которыхъ Европейцы не рѣдко претерпѣвали бѣдствія. Достойно взять на замѣчаніе, что сей неспокойный и къ бунту склонный духъ существовалъ также, но не съ толикимъ буйствомъ, и въ древнихъ жителяхъ *Александріи*.

Естьли мщенію воздвигнуты жертвенники, то конечно существуютъ они въ Египтѣ. Въ сей странѣ мстительность терзаетъ всѣ сердца и есть неукротимое божество. Не только большая часть мущинъ, коихъ смѣсь составляетъ главное число обывателей, никогда обиды не прощаютъ, но какъ бы ни было торжественно сдѣланное имъ удовлетвореніе, то только тогда почитаютъ себя удовольствованными, когда сами обагрили руки кровію того нещастнаго, котораго объявили своимъ непріятелемъ. Хотя долгое время сохраняютъ свою ненависть и до тѣхъ поръ ея скрываютъ, пока не найдутъ удобнаго случая оную утолить; но совсѣмъ тѣмъ дѣйствія отъ сего долговременія не суть меньше ужасны, будучи всегда сопровождаемыя здравымъ разсужденіемъ. Естьли Европеецъ, или, какъ они насъ

называютъ, *Франкъ*, возбудилъ ихъ злобу: то безъ разбора обращаютъ ее на Европейца, ни мало не заботясь, родственникъ ли, другъ, или даже соотечественникъ онъ обидчика. Такимъ образомъ дѣлаютъ они свое негодованіе совершенно неизвинительнымъ: ибо ихъ отмщеніе превращается въ звѣрство.

Вся Александрія, въ пріѣздъ мой въ оный городъ, была наполнена слухомъ о умерщвленіи, нѣсколько тому годовъ, пребывающаго тамъ Французскаго Консула (*). Одинъ Французской парикмахеръ забавлялся охотою въ окрестностяхъ города, у него зашла ссора съ Аравитяниномъ, которую Европеецъ неосторожно кончилъ оружейнымъ выстрѣломъ и лишилъ жизни своего соперника. Извѣстіе объ ономъ убійствѣ скоро повсюду разпространилось. Народъ возсталъ и хотѣлъ въ ярости своей безъ различія умертвить всѣхъ живущихъ здѣсь Европейцевъ. Съ немалымъ трудомъ народъ успокоили, отдавъ ему на произволеніе убійцу, которой и былъ повѣшенъ на торговой площади; но одинъ Аравитянинъ, родной братъ убитаго, хотя и былъ свидѣтель казни, не на-

(*) Гражданинъ *Вольней* упоминаетъ объ ономъ произшествіи въ своемъ Путешествіи въ *Египетъ* и *Сирію*. Между его и моею повѣстію есть нѣкоторая разница. Я описываю его точно такъ, какъ разсказывали мнѣ объ ономъ очевидные свидѣтели, у которыхъ всѣ обстоятельства сего дѣла сохранялись въ памяти.

шелъ себя довольно отомщеннымъ: онъ поклялся принесть въ жертву душѣ усопшаго своего брата перваго *Франка*, котораго онъ повстрѣчаетъ.

Всѣ Европейцы цѣлые три мѣсяца не выходили изъ домовъ своихъ въ надеждѣ, что бѣшенство сего изступленнаго человѣка наконецъ уполится. По истеченіи сего времени и по увѣдомленіямъ, которыя могли ихъ успокоить, разсудили, что могутъ выходить изъ своихъ убѣжищъ безъ опасенія. Цѣлые уже восемь дней по обыкновенію ходили они по полямъ и по городу, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ нещастной встрѣчи. Консулъ во все сіе время, опасаясь пуститься на отвагу, пребывалъ въ своемъ домѣ; наконецъ разсудилъ, что и онъ можетъ наслаждаться воздухомъ, не подвергая себя опасности. Онъ прогуливался по берегу канала въ сопровожденіи одного Янычара изъ числа охранителей своихъ. По нещастному и непредвидимому случаю Аравитянинъ, которой тщательно питалъ въ сердцѣ своемъ чувство мщенія и носилъ всегда съ собою оружіе, чтобъ оное удовольствовать, находился въ томъ же мѣстѣ. Онъ подошелъ къ Французу, которой не имѣлъ никакого сомнѣнія, и, будучи столько же подлъ, сколько жестокосердъ, повергъ его на землю оружейнымъ выстрѣломъ въ спину. Янычаръ, вмѣсто того, чтобъ отмстить, или по крайней мѣрѣ пособить тому, котораго онъ, по должности своей, обязанъ былъ оберегать, убѣжалъ изъ всей мочи, и нещастной Консулъ чрезъ нѣсколько часовъ испустилъ духъ отъ полученныхъ ранъ. Французскіе купцы отпра-

вили въ Константинополь легкое судно для изпрошенїя правосудїя. Оттоманская Порта прислала Чиновниковъ, снабженныхъ точными и строгими повелѣнїями для изслѣдованїя сего дѣла; но всѣ сїи повелѣнїя съ начала были отвращены, а наконецъ остались безъ изполненїя. Убїйца даже не выѣзжалъ изъ города, вездѣ являлся и остался безъ наказанїя. Французскїе купцы были принуждены скрыть свое огорченїе ради собственной ихъ безопасности, и, сверхъ претерпѣнной Французскою нацїею обиды въ убїйствѣ ея повѣреннаго, народная торговля лишилась знатныхъ суммъ, безполезно издержанныхъ для полученїя справедливаго удовлетворенїя.

Подобныя приключенїя, по нещастїю, были не довольно рѣдки для спокойствїя тѣхъ, которые по обстоятельствамъ принуждены были жить въ Египтѣ, или въ нѣкоторыхъ частяхъ *Сирїи*, гдѣ народъ, изключая сосѣдства, много сходствуетъ съ жителями Египта. Въ концѣ Октября мѣсяца 1751 Драгоманъ, или Переводчикъ Голландской въ *Алепѣ* прогуливался съ своимъ Консуломъ; крестьяне близь лежащей деревни заблаго разсудили обвинить его въ смерти утонувшаго молодаго человѣка и коего тѣло они вытаскивали изъ воды. Столь неосновательное и глупое обвиненїе было принято за справедливое всею деревнею. Вопли мщенїя были единогласны. Къ Алепскому Пашѣ отправлена была депутацїя для изтребованїя у него Голландца. Губернаторъ не хотѣлъ сего изполнить. Деревенскїе жители возмутили Алепскихъ обывателей. Страшное скопленїе народа угро-

жало зажечь городъ и умертвить всѣхъ *Франковъ*, естьли не отдадутъ имъ Драгомана, скрывшагося у Паши въ домѣ. Сей хотя совершенно увѣренъ въ невинности Европейца, но принужденъ былъ, для избѣжанія важнѣйшихъ послѣдствій и бѣдствій, приказать удавить нещастнаго Голландца, а трупъ его отдать на произволъ бунтовщиковъ, которые и повѣсили его на дерево.

Картина, представленная мною о нравахъ обывателей нынѣшней Александріи, сколь ни писана темными красками, но есть совершенно справедливая. Я описывалъ ихъ такими, каковыми я ихъ нашелъ. Я бы могъ, для удостовѣренія мною сказаннаго, сослаться на повѣствованія многихъ достойныхъ путешественниковъ, а особливо Европейцовъ, кои по должностямъ, торговымъ умозрѣніямъ, или изъ любопытства принуждены были жить нѣкоторое время въ Александріи, и которые не только были свидѣтелями, но можетъ быть и жертвами сего люта го нрава, а естьли, при вступленіи побѣдоноснаго войска, и умѣли они предстать подъ личиною добрыхъ и честныхъ людей, то сему удивляться не должно. Человѣкъ жестокосерднѣйшій обыкновенно бываетъ самой подлѣйшій; онъ только тогда являетъ храбрость, когда увѣренъ, что онъ сильнѣе своего соперника; онъ раболѣпствуетъ, коль скоро ослабѣваетъ; но сохраняетъ вѣроломство и предательство, и сіи орудія подлыхъ душъ будутъ имъ употребляемы всякой разъ, когда удостовѣрится, что-можетъ ими дѣйствовать скрытнымъ образомъ.

Арабской языкъ въ общемъ употребленїи какъ въ Александрїи, такъ и во всемъ Египтѣ; но большая часть жителей Александрїи, а особливо тѣ, которые по торговымъ связямъ больше имѣютъ сношенїя съ Европейскими купцами, говорятъ и по Италїански, языкъ, извѣстный во всѣхъ приморскихъ мѣстахъ Востока. Здѣсь также употребляютъ *Мореской*, или *Франской языкъ*: сїе нарѣчїе составлено изъ дурнаго Италїанскаго, Испанскаго и Арабскаго языковъ. Въ Александрїи удобнѣе и скорѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ, можетъ иностранной достать слугу, коего вѣрность хотя нѣсколько и подозрительна, но которой по крайней мѣрѣ можетъ дать себя вразумѣть тѣмъ, которые по Арабски не умѣютъ. *Сердаръ*, маловажной чиновникъ, здѣсь управляетъ начальствомъ; но власть его такъ слаба, что онъ часто не въ силахъ содержать необузданную чернь въ повиновенїи.

Пространство песку и пыли, куча обломковъ камней были достойнымъ жилищемъ поселенцовъ Александрїи, кои каждый день усугубляли ужасъ и омерзенїе сего ихъ пребыванїя. Опрокинутыя и разсѣянныя колонны, другїя хотя и прямыя, но совсѣмъ отдѣленныя; изкаженныя статуи, капители, стропилы, всякаго званїя отрывки, усыпаютъ поверхность земли, коею она окружена. Не возможно сдѣлать шагу, чтобъ не столкнуться такъ сказать съ какою нибудь развалиною. Александрїя представляетъ безобразное позорище ужаснѣйшаго разрушенїя. Скорбитъ духъ, взирая на сїи остатки величества и великолѣпности, возстаетъ душа про-

тивъ варваровъ, дерзнувшихъ наложить нечестивую руку свою на памятники, которые и время, немилосерднѣйшій всего снѣдатель, уважило бы и сохранило.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Окружность Александріи во время Аравовъ. — Шпицы Клеопатры (Эгіилъ). — Клеопатра. — Чертоги Королей Египта. — Столбъ Помпеевъ.

Предѣлы города Александріи, въ древнія времена столь пространнаго, имѣвшаго нѣсколько миль окружности и близь миліона жителей, стѣснены Аравитянами, похитителями онаго. Сія новая округа, составленная изо ста со сводами башенъ и твердыхъ стѣнъ, заключаетъ Александрію нашихъ временъ, коей положеніе, какъ я уже выше сказалъ, нынѣ столь жалостно. Новая Александрія, строеніями не изобильная, занимаетъ самую малую часть земли, на которой воздвигнутъ городъ Александромъ Великимъ, и отдѣляется отъ древнихъ городскихъ границъ большими промежутками, изображающими образъ совершеннаго разрушенія, кучи обломковъ и развалинъ. Многіе Писатели думали, что сіи стѣны суть самыя тѣ, которыя построилъ *Александръ*. Подобное мнѣніе, давно уже оставленное, возобновилъ Г. Тоттъ (*); но ихъ построеніе не сходствуетъ

(*) Записки Барона *Тотта*, Часть II, стран. 180.

ни съ Греческою, ни съ Римскою Архитектурою, явственно изображаетъ вкусъ Аравитянъ, и есть одного роду Архитектуры стѣнъ города *Каира*, которыя неоспоримо воздвигнуты ими. Колонны и другіе отрывки совершенно древнихъ памятниковъ, употребленные на ихъ составленіе, доказываютъ безъ возраженія, что они не такъ давно существуютъ, а надписи Арабскими и Куфическими буквами, въ разныхъ мѣстахъ на башняхъ находившіяся, о ихъ началѣ отвергаютъ всякое сомнѣніе. Большая часть путешественниковъ о времени построенія оныхъ стѣнъ между собою согласны. Изъ числа таковыхъ предложу въ доказательство славнаго и ученаго *Покока*, коего изысканія въ древности больше уваженія достойны. Вотъ его слова: „Отъ Эгиры въ лѣто 600, отъ Р. Х. въ 1212, „одинъ изъ наслѣдниковъ *Саладина*, похитивша„го Египетъ у Калифовъ, семейства *Фатиміан„скаго*, построилъ стѣны новой Александріи; „для сей работы, коей окружность прости„рается на двѣ Французскія мили, употребле„ны остатки древняго града. Стѣны и сто „башенъ, коими они защищаемы, составлены „изъ кусковъ мрамора и изъ разломанныхъ ко„лоннъ, смѣшанныхъ съ простыми камнями (*).“

Толстыя стѣны, со всѣми защищающими ихъ башнями, какъ уже о томъ выше сказано, больше двухъ миль пространства не занимаютъ, а между тѣмъ извѣстно, что городъ

(*) Путешествіе *Рихарда Покока*, Часть I, стран. 493.

Александрія, по разнымъ свѣденіямъ и изчисленіямъ, имѣлъ семь или восемь миль окружности (*). Матеріалы, употребленные на построеніе нѣкоторыхъ изъ числа сихъ башенъ, разнствуя отъ остатковъ древнихъ зданій, суть удивительнаго свойства, о которыхъ ни одинъ извѣстной путешественникъ до сихъ поръ не упоминалъ и ихъ не описывалъ. Обыкновенные и простые камни видны только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя или были поправлены, или не въ давномъ времени вновь построены. Съ самаго начала каменная ихъ работа сдѣлана была изъ каменистой тверди, составленной изъ великаго множества маленькихъ окаменѣлыхъ и шпатовыхъ раковинъ, смѣшанныхъ безпорядочно съ нѣкоторымъ родомъ цегмента (разтворомъ), ихъ вмѣстѣ связывающимъ, такъ что сія отмѣнно крѣпкая матерія, или густота, кажется больше быть составомъ, изобрѣтеніемъ искуства, нежели природнымъ камнемъ.

Прочность стѣнъ и пространство башенъ, которыя всѣ могутъ быть сравнены съ толикимъ же числомъ крѣпостей, составляли изъ окружности, сдѣланной Аравитянами, преграду, могущую выдержать долговременную защиту. Не взирая на разположеніе и сопротивленіе Мамелюковъ и ихъ войскъ, небольшое число Французовъ, безъ пушекъ и почти безъ аммуниціи, овладѣли ею приступомъ. *Александръ* разположилъ основаніе города, коего торговля, Науки и чудеса искуства увѣковѣчили память.

(*) *Пококъ*, на той же страницѣ.

Буонапарте изторгнулъ остатки сего же града изъ рукъ варваровъ, коихъ присутствіе оскверняло развалины; возвратилъ его всеобщей торговлѣ, которая, по его положенію, ему неоспоримо принадлежала, и которая возобновитъ древнюю его имянитость. Неизвѣстно, кто изъ двухъ героевъ, основатель ли, или возобновитель, болѣе произведетъ удивленія въ нашихъ потомкахъ.

Къ Восточному концу полумѣсяца, составленнаго изъ новой гавани и близь берега, существуютъ два обелиска. По общему соглашенію, называютъ ихъ *Шлицами Клеопатры*, хотя совсѣмъ не доказано, чтобъ они были твореніемъ сей Египетской Царицы. Ей также приписываютъ, безъ всякаго Историческаго доказательства, изкопанія, *Банями* ея называемыя, и построеніе канала, которой и до сего времени предоставляетъ воду рѣки *Нила* въ водоемы Александріи: воздаваемое почитаніе знаменитымъ качествамъ послѣдней Царицы поколѣнія *Птоломеевъ*. Такимъ-то образомъ пребываетъ почти въ невѣденіи имя славныхъ Мужей, воздвигнувшихъ удивительныя Египетскія зданія, а сохраняется тщательно память о женщинѣ, прославленной своимъ великолѣпіемъ, разумомъ, героическимъ духомъ и несравненною своею красотою; о той, коей прелести возторжествовали надъ первымъ Римляниномъ; наконецъ о той, которую можно только упрекать въ заблужденіяхъ страсти, въ пылкой душѣ и подъ знойнымъ небомъ, почти непобѣдимой, на которую *Граціи* съ улыбкою взираютъ и которую Природа не отвергаетъ.

Одинъ шпицъ Клеопатры стоитъ и по нынѣ прямъ на своемъ основанїи, а другой опрокинутъ и почти совсѣмъ покрытъ песками. Первой показуетъ, что можетъ рука человѣческая противу времени; другой служитъ примѣромъ могущества времени противу усиленїя человѣка. Я не могъ вточности ихъ измѣрить; но одинъ старинной Французской путешественникъ, которой кажется лучше всѣхъ старался узнать ихъ протяженїе, увѣряетъ, что они имѣютъ пятьдесятъ футовъ шесть дюймовъ вышины и семь футовъ ширины со всѣхъ сторонъ ихъ подножїя (*). Они вытесаны изъ цѣльнаго куска гранита и на каждомъ ихъ боку находятся Гїероглифическїя буквы. Впечатлѣнїя Гїероглифовъ и по нынѣ явственны на сторонахъ онаго шпица и ихъ безъ труда разобрать было можно, изключая тѣхъ, которыя состоятъ къ Востоку и кои уже совсѣмъ изчезли.

Близь оныхъ обелисковъ находился Дворецъ Царей Египетскихъ, коего видны и теперь богатые остатки просторанства и великолѣпїя. Они суть неизчерпаемый источникъ прекрасныхъ кусковъ мрамора и гранита, которые нынѣшнїе жители Александрїи посрамляютъ, употребляя ихъ купно съ самыми простыми матерїалами на построенїе своихъ домовъ и зданїй. Не глубокїя взрытїя земли предоставляли на ономъ мѣстѣ больше, чѣмъ

(*) Путешествїе Г. Монкониса, 1695, Томъ I, стран. 307.

въ другомъ, множество медалей и рѣзныхъ камней (антиковъ); но въ бытность мою въ Александріи они уже были столь рѣдки, что ихъ достать почти было не возможно. Въ оныхъ же развалинахъ найденъ окаменѣлой коренной зубъ, которой полагали быть зубомъ человѣческимъ, слѣдовательно великана; но сіе мнѣніе не можетъ быть уважено тѣмъ, которой имѣетъ хотя самое малое понятіе объ анатоміи; сравнивая его съ зубами извѣстныхъ животныхъ, удостовѣриться можно, что онъ принадлежалъ слону.

Выѣхавъ изъ окружности Аравитянъ чрезъ ворота, на полдень лежащія, предстоитъ взору путешественника удивительнѣйшее, когда либо древностію намъ предоставленное, зданіе. Возгордясь превозможеніемъ долговременности и избѣгнувъ быстрыя и ужасныя нападенія суевѣрнаго невѣжества, съ величественностію возвышается прекрасная колонна, коей выше на свѣтѣ не бывало. Она сдѣлана изъ лучшаго и самаго твердаго гранита, составлена изъ трехъ кусковъ, изъ которыхъ вытесаны также капитель, средостолбіе и подножіе. Я не имѣлъ ни случая, ни удобности измѣрить вышину ея, а путешественники, которые оную прежде меня посѣщали, въ разсужденіи ея мѣры, между собою несогласны. *Савари* полагаетъ въ ней сто четырнадцать футовъ вышины (*), а между тѣмъ *Павелъ Люка*, возвѣщающій яко бы измѣ-

(*) Письма о Египтѣ, Часть I, стран. 26

рялъ ее вточности, нашелъ, что она болѣе девяноста четырехъ футовъ не имѣетъ (*). Сїе послѣднее мнѣнїе было вообще принято всѣми Александрїйскими Европейцами. Вышину колонны почитали тамъ имѣющею девяносто четыре фута, или девяносто пять футовъ Французскихъ. Подножїе имѣетъ пятнадцать футовъ вышины; средостолбїе съ тумбою семьдесять футовъ; наконецъ капитель десять футовъ; всего девяносто пять футовъ. Среднїй дїаметръ состоитъ изъ семи и трехъ четвертей фута. Слѣдуя сей соразмѣрности, во всей колоннѣ должно полагать шесть тысячь кубическихъ футовъ. Извѣстно, что кубическїй футъ краснаго Египетскаго граниша вѣситъ сто восемдесять пять футовъ, слѣдовательно тяжесть всей колонны состоитъ изъ одного милїона ста десяти тысячь фунтовъ, щитая въ каждомъ фунтѣ по шестнадцати унцїй?

Какъ ни твердо вещество колонны, но не могла она избѣжать съѣденїя времени. Нижняя часть средостолбїя весьма повреждена съ Востока, а отъ подножїя съ той же стороны существуютъ большїе отколки. Я сказалъ уже выше, что и Гїероглифы Клеопатринаго шпица были источены съ той же самой стороны. Сїе уповательно произходитъ отъ дѣйствїя морскаго вѣтра. Увѣряютъ, яко бы на противной сторонѣ, то есть, отъ Запада, видна Греческая надпись, когда солнечные лучи ее ударя-

(*) Путешествїе Павла Люка, учиненное въ 1714, Часть II, стран. 22.

ютъ; но сколько я ни старался, а не могъ оной запримѣтить.

Осѣвшая земля, на которой построена колонна, часть оную поддерживающаго шпиля совсѣмъ обнаружила. Сей шпиль, или правильнѣе назвать фундаментъ, состоитъ изъ неотесаннаго куска мрамора, имѣющаго не болѣе шести футовъ въ квадратѣ; онъ подложенъ подъ средину превосходнѣе себя величины пїэдестала, что и доказываетъ совершенное равновѣсїе всего зданїя. Состоитъ также изъ гранита, но отличнаго роду отъ того, изъ котораго сдѣлана колонна. Тамошней страны жители, дабы подкрѣпить подножїя, около шпиля воздвигнули строенїя, и сїи, совсѣмъ безполезныя подпоры, составлены изъ разныхъ родовъ камней, между коими примѣчательны отломки мрамора, произходящїе отъ остатковъ какого нибудь древняго зданїя съ прекрасными Гїероглифическими изображенїями. Такимъ-то образомъ, пока нѣкоторые брали мѣры предупредить паденїе зданїя, другїе сказывали мнѣ, а сїи были Аравы Бедуинцы, старались оное низпровергнуть, воображая пріобрѣсть кладъ подъ разрушенными его развалинами. Для исполненїя своего намѣренїя, употребили они порохъ; но, по щастїю, были весьма не свѣдущи въ искуствѣ дѣлать подкопы. Дѣйствїе огня только разрушило нѣкоторую часть строенїя, безполезно помѣщеннаго подъ пїэдесталомъ колонны.

Павелъ Люка повѣствуетъ, что въ 1714 одинъ площадной бродяга взлѣзъ на капитель съ такимъ проворствомъ, которое обратило

удивленїе каждаго, и увѣрилъ, яко бы верьхъ ея былъ выдолбленъ. Нѣсколько тому годовъ имѣемъ мы объ ономъ достовѣрнѣйшее свѣденїе. Аглинскїе мореходцы достигли до самой вершины колонны пособїемъ бумажнаго змїя, посредствомъ коего утвердили веревочную лѣстницу; они нашли, такъ какъ и человѣкъ, о которомъ упоминаетъ *Павелъ Люка*, большую, круглую пустоту на срединѣ капители, да сверхъ того на каждомъ углѣ по выдолбленной дырѣ. Слѣдовательно и должно навѣрное полагать, что оная капителъ нѣкогда была основанїемъ какой ни есть статуи, коей отломки навсегда изчезли. Пріятели Господина *Роболїя*, бывшаго Толмача Французской нацїи въ Александрїи, сказывали мнѣ, что онъ нашелъ близь колонны куски статуи, которая, судя по ея отрывкамъ, долженствовала быть чрезмѣрной величины, что онъ перевезъ ихъ въ домъ, обитаемый Французами, и что, употребя всѣ свои стараніа сыскать прочїе куски, но безъ успѣха, первые имъ привезенные отломки приказалъ бросить въ море, близь того же дому. Мнѣ ихъ показывали; но я ихъ никакъ не могъ разсмотрѣть, потому что они почти совсѣмъ покрыты морскимъ пескомъ. Увѣряли меня, яко бы сїи статуйные отломки сдѣланы изъ наилучшаго порфира.

Достовѣрныхъ свѣденїй о времени и о причинахъ построенїя колонны Александрїйской мы не имѣемъ. *Названїе колонны Помпея*, подъ которымъ она вообще извѣстна, означаетъ обыкновенно приписуемое ей начало. Сказываютъ, будто бы *Кесарь* ее воздвигнулъ, дабы

увѣковѣчить память одержанной имъ побѣды надъ *Помпеемъ* во время славной битвы *Фарсальской*. Утвердясь на свидѣтельствѣ нѣкоего Арабскаго Писателя, *Савари* увѣряетъ, яко бы она есть памятникъ благодарности Александрійскихъ жителей къ *Александру Северію*, Императору Римскому (*). Другіе наконецъ приписываютъ построеніе колонны одному Египетскому Государю, *Птоломею Евергету*.

Кавалеръ де *Монтагю*, коего познаніе въ Наукахъ и его приключеніе прославили, въ долговременное свое пребываніе на Востокѣ, объ ономъ же предметѣ основалъ въ головѣ своей совсѣмъ новое мнѣніе. Онъ утверждалъ, что колонна есть твореніе *Адріана*, Римскаго же Императора, путешествующаго по Египту; но онъ не имѣлъ на то никакого доказательства. Желая совсѣмъ тѣмъ утвердить мечтательное свое мнѣніе, и дабы удостовѣрить другихъ въ томъ, въ чемъ онъ самъ себя увѣрилъ, принужденъ былъ употребить маленькую хитрость. Мнѣ разсказывалъ произшествіе одинъ неопровержимой свидѣтель. Ученый Агличанинъ посредствомъ своего слуги приказалъ вложить небольшую медаль Императора *Адріана* въ назначенное имъ мѣсто между пошвою, на которой построена колонна и ея базою. Онъ отправился по томъ на мѣсто построенія со многими особами, и, послѣ многихъ притворныхъ изысканій, искусно ножевымъ лезвіемъ вытащилъ медаль, которую и предъявилъ, яко неоспоримое доказательство справед-

(*) Письма о Египтѣ, Часть I, стран. 37.

Аивости своего открытія. Онъ сообщилъ его своему отечеству; но и тамъ оно было не весьма уважено, а особливо тѣми людьми, коимъ колонна была извѣстна. Дѣйствительно, во время *Адріана*, Греки разпространили въ Египтѣ начальныя правила изящной Архитектуры и пріятность во всѣхъ художествахъ. Объ ономъ судить можно по остаткамъ города, имъ же Императоромъ въ верхней части страны сей построеннаго въ честь *Антиноя*, юноши, коего древняя Исторія превозноситъ безпримѣрную красоту и великодушную преданность къ Римлянину, больше выхваляемому, нежели онъ того былъ достоинъ. Колонны, и понынѣ существующія въ *Антиноѣ*, вытесаны съ большимъ искуствомъ и видъ ихъ пріятнѣе фигуры столба Александрійскаго. Я не скажу, чтобы и сія колонна не была прекрасная; но главное ея достоинство состоитъ только въ томъ, что она чрезвычайная во всѣхъ своихъ протяженіяхъ и истинно удивительна величиною своей громады.

Та самая побудительная причина, подающая поводъ сомнѣваться, что сія колонна воздвигнута Адріаномъ, удаляетъ ее отъ временъ Императора Севера. *Абулфеда*, на котораго ссылается *Саварі*, повѣствуетъ только, что *Александрія заключаетъ въ себѣ славной Фаросъ* (Маякъ) *и колонну Севера* (*). Больше не говоритъ онъ ни слова, и даже не назначаетъ мѣста, на которомъ колонна была построена. Въ городѣ Александріи находилось столь

(*) Описаніе Египта, переводу Саварія.

великое множество колоннъ, что нѣтъ возможности опредѣлить, которой изъ оныхъ должно присвоить изреченіе Арабскаго Писателя. Александръ Северій тщеславился произхожденіемъ отъ *Александра Великаго*; онъ естественно долженъ былъ обожать городъ, основанный побѣдителемъ, прадѣдомъ своимъ, слѣдовательно и не должно удивляться, что онъ старался вящше украсить его всякаго рода зданіями, низверженныя или изпребленныя съ тѣми, которыя уже его толико прославляли. Съ другой стороны, если сравнить колонну, посвященную Северію и понынѣ существующую въ древнемъ городѣ *Антиноѣ*, съ колонною Александріи: то всякой разсудитъ, что не возможно полагать, дабы и та и другая построены были въ одно время. Таинственныя надписи, коими грановитый шпиль, непотрясаемая подпора колонны, покрытъ, кажутся быть новымъ доказательствомъ ея возвышенія, превозходящаго Царствованіе *Адріана* и *Севeріа*. и онѣ означаютъ работу самой вышней древности. Сія уважительная причина, сопряженная съ молчаніемъ Бытописателей, кажется полагаетъ построеніе *Помпеевой* колонны гораздо прежде пораженія сего Полководца. Если ли, посреди подобныхъ неизвѣстностей, которыя, не взирая на мудрыя изысканія, часто единымъ мракомъ покрываютъ и прошедшее и будущее, долженъ я объявить мое мнѣніе: то осмѣлюсь приписать честь сооруженія столба Александрійскаго древнимъ временамъ, въ которыя являлось столь много чудесъ въ Египтѣ, тѣмъ эпохамъ, когда тысячи людей были употреб-

ляемы цѣлые годы на перевозку каменныхъ громадъ, коихъ движенїе, казалось, превосходитъ силы человѣческїя, и требовало усилїя людей чрезвычайныхъ и необыкновенныхъ.

Но какъ бы о томъ не разсуждали, весьма трудно будетъ перемѣнить наименованїе, съ давныхъ временъ присвоенное колоннѣ Александрїйской, и какїя бы не предлагали побудительныя причины, но вѣроятно, что ее всегда будутъ называть *колонною Помпея*. Однако также вѣроятно и то, что потомство сохранитъ въ памяти, что у сей колонны былъ главной станъ, изъ котораго *Буоналарте* отрядилъ войска на приступъ и для взяшїя Александрїи; что трупы героевъ, погибшихъ жертвою своей храбрости, погребены вокругъ ея подножїя, на которомъ вырѣзаны и имена ихъ. Вѣроятно и то, что, возгордясь славою побѣды и превосходными предпрїятїями Французской нацїи больше, чѣмъ пышностїю Египетскихъ зданїй, *Помпеева* колонна нѣкогда будетъ называться *колонною Французовъ* (*).

Мнѣ сказывали въ Александрїи, яко бы прежь сего имѣли намѣренїе перевезши во Францїю колонну, на которую здѣсь взираютъ съ удивленїемъ. Восточные жители и Прованскїе мореходцы полагали подобное предпрїятїе невозможнымъ; они забыли, или можетъ быть никогда не знали, что сїя гранитовая громада предоставлена изъ горъ *Сїенскихъ*, лежащихъ

(*) Читатель можетъ прочесть примѣчанїе Россїйскаго Переводчика въ Предисловїи сего Путешествїя.

отъ здѣшняго мѣста на двѣсти миль разстоянія; они не вѣдали, что *Каій-Кесарь* перевезъ изъ Египта въ Римъ обелискъ ста локтей, или двадцати пяти саженей вышины, имѣющей двѣ сажени, или восемь локтей въ діаметрѣ; что *Августъ* принялъ намѣреніе, дабы Римъ заключалъ въ себѣ оба обелиска, воздвигнутые *Сезострисомъ* въ Геліополисѣ, изъ которыхъ каждой имѣлъ двадцать локтей вышины; что *Константинъ* назначилъ перевозку другаго, не меньше огромнаго обелиска, на построеніе коего *Рамацесъ*, Царь Египетскій, употребилъ двѣ тысячи человѣкъ; наконецъ не было имъ извѣстно и то, что въ наши времена въ нѣдрахъ Петербурга поставлена гора, привезенная довольно издалека, служащая подножіемъ изображенію *Великаго* ПЕТРА и въ которой почитается три милліона фунтовъ вѣсу.

Важныя предпріятія суть настоящіе памятники славы великихъ націй! Достойно народа, которой, въ теченіе нѣсколькихъ годовъ, превзошелъ всѣ Римлянами предоставленные намъ героическіе подвиги присвоить себѣ колонну Александріи. Естьли потребны для сего чрезвычайныя средства, Геній Наукъ, неотлучный отъ настоящей славы, оныя предоставитъ, а художества, процвѣтающія съ обожающимъ ихъ народомъ, оныя произведутъ въ дѣйствіе. Посреди которой нибудь площади Парижской, на примѣръ *Революціонной*, сія колонна безъ сомнѣнія представитъ величественное позорище. Столповидная статуя, изображающая вольность, должна превышать ея капитель и, владычествуя надъ чертогами хранителей закона гор-

дою и уважительною своею осанкою, да пребудетъ ужасомъ всякаго, кто дерзнетъ употребить во зло верьховное начальство, безпокоитъ, или измѣнитъ народу, коего власти равномѣрно будетъ она вѣчнымъ образованіемъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Развалины. — Каналъ Александрійской. — Водоемы. — Обработываніе земель въ окрестностяхъ канала. — Зола алкалическая. — Птицы. — Воробьи. — Подземныя пещеры. — Хамелеоны. — Шакалы.

Оставя колонну Александріи и продолжая слѣдовать на Полдень, должно проходить чрезъ продолговатый, просторанный и довольно глубокій перешеекъ. Въ ономъ существуютъ остатки древнихъ зданій, между которыми примѣчательны, наравнѣ съ пескомъ, толстыя и прочныя стѣны, разположенныя наподобіе литеры Т. Къ концу длинной черты оной литеры Т видны отрывки гранитовыхъ колоннъ, а въ самомъ концѣ есть пещера или погребъ, въ которой входить уже нѣтъ возможности. Здѣшней страны жители называютъ сіе мѣсто *Гирге*. Отъ него лежитъ дорога къ каналу, или *Калишу* Александріи.

Во времена Александра Великаго и Королей Египетскихъ Александрія не стояла, какъ нынѣ, посреди песковъ. Она не была обнесена тою оградою безплодія, которая дѣлаетъ теперь окрестности ея столь непріятными.

Озеро *Мареотисъ*, состоящее отъ города въ маломъ разстоянїи, и два широкїе канала, изъ которыхъ одинъ текъ изъ Верхняго Египта, а другой имѣлъ свое начало изъ рукава рѣки *Нила*, называемаго *Болбитическимъ*, содержали въ немъ спасительную прохладность, и обще съ онымъ способствовали прозябанїю и обработыванїю земель. Сїи работы, свидѣтельствующїя о величїи и могуществѣ древняго Египта, и коихъ содержанїе равномѣрно; пребуемое необходимостїю и пріятностїю, существовали еще во время владычества Калифовъ. *Абулфеда*, Арабскій Бытописатель, упоминаетъ объ Александрїи, яко о весьма пространномъ городѣ, окруженномъ великолѣпными садами. Потеря того, что стоило толикихъ трудовъ и иждивенїя, была предоставлена Туркамъ. Разрушительный разсудокъ ихъ осушилъ сїе скопище водъ, которыя, посредствомъ струистыхъ волнъ своихъ, разпространяли повсюду плодородїе, и равномѣрно пресѣкъ источники познанїя и мужества въ душѣ народовъ, довольно уже нещастныхъ, будучи покорены ужаснѣйшему самовластїю.

Изъ числа всѣхъ оныхъ достопамятностей остался, да и то въ видѣ совершеннаго разоренїя, только одинъ каналъ Нижняго Египта, въ которой во время наводненїя стекаются воды рѣки *Нила* при мѣстечкѣ *Лафте*, близь деревни *Фуаги*. Чрезъ оной ѣздятъ по тремъ разнымъ мостамъ новаго построенїя. Поблизости перваго, со стороны моря, находится входъ въ подземельной протокъ, предоставляющій запасную воду жителямъ Александрїи въ водое-

мы, коихъ своды поддерживали всю тягость пространства стараго города, и которые всѣми вообще почитаются прекраснѣйшимъ въ Свѣтѣ зданіемъ (*). Отверзтіе сего водянаго провода закладено кирпичемъ; но когда вода въ каналѣ приращеніемъ рѣки достигала до извѣстной высоты, тогда городскіе начальники отправлялись съ церемоніею для разломанія плотины, или лучше сказать сего затвора. Когда же водоемы были наполнены водою, тогда оной паки былъ исправленъ, и воды канала стекались уже въ море у старой гавани. Посредствомъ толь свободнаго водъ соединенія совершалась прежъ сего перевозка товаровъ всего Египта. Такимъ-то образомъ миновали опасный проходъ устья рѣки *Нила* и всѣ бѣдствія, коимъ на морѣ подвержены бываютъ. Въ бытность мою въ Александріи (въ 1778) не прошло болѣе ста лѣтъ, какъ суда еще по оному плавали; но каналъ сей, коего выгоды суть неоцѣнимыя, презрѣнъ варварами, равнодушно взирающими на настоящую свою пользу. Стѣны, укрѣпляющія берега его, ежедневно приходили въ упадокъ; дно его, высланное камнемъ, послѣдственно покрывалось слоями тины; ни одно судно не могло по оному имѣть ходу; желтоватая и отвратительнаго вкусу вода скоро не могла бы уже достичь до водоемовъ, которые сами до половины были разорены, жители имѣли бы недостатокъ въ водѣ, новая Александрія изчезла бы въ пескахъ и превра-

(*) Мнѣ не возможно было оные видѣть.

тилась въ логовище хищныхъ звѣрей, которые ей уже и такъ угрожали, скитаясь безпрестанно около городскихъ стѣнъ.

Берега канала оживлены нѣкоторыми изящными произведенїями живой Природы; далѣе, она въ бездѣйствїи, со всѣхъ сторонъ представляются пески, каменистыя горы, вездѣ владычествуетъ безплодїе. Древа и кустарники растутъ вдоль водъ, а въ окрестностяхъ существуютъ нѣсколько полянъ. Небольшїя отведенїя воды дѣлаютъ плодоносными поля, на которыхъ сѣятъ ячмень и разнаго роду овощь, а особливо множество арпишоковъ. Земледѣлїе сей страны напредъ сего простиралось гораздо далѣе. Нынѣшнимъ Александрїйцамъ удобно было разпространить онаго предѣлы; но разторопность ихъ состояла только въ грабежѣ, слѣдовательно и не должно удивляться, что люди, не пекущїеся сохранить для себя единственную воду, которую они употреблять могли, мало заботились предоставить себѣ удовольствїе и изобилїе.

Вотъ слѣды земледѣлїя, которыми древняя Александрїя была окружена, таковые суть остатки пышныхъ и прекрасныхъ садовъ, которые усугубляли ея великолѣпность и коихъ *Албульфеда* еще превозносилъ прелести во время Аравитянъ. Дѣйствительно сказать можно, что нѣсколько разсѣянныхъ и съ трудомъ растущихъ деревъ на здѣшнемъ песчаномъ грунтѣ земли едва ли могутъ покрыть твердость и сухость оной. Множество *Судъ*, родъ соляной и ѣдкой травы, коей Арабское названїе *Кали* присвоено щелочнымъ веществамъ, есть почти

единый злакъ, при сихъ берегахъ безпрепятственно распущій, но и сія трава здѣсь больше разсипилается по землѣ, нежели возвышается. Александрійскіе обыватели оную сожигаютъ и изъ ея пепла добываютъ *постоянную соль* (sel fixe), которая составляетъ изрядную вѣтвь торговли.

Зелень, прохладность и пріятная древесная тѣнь привлекли на берега канала великое множество маленькихъ птицъ; сіе было въ Октябрѣ мѣсяцѣ; въ числѣ оныхъ запримѣтилъ я трясогузокъ (*), полевыхъ жаворонковъ (**) и воробьевъ. Птичники занимались ловлею первыхъ двухъ родовъ, слѣдовательно истребляли единыя вещества, могущія предоставить нѣкоторую наружность веселости скучнымъ ихъ жилищамъ; но сіи птицы, изключая воробьевъ, были въ Александріи кратковременны; онѣ отдыхали отъ утомленія долговременнаго путешествія близь водъ канала, которыя скоро долженствовали имъ представить слой тины: ибо они уже были не текущія и солоноватаго вкуса, а птицы, которыя по щастію избѣгнули сѣтей, коими онѣ, по прибытіи своемъ, были окружены, готовились летѣть къ сторонѣ *Делты* и сни-

---

(*) Bec - figue, Бекъ - фигъ, Бюфонъ Естеств. Истор. птицъ, разкращ фиг. No 668, фиг. I. Motacilla ficedula Linn. *Motacилла Фиседула*, Линн. *винноягодникъ*, Словарь Академ.

(**) L' alouette, Лалуетъ, Бюфонъ Естеств. Истор, птицъ, разкраш. фигур. No 363, фигура I. Alauda arvensis, Linn., *Алауда Арвензисъ*, Линн.

скивать благополучнѣйшую землю, здѣшняго пріятнѣе мѣстоположенія и безопаснаго убѣжища.

Воробьи, напротивъ больше привыкшіе къ обществу людей, потому что невкусное мясо ихъ не возбуждаетъ въ человѣкѣ желанія употреблять его въ пищу, никогда не путешествуютъ, изключая нѣсколькихъ отлетовъ для предоставленія себѣ изобильнаго корму, никогда не оставляютъ обитаемыхъ жилищъ и въ нихъ имѣютъ пребываніе. Сіи животныя суть птицы домосѣды, составляющія по своему произволенію вокругъ насъ птичникъ наглыхъ объѣдаловъ, которыя раздѣляютъ противъ нашего желанія и запасы наши, и наше жилище; онѣ имѣютъ въ Египтѣ тѣ же извѣстныя намъ привычки, то же своевольное обращеніе, то же безстыдство, ту же жадность. Ихъ можно почесть застольными сотоварищами Александрійцовъ; онѣ существуютъ во всѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ Египта и равномѣрно разсѣяны въ Нюбіи и даже въ Абиссиніи. Слѣдовательно чрезмѣрный жаръ имъ не есть противенъ; однакожъ вдоль Западнаго берега Африки ихъ невидно; почти отъ Бѣлаго мыса занимаютъ ихъ мѣста *Бенгали* (*), *Сенегали* (**)

(*) Le Bengali, Бенгали, Бюфонъ Истор. Естеств. птицъ, разкрашен. табл. No 115, фиг. 1. Fringilla Bengalus, Lin. *Фринжила Бенгалюсъ*, Линней.

(**) Сенегали, Senegali, Бюфонъ, разкрашен. таб. No 157 фиг. 1 и полосатый Сенегали, No 157, фиг. 2. Fringilla Senegala, Linn. *Фринжилла Сенегала*, Линней.

и *маленькіе Сенегальскіе воробьи* (*); а какъ послѣ мною сказаннаго не могу я приписать причину сего дѣйствія большому жару, но полагаю, что оное произходитъ отъ разницы питательныхъ травъ, въ сихъ странахъ Африки употребляемыхъ. Пшеница и съ оною сходственный хлѣбъ сѣятся въ Египтѣ, въ Нюбіи, въ Абиссиніи, также и въ Барбаріи, но въ окрестностяхъ *Бѣлаго мыса* она не въ употребленіи. Негры, живущіе на Полудни сей полосы земли, вмѣсто оной, употребляютъ другія питательныя растѣнія, а зерны сихъ травъ не суть уже пища, воробьямъ приличная, такъ что естьли они и не посѣщаютъ всѣ тѣ земли, въ которыхъ родится пшеница, то по крайней мѣрѣ навѣрно извѣстно, что они никогда не основываютъ жилищъ своихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оный хлѣбъ и ему подобный не сѣютъ.

Скоротечное обозрѣніе нѣкоторыхъ произведеній живой природы оживляетъ утомленное воображеніе, парящее надъ развалинами и грудами камней. Да возблагодаримъ матерь всѣхъ существъ! да возхвалимъ навсегда неизмѣнимое ея благотвореніе! Она хотѣла на краснованой и сухой землѣ, и посреди ужаса разрушенія, сохранить предѣлъ, на которомъ, не взирая на усиліе варваровъ, ея не знающихъ, умѣла она явить нѣкоторый блескъ красоты своей. Къ немалому сожалѣнію удаляются шаги, отвращаются взоры отъ таковаго мѣста, которое

(*) Бюфонъ разкрашен. табл. No 230, фиг. 2.

сравненïе дѣлаетъ столь прелестнымъ. Перо мое старается раздѣлить съ Читателемъ испытаемыя мною тамъ пріятныя ощущенïя; но должно поспѣшить достичь до страны, въ которой Природа обнаружила всѣ свои сокровища. Сïя мысль ободряетъ мой духъ: ибо должно намъ еще переправляться чрезъ пески и посѣщать мрачное жилище мертвыхъ, Катакумбы (подземныя пещеры).

Они отъ канала не въ дальномъ разстоянïи; ихъ можно уподобить галлереямъ, которыя подъ землею, или лучше сказать въ каменной горѣ, далеко простираются. Съ начала упоминательно были они каменоломни, изъ которыхъ добывали камень, потребной для построенïя домовъ въ Александрïи, и предоставя жителямъ сей страны нужные матерïалы для обиталищъ во время жизни ихъ, сами по себѣ содѣлались послѣднимъ ихъ пребыванïемъ послѣ ихъ смерти. Хотя они довольно пространны, однакожъ не требовали весьма многотрудной работы: ибо слой камня содержитъ въ себѣ много извести и весьма мякокъ; камень сей столько же бѣлъ, какъ и Мальтïйской и, подобно ему, твердѣетъ отъ содѣйствïя воздуха; но Мальтïйская гора совсѣмъ обнажена, а Египетская напротивъ обыкновенно бываетъ покрыта песками. Должно безъ сомнѣнïя полагать, что, въ разсужденïи малой твердости горы сей, древнïе Египтяне обмазали внутренность галлереи нѣкотораго роду составомъ, который пріобрѣлъ столь великую прочность, что его съ превеликимъ трудомъ разбить можно. Большая часть сихъ подземныхъ аллей совсѣмъ обвалилась. Въ маломъ

числѣ тѣхъ, въ которыя еще входъ свободенъ; видны съ каждой стороны три ряда гробницъ, одна на другой поставленныхъ. Онѣ вытесаны не вдоль, такъ какъ въ Малыпѣ, но поперечно. Главныя ихъ стороны представляютъ плоскость, имѣющую склоненіе во внутрь, такъ что дно гроба гораздо уже верхней его части. Въ концѣ нѣкоторыхъ изъ числа сихъ галлерей есть отдѣленныя комнаты съ ихъ гробницами, назначенныя конечно для погребенія какого нибудь семейства, или особливой степени гражданъ.

Естьли вѣрить Аравитянамъ, то оныя пещеры имѣютъ подземельное сообщеніе съ пирамидами Мемфискими. Подобное мнѣніе объ ихъ безпредѣльномъ пространствѣ кажется увеличено, но однакожъ не превозходитъ оно другія исполинныя работы Египтянъ, и достойно быть изслѣдованнымъ; но заподлинно однакожъ извѣстно, что они простираются до самаго моря въ концѣ старой гавани; по крайней мѣрѣ три грота или впадины, въ береговой скалѣ существующія, и которыя Европейцами неправильно украшены наименованіемъ *Бань Клеопатры*, кажутся быть продолженіемъ оныхъ.

Я видѣлъ у входа въ Катакумбы многихъ Камелеоновъ (*). Теперь уже за подлинно извѣстно, что перемѣна въ нихъ цвѣта ни мало не происходитъ отъ представляемыхъ имъ пред-

(*) Camelcons, *Камелеонъ*, Лацепедъ, Истор. Натур. четвероногихъ, яица несущихъ; Lacerta chamoeleon, Linn. *Лаверта Шамелеонъ*, Линней. Хамелеонъ Озерецк. III. 20. Слов. Акад.

метовъ; что разныя, ощущаемыя ими чувствованія умножаютъ, или уменьшаютъ степень колеровъ (красокъ), коими весьма тонкая, покрывающая ихъ кожа, бываетъ какъ будто бы разпещрена, или накроплена; что они не довольствуются столь малосочною пищею, каковъ есть воздухъ, спараются сыскивать сего гораздо питательнѣе кормъ, поглощая мухъ и другихъ насѣкомыхъ, и что наконецъ все, что разсказывали чудеснаго объ ономъ родѣ *ящерицы*, есть ничто другое, какъ сцѣпленіе басенъ, которыя до нашихъ временъ обезславили Науку естества. Я сохранялъ у себя нѣсколькихъ Хамелеоновъ не для того, чтобъ желалъ повторить изпытаніе *Корнелія ле Брюна*, важно увѣряющаго, яко бы Хамелеоны, которые у него жили въ *Смирнѣ*, въ его комнатѣ, питались воздухомъ, и по томъ объявляетъ, что они вскорости одинъ послѣ другаго умерли (*). Мое намѣреніе состояло узнать, коликое время могутъ они пробыть безъ пищи. Мною взяты всѣ нужныя предосторожности, чтобъ они совершенно оной лишены были, пользуясь однакожъ всегда свободнымъ и открытымъ воздухомъ. Въ такомъ положеніи жили они двадцать дней; но какая была ихъ жизнь! изъ жирныхъ, когда получилъ я ихъ, скоро учинились весьма тощими. Купно съ ихъ толщиною постепенно лишились своихъ цвѣтовъ и проворности; кожа ихъ содѣлалась багровою и наморщенною, приклеилась къ костямъ, такъ что они казались изсохшими прежде конца бытія своего.

(*) Путешествіе на Востокъ, Часть I. стран. 515.

Катакумбы также не рѣдко служатъ убѣжищемъ *Шакаламъ*, коихъ въ сей части Египта великое множество; они обыкновенно ходятъ большими стадами и бродятъ около жилищъ. Вопль ихъ смущаетъ человѣка, а особливо ночью. Оный есть родъ вижжанія, которое уподобить можно пронзительнымъ жалобамъ разнаго возраста дѣтей. Они съ жадностію пожираютъ мертвыя тѣла и всякую падаль; однимъ словомъ, будучи столько же свирѣпы, сколько плотоядивы, суть и для людей не безопасны.

Все, что писали Авторы о волкѣ и даже о лисицѣ Африканской, принадлежитъ и касается до *Шакала*: ибо, согласясь, что оныя животныя имѣютъ между собою довольно сообразности, однакожъ извѣстно и вѣрно, что въ сей части свѣта ни волковъ, ни лисицъ не бываетъ. *Шакалъ* въ Египтѣ называется *Дейбъ*. Фелазги, или деревенскіе жители, безъ сомнѣнія послѣдуя какой нибудь народной баснѣ, также именуютъ его *Абу Солиманъ*, *отцемъ Солимана*.

Сіи лютые звѣри безъ малѣйшаго страха подходили къ Александріи; бродили ночью вокругъ ея ограды, и часто перескакивали чрезъ оную сквозь проломы, которые въ ней по мѣстамъ находились. Они входили въ городъ, искали тамъ своей добычи и наполняли его своимъ воплемъ: родъ сообщества, достойное городскихъ жителей!

Но животное, гораздо сего смиреннѣе и больше удивленія достойное, которое дѣлаетъ себѣ подземельныя жилища въ окрестностяхъ Александріи, есть *Жербуаза*, или *Гербо*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ НАДЕСЯТЬ.

Исторія Натуральная Жербуаза, или Египетскаго Гербо, съ примѣчаніями объ Исторіи Естественной вообще, и записка о предпріятіи путешествія во внутрь Африки.

Что я теперь предлагаю Читателю, то по большой части уже напечатано въ Физическомъ Журналѣ мѣсяца Ноября, 1789. Тогда рѣшился я сдѣлать гласными мои примѣчанія о *Жербуазахъ*, потому что *Бюфонъ*, сколько тщетно ни старался достать хотя одного изъ сего рода четвероногихъ, и имѣть подробныя свѣденія о ихъ привычкахъ, свойствахъ и обращеніи, писалъ объ нихъ, послѣдуя единственно однимъ только недостаточнымъ показаніямъ. Твореніе Г. *Брюса*, предупредившаго меня въ изданіи своего Путешествія, и также прежде меня совершившаго оное, не было еще въ Свѣтъ издано во время печатанія моихъ записокъ. Сей знаменитый Путешественникъ подтвердилъ все мною сказанное въ разсужденіи *Жербуазъ*, и предоставилъ мнѣ способъ исправить ошибку, въ которую одинъ изъ его соотечественниковъ, Докторъ *Шавъ*, меня ввергнулъ, а прежде того и самаго *Бюфона*, отъ неправильнаго назначенія имени; но сколько ни любопытны записки о *Жербуазахъ*, вмѣщенныя въ Путешествіе Г. *Брюса*, мои примѣчанія, сверхъ достоинства первенства, содержатъ больше подробностей и представляютъ вѣрное описаніе сихъ стран-

ныхъ и удивительныхъ животныхъ; по крайней мѣрѣ такого были тогда объ нихъ мнѣнія многіе Ученые люди, изъ числа коихъ довольствуюсь привесть въ доказательство Авторовъ Энциклопедическаго Журнала. Описывая содержаніе пятаго Тома *Путешествія въ Нюбію и Абиссинію* Г. Жамеса Брюса и помѣстя въ своемъ Журналѣ Главу книги его о *Жербуазѣ*, пишутъ: „Древніе описывали сіе животное. Иро„дотъ, Ѳеофрастъ и Аравы упоминаютъ о *Жер„буазѣ*; но въ числѣ нашихъ временъ Писателей „ни одинъ Природы Испытатель лучше Г. *Сон„нина* не описалъ сего звѣря, и проч., которой „путешествовалъ нѣсколько лѣтъ для успѣховъ „и познанія Исторіи Естества. "Тѣ же Издатели сообщаютъ по томъ выписку изъ моихъ примѣчаній (*).

Записки, напечатанныя мною въ 1787, сопровождаемыя прибавленіями, любопытными для Исторіи Натуральной, тѣмъ больше заслуживаютъ Читателя вниманіе, и я увѣренъ, что ихъ здѣсь помѣщеніе не будетъ почтено излишнимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пріятныя и велерѣчивыя твореніа Бюфона возбудили уваженіе къ Наукѣ Природы, которую онъ имѣлъ даръ содѣлать толико любезною и привлекательною, изысканы разнообразія въ породѣ *Жербуазъ*; но первое мною сдѣланное заключеніе и происходящее

(*) Читай Журналъ Энциклопедической мѣсяцъ Сентябрь 1792 года.

отъ внимательнаго изслѣдованія и тщательныхъ описаній нѣсколькихъ изъ сихъ животныхъ состояло въ удостовѣреніи, что въ Египтѣ, гдѣ они весьма разплодились, существуетъ ихъ только одинъ родъ. Дѣйствительно во всѣхъ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, не замѣтилъ я никакой несходности какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ сложеніи тѣла.

Для удобности выговора, сохраню я сей Египетской *Жербуазѣ* названіе *Іербо*, подъ которымъ Бюфонъ сдѣлалъ сего звѣря извѣстнымъ (*), хотя настоящее его имя, имя его

(*) Истор. Натур. четвероногихъ статья о *Жербуазахъ* — Lepus cauda Elongata, Linn. fyst. nat. *Лепюсъ Кауда Элонгата.* Линн. система Истор. Натур. Издан. 9. Mus Jaculus. *Мюсъ Жакюлюсъ*, тамъ же, Издан. 12. Dipus Jaculus. *Дипюсъ Жакюлюсъ*, тамъ же, Издан. 13. Mus Jaculus pedibus posticis Longissimis, caudâ extremi villosâ. *Мюсъ Жакюлюсъ Педибюсъ Постицисъ Лонгиссимюсъ, Кауда Экстреми Виллоза. Заяцъ земляной*, описан. Тавр. Области, 168. *Тушканчикъ*, Озерец. 1. 214. *Таборганъ*, слов. Акад. Палласъ 1. 331. 447. 11. 2 отд. 37. III. 363. Лепех. 1. 418. Естествен. Истор. Народ. Училищъ 292. *Гасселквистъ* Путешествіе въ Палестину, Томъ 2, стран. 6. и Записки Акад. Упсальской, 1750, стран. 17 — *Жербо*, Корнелій ле Брюнъ, Путешествія, стран. 406 — *Жербуазъ*. Путешествіе Павла Люка, Томъ 2, стран. 73 — *Іербоа*, Путешествіе Шава, стран. 248 — *Горная мышь о двухъ ногахъ*, именуемая Аравами *Іербо*. и пр. и пр.

Арабское, есть *Гербоа*. Гасселквистъ сдѣлалъ немалую ошибку, которую Брюсъ равномѣрно запримѣтилъ и опровергалъ (*), сказавъ, что Аравы называютъ его *Гарбука* (**).

Пускай путешественники, безъ познанія Исторіи Натуральной и слѣдовательно безъ склонности къ сего рода изысканіямъ, при первомъ воззрѣніи, безъ дальнѣйшаго изысканія, назначаль неправильныя названія иностраннымъ животнымъ, по нѣкоторой сообразности въ сложеніи тѣла, или въ привычкахъ съ извѣстными звѣрями, сему удивляться не должно: ихъ видѣніе было наружное и обыкновенное, слѣдовательно и послѣдствія имѣли тѣ же неудобства и были подвержены подобнымъ же ошибкамъ; но настоитъ немалая причина къ удивленію, что люди, неся званіе Натуралистовъ, упражняясь безпрестанно въ Наукѣ Естества, что *Гасселквистъ*, на примѣръ, ученикъ славнаго Мужа, впалъ въ подобныя заблужденія. Онъ тѣмъ меньше въ томъ извинителенъ, что иначе не рѣшался давать наименованіе, какъ послѣ продолжительнаго и даже бездѣльнаго разсмотрѣнія. Но, подобно какъ и *Линней*, его учитель, имѣлъ страсть соединять въ одинъ родъ Природою отдѣленныя существа. Подобное соединеніе предметовъ, часто одинъ отъ другаго весьма отдаленныхъ въ настоящей связи Натуры, было единственно основано на

(*) Путешествіе въ *Нюбію* и *Абиссинію*, Томъ 5, стран. 151.

(**) *Гасселквистъ*, Путешествіе въ Палестину.

нѣкоторыхъ сближенїяхъ въ наружныхъ сложенїяхъ тѣла; сближенїя, отдѣленныя отъ справедливости, сомнительныя, наудачу выдуманныя и столь мало надежныя, что ихъ можно было опустить, кои дѣйствительно и были отставлены и забыты для утвержденїя другихъ, столько же невѣрныхъ, посредствомъ которыхъ одно животное перемѣняло мѣсто или родъ, по произволенїю изобрѣтателя имянъ.

Разпознавъ особенно каждое образованїе, объять и сравнять онаго совокупность, больше всего стараться узнать нравы, привычки, не имѣть въ своихъ наблюденїяхъ ни предубѣжденїя, ни положительной и въ своей только головѣ основанной системы; судить о предметахъ справедливо; видѣть вещи, какъ они есть, а не такъ, какъ бы хотѣлось, чтобъ они были: вотъ свойства настоящихъ Испытателей Природы; а достоинства изобрѣтателей имянъ состоятъ въ томъ, чтобъ все смѣшать и запутать. *Жербо* представляетъ намъ примѣръ сего неустройства въ Наукѣ Естества; нѣкоторыя сходства, каждое особенно разсматриваемое, заставили, или лучше сказать подали поводъ уподобить его зайцу, кролику, крысѣ, житнику и пр., хотя онъ столько отъ нихъ и другихъ разнствуетъ, что всякой человѣкъ, не имѣющїй ни малѣйшаго понятїя объ Исторїи Натуральной, но одаренный довольнымъ умомъ, никогда ихъ не смѣшаетъ. Однакожъ сїи несвойственныя наименованїя *зайца*, *кролика*, *крысы*, *житника* и проч. равномѣрно присвоены Жербуазъ Натуралистами и путешественниками,

большихъ свѣденій не имѣющими, и достойно запримѣтить, что ученость безъ врожденнаго ума часто производитъ тѣжъ дѣйствія, что и невѣжество.

Удивляется разсудокъ, взирая на игру Природы, которая наивящше въ знойныхъ климатахъ Африки кажется, какъ будто бы для своего увеселенія совсѣмъ удивительнымъ образомъ различила строеніе тѣлъ существъ, которыхъ она тамъ помѣстила и отступила отъ принятыхъ ею по видимому правилъ и соразмѣрностей, если-ли однакожъ можно назвать отступленіями доказательства безпредѣльной и изящной ея плодовитости. На оной огненной землѣ существуетъ *Жираффа*, или *Камелеопардъ*, животное, примѣчательное чрезмѣрною вышиною передней части своего тѣла (*). Чрезвычайная несоразмѣрность въ ногахъ находится и у *Іербо*; но у него чрезмѣру длинны заднія, а переднихъ почти совсѣмъ не видно. Сіи длинныя ноги, или, чтобъ говорить правильнѣе, сіи длинныя лапы, ибо плюсна такъ нарочито продолговата, только одни вспомоществуютъ *Жербуазе* въ спѣшительномъ ея движеніи; переднія, которыя можно уподобить ручёнкамъ, для перемѣщенія съ одного на другое мѣсто, сему звѣрю совсѣмъ безполезны. Онъ прыгаетъ по образу птицъ; и сей поступь, которой для всякаго четвероногаго

(*) Giraffe, Жираффа. Истор. Натур. четвероног. — Cameleopardalis giraffa. Linn. *Камелеопардалисъ Жираффа. Линн.*

былъ бы весьма принужденный, сколько ему приличенъ и для него удобенъ, что его бѣгъ, или лучше сказать прыгъ, отмѣнно скоръ и проворенъ. Слѣдовательно вотъ животное, которое съ четырью ногами совсѣмъ тѣмъ отъ роду четвероножныхъ удаляется и нѣсколько уподобляется птицамъ. Помѣщенное на первой ступени перехода изъ одного въ другой родъ составляетъ первое отдѣленіе четвероногихъ и начинаетъ оттѣнокъ сихъ послѣднихъ отъ крылатыхъ. Славной мужъ, которой озарилъ свѣтомъ цѣломудрія святилище Природы, основалъ сію превозходную и важную истинну: онъ доказалъ, что пруды, или подвиги, сея самыя Природы не были прерваны большими промежутками, ни крупными пресѣченіями; что все въ ней было соединено и одно съ другимъ связано; что перехожденіе изъ класса въ классъ, изъ отдѣленія въ отдѣленіе, изъ рода въ родъ, совершалось постепенными оттѣнками, или перемѣнами, и что оные классы, отдѣленія и роды были въ глазахъ любомудра ничто другое, какъ приличные знаки для облегченія ума и раздѣленій, чтобъ вспомоществовать памяти.

Хотя прехожденіе четвероногихъ въ родъ птицъ до сихъ поръ совершенно не изслѣдовано; и что всѣ онаго обстоятельства еще не извѣстны, однакожъ не меньше того должны мы почитать сію связь, яко неоспоримо существующую. Начало оной видимъ мы въ *Іербо*, а послѣднюю ея степень въ летучей мыши. Должно непремѣнно ожидать, что количество сихъ оттѣнковъ содѣлается извѣстнымъ, когда хорошіе примѣчатели посвѣтятъ себя на пу-

шествїя въ отдаленныя и для Исторїи Натуральной новыя страны. Я увѣренъ, что нутръ Африки, земли, для открытїй почти дѣвственной, заключаетъ въ себѣ бездну новыхъ и драгоцѣнныхъ предметовъ, коихъ познаніе озарило бы большимъ свѣтомъ всѣ части Всеобщей Физики. Я, съ дозволенїя Читателя, объявлю здѣсь тому назадъ уже нѣсколько лѣтъ предпрїятое мною намѣреніе достичь до сихъ предѣловъ Свѣта, почитаемыхъ и поднесь неприступными. Мое намѣреніе состояло, чтобъ проѣхать вдоль Африки, по срединѣ оной, отъ мало извѣстнаго залива *дела Сирдъ* до мыса Доброй Надежды. Я поставляю себя за честь, что вздумалъ объ ономъ предпрїятїи, отъ котораго воображеніе содрогается, и чувствовалъ въ себѣ довольно бодрости духа, чтобъ оное исполнить, естьлибъ Правительство удостоило меня своимъ споспѣшествованїемъ; но въ послѣдствїи времени обращусь къ разположенному мною плану, которой, естьлибъ былъ произведенъ въ дѣйствїе, предоставилъ Франціи славу предпрїятїя, на которое еще до сихъ поръ никто не покушался, славу! которую хотятъ у ней похитить иностранцы! Но я обращаюсь къ описанїю *Іербо*.

Величиною онъ съ большую крысу, голову имѣетъ широкую, толстую соразмѣрно съ тѣломъ, верхъ ея сплюснутъ и свѣтлорыжеватъ съ черноватою оттѣнїю, челюсть верхнею больше выдавшеюся нижней, но и та и другая снабжены только двумя передними зубами; верхнїе зубы широки, разрѣзаны четвероугольно, плоски и во всю длину на срединѣ выем-

кою раздѣлены на двѣ половины; наконецъ зубы нижней челюсти длиннѣе, снаружи выпуклыя, остроконечны, и внутрь загнуты. Видно, что зубы его разположены и образованы почти наподобіе тѣхъ, которые бываютъ у *зайца*, *крысы* и у *житника*, и сіе-то сходство предоставило *Жербуазѣ* сихъ звѣрковъ названіе. Столько же было бы прилично почесть *Гербо* за бобра, или за дикобраза, которые равномѣрно не имѣютъ глазныхъ зубовъ, но только напереди чешыре. Морда коротка, широка и тупая; множество прямыхъ и крутыхъ волосъ, выходящихъ съ обѣихъ ея сторонъ, составляютъ длинные усы; носъ голъ, бѣлъ и хрящеватъ; большіе и высунувшіеся глаза имѣютъ темнаго цвѣту зѣницу; длинныя и обширныя уши его покрыты столь короткою шерстію, что, естьли не посмотрѣть на нихъ вблизи, то покажутся голыми; наружно въ нижней части они бѣлыя, а впрочемъ во всю ихъ длину сѣрыя. Внутренность ихъ, такожъ и обѣ стороны головы свѣтло пламеннаго цвѣта, смѣшаннаго съ черными и сѣрыми волосами; окружаютъ совсѣмъ претьею почти долею длины своей слуховой проходъ, такъ что совершенно изображаютъ верхнюю часть бумажнаго свитка, или трубки. Подобное сложеніе должествуетъ умножать въ животныхъ способность слушанія, а паче всего предохранять внутренность уха отъ чуждыхъ тѣлъ, которыя въ него вползти могутъ.

Не очень продолговатое его тѣло ширѣе сзади, чѣмъ спереди, покрыто изобильно длинною, мягкою и шелковистою шерстію.

Находящаяся на верху и на сторонахъ тѣла почти во всю онаго длину, пепельнаго цвѣта, а къ черноватому концу своему свѣтлорыжая; но какъ пепельная часть не явственна, то и можно сказать, что цвѣтъ шерсти свѣтлорыжій и разпестренъ крестообразно черноватыми линіями или полосками. Сіи нѣсколько темные колеры пріятно отличаютъ прекрасную блестящую бѣлизну изподней части тѣла.

Переднія ноги такъ коротки, что едва ли превозходятъ длину шерсти; онѣ бѣлыя и имѣютъ пять пальцовъ, въ числѣ которыхъ большой или внутренній палецъ отмѣнно коротокъ, къ концу округленъ и безъ когтя. Прочіе четыре пальца, между коими вторый наружный продолговатѣе всѣхъ, длинны и снабжены большими кривыми когтями. Пята отмѣнно возвышена, а нутръ или подошва ноги, голая и тѣлеснаго цвѣта. Я уже запримѣтилъ, что можно ихъ почесть руками; дѣйствительно, они *Жербуазѣ* для хожденія не служатъ, но только употребляются, чтобъ брать кормъ и подносить оной ко рту, а еще для рытья норы своей.

Задняя часть, отъ колѣна до ступни, покрыта красноватою и бѣлою длинною шерстію; долгія ноги суть почти совсѣмъ наги, а особливо снаружи, чему и быть должно, потому что звѣрь, будучи въ движеніи или въ покоѣ, безпрестанно на оную часть опирается. На оныхъ, сколь чрезмѣрно продолговатыхъ ногахъ, три пальца; средній немногимъ больше другихъ; всѣ снабжены короткими, но широкими и тупыми когтями; у нихъ также на пятѣ

родъ шпоръ, или лучше сказать самое малое основанïе, или начало четвертаго пальца, которой сближаетъ *Iербо* съ Татарскою *Алагтагою* (*), Г. Гмелинымъ описанною, по которой, вѣроятно, *Гасселквистъ* и многïе другïе не имѣли свѣденïя. Впрочемъ пальцы и пята снизу покрыты длинными волосами, всѣ сѣраго цвѣта съ прожелтью, а шерсть, покрывающая начало, или лучше сказать корень пальцовъ, черноватa. Когти какъ переднïе, такъ и заднïе пепельнаго цвѣта.

По мнѣнïю *Гасселквиста*, хвостъ *Жербуазы* въ три раза длиннѣе тѣла; однакожъ я не находилъ никогда, чтобъ онъ былъ длиннѣе не многимъ еще половины раза. Окружность его не превозходитъ толстое гусиное перо, но онъ четвероугольный, а не кругловатъ; сверху больше темносѣръ, чѣмъ снизу, и покрытъ гладкою шерстïю до самаго конца, которой ограниченъ пучкомъ длинныхъ шелковистыхъ волосъ на половину сѣрыхъ и черныхъ.

Сравнивая сïе описанïе съ описанïемъ, которое предоставилъ намъ Г. *Гмелинъ* объ *Алагтагѣ* въ Новыхъ Комментарïяхъ С. Петербургской Академïи (**), легко усмотрѣть можно, что *Iербо* и *Алагтага* весьма много между собою сходствуютъ. У нихъ обоихъ на переднихъ ногахъ то же число пальцовъ, шпоры на заднихъ, одной длины хвостъ и пр.; сïе и доказываетъ двѣ вещи, первая состоитъ въ томъ, что *Алагтага* и *Iербо*

(*) *Байбакъ*, земляной заяцъ, Гмел. I. 41.
(**) Часть 5.

суть одного рода животныя, а другая открываетъ, что всѣ сдѣланныя о *Іербо* описанія не весьма справедливы. Главная причина, понудившая *Бюфона* сомнѣваться о соединеніи *Іербо* съ *Алагтагою*, состояла въ неравенствѣ климатовъ, сими животными обитаемыхъ: ибо первой находится въ Африкѣ, а *Алагтаги* примѣчены въ Сибири; но сей примѣръ не есть единственный. Многіе роды звѣрей разсѣяны въ ледяныхъ странахъ Сѣвера и въ знойныхъ мѣстахъ Юга. Крысы любятъ жить въ странахъ весьма теплыхъ, но живутъ также и въ Сѣверной части Швеціи. Зайцы равномѣрно существуютъ какъ на горячихъ пескахъ Африки, такъ и на снѣгахъ Лапландіи, Сибири, Гроенландіи и пр.

Извѣстно также, что Сиренаическая, или степи Баркаской Жербуаза, описанная Г. *Брюсомъ* (*), есть ничто другое, какъ разнообразіе въ породѣ *Іербо*: ибо примѣчаемыя въ сихъ животныхъ разности довольно недостаточны, чтобъ составить изъ нихъ два особливые рода. Изысканіямъ Г. *Брюса* также обязаны мы совершеннымъ познаніемъ другаго животнаго, котораго не правильно и не кстати смѣшали съ *Жербуазою*, и которому дано названіе *Даманъ-Израель*, или *Израельскаго ягненка*. Вмѣсто того, чтобъ имѣть странныя и отличающія свойства, или привычки *Жербуаза*, чрезмѣрную длину въ заднихъ ногахъ, у сего *Дамана* всѣ они малымъ чѣмъ не равныя, и онъ безъ хвоста, а *Іербо*

(*) Путешествіе въ Нюбію и Абиссинію, Томъ 5.

напротивъ въ томъ недоотатку не имѣетъ: ибо оной у него весьма длиненъ. Докторъ Шавъ (*) первый сдѣлалъ ошибку, смѣшавъ два звѣря, столько несходныхъ, и сей погрѣшности послѣдовательно подражали многіе, даже и Г. *Брюсъ*, коего примѣчанія озарили свѣтомъ напредъ сего весьма замѣшанную матерію.

Принявъ *Іербо* за *Даманъ Израеля*, за того самаго, котораго Евреи называли *Шафанъ*, первому присвоили все то, что Арабскіе Писатели повѣствили о другомъ. Дѣйствительно, при чтеніи Филологическихъ диссертацій, до сего предмета касающихся, и когда имѣли познаніе о Жербуазѣ, то весьма было затруднительно признать въ ономъ четвероногомъ привычки, проницательность чувствованія, высокое цѣломудріе, толико выхваляемыя Восточными Писателями и превозносимыя *Соломономъ* въ его Притчахъ; а по сему и должно навѣрное полагать, что все, что писано Евреями, или Аравами въ разсужденіи изящныхъ качествъ рода животныхъ, которыя дѣлаютъ сообща норы свои въ нѣкоторыхъ странахъ Восточныхъ, должно разумѣть принадлежащимъ къ Даману, а не къ *Іербо*, присовокупя однакожъ къ тому, что всякой Естествословъ можетъ справедливо негодовать на нѣкоторыя увеличиванія Восточнаго писанія.

Здѣсь прилагаю табель главныхъ протяженій *Жербуазы*. Она представляетъ среднюю пропорцію взятыхъ мною измѣреній съ нѣко-

---

(*) Путешествіе въ Барбарію.

торыхъ сего рода животныхъ и прилична только самкамъ по тому, что самки первыя мнѣ попались въ руки. Впрочемъ разность сихъ протяженій, въ обоихъ полахъ, почти нечувствительна и не примѣтна.

Длина тѣла отъ конца носу до основанія хвоста 5 дюймовъ и 6 линій (*).

Мѣра головы, взятая въ прямую линію, отъ конца носу до затылка, 1 дюймъ 8 линій.

Ширина морды въ самомъ концѣ оной 4 линіи.

Отверстіе зева, полагая отъ одного до другаго угла челюсти 3 линіи съ полов.

Верхняя челюсть противъ нижней выдалась впередъ на 3 линіи съ четвертью.

Длина верхнихъ зубовъ 2 линіи, нижнихъ зубовъ 3 линіи.

Разстояніе между обѣихъ ноздрей 1 линія.

Отъ конца носу до перваго глазнаго угла 10 линій.

Отъ задняго глазнаго угла до уха 2 линіи съ половиною.

Разстояніе между глазныхъ угловъ 5 линій.

Разстояніе между глазъ по прямой чертѣ 1 линія съ половиною.

Длина ушей 1 дюймъ 6 линій, ширина ушей въ ихъ началѣ 5 линій.

Разстояніе между ушей 9 линій.

Длина хвоста 8 дюймовъ 6 линій.

Толщина хвоста въ его началѣ 2 линіи.

(*) *Линія*, мѣра, почитаемая двенадцатою долею *дюйма*, а дюймъ есть двенадцатая часть *фута*, а въ футѣ 6 $\frac{6}{7}$ Россійскихъ вершковъ.

Вся длина переднихъ ногъ 1 дюймъ 7 линій.
Длина большаго пальца 1 линія съ половиною.
Длина впорато пальца съ когтемъ 3 линіи.
Общая длина заднихъ ногъ 6 дюймовъ 2 линіи.
Мѣра средняго пальца съ когтемъ 10 линій.
Длина шпоръ 1 линія.

Самки имѣютъ восемь сосцовъ примѣчательнаго разположенія. Они выдались вонъ изъ обыкновеннаго мѣста, на которомъ Природа у прочихъ четвероножныхъ соски помѣстила. Первая пара далѣе сгиба плечь, а послѣдняя болѣе подъ бедромъ, нежели подъ брюхомъ. Прочія двѣ пары, на одной линіи состоящія, такимъ образомъ находятся уже на бокахъ, а не подъ изподомъ тѣла.

Препорція во всѣхъ частяхъ у самцовъ меньше, нежели у самокъ, но оная разница почти совсѣмъ не примѣтна. Оттѣнки шерсти ихъ также вообще не столько темнованы. Шулятныя яица снаружи не видны, да и дѣпородный стволъ въ обыкновенномъ своемъ положеніи закрытъ весьма толстою оболочкою; когдажъ изъ оной выходитъ, то простираетпся въ длину на пятнадцать линій и имѣетпъ въ корню двѣ съ половиною окружности. Отверзтіе плѣшки составаено изъ двухъ хрящеватыхъ колецъ; въ верхней части крайней плоти находятся два небольшіе, также хрящеватые, бѣлые крючка, имѣющіе три линіи длины и копорые, загнувшись впередъ, прикосновенны почти къ самому краю плоти. Оные крючки, довольно толстые въ ихъ сложеніи, оканчиваюпся остріемъ, превышаемымъ небольшою желтою головкою и похожею на сѣмянницы пѣ-

которыхъ цвѣтовъ. Вся плоть сверхъ того покрыта весьма маленькими, бѣлыми и хрящеватыми спицами, загнутыми къ корню ствола. По сему странному сосцавленїю полагать должно, что соитїе *Жербуазъ*, такъ какъ и кошечье, сопряжено съ нѣсколькими минутами боли, и что даже верхняя часть ствола, будучи единожды раздута въ тайномъ удѣ самки, не можетъ, какъ по прошествїи нѣкотораго времени, изъ онаго быть вынута, подобно какъ сїе съ собаками случается.

Съ важною наружностїю, въ разсужденїи небольшаго росту *Жербуазъ*, въ частяхъ дѣторождныхъ, можно заключить, что они отмѣнно къ любви склонны. Кажется, что они равномѣрно плодущи: ибо ихъ въ Аравїи, въ Сирїи, въ Египтѣ и въ Барбарїи великое множество. Вѣроятно, что въ Сѣверныхъ земляхъ сїи способности ослабѣваютъ, и я даже полагаю, что они тамъ въ суровое время года совсѣмъ цѣпенѣютъ, слѣдовательно и не могутъ такъ много разпложаться, какъ въ Южныхъ странахъ.

Въ пребыванїе мое, или лучше сказать, во время разъѣздовъ моихъ по Египту, разрѣзывалъ я нѣсколькихъ *Жербуазъ*; но какъ въ сего рода путешествїяхъ никогда недостаетъ свободнаго времени, довольствовался, увидя, что внутренность сихъ животныхъ, толико удивительныхъ наружнымъ своимъ сложенїемъ, ничего чрезвычайнаго не представляетъ. Главная моя цѣль состояла утвердить доказательными доводами, что у нихъ только одинъ желудокъ, слѣдовательно, что они и не есть въ

числѣ жеванїе отрыгающихъ звѣрей. Стараніе мое соотвѣтствовало Господина Геттингенскаго Профессора *Михаелиса* намѣренію, которой посланнымъ отъ Короля Датскаго на Востокъ путешественникамъ, между многихъ вопросовъ, предложилъ и слѣдующій, а именно: *Узнать и рѣшить, состоитъ ли Іербо въ числѣ жеванїе отрыгающихъ животныхъ* (*)? Вопросъ, всегда происходящій отъ одного рода ошибки, которая заставила смѣшать Жербуаза съ *Даманъ-Израелемъ*, или *Шафаномъ* Евреевъ. Нѣсколько сихъ животныхъ, мною въ спиртѣ сохраняемыхъ, были предназначены, чтобъ въ послѣдствіи времени дополнить то, чего я описать не могъ. Но долговременное въ водкѣ пребываніе и разныя съ мѣста на мѣсто перемѣщенїя такъ испортили всѣ утробныя части, что они равномѣрно содѣлались мягкими, багровыми и изнуренными. Лучше всѣхъ сбереженной *Іербо* предоставилъ мнѣ слѣдующія подробности:

По вынутїи изъ спирта, оной *Іербо* вѣсилъ четыре унца и шесть драхмъ; но какъ онъ былъ много онымъ напитанъ, то настоящій его вѣсъ состоялъ не болѣе четырехъ унцій. По вскрытїи нижней части брюха, водка наполняла пустоту оной; испорченная утроба лишилась природнаго своего цвѣта и живости; желудокъ не былъ примѣтенъ.

Тонкія кишки представляли первому взгляду безпорядочное смѣшеніе прямыхъ линій, или

(*) Ученые и любопытные путешественники, или поучительныя таблицы, Томъ 2, стран. 321.

рубцовъ, такъ они опустились; толстыя были нѣсколько больше явственны; *Колонъ*, то есть главная кишка, составляла въ правомъ боку два винтовыхъ и снаружи видныхъ оборота, заднепроходная кишка висѣла почти прямою линіею въ лѣвой сторонѣ. Наконецъ совсѣмъ сжатый пузырь показывался въ нижней части.

Весьма опустившійся и печенкою закрытый желудокъ находился почти совсѣмъ на лѣвой сторонѣ; я всячески, но тщетно, старался разсмотрѣть протяженіе и строеніе желудка, также и кишечнаго пространства; ежели же хотя мало приподнималъ, или отдѣлялъ оныя части, то отдѣленіе ихъ представляло мнѣ только одни недообразованные остатки. То же самое случилось и при обозрѣніи брыжейка, жилъ, каналовъ, и проч. и проч.

Печень составлена была изъ трехъ мочекъ и одной дольки. Двѣ мочки были наружныя, одна правая, другая лѣвая, одна къ другой прилежащіе и отдѣленные только глубокою впадиною, въ которой было немного пузырчатой плевы, знакъ соединяющаго хряща. Задняя мочка находилась совсѣмъ на лѣвой сторонѣ; впрочемъ оныя три мочки не предъявили мнѣ ни вырѣзокъ, ни надросковъ, но внизу подъ правою мочкою, въ задней части, нашелъ я неправильно образованную дольку, нѣсколько покрытую плевою, которая мнѣ показалась быть пузырчатою желчью. Я говорю *показалась быть*: ибо въ ономъ случаѣ, равномѣрно какъ и во многихъ другихъ, бываетъ часто, что худое положеніе весьма поврежденныхъ перепоночныхъ частицъ препятствуетъ различать началь-

ныя ихъ образованія. Разположеніе, или составленіе печени удобнѣе разпознать было можно; однако же совсѣмъ тѣмъ *Паренхима* (*) ея не меньше отъ оной отдѣлялась посредствомъ самаго малаго давленія.

Правая и довольно хорошо сбереженная почка была фигуры продолговато-круглой, сверху выпуклая, снизу сплюснутая; имѣла пять съ половиною линій длины и три ширины. Надъ оною, въ пленочныхъ осташкахъ, усмотрѣлъ я весьма маленькую, овальную и довольно твердую железу.

Лѣвая почка, не такъ хорошо сбереженная, какъ правая, казалась нѣсколько оной побольше. Весьма волокнистый, сплюснутый, продолговато-круглый и снизу поуже мочевый пузырь былъ довольно хорошо сохраненъ, и въ верхней своей части имѣлъ пять линій длины и двѣ ширины.

Іербо обыкновенно находятся въ Нижнемъ Египтѣ, а особливо въ Западной его части, *Багире* называемой. Наименованіе *крысъ*, или *Горныхъ мышей*, слѣдовательно присвоено имъ неправильно по тому, что вся нижняя часть Египта представляетъ равнину. *Гасселквистъ* увѣряетъ, что сіи названія выдуманы Французами. Сей путешественникъ уже не въ первый разъ дѣлалъ грубыя ошибки въ намѣреніи осуждать нашу націю. Небольшое число торгующихъ въ Египтѣ Французовъ не свѣдущи и

(*) Часть внутренностей, чрезъ которую кровь процѣживается, существо мягкое, грибоватое. Слов. Акад.

не имѣютъ понятія о *Горной мыши*; иностранные Ученые за благоразсудили назвать *Гербо* крысою.

Пески и развалины, окружающія Новую Александрію, чрезвычайно посѣщаемы *Жербуазами*. Они тамъ живутъ стадами и устроиваютъ норы, вырывая оныя своими когтями и зубами. Меня увѣряли, что они даже прогрызаютъ подъ слоемъ песку лежащій мягкій камень. Не будучи точно дики, совсѣмъ тѣмъ отмѣнно боязливы: самой малой шумъ, или какой нибудь новый предметъ заставляетъ ихъ съ поспѣшностію удаляться въ свои жилища. Безъ хитрости и безъ нечаяннаго нападенія убить ихъ не возможно. Аравитяне умѣютъ ихъ ловить живыхъ: они запыкаютъ выходы разныхъ галлерей ихъ норъ, за изключеніемъ одной, по которой принуждаютъ его выти. Я никогда не ѣдалъ оныхъ звѣрей, но мясо ихъ почитается не весьма хорошимъ кушаньемъ; однакожъ Египетская чернь онымъ не пренебрегаетъ. Кожа ихъ, покрытая мягкою и лоснистою шерстью, употребляется на дѣланіе простыхъ мѣховъ.

Я кормилъ нѣкоторое время въ Египтѣ шесть сего рода животныхъ и содержалъ ихъ въ большой клѣткѣ, сдѣланной изъ желѣзной проволоки. Въ самую первую ночь изкрошили они совсѣмъ стойки и всѣ деревянные поперечники, и я принужденъ былъ велѣть обить нутръ клѣтки жестью. Они ѣли рожъ, сарачинское пшено, орѣхи и всякіе фрукты. Весьма любили быть на солнцѣ. Какъ скоро находились въ тѣни, прижимались другъ къ другу, и каза-

лись страдать отъ лишенія теплоты. Увѣряли, что Жербуазы спятъ днемъ, а ночью никогда. Что касается до меня, то я видалъ тому совсѣмъ противное. Будучи на свободѣ, вспрѣчаются они въ день толпами вокругъ своихъ подземныхъ жилищъ, да и тѣ, которыхъ я кормилъ, никогда не были столько рѣзвы и веселы, какъ тогда, когда находились на открытомъ солнцѣ. Хотя въ движеніяхъ своихъ имѣютъ они много проворности, но кажется, что кротость и спокойствіе составляютъ ихъ свойство. Мои звѣрки безпрепятственно допущали себя трогать; не происходило между ими ни шуму, ни ссоръ тогда даже, когда давали имъ кормъ. Впрочемъ не оказывали они ни радости, ни страха, ни признательности. Кротость ихъ не была любезна, не была привлекательна: она казалась дѣйствіемъ безпечнаго и совершеннаго хладнокровія, похожаго на безуміе. Трое изъ числа моихъ *Жербуазъ* умерли послѣдовательно до моего изъ Александріи отъѣзда; еще двухъ лишился я во время многотруднаго проѣзда до острова *Родоса*, гдѣ и послѣдній, отъ несмотрѣнія того, которой къ нему былъ приставленъ, вышелъ изъ клѣтки и пропалъ. По выгрузкѣ корабля, приказалъ я его тщательно искать; но сіе было безъ успѣха: его конечно пожрали кошки.

Сихъ маленькихъ звѣрковъ въ неволѣ содержать трудно, а еще того труднѣе вывозить въ наши климаты. Не худо впрочемъ увѣдомить охотниковъ, пожелающихъ привозить ихъ въ Европу, о предосторожностяхъ, необходимо нужныхъ во время ихъ на корабляхъ пребыванія; оныя мѣры суть тѣ же, которыя употребля-

ются, когда привозятъ Агути (*), Акуши (**) и прочихъ Американскихъ, дерево грызущихъ четвероногихъ. Ихъ сажаютъ въ клѣтки, или въ бочки, чтобъ имъ изъ оныхъ вырваться было не можно. Будучи отъ природы склонны все пожирать и истреблять, могутъ, въ продолженіе пути, причинить чрезвычайные убытки, и имѣя даже способность глодать самое крѣпкое дерево, подвергнуть корабли большой опасности.

Я не успѣлъ въ 1787 обнародовать моихъ примѣчаній о Египетскихъ Жербуазахъ, какъ въ *Журналѣ Естественной Исторіи* (***) было напечатано до нихъ касающееся письмо Господина *Бертутъ-Ванъ-Берхема*. Сей Ученый Мужъ совсѣмъ не справедливо приписываетъ мнѣ двѣ вины, потому что въ обоихъ, опровергаемыхъ имъ, пунктахъ я совершенно правъ. Отвѣтъ мой былъ уже изготовленъ; но гражданинъ *Ламетри*, коему я предложилъ помѣстить его въ Физическомъ Журналѣ, яко послѣдствіемъ моихъ примѣчаній, объявилъ мнѣ, что какъ онъ не согласился обнародовать критики Г. *Бертута*: то и не находитъ благопристойнымъ, чтобъ отвѣтъ мой былъ напечатанъ въ его Журналѣ. Я здѣсь сообщаю его Читателю;

(*) Бюфонъ, Ист. Естес. звѣрей четвероногихъ — Cavia. Aguti L. *Кавіа Агути, Лин.* — Агути, Озер. 1. 92. 196.

(**) Бюфонъ, Прибав. къ Естес. Истор. звѣрей четвероногихъ. Cavia Acuschy, Lin. *Кавіа Акуши, Лин.*

(***) Гг. *Бертолона* и *Боіе*, 1788 года, No. 12.

а какъ для оправданія моего во мнимыхъ приписуемыхъ мнѣ ошибкахъ употребляю слова и ссылки самаго Г. *Ванъ-Берхема*: то и предлагаю здѣсь копію съ его письма. Впрочемъ малое сіе изслѣдованіе будетъ не безполезно: оно предоставитъ новыя подробности для лучшаго познанія Естественной Исторіи *Жербуазъ*, и равномѣрно покажетъ, сколько критика подвержена заблужденію, когда старается изыскивать и опровергать самыя малости, не стоющіе никакого вниманія.

Письмо о разныхъ образованіяхъ и настоящихъ наименованіяхъ Жербуазъ Г. Бертутъ-Ванъ-Берхема сына, непремѣннаго Секретаря Физическаго Общества въ Лозаннѣ.

„Въ сочиненіи о четвероногихъ звѣряхъ, „которое скоро намѣренъ я издать въ Свѣтъ, „находится подробное описаніе *Жербуазъ*. На „сей „разъ довольствуюсь предложить настоящіе „роды и виды сихъ животныхъ, и докажу, что „*Алагтага* и *Жербоа* суть два различные рода, „которые Г. *Соннини* неправильно соединилъ въ „одинъ (смотри *Физической Журналъ*, Ноября „1787, Господина Ламетри), хотя впрочемъ „помѣщены въ его запискахъ любопытныя при„мѣчанія о сихъ животныхъ.

„Г. *Палласу* обязаны мы лучшимъ есте„ственнымъ описаніемъ Жербуазъ; но какъ „здѣсь будетъ слишкомъ продолжительно опи„сывать сдѣланное имъ разсмотрѣніе разныхъ „родовъ и видовъ оныхъ звѣрей: то и ссылаюсь

„на его книгу (*) и, послѣдуя ему, скажу „только, что есть два рода Жербуазъ: первый, „о которомъ упоминаетъ Г. Бюфонъ подъ на„званіемъ *Алагтаги*, которое должно писать „*Алак - Даага*, имѣетъ пять пальцовъ на зад„нихъ ногахъ, второй имѣетъ только три, и „также отъ онаго разнствуетъ многими дру„гими примѣтами и свойствами. Дабы отли„чить сей первый родъ, которой Г. *Палласъ* „именуетъ *Mus jaculus*, назову его *Іалма*, име„немъ, которымъ Калмыки его называютъ, а „второму роду сохраню наименованіе *Жербо* или „*Жербоа*. Г. Палласъ запримѣтилъ въ *Іалмѣ* „три разности, которыя больше всего отлича„ются величиною. Самый обыкновенный родъ „*Іалма*, или *Алак - Даага*, называемый между „двумя другими, средней величины. Онъ часто „встрѣчается въ Восточной Татаріи, въ пус„тыняхъ Сибири и въ страхахъ, по ту сто„рону озера Байкала лежащихъ (**), находится „также въ Сиріи и даже въ Индіяхъ. Г. *Пеннантъ* „пишетъ, якобы онъ есть и въ Барбаріи (***); „но Г. *Палласъ* положительно утверждаетъ, „что нѣтъ никакого вѣрнаго доказательства „тому, чтобъ *Іалма* жительствовалъ въ Афри„кѣ; онъ даже даетъ на замѣчаніе, что сей „звѣрь больше любитъ холодныя мѣста, нежели

(*) О новыхъ четвероногихъ животныхъ. Nova species quadrupedum. Mus jaculus, *Мышь Жакулюсъ*. Стран. 275.

(**) Въ выше упомянутой книгѣ, стран. 285.

(***) Описаніе звѣрей четвероножныхъ, стран. 429.

„*Жербо*, которой пребываетъ въ теплыхъ стра-
„нахъ (*).

„Второй родъ гораздо больше прочихъ;
„онъ рѣже перваго; его называютъ *морскою*
„*Іаллмою*, и находится на покрытыхъ травою
„холмахъ рѣкъ Дона, Волги, Римны и Ирты-
„ша (**). Къ сему роду должно присвоить
„звѣря Докторомъ *Шавомъ* совсѣмъ не сход-
„ственно описаннаго подъ названіемъ *Даманъ*-
„*Израеля*, и которой величиною съ кролика.

„Третья разнообразность, или отдѣленіе,
„находится съ большимъ родомъ, около соленыхъ
„Южныхъ болотъ *Каспійскаго* моря, а съ сред-
„нимъ въ окрестностяхъ *Волги* и *Римны*. Ее
„называютъ *Шуинъ Іаллмою* (***), она меньше
„всѣхъ. Большой родъ, или морской *Іалма*
„величиною съ бѣлку; средній, или *Іалма*, съ
„крысу; а самой меньшій едва ли равняется
„съ полевою мышью.

„Всѣ оные роды имѣютъ на заднихъ ногахъ
„пять пальцовъ, и въ большомъ количествѣ
„сихъ животныхъ, разсматриваемыхъ Г. *Палла-*
„*сомъ*, не находилъ онъ никогда въ нихъ разни-
„цы, или отмѣны, въ разсужденіи числа паль-
„цовъ. Естьли же Гг. *Бюфонъ* и *Соннинй* и сдѣ-
„лали ошибку, то причиною тому дурное опи-
„саніе Г. *Гмелина*, которой видѣлъ только од-
„ного сего рода животнаго, вѣроятно уже обез-
„браженнаго, и приписалъ ему только три

(*) Палласъ, въ той же книгѣ, стран. 286.

(**) Палласъ, въ той же книгѣ, стран. 284.

(***) Палласъ, въ той же книгѣ, стран. 291.

„пальца и одну шпору, или четыре пальца (*). „Онъ также не меньше того ошибся въ свой„ствахъ звѣря сего, присвоя ему всѣ привычки „животнаго, *Лепюсъ Оготона* именуемаго: заблу„жденіе, которому послѣдовалъ по томъ и моло„дой *Гмелинъ*. *Мессеръ Шмитъ*, предоставившій „намъ вѣрное онаго звѣрка описаніе, также не „говоритъ, чтобъ у него было только четыре „пальца (**). Слѣдовательно и должно согла„ситься, что сей родъ весьма отдѣленъ отъ „послѣдующаго, у котораго на заднихъ ногахъ „только три пальца.

„Жербо, котораго Г. *Бюфонъ* намъ столь „явственно и подробно описалъ, послѣдуя Г. „Алламану (***) и коего Г. *Палласъ* называетъ „*Мюсъ Сагитта* (****), а Г. Пеннантъ *Египти„усъ Гербоа* (*****), находится въ Азіи, между „*Дономъ* и *Волгою*, гдѣ Г. *Палласъ* его часто ви„далъ, и на песчаныхъ холмахъ, къ Югу отъ „Иртыша лежащихъ, такожъ и въ каменис„тыхъ слояхъ Алтайскихъ горъ. Вообще жи„тельствуетъ онъ въ странахъ, болѣе на пол„день лежащихъ, и вырываетъ норы свои въ „мягкихъ и песчаныхъ мѣстахъ, гдѣ *Іалма* „никогда не бываетъ. Извѣстно, что сей звѣрь „находится также и въ Египтѣ, Барбаріи,

---

(*) Тамъ же, стран. 282.

(**) Въ той же книгѣ, стран. 282.

(***) *Бюфонъ*, въ Прибавленіи, Томъ 6, стран. 292.

(****) *Палласъ*, въ вышеупомянутой книгѣ, стран. 306.

(*****) Исторія, или описаніе четвероногихъ, стран. 427.

„Палестинѣ и въ пустыняхъ между *Бассорою* и „*Алеппомъ*.

„Теперь отважусь еще сдѣлать одно замѣ„чаніе въ разсужденіи Г. *Соннинія*, которой пи„шетъ, яко бы Жербуазы никогда не бываютъ „столь живы, веселы и рѣзвы, какъ тогда, „когда находятся на открытомъ воздухѣ и на „солнцѣ. Дѣйствіе сіе достойно удивленія „по тому, что Г. *Клокнеръ*, имѣвшій у себя „сихъ животныхъ, удостовѣрительно утверж„даетъ, что они спятъ днемъ и боятся свѣ„ту (*Бюфонъ*, въ Прибавл. Томъ 6. стр. 264). „Я также видѣлъ въ Лаузаннѣ у Г. *Доята* „четырехъ или пять Жербуазъ, привезенныхъ „имъ изъ Аравіи, и которые во время дня „прятались и отдыхали; наконецъ Г. *Палласъ*, „описывая *Мюсъ Іакюлусъ*, точно говоритъ: Protracti „lucem dicti, vix pedibus insistunt, quasi stupidi vel „ebrii, mutique, nec aures facile vitali vigore erigunt, „vixque ad saltandum excitari possunt, carcere calidiore „forsan lentiores redditi (*). Г. *Палласъ*, продолжая, „говоритъ, что оные звѣри зимою цѣпенѣютъ. „Я кончу сіе письмо, сказавъ, что не только „Г. *Палласъ*, но также Гг. *Пеннантъ*, *Циммерманъ* „и всѣ искусные Зоологи, или животнословцы,

(*) Палласъ, въ той же книгѣ, стран. 288. Давно уже бывъ выведены на свѣтъ, едва могутъ стоять на ногахъ, какъ бы изумленные, или пьяные, безгласны, даже и живости слуха почти лишены, и съ трудомъ могутъ понуждены быть къ скачкамъ; причину таковой ихъ медленности вѣроятно приписать должно слишкомъ теплой темницѣ.

„суть о томъ одного мнѣнія. Имѣю честь „быть, и пр.

„Ланазлъ, 1 Іюня 1788„.

Отвѣтъ Соннинія Г. Бертутъ-Ванъ-Берхему, и пр.

Извините, государь мой! что въ томъ же сочиненіи, которое содержитъ мои записки о Египетскомъ Жербуазѣ, помѣщу я и касательное до васъ замѣчаніе въ отвѣтъ на письмо ваше (*). Оныя записки казались быть единственнымъ побужденіемъ онаго, и подобное уваженіе, раченіе, съ которымъ вы ихъ читали, и приписуемая вами мнѣ похвала довольно достаточны, чтобъ понудить меня изпребить изъ оныхъ нѣкоторыя неправильности, которыя вы, по мнѣнію вашему, въ нихъ находите. Изисканія естествослововъ должны стремиться къ единой цѣли, къ единому положенію; удаляться, какъ бы то не было, отъ сего предмета, есть неоспоримая *вина*. Тогда нѣтъ ничего справедливѣе, ничего похвальнѣе, какъ признаніе и отрекательство отъ заблужденій, коимъ всякой человѣкъ бываетъ подверженъ. По оному пути безпрерывно слѣдовалъ *Бюфонъ*. Сей важный и прекрасный примѣръ оставилъ онъ тѣмъ, которые пишутъ о Исторіи Естественной, и я бы со рвеніемъ подражалъ ему, естьлибъ не былъ увѣренъ, что, соединяя вмѣстѣ, *Жербо* и *Алагтага*, яко двухъ звѣрей одинакаго-рода, не

(*) Я уже сказалъ выше, для чего отвѣтъ мой не былъ напечатанъ въ *Физическомъ Журналѣ*.

только я не виновенъ, какъ вы меня онымъ быть полагаете, но что даже не можно мнѣ въ оном случаѣ приписать по справедливости ни малѣйшей ошибки. Дѣйствительно, вы можете, государь мой! усмотрѣть въ началѣ моего описанія, что я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія положительно утвердить наименованія и настоящаго образованія *Жербуазъ*. Я стараюсь, какъ можно меньше, заниматься столь сухимъ и часто безполезнымъ упражненіемъ. Я хотѣлъ только писать о видимыхъ мною въ Египтѣ Жербуазахъ, и представилъ таковыми, какъ я ихъ нашелъ и разсмотрѣлъ. Описывая *Іербо*, единственной сего рода звѣрь, въ сей части Африки находившійся, былъ приведенъ въ немалое удивленіе сходствомъ его съ другимъ животнымъ того же рода, обитающимъ въ Сѣверныхъ земляхъ, и котораго *Гмелинъ* описалъ подъ названіемъ *Алагтаги*, и сказалъ: *Іербо и Ахагтага Гмелина мнѣ кажутся быть одно животное*, хотя нѣсколько и трудно было мнѣ согласоваться на сіе сближеніе, по причинѣ чрезвычайной разности климатовъ. Признаюся даже, что, естьлибъ размышленіе не представило мнѣ другіе роды четвероногихъ, равномѣрно живущихъ въ холодныхъ странахъ и подъ знойнымъ небомъ: то съ трудомъ согласился, или бы рѣшился утвердить тождество двухъ животныхъ, коихъ описанія совсѣмъ тѣмъ представляли мнѣ многочисленныя и несомнительныя сообразности.

Бюфонъ, не имѣвшій случая разсматривать *Іербо*, и которой, подобно какъ и я, видѣлъ Алагтагу въ повѣсти Гмелина, мнилъ, что сіи два четвероногіе звѣря были одинакаго рода.

Но я, разсматривая *Іербо* довольно близко, могъ бы изъясниться гораздо явственнѣе; но ни *Бюфонъ*, ни я никогда не говорили, чтобы Жербуазы *Восточной Татаріи, степей Сибирскихъ и мѣстъ, по ту сторону Байкала лежащихъ*, были всѣ похожи на ту, о которой Гмелинъ писалъ, ни даже, чтобъ она находилась въ сихъ земляхъ. Мы только сослались на свидѣтельство именитаго человѣка, коего примѣчанія взнесены въ собраніе сочиненій Императорской Санктпетербурской Академіи, и сіе свидѣтельство, признаться должно, еще до сихъ поръ не опровержено, и опроверженнымъ скоро быть не можетъ.

Я не намѣренъ, государь мой! удаляться отъ собственныхъ вашихъ словъ. За-подлинно извѣстно, что когда Г. *Палласъ*, коего слава основана не дѣятельности и справедливости, сообщаетъ особенныя свои примѣчанія: то противу оныхъ не можетъ возстать ни малѣйшая искра сомнѣнія. Слѣдовательно должно полагать неоспоримымъ, что въ Сѣверныхъ земляхъ, мною теперь наименованныхъ, есть Жербуазы, называемые *Алак-Даага*, которые разнствуютъ съ *Алагтагою* Гмелина по тому, что у нихъ пять пальцовъ на заднихъ ногахъ. Г. *Палласъ*, продолжая далѣе, говоритъ, что хотя они на Сѣверѣ обыкновенны, но совсѣмъ тѣмъ *разсѣяны и въ Сиріи и даже въ Индіяхъ*, страны, въ которыхъ равномѣрно жительствуетъ и *Іербо*, то есть, Жербуаза о трехъ пальцахъ, со шпорою, или первымъ основаніемъ четвертаго пальца, Алагтага *Гмелина*. Аглинской *Плиній*, Г. *Пеннантъ*, пишетъ, что они бываютъ и въ Барбаріи, и я не вѣдаю, для чего и по чему

Г. *Палласъ* сію послѣднюю возможность подвергаетъ сомнѣнію, основываясь на примѣчаніи, *яко бы они лучше любятъ жить въ холодныхъ мѣстахъ, нежели Жербои, жителя жаркихъ странъ*, какъ будто бы во многихъ уѣздахъ Сиріи климатъ не столько же жарокъ, какъ въ Барбаріи, или по крайней мѣрѣ холодныхъ тѣхъ земель, до которыхъ изслѣдователи достигали.

И такъ, вотъ обѣ, впрочемъ въ весьма близкомъ родствѣ находящіяся породы, какъ-то *Алак-даага* и Іербо, которыя вмѣстѣ существуютъ въ Южныхъ краяхъ Земнаго Шара, гдѣ однако же послѣдняя многочисленнѣе другой. Неимовѣрно ли, что и та и другая находятся и къ Сѣверу, гдѣ также Іербо можетъ быть рѣдокъ? Сія догадка дѣлается больше вѣроятною, или лучше сказать не есть уже оною, когда читаешь, государь мой! въ вашемъ письмѣ, что Ученый изслѣдователь Природы, Г. Палласъ, *часто видалъ Іербо въ Азіи, между Дономъ и Волгою, и на песчаныхъ пригоркахъ, на полдень отъ Иртыша лежащихъ, также и въ каменистыхъ слояхъ, или ущелинахъ горъ Алтайскихъ*, то есть въ Сѣверныхъ странахъ Россіи, въ Татаріи и въ Сибири.

Судя по сему, конечно очень возможно, такъ какъ вы и сами, государь мой, примѣчаете, что *Гмелинъ* видѣлъ только одного животнаго породы *Іербовъ*, которые, по мѣрѣ приближенія къ Сѣверу, становятся рѣдки, и назвалъ его *Алагтагою*, или, если хотите, *Алак-Даагою*, имя, подъ которымъ жители тѣхъ странъ, мало заботясь о изчисленіи пальцовъ и о размѣрѣ протяженій животныхъ, всѣхъ Жербуазъ разумѣютъ.

Но не возможно вообразить, чтобъ весьма свѣдущій путешественникъ и наблюдатель точности въ другихъ гораздо больше важныхъ предметахъ не умѣлъ различить изувѣченнаго звѣря, у котораго недоставало членовъ, и протяженія тѣла были изкажены, такъ какъ вы оное полагаете. Еще труднѣе повѣрить можно, чтобъ онъ забавлялся описаніемъ мечтательнаго существа, и что по случаю, еще больше непостижимому, сіе совершенно выдуманное бытіе дѣйствительно находится въ другихъ, весьма отдаленныхъ и совсѣмъ пропивныхъ климатахъ.

А по сему и не можно рѣшительно сказать, чтобъ *Гмелинъ* былъ въ заблужденіи, описывая то, что онъ видѣлъ, и что по примѣчаніямъ новѣе вашихъ, о которыхъ вы упоминаете, государь мой! онъ долженъ былъ видѣть въ посѣщаемыхъ имъ мѣстахъ. Съ другой стороны, по правиламъ вѣрной Логики, не льзя было приписать ему никакой вины, потому что ему противополагали одинъ или два отрицательные довода, довольно недостаточные для уничтоженія вѣрнаго доказательства. Мнѣ показалось, что нѣсколько уже тому лѣтъ путешественники и испытатели Природы слишкомъ не осторожно находятъ удовольствіе противурѣчить предшественникамъ своимъ. Я не нахожу здѣсь удобнымъ разсматривать, много ли Наука пріобрѣла пользы отъ сего всеобщаго гласа критики, или осужденія; но сіе принудило меня настоять въ разсужденіи оправданія Гмелина, которое до моего собственнаго ни мало не касается. Дѣйствительно, разполагая, что сей

Естествословъ столько былъ безстыденъ и описывалъ четвероногаго звѣря, коего образованїе было совсѣмъ не то, которое онъ ему присвоилъ; но отъ того не меньше утверждать можно, что Египетской Іербо весьма походитъ на другую Жербуазу, описанную въ Комментаріяхъ Санктпетербургской Академіи подъ наименованїемъ *Алагтаги*. Вотъ все, что я намѣренъ былъ сказать, не помышляя утверждать ея существенность, ни назначать степени вѣроятїя, заслуживаемаго путешественникомъ, которой ее описывалъ.

Мнѣнїе, составляющее изъ Іербо и Алагтаги Гмелина, тотъ же и одинъ родъ животнаго, принято благоразумнымъ Г. *Алламаномъ*, изъ числа иностранныхъ Испытателей Природы, котораго *Бюфонъ* предпочиталъ прочимъ, и отмѣнно уважалъ. Описывая подробно присланную изъ Туниса къ Г. *Клокнеру* Жербуазу, и сказавъ, что она одного роду съ *Іербо* Бюфона, Голландской Профессоръ продолжаетъ: *Онъ* (Іербо) *составляетъ особливую и весьма удивительную породу съ Алагтагою, коей Г. Гмелинъ предоставилъ намъ рисунокъ и описанїе, но такъ много походитъ на нашего Іербо, что не можно почесть его съ Госпол. Бюфономъ, какъ только разнообразїемъ того же самаго рода* (*). Съ другой стороны Бюфонъ, которой съ начала описывалъ Іербо, послѣдуя *Едвардсу* и *Гасселквисту*,

(*) Бюфонъ, Приб. къ Истор. Естес. четверон. животныхъ. Дополнен. Голландскаго Издателя (Г. Алламана) въ спорѣ, о Жербуазѣ, или Іербо.

помѣстилъ его въ одинъ классъ съ *Алагтагою* Гмелина (*), наспоялъ (вотъ его выраженіе), не раздѣлять ихъ въ своемъ дополненіи къ Исторіи Естественной звѣрей четвероногихъ, и никто лучше васъ, государь мой! не можетъ чувствовать, коликаго уваженія заслуживаетъ мнѣніе Французскаго Натуралиста, когда, не пренебрегая, воззрѣть окомъ премудрости на споръ, болѣе изъ словъ, чѣмъ изъ настоящаго дѣла состоящій, и уважая не вдавнѣ произведенныя изысканія, которыхъ вы и сами не опровергаете, онъ утвердился на прежнемъ своемъ положеніи.

Что принадлежитъ до втораго вашего примѣчанія въ разсужденіи сказаннаго мною, *яко бы Жербо никогда не бываютъ столь живы и рѣзвы, какъ когда бываютъ на открытомъ воздухѣ и на солнцѣ*, дѣйствіе, почитаемое вами *весьма удивительнымъ*: то позвольте и мнѣ, государь мой! дать вамъ на замѣчаніе, что, по настоящему смыслу моего предложенія и по его выраженію, касается оно не до всѣхъ Жербуазъ вообще, не до тѣхъ, которые пребываютъ на полной свободѣ, но только до нѣкоторыхъ сего рода животныхъ, мною содержимыхъ въ клѣткѣ. Отъ изреченій моихъ не можетъ возродиться никакая двоесмысленность: ибо я точно написалъ: *тѣ, которыхъ я содержалъ, никогда не были столько живы и рѣзвы, и пр.* Не должно ни мало

К

(*) Естес. описаніе звѣрей четверон. глава о *Жербуазахъ*.

удивляться, что звѣри, которые располагаютъ собою по своей волѣ и препровождаютъ большую часть жизни ихъ въ норахъ, сдѣланныхъ подъ горячимъ пескомъ и знойною землею, претерпѣваютъ, отъ лишенія теплоты, когда бываютъ подвержены содѣйствіямъ открытаго воздуха, вѣтровъ и прохладности ночей, и я полагаю сію причину довольно достаточною, чтобъ заставить моихъ звѣрковъ, которые по большой части находились въ тѣни заключенными, рѣзвиться и оживляться, чувствуя пріятное вліяніе солнечныхъ лучей.

Мнѣ также было извѣстно, что Жербуаза, присланная Г. *Клокнеру* изъ Туниса, спала во весь день и просыпалась при наступленіи ночи (*). Но какое можно сдѣлать заключеніе изъ привычки маленькаго, отдѣленнаго и весьма нѣжнаго звѣрка, которой, будучи лишенъ жаровъ природной своей страны, перемѣщенъ въ холодной и сырой климатъ, каковъ въ Голландіи? Сіе разсужденіе равномѣрно касается и до тѣхъ, которыхъ Г. *Доятъ* имѣлъ у себя въ Лаузаннѣ. Для подкрѣпленія моего мнѣнія имѣю я также неподозрительныя свидѣтельства; вопервыхъ, моихъ глазъ, которые довольно хороши, чтобъ заслуживать нѣкоторую довѣренность; потомъ, многихъ Европейцовъ, которые видѣли моихъ *Іербо* въ Александріи; наконецъ всѣхъ людей, бывшихъ на Полакрѣ *Фортунѣ*, на которой мои звѣрки цѣлый мѣсяцъ находились.

(*) Прибавл. къ Истор. Естес. четверон. Г. *Бюфона*; статья въ дополненіе Профессора *Алламана*.

Но я разпространилъ, признаюся, мое предложенїе, и сказалъ, что Жербуазы встрѣчаются днемъ по близости подземныхъ жилищъ своихъ, а по сему и должно судить, что они не безпрестанно во снѣ пребываютъ. Естьлибъ Аравы могли вмѣшаться въ нашу разпрю: то удостовѣрили бы васъ, государь мой! что они стрѣляютъ *Іербо* изъ ружей въ то самое время, когда оные звѣрки выходятъ изъ норъ своихъ; но непреложнымъ свидѣтельствомъ должно почесть слова Г. *Брюса*, *искуснаго Зоолога* и именитаго путешественника. Онъ пишетъ, что, во время нещастнаго путешествїя, предпринятаго имъ въ сїю часть Африки, которая въ древности была извѣстна подъ названїемъ Сиренаики, или Пентаполы, и гдѣ Іербо суть обыкновеннѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ, онъ употребилъ людей своихъ и при немъ бывшихъ Аравитянъ убивать сихъ звѣрей палками, дабы шкуры ихъ остались невредимыми (*). Нѣсколько далѣе, къ оному присовокупляетъ, что Аравы Королевства Триполїйскаго, отправляясь на ловлю *Антелопа*, весьма утѣшаются, пріучая собакъ своихъ, чтобъ, гнавшись за онымъ звѣремъ, вдругъ поворотить на Іербо; что небольшая борзая собака, подаренная ему Княземъ Тунискимъ, часто забавляла его сею охотою; что гоньба продолжается довольно долгое время, и что онъ видалъ нѣсколько разъ на

(*) Смотри Путешествїе въ Нюбїю и Абиссинїю Г. Жамеса, Брюса, Томъ 5, стран. 149.

большомъ хорошо обгороженномъ дворѣ свою борзую собаку, препроводившую цѣлые четверть часа прежде достиженія проворной своей добычи (*). Всѣ сіи обстоятельства конечно довольно свидѣтельствуютъ, что Іербы неколебимо весь день во снѣ не препровождаютъ.

Изреченіе Г. Палласа, *protracti in lucem*, *etc*, которое вы съ начала до конца прописываете, чтобъ опровергнуть мое утвержденіе, ему вредить не можетъ, и сіе примѣчаніе будетъ ощущаемо какъ *искусными Зоологами*, такъ равномѣрно и всѣми благоразумными людьми, по тому, что въ ономъ изреченіи упоминается о животномъ разныхъ породъ и странъ, о звѣрѣ, Г. *Палласомъ* именуемымъ *mus Iaculus*, то есть, о Алак-даагѣ, или Сѣверной Жербуазѣ, которую вы такъ тщательно старались отличить отъ Іербо, что ихъ впредь смѣшать будетъ не возможно. Вспомните, напротивъ того, государь мой! что Г. Палласъ часто видалъ своего mus sagitta, Іербо, *на лесчаныхъ пригоркахъ, и пр.*, а по сему и вопрошаю я, какимъ образомъ можно часто видѣть звѣрей, которые цѣлый день спятъ въ подземныхъ своихъ жилищахъ?

Сверхъ того я ни мало не утверждалъ, чтобъ Іербо днемъ совсѣмъ не спалъ, и препроводилъ бы всю ночь насквозь во снѣ. Намѣреніе мое единственно состояло въ томъ, чтобъ ограничить слишкомъ общее утвержденіе тѣхъ, которые усыпляютъ его на цѣлый день и дѣ-

(*) Путешествіе въ Нюбію и Абиссинію, Томъ 5, стран. 151.

лаютъ неспящимъ во всю ночь. Я даже охотно соглашусь вѣрить, что сонъ его продолжительнѣе и не такъ часто прерываемъ, когда солнце на горизонтѣ, нежели въ то время, когда оное отъ него удаляется. Въ подобномъ случаѣ имѣлъ бы Іербо сообразность со многими другими четвероножными, которыя ищутъ пищи своей и отправляются на ловлю и на добычу скорѣе въ сумерьки, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ. Почитаю ненужнымъ продолжить тому примѣры; оные довольно извѣстны.

Сего, безъ сомнѣнія, слишкомъ довольно для прекращенія спора, для котораго, стараясь разбудить Жербуазъ, можемъ мы легко наконецъ усыпить нашихъ Читателей. Но прибавлю еще одно слово: я думалъ, что Жербуазы цѣпенѣютъ въ Сѣверныхъ мѣстахъ во время жестокой погоды, и такимъ образомъ не могутъ такъ разплодиться, какъ въ Южныхъ странахъ. Вы увѣдомляете меня, государь мой! что Г. *Паллась* совершенно утвердилъ мое мнѣніе, что для меня весьма лестно. Я не меньше себѣ поставляю за удовольствіе, что могу предъ свѣтомъ изъявить все мое къ вамъ почитаніе, пребывая и пр.

ГЛАВА ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ.

Францyзская Фактopія. — Статуя. — Адансонъ и его нещастія. — Августъ, другой Францyзской Переводчикъ. — Древняя гробница. — Имя Александра Великаго и нынѣ еще въ почтеніи въ Египтѣ. — Венеціане и Англичане. — Торговля. — Жермы. — Рыбы.

Я жилъ въ Александріи въ домѣ, занимаемомъ Консуломъ и Францyзскими купцами; онъ построенъ близъ моря на заднемъ концѣ новой гавани. Видъ его представляетъ четвероyгольное зданіе, къ коего yгламъ примыкаетъ большой дворъ, вокрyгъ котораго и подъ сводами построены магазины. Своды, или крыши, поддерживаемы колоннами, или лyчше сказать, часпицами колоннъ, изпоргнyтыми изъ остатковъ древняго града; многіе сдѣланы изъ гранита, но въ числѣ ихъ одна изъ порфира.

На ономъ же дворѣ находилась статyя въ человѣческій ростъ изъ бѣлаго камня и представляющая сидящyю женщинy со стоящимъ возлѣ нее юношею. Работа оной довольно хороша; изображеніе одежды особливо не безъ достоинства. Аравы нашли сію статyю въ развалинахъ и продали Францyзскому Переводчику, которой хотѣлъ ее отправить въ свое отечество; но онъ yмеръ прежде исполненія своего намѣренія; и съ того времени статyя оставалась подверженною безпрестаннымъ yдареніямъ съ товарами кипъ, которые всегда вокрyгъ ее ворочали и оную даже повредили; такъ что никто не помышлялъ ни сберечь,

ни отправить ее въ назначенное ей мѣсто, гдѣ конечно была бы она принята съ удовольствіемъ. Надлежало, дабы духъ изтребленія владычествовалъ съ большою силою, на прибрежіяхъ, усыпанныхъ плачевными дѣйствіями его могущества, чтобъ имѣть доступъ въ окружность, назначенную жилищемъ просвѣщенному народу.

Жилые покои состоятъ надъ магазинами; слѣдовательно окны очень возвышены, и одни весьма крѣпкія ворота запираютъ сію пространную площадь. Во время же смятеній, бываютъ они еще подкрѣплены кучею накладенными тюками. Естьли же возмущеніе не прекращалось и слѣдовало ожидать, чтобъ народъ не сдѣлалъ какого нибудь пролома, тогда всѣ живущіе въ домѣ люди въ ночное время спускались изъ окошекъ и искали спасенія на стоящихъ на якорѣ корабляхъ.

Въ прежнія времена управлялъ онымъ учрежденіемъ только одинъ Вице-Консулъ; но Г. *Тотъ*, въ теченіе своего надзиранія, отмѣнилъ Консула въ *Каирѣ*, гдѣ не возможно было защитить его отъ наглостей и обидъ Мамелюковъ, и перевелъ въ Александрію. Можно судить, что онъ и тамъ былъ не безъ опасности. Французской флагъ поднятъ надъ Французскою Факторіею; но гораздо было бы лучше можетъ быть, естьлибъ онъ тамъ и не существовалъ, по тому что до сихъ поръ не могли заставить имѣть къ нему уваженія.

Въ небольшомъ числѣ тамъ пребывающихъ Французовъ и коихъ честное и услужливое обращеніе въ памяти моей пребудетъ не забвеннымъ, примѣчателно было имя, Наукамъ

драгоцѣнное, имя *Адансона*. Братъ Парїйскаго Академика, посвятившій себя съ младыхъ лѣтъ на познанїе Восточныхъ языковъ, съ давнаго времени отправлялъ затруднительную и опасную должность Переводчика на Востокѣ. Онъ испыталъ въ Сирїи одно изъ числа тѣхъ жестокихъ приключенїй, которыя суть поношенїемъ и терпящаго оныя Правительства и того, которой на оныя снисходитъ безъ гласнаго отмщенїя. Содѣлавшись жертвою своей должности, подверженъ былъ отвратительному безчеловѣчїю одного Паши. Имѣя препорученїе обще съ сотоварищемъ своимъ и отъ имени Французской нацїи ѣхать къ нему для принесенїя справедливой жалобы, были оба, по повелѣнїю лютаго Музульмана, преданы жестокому наказанїю палками по пятамъ. Другой Переводчикъ кончилъ жизнь подъ ударами, а *Адансонъ*, его можетъ быть нещастливѣе, съ изувѣченными и болѣзненными ногами, будучи лишенъ средства ходить, перенесъ жестокую свою казнь и обиду, которую Французское Правительство оставило безъ наказанїя, такъ какъ и убїйство своего Консула въ Александрїи.

Довольно было сего столь ужаснаго приключенїя, чтобъ возбудить сожалѣнїе и обратить вниманїе въ пользу Г. Адансона, которой, по личнымъ своимъ талантамъ и рѣдкимъ дарованїямъ, заслуживалъ уваженїе. Но награжденїе смиреннаго и отдаленнаго достоинства не было взнесено въ списокъ обыкновенїй тогдашняго Правительства. Створы позлащенныхъ дверей его не отверзались, какъ только пыш-

ному невѣжеству, или докучливой безполезности. Человѣкъ, имѣющій одни достоинства и познанія, былъ удаленъ и пребывалъ безъ воздаянія; ослѣпленная и не справедливая власть на сіе не взирала. *Адансонъ* велъ скучную жизнь въ Александріи, и раздѣлялъ тамъ должность Переводчика съ Г. *Августомъ*, коего разумъ и пріятность въ той странѣ были почти рѣдкостію, и во всѣхъ земляхъ вселенной предоставили бы ему щастіе, уваженіе и почтеніе. Естьлибъ должно мнѣ благодарить ихъ только за обыкновенные опыты вѣжливости, то конечно не разпространился бы, особенно на щетъ сихъ двухъ Переводчиковъ, будучи неизвѣстенъ, дойдетъ ли до нихъ вопль моей признательности; но скажу, что имъ, ихъ благоразумному снизхожденію обязанъ я всѣми облегченіями, мнѣ предоставленными, для изполненія моихъ примѣчаній и наблюденій въ странѣ, которую разсматривать весьма трудно, и путешественники возчувствуютъ, сколь щастливы подобныя встрѣчи: ибо они вѣдаютъ, какъ и я, сколько они бываютъ рѣдки.

Я слыхалъ въ разговорахъ объ одномъ любопытномъ зданіи, роду древней гробницы, находившемся въ одной мечети внѣ окружности Александріи. Тщетно оказывалъ я желаніе оную видѣть; меня увѣряли, что сіе было дѣло не только невозможное, но даже и опасное. Французской Консулъ и Г. *Адансонъ* сильно убѣждали меня объ ономъ не помышлять. Однако же Г. *Августъ*, будучи не столько робокъ, взялся меня вести туда тихимъ образомъ и скрытно отъ прочихъ Французовъ. Янычаръ, при Фак-

торїи служащїй, препровождалъ насъ; Шеикъ мечети, *Иманъ* у Турокъ, *приходской попъ* у Христіанъ, ожидалъ насъ, и мы посредствомъ нѣсколькихъ денегъ, за которыя Г. *Августъ* договорился со Священникомъ, могли все разсмотрѣть свободно и безъ затрудненія. Сей древняго построенїя храмъ воздвигнутъ однимъ Калифомъ; стѣны его облѣплены разныхъ цвѣтовъ мраморами, и тамъ видны и поднесь прекрасные мозаическїе остатки.

Гробница, предметъ нашего любопытства, и которую можно полагать прекраснѣйшимъ изъ числа произведенїй древности, въ Египтѣ хранимыхъ, превращена Магометанами въ нѣкоторый родъ умывальницы, въ хранилище святой воды, ими употребляемой при благоговѣйныхъ ихъ умовеніяхъ. Она отмѣнно велика, и представляла бы продолговатый четвероугольникъ, естьлибъ одна изъ малыхъ сторонъ не была округлена наподобїе ванны. Вѣроятно, что надъ нею въ древнїя времена была крыша; но теперь не видно оной никакихъ слѣдовъ: ибо гробница совсѣмъ открыта. Вся она составлена изъ цѣльнаго куска отмѣнно рѣдкаго мрамора съ зелеными, желтыми, красноватыми и проч. крапинами на прекрасномъ черномъ грунтѣ; но что наивяще дѣлаетъ ее любопытною, есть то удивительное множество маленькихъ гїероглифическихъ, или таинственныхъ буквъ, коими она внутри и снаружи покрыта. Недостанетъ цѣлаго мѣсяца, чтобъ возможно было съ точностїю ихъ списать, а по сему и нѣтъ до сихъ поръ вѣрныхъ съ нихъ рисунковъ. Тѣ, которые я, по возвращенїи

моемъ изъ Египта, видѣлъ у Министра *Бертина*, въ Парижѣ, только что могутъ дать понятіе о формѣ зданія: ибо Гіероглифы нарисованы единственно отъ изображенія и на удачу. Сіе походитъ на то, что естьлибъ кто пожелалъ имѣть списокъ съ какой нибудь надписи, то довольствовался бы начертаніемъ однихъ литеръ, безъ послѣдствія и порядка. Однако же не иначе, какъ посредствомъ вѣрнаго подражанія сего знаменовательнаго писанія, можно достичь до познанія таинственнаго языка, отъ котораго зависитъ свѣденіе о землѣ, въ древнія времена толико прославленной. Когда сей языкъ будетъ извѣстенъ, тогда будемъ свѣдущи о начальномъ произхожденіи сего Саркофага (Могилы), и узнаемъ Исторію того великаго Мужа, коего прахъ она сокрываетъ; до тѣхъ поръ пребудетъ сіе неопредѣленнымъ и движущимся полемъ на догадкахъ основанныхъ заключеній.

Подлѣ гробницы, на кускѣ сѣраго цвѣта мрамора, которымъ и вся площадка въ мечети устлана, усмотрѣлъ я Греческую надпись, но Римскими буквами изображенную; а какъ почти половина оной была помрачена, то, чтобъ разобрать ее, надлежало имѣть больше времени, чѣмъ мы его имѣли. Я могъ при первомъ воззрѣніи только отличить слово *Константинонъ*.

Прежъ сего въ оную мечеть ни подъ какимъ видомъ входить было не можно; вотъ и причина молчанія путешественниковъ въ разсужденіе могилы, которая дѣлаетъ ее столько любопытною. Одинъ Герцогъ Браганскій, изъ числа Европейцовъ первый, посѣтившій храмъ сей, или лучше сказать, оной обрѣтшій, былъ при-

веденъ на то мѣсто одною нечаянностїю. Онъ ѣхалъ мимо мечети, двери были отворены, никого въ окрестностяхъ не находилось, и любопытство принудило его взойти. Увидѣвшїе его ребята, собравшись, къ нему подбѣжали, окружили и начали кричать. Естьлибъ крикъ ихъ былъ услышанъ, то бы въ такомъ случаѣ воспослѣдовалъ конецъ Португальскаго Князя; онъ вынулъ кошелекъ и заставилъ ребятъ молчать, бросивъ имъ нѣсколько денегъ, которыя предоставили ему свободной и спокойный выходъ. Послѣ того Г. *де Монтагю*, о которомъ я уже упоминалъ, тщетно предлагалъ знатную сумму денегъ, чтобъ быть допущену въ сїю мечеть. Но какъ скоро по томъ приставленъ къ ней Шеикъ, коего алчность къ злату превозходила законы суевѣрїя, то всякому Христїанину, посредствомъ заплаты одного секина, двери ея отверзты. Въ томъ году даже; въ которой я пріѣхалъ въ Александрїю, многїе Агличане ѣздили туда, безъ малѣйшихъ осторожностей; они были примѣчены нѣсколькими простолюдинами, и сїе произвело гласное негодованїе. Комендантъ Александрїи, безъ продолженїя времени, сдѣлалъ строгїй выговоръ Шеику, и запретилъ ему впущать Христїанъ. Напасть, которая бы непремѣнно возродилась отъ сего произшествїя въ землѣ, гдѣ Европейцы въ вѣчномъ страхѣ пребываютъ, была слишкомъ недавнишная, чтобъ не навлечь еще безпокойствїй. Но прогулка наша въ мечеть была такъ благоразумно пріуготовлена, что объ оной никто не говорилъ и даже не свѣдалъ.

Я былъ одинъ разъ свидѣтелемъ ужаса, которой одна только мысль народнаго возмущенїя въ Александрїи вселяетъ въ душу нашихъ Французовъ. Пришедшїй купецъ объявилъ, что Европеецъ убилъ природнаго той страны жителя. Тотчасъ ворота и двери Факторїи были заперты; начали помышлять о кипахъ, чтобъ употребить ихъ подпорами; всякой уже размышлялъ, на какомъ кораблѣ искать убѣжища, по спускѣ изъ окошекъ, какъ по щастїю были увѣдомлены, что убїйство учинено Музульманомъ надъ ему подобнымъ.

Однакожъ, естьли безпрестанное обращенїе съ разными Европейскими нацїями не могло еще смягчить нравы Александрїйсцевъ, но, по крайней мѣрѣ признаться должно, внушило въ нихъ меньше нетерпимости въ разсужденїи нѣкоторыхъ предметовъ. Александрїя на примѣръ есть съ Розеттою единый въ Египтѣ городъ, въ которомъ не возбранено Европейцамъ носить приличныя имъ одежды. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ запрещено имъ являться въ народъ, не имѣвъ на себѣ платья по обычаю Восточному. Не надлежало однакожъ во зло употреблять сей родъ снизхожденїя: ибо показавшись въ народной толпѣ одѣтымъ съ нѣкоторою опрятностїю, или пышностїю, особливо въ мѣстахъ, отъ морскаго берега отдаленныхъ, подвергается Европеецъ быть обиженнымъ.

Совсѣмъ тѣмъ должно еще имѣть нѣкоторую благодарность жителямъ сей земли за то, что они своему мѣстечку сохранили наименованїе древняго города. Слово *Александрїя* ощутительно въ Арабскомъ имени *Езкандерїе*, и

сѣтованїе, отъ котораго не льзя воздержаться, наварваровъ, новый городъ больше заражающихъ, нежели населяющихъ, на малое время прекращалось, когда произносили они, что я самъ много разъ слыхалъ, съ особливымъ уваженїемъ имя Александра. Оное, по ихъ мнѣнїю, означаетъ свойство храбрости и побѣды. *Ентескандеръ*, говорятъ они иногда *ты, подобенъ Александру*, сїе есть, по разсужденїю ихъ, величайшая похвала неустрашимости. На ономъ основана истинна, доказывающая, что ни мраморы, ни металлы не увѣковѣчиваютъ память человѣковъ. Одни славныя дѣянїя могутъ предать имена ихъ въ вѣчныя потомства. Все помрачается; все изчезаетъ: добродѣтели и благодѣянїя пребываютъ нетлѣнными, яко памятники, воздвигнутые въ сердцахъ, и безконечное наслѣдїе удивленїя и благодарности.

Венецїанцы и Англичане имѣли также коммерческїе учрежденїя въ Александрїи. Первые, подобно Французамъ, въ разсужденїи торговли, слѣдовали по стезямъ предшественниковъ своихъ. Агличане напротивъ старалися проложить себѣ новые пути. Частыя поѣздки ихъ Агентовъ, или повѣренныхъ, въ Индїю, ихъ щедрость, или можно сказать разточительность, которая прїобрѣтала имъ благосклонность той страны начальниковъ, всегда благорасположенныхъ къ тѣмъ, кто имъ давалъ больше денегъ, наконецъ разторопность ихъ въ дѣлахъ, всегда втайнѣ хранимыхъ; все предвѣщало предпрїнятое ими намѣренїе, которое уже отчасти и произвели въ дѣйство, присвоить себѣ изклю-

чительную торговлю Индіи чрезъ Чермное море.

Городъ Александрія, толико стѣсненный и ограниченный въ наши времена, не предоставляетъ важнаго разхода; а по сей причине небольшая, въ немъ производимая торговля и дѣлаетъ его мѣстомъ, гдѣ только складываютъ товары для отвозу по томъ далѣе; но, какъ я уже сказалъ выше, торгъ сей довольно великъ и можетъ содѣлаться несмѣтнымъ. Таможни приносили знатныя суммы; оными управляло общество торгующихъ въ Сиріи Христіанъ. Чтобъ судить о ихъ хитрости, довольно вѣдать, что они выпѣснили Жидовъ, которые прежде ихъ сею частію доходовъ управляли.

Товары, предоставляемые на Европейскихъ корабляхъ въ Александрію, отвозятся водянымъ путемъ до Каира, откуда, снабдя надобности и роскошь сего многолюднаго города, отправляются во всю *Аравію*, въ Верхній *Египетъ* и даже въ *Абиссинію*. Маленькія суда, служащія для отвозу ихъ изъ Александріи въ Розетту, на рѣкѣ *Нилѣ* лежащаго города, и для привозу въ Александрію припасовъ и произведеній Египта и Аравіи, называются *Жермы*. Они суть родъ прочныхъ барокъ, довольно хорошаго построенія. На нихъ нѣтъ палубы; они не требуютъ глубокой воды, и, по мѣрѣ величины своей, бываютъ о двухъ или о трехъ мачтахъ, съ отмѣнно большими трехъугольными парусами, кои, будучи сверху утверждены къ мачтѣ, не могутъ быть опущены, такъ что, какая бы не была дурная погода, то матросы принуждены взлѣзать на всю ихъ

вышину для собранія парусовъ; работа столько же продолжительная, какъ и многотрудная. Они вообще поднимаютъ пять или шесть тонъ грузу. Конечно можно бы было построить барки съ палубами и гораздо пространнѣе и не требующія болѣе глубины. Товары не были бы на нихъ подвержены быть замоченными и испорченными морскою водою, такъ какъ они не рѣдко таковыми бываютъ, а въ отправленіяхъ не произходило бы замедленій, для торговли иногда вредныхъ, въ разсужденіи волнуемаго моря, препятствующаго плаванію *Жермовъ*. Хотя ходъ ихъ по морю не болѣе простирается какъ на двенадцать миль, и что посреди онаго предстоитъ имъ заливъ, гдѣ они могутъ сыскать вѣрное убѣжище въ *Абукирѣ*, однакожъ береговое сіе плаваніе не есть безопасное. Естьли же стремительный вѣтеръ воздыметъ волны, всегда на глубокихъ мѣстахъ буйные, то легко могутъ они наполниться водою и потонуть. Но грозящее бѣдствіе предстоитъ имъ при устьѣ Западнаго отдѣленія рѣки *Нила*, древней *Болбитики*, нынѣ *Розетскимъ рукавомъ* именуемымъ. Сей проходъ есть ничто иное, какъ изъ песковъ составленная полоса, о которую волны, спѣсненныя поперечными вѣтрами, и преодолѣваемыя теченіемъ рѣки, съ яростію ударяютъ и разбиваются. Небольшой островъ, раздѣляющій устье онаго рукава, оставляетъ на каждой его сторонѣ проливъ, называемый въ той сторонѣ *Боггасъ*, каналъ или проливъ но не льзя никакъ; утвердить, чтобъ сей проходъ былъ удобенъ во всей ширинѣ своей. Есть только узкій каналъ, но и тотъ

отъ движимости дна и отъ колебанія водъ всякой день перемѣняется. Лоцманъ, *Рейсъ*, или правитель *Боггаса*, безпрестанно занятъ измѣреніемъ глубины сего тѣснаго и измѣняющаго прохода и указаніемъ его плывущимъ *Жермамъ*. Не взирая на сіи предосторожности, они часто попадаютъ на мѣль и скоро, будучи наполняемые глыбами воды и песку, погибаютъ совсѣмъ своимъ грузомъ и людьми. Подобныя несчастія чаще случаются при входѣ въ *Нилъ*, чѣмъ при выходѣ изъ онаго по тому, что *Жермы*, приходящія съ моря, будучи не въ дальномъ разстояніи отъ прохода, не могутъ уже миновать онаго, а напротивъ тѣ суда, которыя плывутъ внизъ по рѣкѣ, могутъ свободно воротиться назадъ, естьли, приближаясь къ полосѣ, найдутъ ее слишкомъ опасною. Во время приращенія *Нила*, подобныя несчастія не столь обыкновенны; но когда рѣка вступаетъ въ берега, то она бываетъ такъ мѣлка въ своемъ устьѣ, что нѣтъ почти возможности баркамъ избѣгнуть напасти. Какъ Египетскіе мореходцы къ тому и не привыкли, однакожъ безъ трепета никогда его не проѣзжаютъ. Мнѣ изъ нихъ показывали таковыхъ, у которыхъ отъ чрезвычайнаго страха борода посѣдѣла. Лѣтомъ въ 1778 было въ каналѣ не болѣе, какъ на три фута воды. Примѣчено даже, что и мѣсто годъ отъ году спѣшительно возвышалось. То же самое случилось и съ рукавомъ *Даміэтскимъ*, коего *Боггасъ*, или каналъ, хотя и окруженъ скрытыми подъ водою камнями, но не слылъ быть опаснымъ по тому, что старая и долговременная привычка научила миновать оные; даже и

купцы, отдающіе въ наемъ *Жермы*, въ договорахъ своихъ симъ припятствіемъ не уважали. Однако же въ концѣ 1777 года, во время пребыванія моего въ *Розеттѣ*, сей проходъ учинился совсѣмъ засыпаннымъ и непроходимымъ во время самой большой прибыли воды въ *Нилѣ*, такъ что первыя суда, которыя покусились его пройти, тамъ погибли. Предстоящая опасность на рукавѣ Розеттскомъ ежегодно возрастала по мѣрѣ возвышенія дна; а какъ безполезно было ожидать отъ невѣжества, или можно сказать отъ нечувствительности Египтянъ, предпріятія работъ, которыя бы могли, стѣсня воды, сдѣлать каналъ глубже: то и должно полагать, что въ скоромъ времени никакому судну сію страшную полосу проходить будетъ не возможно. Тогда можетъ быть вздумаютъ вычистить каналъ Александрійскій, а естьли незаботливость жителей ослѣпитъ ихъ до того, что и сіе полезное дѣло будетъ не уважено, тогда всякое водяное сообщеніе *Александріи*, съ прочими предѣлами Египта, прекратится, и торговля найдется принужденною употреблять убыточное средство земнаго пути.

По оному вообще слѣдуютъ путешественники и Европейскіе купцы, равномѣрно и тѣ, которые предпочитаютъ лучше претерпѣть излишнія издержки, нежели утонуть на *Боггасѣ*. По сей дорогѣ ѣзжалъ и я всякой разъ, когда измѣрялъ состоящее разстояніе между *Александріею и Розеттою*.

Я не оставлю береговъ, не сообщивъ Читателю свѣденія о морскихъ рыбахъ, которыя имѣлъ случай замѣтить во множествѣ

родовъ въ той странѣ ловимыхъ. Я видѣлъ тамъ тотъ родъ камбалы, которой извѣстенъ подъ названіемъ *морскаго орла* (*), коего мясо и жестко и имѣетъ дурной запахъ; *морскую кошку* (**), которая его не вкуснѣе; *паламиду*, родъ маленькаго *тунца* (***); остроносую рыбу, называемую *иглою* (****) и *головля* (*****), которая несмѣтными стадами, во время тихой погоды, прыгаетъ на поверхности воды. Здѣсь также ловится рыба, которая у Римлянъ на столахъ занимала отличное мѣсто, прозванная *волкомъ*, въ разсужденіи ея прожорства (******). Прованскіе мореплаватели именуютъ ее *каруссою*: она въ два фута длины, и

(*) Raia aquila. L. Рая аквила. Лин. скатъ. Ест. Ист. нар. уч. 379. Озер. III, 46. Акад. Изв. I. 70.

(**) Squalus catulus. L. Сквалюсъ катюлюсъ. Лин. Алетъ. Акад. Изв. I. 70. Ест. Ист. нар. уч. 379. Requin. Аккула. Озер. III. 49.

(***) Scomber Pelamis. Lin. Скомберъ пеламисъ, Лин. Скумбра. Ест. Ист. нар. уч. 392. Le *maquereau*, обык. *Макрелъ*. Озер. IV. 63.

(****) Esox belone, L. Есоксъ Белоне. Лин. Orphie. Обыкнов. щука. Озер. IV. 73. Лепех. I. 56. III. 80. 267.

(*****) Mullus surmuletus. L. Мюлюсъ сюрмюлетюсъ. Лин. Голавль. Озер. IV. 75. Кефала. Опис. Тавр. Обл. 182.

(******) Perca labrax. Lin. Перка лабраксъ. Лин. Судакъ. Гм. I. 99. Палл. I. приб. 18. Sandre. Слов. Акад. *Le loup*, волкъ, озер. IV. 60.

я имѣю съ оной рисунокъ. Голова у ней синеватая, на жабрахъ находились красныя пятна, а тѣло сине-черноватаго цвѣта съ сѣрою пестриною; но оные колеры были темнѣе сверху боковой, или побочной линіи, а снизу свѣтлѣе съ желтоватою смѣсью. Наконецъ, въ удовольствіе Любителей сладкихъ ѣствъ, скажу, что здѣсь ѣдятъ отмѣннаго вкусу *краснобородки* (*).

ГЛАВА ТРЕТІЯ НАДЕСЯТЬ.

Дорога отъ Александріи до Розетты. — Маадіе. — Гераклея. — Розетта и ея окрестности. — Обозрѣніе Дельта.

Помѣщенная съ одной стороны между Средиземнаго, а съ другой песчанаго морей Новая Александрія отдѣлена и кажется не принадлежащая ни къ какой землѣ. Чтобъ достичь до другихъ предѣловъ свѣта, должно предать себя непостоянству волнъ, или переправляться чрезъ великія пространства, запечатлѣнныя признаками отступленія и гнѣва Природы. Чтобъ пріѣхать сухимъ путемъ въ *Розетту*, должно проходить почти совершенно пустую степь. Я дѣлалъ сіе путешествіе не однократно: первый разъ съ Генералъ-Инспекто-

(*) Mullus barbatus. L. Мюлюсъ барбатюсъ, Лин. *Rouget barbé*, Султанская рыба. Оп. Тав. Обл. 184. Морская краснобородка. Озер. IV. 64. Барвена. Слов. Акад.

ромъ *Тотомъ*, имѣющимъ при себѣ многолюдную свиту, въ числѣ которой находился *Савари*. Мы отправились изъ Александріи 12 Іюля 1777, въ семь часовъ вечера. Сей поѣздъ, или можно сказать збродъ иноспранцевъ, одѣтыхъ по Французскому обыкновенію, возбудилъ негодованіе жителей; мы испытали въ проѣздъ чрезъ городъ множество ругательствъ и нѣсколько каменьевъ, изъ числа которыхъ одинъ, слишкомъ искусно брошенный, довольно крѣпко меня ударилъ въ грудь. Естьлибъ я вѣрилъ предзнаменованіямъ, конечно бы не продолжалъ столь непріятно начатаго путешествія; но другаго рода злоключеніе ожидало насъ не въ дальномъ отъ города разстояніи. Сей ударъ былъ чувствителенъ для тѣхъ, коихъ прозорливая охота къ ѣдѣ въ надеждѣ своей была обмануша. Оселъ, которой несъ съѣстные припасы, недостойный толико важной ноши, опрокинулъ навьюченныя на него корзины: бутылки, тарелки, пироги и пр. все было разбито въ дребезги. Провели болѣе получаса на собраніе осшатковъ ночлега, и оные положили на не столько вертопрашную лошадь. Скоро застигла насъ ночь; она не могла быть темнѣе и, за изключеніемъ, ѣхать долгое время, ничего не видя на прибрежіяхъ, мнѣ неизвѣстныхъ, было для меня все равно и точно такъ, какъ будто бы я и не выѣзжалъ изъ Александріи. Я особенно имѣлъ при себѣ стараго служителя, къ путешествіямъ привыкшаго, молодаго рисовальщика и морскаго бомбардира. Мы ѣхали сомкнутою кучкою, и имѣя при себѣ одного Янычара, составляли авангардію. Доѣхавъ до половины дороги, остановились, дабы воспользоваться

нѣкоторымъ отдохновенїемъ. Когда же должно было паки отправиться въ путь, то всякой, бѣгая, искалъ свою оставленную на произволъ лошачиху, или лошадь, которыхъ ни поймать, ни узнать ночная темнота не позволяла: всѣ кричали, спорили, погонщики между собою дрались, а Янычары всѣхъ ихъ колотили. Посреди сего замѣшательства маленькая моя команда сидѣла уже на сѣдлахъ, какъ скоро поданъ знакъ къ отъѣзду, и мы наслаждались спокойно зрѣнїемъ смѣшныхъ явленій, вокругъ насъ происходящихъ. По пріѣздѣ взяли мы предосторожность и поставили лошачихъ своихъ въ отдаленномъ мѣстѣ; почему и могли ихъ имѣть по нашему произволенїю. Цѣлый часъ происходилъ въ безпорядкѣ, которой предупредить не стоило труда, и сїе примѣчанїе здѣсь весьма кстати: ибо оно доказываетъ, что въ путешествїяхъ, такъ какъ и въ военныхъ дѣйствїяхъ, порядокъ и попеченїе, суть равномѣрно необходимыя, и что, пренебрегая оныя, бываешь иногда подверженъ неудобностямъ, больше важнымъ, чѣмъ потеря драгоцѣннаго времени.

Пріѣхали въ Розетту въ шесть часовъ поутру; спали до обѣда, не помышляя, чтобъ приготовить Священника Капуцина для отправленія торжественной литургїи, за которою долженъ былъ послѣдовать *молебенъ*. Послѣ двенадцати часовъ пополудни отправились въ *Каиръ* съ такою же поспѣшностїю; тамъ пробыли цѣлый мѣсяцъ и почти безпрестанно просидѣли въ заперти, и возвратились въ Александрїю также скоро, какъ изъ оной выѣхали. Вотъ что люди *большаго свѣта* называютъ путешество-

вать. Они по томъ возвращаются въ Европу, судятъ обо всемъ съ безстыдствомъ, а иногда и пишутъ о вещахъ, которыхъ никогда не видали.

При томъ должно и то сказать, что переѣздъ отъ Александріи до Розетты, для избѣжанія отъ знойнаго солнца происходящихъ безпокойствъ, обыкновенно совершается ночью. Но посвятивъ себя съ давнаго времени путешествіямъ въ огненныхъ климатахъ, научился сносить жаръ солнечный, будучи впрочемъ увѣренъ, что для путешественника, которой желаетъ научиться, не можетъ быть слишкомъ много свѣта. Я съ тѣхъ поръ ѣхалъ днемъ, по оной дорогѣ; ее полагаютъ на двенадцать часовъ ѣзды. Повозки, не будучи здѣсь извѣстны: то, вмѣсто ихъ, употребляются лошаки, которыхъ всегда за положенную и умѣренную цѣну можно нанять въ Александріи и въ Розеттѣ. Поступь ихъ есть весьма продолжительной шагъ, посредствомъ коего можно далеко уѣхать, не чувствуя излишней усталости. Сіи животныя такъ привычны къ оному пути, что нѣтъ надобности ими управлять, потому что какъ днемъ, такъ и ночью никогда не сшибаются съ дороги, которую на зыбучемъ пескѣ не возможно ни проложить, ни даже означить, а по сей причинѣ и нѣтъ у нихъ ни узды, ни удила, но только надетъ на шею худой оброть.

Хотя дорога и не представляетъ обитаемаго жилища, но въ точномъ смыслѣ не льзя ее назвать пустынею. На пространствѣ половины пути видны не въ дальномъ разстояніи, съ одной стороны, нѣсколько домовъ и одна дерев-

ня, а въ остальной части встрѣчаются признаки, показующіе, что селенія не весьма отдалены; а по сему и не должно здѣсь опасаться заносовъ, или бурь, причиняемыхъ полуденнымъ вѣтромъ и толико страшныхъ на пространныхъ песчаныхъ равнинахъ, коими Египетъ окруженъ. *Савари*, которой, кромѣ оной, не видалъ другой пустыни, прилагаетъ къ ней всѣ слышанныя имъ повѣсти о настоящихъ степяхъ: „Нещастіе, возклицаетъ онъ, тому, „коего Южной вихрь захватитъ посреди сего „уединенія! Естьли нѣтъ у него палатки для „защиты: то бываетъ осажденъ валами возпаленной пыли, которые, наполняя ему глаза и „ротъ, лишаютъ дыханія и зрѣнія. Осторожность требуетъ, чтобъ ѣхать по оной дорогѣ „ночью (*).„ Ничто конечно не можетъ быть ужаснѣе сихъ полуденныхъ вихрей, но то уже вѣрно, что сего подобнаго между Александріею и Розеттою страшиться не должно; что никто не умиралъ на той дорогѣ отъ валовъ воспаленной пыли, и что Физически не возможно, дабы сіе нещастіе тамъ случилось. Дѣйствительно, естьли вѣшеръ дуетъ съ полуденной стороны, тогда бываетъ онъ прохлажденъ водами озеръ и каналовъ, чрезъ которыя онъ проходитъ, и они перехватили бы приносимыя имъ песчаныя тучи, естьли впрочемъ и могъ бы вѣшеръ ихъ унести съ собою большое количество, разпространяясь надъ обрабоганными полями *Багирейскими*. Но наступяла существеннѣе сего опасность, ежеминутное ожиданіе быть

(*) Письма о Египтѣ, Томъ I, стран. 45.

обворовану. Находились, правду сказать, стражи для наблюденія безопасности дороги; должность ихъ состояла, какъ скоро замѣчана была ими подозрительная толпа людей, увѣдомлять о томъ въ обоихъ городахъ. Тогда путешествія пресѣкались до тѣхъ поръ, пока не было обнародовано, что дорога опять безпрепятственна и свободна; но набѣги воровъ, Бедуиновъ, а по обстоятельствамъ они всѣ таковы, столь поспѣшны; они съ толикимъ стремленіемъ появляются изъ странъ, изъ которыхъ не можно ожидать людей, что дѣйствіе грабежа есть первый признакъ ихъ присутствія, отъ котораго путешественники не рѣдко бываютъ жертвами.

По выѣздѣ изъ Александріи, слѣдуютъ по дорогѣ, на Востокъ-Сѣверо-Востокъ лежащей, и вдоль начала мыса, которой отъ Александріи возвышается къ Сѣверу. На концѣ его стоитъ *Абукиръ*, деревня, построенная на развалинахъ древняго *Канопа*. Берегъ мыса сего не столько низокъ, какъ берегъ Аравитянской башни: хотя онъ и составленъ изъ песчаныхъ пригорковъ, но не имѣетъ ей подобнаго вида уединенія и безплодія; на немъ есть жилища и посѣянныя земли.

Отъѣхавъ около шести миль, предстоитъ берегъ роду озера, остатокъ *Нильскаго* Канопическаго рукава. Теперь впрочемъ можно его только назвать морскою лужею, которая, кромѣ самаго большаго приращенія *Нила*, съ оною рѣкою сообщенія не имѣетъ. Ее переѣзжаютъ верьхомъ, естьли рѣка, во время своего разлитія, или возвышенное бурями море

въ ней воды не прибавили. Въ подобныхъ же случаяхъ переправляются въ суднѣ, которое изо всѣхъ, существующихъ на свѣтѣ паромовъ, можно почесть само опаснѣйшимъ и безпокойнѣйшимъ. Устье сего *Нильскаго* рукава весьма стѣснено и составлено изъ песчаной полосы. Гоеланды (*) во всякое время парятъ надъ поверхностію воды для добычи маленькихъ морскихъ рыбъ, въ нее входящихъ; я также видѣлъ тамъ *Фулковъ* (**) и *Пеликановъ* (***). На Восточномъ берегу стоитъ пространное четверогольное зданіе, коего построеніе есть одинаковаго роду со строеніемъ Французской Факторіи въ Александріи. Всѣ вообще въ Египтѣ каравансераи, *Гоккалсы*, сдѣланы по сему образцу; но, назвавъ сей домъ трактиромъ, или гостинницею (****), признаться должно, что нѣкоторые путешественники приписали слишкомъ много чести такому мѣсту, въ которомъ совершенно

(*) Mouette Cendreé, Бюфонъ. Ист. Естеств. птицъ — Larus Canus. Lin. *Ларюсъ Канюсъ. Лин.* Сѣрой рыболовъ. Озер. II. 149. Гмел. I. III. 11. 265.

(**) Foulque. Бюф. Ист. Естеств. пт. разкр. фигур. No 197 — Fulica Atra, Lin. — Фюлика Атра. Лин. *Черная лысуха.* Озер. II. 136. *Водяная курица.* Гмел. I. 118. III. 375.

(***) Бюфонъ. разкр. фиг. No 87, Pelicanus onocrotalus. Lin. Пеликанюсъ онокроталюсъ. Лин. *Баба птица.* Опис. Таврич. Обл. 175. Озер. II. 151. Гмел. I. 183. Палласъ 547. Леп. I. 495.

(****) Корнелій ле Брюинъ.

не находится ничего другаго, кромѣ одного колодца съ прескверною водою.

Мѣсто сїе называютъ *Маадїе*, слово, значащее *проходъ*. Въ намѣренїи обрѣсть слѣды древней *Гераклеи*, коей Докторъ *Шавъ* рѣшительно утвердилъ положенїе по мѣсту, гдѣ находится *Маадїе*, съ точностїю и примѣчанїемъ разсматривалъ я сей домъ, и онаго окрестности; но или Гераклея спояла совсѣмъ на другомъ мѣстѣ, или пески покрыли ея развалины, не нашелъ никакихъ признаковъ отдаленнаго времени зданїй: домъ, построенный изъ бѣлаго и не очень твердаго камня, означаетъ во всѣхъ частяхъ недавнишнюю работу. Исключая двери, на сдѣланїе коей употреблены большой кусокъ гранита и другой отрывокъ сѣраго мрамора, покрытой ваянїемъ, не видно въ немъ ничего древняго; но полмили далѣе примѣтны на берегу старинныя стѣны и остатки строенїя, которыя можно окинуть глазомъ въ ясное время, и сїи, далеко въ море простирающїеся, признаки вѣроятно суть слѣды *Гераклеи*.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдохновенїя подъ тѣнїю стѣнъ зданїя *Маадїескаго*, продолжается дорога по морскому прибрежїю, которое столь низко въ ономъ заливѣ, ибо море отъ *Абукира* составляетъ обширную отдаленность, или впадину, что естьлибъ не существовали прочно сдѣланныя плотины, то бы воды покрыли великое пространство земли. Во время бурь текутъ они чрезъ плотины, разпространяются позади возвышеннаго берега Абукирскаго мыса и потопляютъ множество равнинъ. Морскимъ берегомъ слѣдуютъ близь четырехъ миль по

волнами орошаемому песку: ибо тотъ, до котораго вода не достигаетъ, сухъ и слишкомъ зыбокъ. Во время ѣзды попираемы ногами раковины всякаго рода, въ числѣ которыхъ запримѣтилъ морскіе финики, пятичерепные жолуди и трубные рога. Морскіе жаворонки (*), кавалеры (**), мобеши (***) летаютъ и прыгаютъ на прибрежіи; нѣсколько курли (****) также прилетаютъ туда для сысканія себѣ добычи, а между тѣмъ множество большаго и малаго рода *Гоеландъ*, пересѣкая другъ у друга полетъ, безпрестанно парятъ надъ водами; многія стада морскихъ свиней являютъ живые и прелестные радужные цвѣты на согбенной и мокрой спинѣ своей; даже волны, разстилаясь послѣдственно по песку, кажется, какъ будто играютъ у ногъ лошачьихъ. Всѣ сіи предметы составляютъ позорище, привлекательное для того, которой съ давнаго времени единственно окруженъ сухимъ единообразіемъ; они съ пріятностію утверждаютъ взоры и отвра-

---

(*) Бюфонъ. разкр. фиг. No 851. Tzinga Cinclus, *Тринга Синклусъ*. Лин. морской жаворонокъ. Гм. III. 375.

(**) Chevalier Commun. Бюфонъ разкр. фиг. No 844. Tringa Littorea. L. *Тринга Литорея*. *Лин.* Набережной куликъ. Гмел. III. 374.

(***) Maubeche commune, Buffon. Tringa Calidris. L. *Тринга Калидрисъ*. *Лин.* куликъ красноногой. Опис. Таврич. Обл. 176.

(****) Courlis, Бюфонъ разкр. фиг. No 818. — Scolopax Arquata, L. *Сколопаксъ Аркуата*, *Лин.* Степной куликъ. Гмел. III. 371. Опис. Тавр. Обл. 176.

щаютъ ихъ отъ полуденной стороны, гдѣ только представляется глазамъ песчаное земли пространство, ограниченное подобными же пригорками, и на которомъ съ унылостію растутъ нѣсколько разсѣянныхъ и отдѣленныхъ пальмовъ.

Путешественники охотно останавливаются на нѣсколько минутъ у гробницы одного благочестиваго Магометанина, близь моря воздвигнутой. Живущій при ней Аравитянинъ предлагаетъ пріѣзжимъ кофе и солоновато-теплую воду, которую чрезвычайная жажда, причиненная отъ солнечнаго зноя и пыли, заставляетъ пить съ безмѣрнымъ удовольствіемъ. Небольшая, изъ кирпичей складенная башня возвѣщаетъ, что должно оставить берегъ (*). Другія башенки, примѣчаемыя на томъ же склоненіи, то есть на В. Ю В., служатъ для показанія дороги, лежащей на зыбучемъ полѣ, посреди котораго можно заблудиться, тѣмъ больше, что *Розетта*, окруженная съ Восточной стороны накопившимися песками, видна только тогда, когда вѣзжаютъ въ первую ея улицу. До сего города построено подобныхъ одиннадцать башенокъ, изъ числа коихъ нѣкоторыя, имѣя больше окружности другихъ, суть не безполезны, потому что внутренность ихъ представляетъ путешествующимъ убѣжище, а Магометанамъ мѣсто для молитвы (**).

(*) Оная кирпичная башенка уповательно есть то самое, что *Данвилъ* на своей Египетской Картѣ означаетъ подъ именемъ *Каза Росса*.

(**) Г. Шавъ (во 2 Томѣ своихъ Путешествій на стран. 22) пишетъ, яко бы караванамъ отъ

Здѣсь перемѣняется явленїе, какъ будто бы волшебствомъ; перехожденїе не можетъ быть отрывистѣе, ни противообразность поразительнѣе; не видны уже тѣ оскорбляющїя развалины, тѣ отвратительныя своимъ неплодородїемъ поля: здѣсь является Природа, украшенная всѣми своими убранствами, разпространяющая съ безпримѣрнымъ великолѣпїемъ и изобилїемъ дары свои. Возпаленный глазъ знойнымъ солнцемъ, разтерзанный песчинками, разсѣянными на воспламененной атмосферѣ, покоясь съ прїятностїю, взираетъ на горизонтъ, представляющїй ему живѣйшїя и прелестнѣйшїя изображенїя.

Розетта, прекрасной и много населенной городъ, разположенъ просто, но прїятно. Строе-

---

Медеи до *Розетты* показуютъ дорогу на четыре мили разстоянїя столбы, походящіе на признаки, называемые въ Барбаріи *Шибкагъ ел-лов-деа*; но, не говоря о изчисленіи дороги, гдѣ есть нѣкоторое несходство, оные признаки Шибкагъ ел-лов-деа, по словамъ тогожъ Г. Шава (Томъ I, стран. 274), ничто иное, какъ пальмовые пни, а признаки, означающіе дорогу въ Розетту, вмѣсто того суть изъ кирпича сдѣланныя башни. Я бы не запримѣтилъ сей неважной погрѣшности въ твореніи именитаго Путешественника, почитаемаго мною искуснѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ изъ числа тѣхъ, которые сію часть Африки посѣщали; но, въ разсужденіи сего, вѣроятнѣе всего думать должно, что Г. *Шавъ*, подобно, какъ почти и всѣ другіе, изъ Александріи въ Розетту ѣхалъ ночью.

нïе его новое, а есть ли и нѣтъ въ немъ пышныхъ и великолѣпныхъ зданïй, но по крайней мѣрѣ не представляетъ ничего такого, чтобы могло возбудить сожалѣнïе. *Нилъ* орошаетъ стѣны его съ Восточной стороны. Будучи ослабленъ отъ водъ, которыя онъ въ своемъ теченïи предоставляетъ каналамъ и поливанïямъ, впрочемъ остановленный при устьѣ полосою, его отъ моря отдѣляющею, не имѣетъ онъ опасной стремительности большихъ рѣкъ; на немъ плывутъ спокойно сокровища трехъ частей вселенной, и онъ надѣляетъ берега свои плодородïемъ; сосѣдство его не вредно, а разлитïя даже суть благодѣянïя.

Большое обработанное поле простирается отъ города къ Сѣверу; изъ онаго составлены сады; они не отдѣлены грубымъ и сухимъ образомъ, взору отвратительными стѣнами; душистыя изгороди окружаютъ еще того душистѣе рощи. Не должно также искать въ нихъ тѣхъ прямыхъ аллей, тѣхъ усаженныхъ цвѣтами грядъ, ни тѣхъ съ размѣромъ рисованныхъ фигуръ, которые въ нашихъ загородкахъ суть памятники, искуствомъ воздвигнутые, единообразïю. Все тамъ кажется брошено безъ мысли, на-удачу: померанцевое дерево и лимонное сплетаютъ свои вѣтви, а граната виситъ возлѣ *короссола* (*). Подъ небомъ, чуж-

(*) Corossol *Annona Asiatica.* Аннона Азïатика. *Сметанное яблоко.* Мей. Сл. Бот. плодъ дерева, въ Европѣ неизвѣстнаго, въ Азïи и Америкѣ растущаго.

дымъ инѣямъ и туманамъ, цвѣтъ ихъ во всякое время испускаетъ благовонїе, усугубляемое пріятнымъ уханїемъ вѣпокъ *Геннеа* (*). Всякїя огородныя зелїя растутъ подъ сею благоухательною тѣнїю. Финиковое дерево, возвышая свой верхъ надъ другими деревьями, отвращаетъ даже видъ малѣйшаго единообразїя; никакое дерево, никакой кустарникъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста: все тамъ изпещрено, все разсѣяно съ неустройствомъ, единственно основанномъ на правилахъ изобилїя, и на которой всякой день съ удовольствїемъ взираешь; но сїе смѣшенїе не есть ли дѣйствительно Природою назначенный порядокъ? Солнечные лучи едва могутъ озарять сїи густые вертограды; маленькїе излучинами текущїе ручейки предоставляютъ туда прохладность и пищу растѣнїю; извивистыя дорожки ведутъ въ оныя мѣста. Тамъ-то праздный Турокъ, сидящїй цѣлый день за кофеемъ и трубкою, въ видѣ глубокаго размышенїя, ни о чемъ не думаетъ; больше достойный сихъ прелестныхъ убѣжищъ, есть-либъ умѣлъ дѣлить ихъ съ любезною подругою; но примѣръ птицъ, любовное воркованїе, оные природные сады оживляющихъ горлицъ, не могутъ склонить душу его къ нѣжности, ни извлечь его изъ хладнокровной задумчивости, изъ унылаго безчувствїя. Онъ убѣгаетъ, онъ презираетъ полъ, коего присутствїе усугубило бы прелести сихъ сердце плѣняющихъ мѣстъ, и будучи обла-

(*) *Генне*, большое деревцо, о которомъ я скоро упомяну.

даемъ гордымъ равнодушіемъ, отринулъ бы онъ руку Граціи, естьлибъ захотѣли они возлвигнуть здѣсь жертвенникъ щастію. Суровый Мусульманъ по крайней мѣрѣ почитаетъ то, чему подражать презираетъ; тѣ же самыя горлицы, образованіе любви и вѣрности, обитаютъ вокругъ его въ совершенномъ безстрашіи; онъ ихъ никогда не тревожитъ, взираетъ на сообщество ихъ съ удовольствіемъ; однимъ словомъ, они суть для него священныя птицы. Европеецъ одинъ дерзалъ нарушать право сего убѣжища. Я видалъ его иногда, не заботясь о негодованіи жителей, почитающимъ за забаву наносить страхъ и смерть посреди крылатаго народа любовниковъ; варварское увеселеніе, котораго предлогъ испытанія искуства, или малѣйшаго полезнаго побужденія, извинить не можетъ по тому, что оныя птицы, привыкшія къ человѣку, отъ ему подобнаго не удаляются и, съ другой стороны, предоставляютъ весьма нехорошее кушанье.

Естьли обратить взоръ на другую сторону рѣки, то представляется пространное и однимъ лишь горизонтомъ ограниченное поле: сіе мѣсто именуется *Делта* (*). Вышедшее изъ вод-

(*) Мнѣ довольно извѣстно, что древніе полагали начало *Делта* отъ Канопическаго рукава рѣки *Нила* (Страб. Глав. 17); но сей Канопической рукавъ, сдѣлавшись неизвѣстнымъ, а земля, лежащая между имъ и Розеттою, будучи песчаная, неплодородная и необитаемая: то *Делта*, поле, воз-

дыхъ нѣдръ, сохраняетъ оно прохладность своего произхожденія; позлащеннымъ колосьямъ хлѣбопашества послѣдуетъ въ тотъ же годъ луговая зелень. Сады подобны тѣмъ, которые находятся близь Розетты; въ иныхъ мѣстахъ вмѣстѣ разпущія всегда зеленыя деревья, въ другихъ разсѣянныя стада всякаго рода животныхъ, разнообразятъ виды и оживляютъ сію прекрасную и зеленистую часть Египта. Мѣстечки, многочисленныя деревни усугубляютъ красоту ландшафта. Здѣсь, чрезъ разсѣлины горъ, города являютъ высокіе и узкіе свои минареты; тамъ видны озера и каналы, источникъ неизчерпаемой плодовитости; вездѣ явственны признаки незатруднительнаго земледѣлія, безконечной весны и безпрестанно обновляющагося и всегда разновиднаго изобилія.

Розетта есть также мѣсто въ Египтѣ, гдѣ спокойствіе меньше бываетъ нарушаемо. Тамъ неизвѣстны ни тѣ народныя волненія, ни тѣ безпорядки, ни та возмутительная заботливость, въ другихъ городахъ столь обыкновенныя. Иностранецъ пребывалъ тамъ въ безопасности и могъ свободно гулять безъ принужденія перемѣны своей одежды, чего во всякой другой Египетской странѣ ему сдѣлать было не возможно. Онъ разъѣзжалъ по полямъ, входилъ во внутрь огороженныхъ мѣстъ, прогуливался въ нихъ вдоль и поперегъ, попиралъ ногами взходящія растѣнія, и никто за сіе не

раждающее мысль изобилія, и должно уже почитаться начинающимся отъ рукава Болбитическаго, то есть, отъ Розеттскаго.

оказывалъ ему ни малѣйшаго неудовольствія. Въ неоднократныхъ моихъ подобныхъ пріятныхъ прогулкахъ, которыя съ удовольствіемъ не рѣдко любилъ я возобновлять, хлѣбопашецъ, или садовникъ, приглашали меня посѣтить ихъ шалашъ и угощали кофеемъ. Съ тѣми же нравами, тѣми же обыкновеніями, тѣмъ же невѣжествомъ и тѣмъ же суевѣріемъ жители Розеттскіе пребыли бы, подобно какъ и жители Александріи, какъ тѣ, которые живутъ у подошвы безплодныхъ горъ Верхняго Египта, жестокосерднѣйшими людьми въ свѣтѣ; но помѣщенные на плодоносной и пріятной полосѣ, коей прохладность и произрастенія утоляютъ зной климата и засуху атмосферы, нравы смягчились, обычаи лишились нѣсколько своей суровости. Перемѣна, происходящая отъ щастливыхъ разположеній Природы и вліянія земледѣлія, которое дѣйствіемъ своимъ превосходитъ торговлю, есть главный наставникъ народовъ и настоящій путь, чтобъ извлечь ихъ изъ варварскаго состоянія и вести ихъ быстрымъ и шверднымъ шагомъ къ просвѣщенію.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Возмущенія въ Каирѣ. — Восточная одежда. — Суда, употребляемыя на рѣкѣ Нилѣ. — Зима. — Розетта. — Торговля. — Сарачинское пшено, его вывозъ и древность въ Египтѣ. — Трефлъ (дятлина трава). — Быки и коровы.

Или путешественникъ, проживши нѣкоторое время въ пыли и посреди развалинъ Александріи, проѣхавъ двенадцать миль по безплоднымъ полямъ, сей городъ отъ береговъ *Нила* отдѣляющимъ; наконецъ, переправясь чрезъ песчаные пригорки къ Розеттѣ, съ Западной стороны прикосновенные, въ оный городъ пріѣзжаетъ, или, такъ сказать, вдругъ въ него упадаетъ, либо, оставя непріятное и опасное жительство въ *Каирѣ*, но пребываніе въ *Розеттѣ* дѣлается для него желаемымъ убѣжищемъ, коего сравненіе усугубляетъ пріятность. Будучи назначенъ ѣхать въ Верхній Египетъ, а потомъ въ *Абиссинію*, сперва отправился немедленно въ *Каиръ*, какъ уже выше сказалъ, съ Господиномъ *Тотомъ*, которой меня тамъ и оставилъ. Обстоятельства не могли быть ни хуже, ни затруднительнѣе. Безпрерывные раздоры между владѣтелей Египта превознеслись до самой вышней степени буйства. Саидъ былъ наполненъ сражающимися и зараженъ разбойниками, а между тѣмъ въ *Каирѣ* Европеецъ, удаленный въ домѣ своемъ, или по крайней мѣрѣ въ стѣсненной части города, всегда дрожащій, не смѣлъ являться посреди смятенія, безпорядка, которыхъ вообразить не возможно, если-бы кто не жилъ въ сей

столицѣ Египта. Я ожидалъ, дабы отправиться въ путь, чтобъ возмущенїя прекратились; но, будучи удрученъ безпокойнымъ бездѣйствїемъ, въ которомъ я пребывалъ, скучая жить въ заточенїи и неимѣя средства предвидѣть времени, въ которое Египетъ возвратитъ прежнее свое спокойствїе, дозволяющее путешествовать, не бывъ подверженну столь явнымъ опасностямъ, рѣшился возвратиться въ *Розетту*, мѣсто, имѣющее изключительное право, до котораго потрясенїя остальной части Египта не достигали и гдѣ чужестранецъ имѣлъ способъ гулять безъ опасенїя, а паче тогда, когда онъ сообразовался съ обычаями земли.

Я скинулъ въ *Каирѣ* Европейское платье и нарядился по обряду Турокъ. Волосы мои были принесены въ жертву и обрѣзаны; удивительной длины свитокъ а *ла Друзъ* многими оборотами окружалъ мою бритую голову и защищалъ ее отъ пораженїй знойнаго солнца; длинная и широкая одежда, удерживаемая отчасти шелковымъ поясомъ, покрывала мое тѣло, не сжимая его, и оно въ ней было совершенно свободно. Ни одна часть не стянута, ничто не безпокоитъ въ Восточной одеждѣ; естьли которую носить нѣсколько времени, то возчувствуешь, сколъ безпокойны связи нашихъ узкихъ и срамныхъ кафтановъ, и къ онымъ вновь привыкать весьма трудно. Рисовщикъ и оба при мнѣ бывшїе Французы равномѣрно перемѣнили платье; но ихъ одежда была не столь полная и не столь великолѣпная: они носили платье наподобїе *Серраховъ*, пѣхотныхъ солдатъ, при Беяхъ нахо-

дящихся: усы прїосѣняли наши губы и большїя сабли висѣли у насъ на сторонахъ.

Мы съ большимъ удовольствїемъ оставили городъ *Каиръ* 20 Октября 1771, въ часъ послѣ полудня, и поѣхали на *Каньѣ*, родъ судна, употребляемаго на рѣкѣ *Нилѣ*. Построенїе ихъ изрядное; они отмѣнно легки на ходу и суть разной величины. Употребляемыя для перевозки товаровъ есть у нихъ на кормѣ одна, а иногда и нѣсколько, для пассажировъ открытыхъ воздуху комнатъ, или каютъ, которыя можно бы почесть весьма прїятными, естьлибъ находящїеся въ нихъ люди не были подвержены сѣденїю тьмѣ блохъ, вшей и клоповъ, коими они наполнены. Въ продолженїе двухъ дней и двухъ ночей, нами употребленныхъ на плаванїе въ *Розетту*, не было возможности ни мнѣ, ни сотоварищамъ моимъ уснуть ни на одну минуту. Преданные на произволъ сего удивительнаго множества омерзительныхъ насѣкомыхъ, были ими обезпокоены непонятнымъ образомъ; тѣла наши содѣлались продолженїемъ или сцѣпленїемъ небольшихъ ранъ и несносныхъ опухолей. Я довольно испыталъ въ Полуденной Америкѣ уязвленїе жалъ безчисленныхъ полетовъ *маринггиновъ* (комаровъ); но не запомню, чтобъ когда нибудь такъ мучился, какъ въ этой прокляшой *каньѣ*.

Впрочемъ оныя суда, подобно какъ и *жермы* Александрїйскїя, имѣютъ непомѣрной величины треугольные парусы, привязанные къ весьма длиннымъ поперечнымъ отводамъ. Сїи отводы также суть неподвижны и не спускаются; и когда судно идетъ на парусахъ, то не льзя

перекинуть ихъ сверхъ вершины мачтъ, такъ что во всѣхъ оборотахъ, неминуемыхъ въ разсужденіи многочисленныхъ излучинъ *Нила*, парусы по большой части привязаны къ мачтамъ и къ вантамъ, коихъ нѣтъ возможности ни опустить, ни подобрать. Вѣтеръ, будучи не равенъ, шквалы крупныя и частыя, а матросы весьма незнающіе: то не рѣдко случается, что въ подобномъ положеніи многія изъ числа сихъ судовъ бываютъ опрокинуты. *Канья*, на которой мы ѣхали, была нанята мною; слѣдовательно и не было на ней никого, кромѣ меня, при мнѣ находящихся людей и нашихъ пожитковъ. Я имѣлъ свободное время разговаривать съ корабельщикомъ; старался внушить ему, что, съ помощію нѣкоторыхъ небольшихъ перемѣнъ, можно ему миновать совершенно предстоящую опасность видѣть судно свое погибшимъ. Онъ соглашался во всемъ, но всегда предлагалъ мнѣ обыкновенный доводъ навычнаго невѣжества: *Что у нихъ такое обыкновеніе.*

Въ продолженіе двухъ дней нашего на *Нилѣ* плаванія, испытали мы весьма густой туманъ, которой не прежде проходилъ десяти часовъ утра и превращался въ самый мѣлкій дожжикъ. Оные туманы были предвозвѣстники зимы. Но, чрезъ слово зимы, не должно разумѣть то жестокое и холодное разтвореніе воздуха, которое нѣсколько мѣсяцовъ въ году останавливаетъ растѣнія и терзаетъ людей въ большей части нашей Европы. Замерзанія и иней чужды Нижняго Египта климату. Здѣсь морозъ не бываетъ ощущаемъ, и Природа никогда не облачается въ ту унылую одежду

дряхлой старости, подъ которою показалась бы она умирающею, естьлибъ ежегодно не являлась къ намъ въ весеннемъ своемъ убранствѣ. Тамъ морскïе вѣтры и дожжики, въ теченïе трехъ зимнихъ мѣсяцовъ (*), прохлаждаютъ атмосферу, не дѣлавъ ее холодною и не принуждая людей искать помощи въ неестественной теплотѣ; во все сïе время прозябенïе не пресѣкается и зелень безпрестанно украшаетъ поля и возхищаетъ зрѣнïе.

Подъ симъ щастливымъ состоянïемъ воздуха и на землѣ, прохладной, украшенной удивительными зеленью и изобилïемъ, стоитъ городъ *Россета*, куда и пріѣхали 22 числа, въ 4 часа послѣ полудни. Мы во всю дорогу не останавливались ни на одну минуту.

Я пріѣхалъ прямо къ Французскому Вице-Консулу, Г. *дю Трюи*, коего вкусъ въ словесныхъ Наукахъ имѣлъ даръ содѣлать уединенïе пріятнымъ; охотно согласился на сдѣланное имъ мнѣ ласковое предложенïе жить въ его домѣ, и нашелъ въ переводчикѣ *Форнети* тѣ же уваженïя, тѣ же снизхожденïя, къ которымъ Гг. *Адансонъ* и *Августъ* пріучили меня въ Александріи. Нѣкоторые Французскïе купцы жили также въ ономъ домѣ; онъ былъ просторанный *Гоккалъ*, построенный наподобïе, но гораздо выше Французской Факторïи въ Александріи. Состоитъ близь рѣки *Нила* и также, какъ и всѣ домы въ *Россетѣ*, сдѣланъ изъ кирпичей.

Городъ называется въ той странѣ *Разшидъ*, наименованïе Арабское, подъ которымъ онъ уже

(*) Мѣсяцы Ноябрь, Декабрь и Январь.

былъ извѣстенъ во время Географа *Эдриссія* въ 1155 и изъ коего Французы составили *Россетъ* (*). Нѣкоторые думали, что здѣсь то самое мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ городъ *Канопъ*; но сіе несправедливо. Канопическій рукавъ *Нила* нынѣ есть лужа *Маадійская*, а развалины Канопа существуютъ въ Абукирѣ. *Россета* не представляетъ ни малѣйшаго слѣда древности; однакожъ достовѣрно и то, что она не можетъ

(*) А не *Розетъ*, такъ какъ оное нынѣ обыкновенно пишутъ. *Розетъ*, согласенъ я, для выговора нѣжнѣе; слово сіе представляетъ больше пріятную мысль и сходственнѣе съ преизящнымъ изобиліемъ садовъ, коими городъ окруженъ; но, въ разсужденіи собственныхъ именъ, должно послѣдовать обычаю, а обычай велитъ грубо выговаривать *Россетъ*, слово, произходящее отъ еще того грубѣе Арабскаго названія *Разшидъ*. Сіе замѣчаніе есть конечно не весьма важное; и я бы себѣ онаго не простилъ, естьлибъ когда обнародовалъ въ *Физическомъ Журналѣ* примѣчанія объ Гиппопотамѣ одинъ *путешественникъ въ залискѣ*, напечатанной въ томъ же изданіи, съ важностію не укорялъ меня за то, что я Арабское слово *Баар* написалъ съ однимъ Р. А по сему, когда человѣкъ бываетъ охужденъ за ошибку одного Р, слѣдовательно можно быть охуждену и за излишнее С. А, что всего смѣшнѣе есть то, что *путешественникъ*, вмѣсто Р, поставилъ въ поправленіи своемъ З, такъ что въ послѣдующемъ мѣсяцѣ надобно было напечатать вторую *погрѣшность* для изправленія первой.

быть въ дальномъ разстоянїи отъ того мѣста, на которомъ стояла древняя *Метелїя*, или *Мстелїа*, о коей *Страбонъ* и *Птоломей* упоминаютъ, и находившаяся на Западномъ берегу и близъ устья Болбитическаго рукава рѣки *Нила* (*).

Россетъ, неоспоримо пріятнѣйшій городъ Египта, и въ другихъ бы земляхъ изъ числа хорошихъ городовъ исключенъ не былъ. Домы въ немъ вообще лучше построены, нежели въ *Каирѣ*; положеніе его на берегу рѣки; видъ Делта, представляющій увеселительный образъ изящнаго хлѣбопашества, благовонныя рощи, оной окружающія; чистый и здоровый воздухъ, коимъ тамъ питаются, пріобрѣли ему достодолжное наименованіе *сада Египта*. Въ предметы ежедневнаго употребленія и сущей необходимости въ великомъ множествѣ; тамъ видны улицы, составленныя изъ двухъ рядовъ по сторонамъ лавокъ, въ которыхъ находятся всякіе товары, а жизненные припасы изобилуютъ и продаются дешевою цѣною. Но Россета имѣла уже довольно пріятностей, слѣдовательно и не настояло надобности присвоивать ей другія не существующія выгоды, и коихъ предположеніе могло бы обмануть путешественниковъ и навлечь имъ нѣкоторое затрудненіе. Корнелій ле *Брюнъ*, на примѣръ, которой вездѣ въ воображеніи представлялъ себѣ гостинницы (**), или опаго переводчикъ напи-

(*) Римляне называли устье сего рукава Нила Bolbitinum Ostium, *Болбитинумъ Остіумъ*.

(**) Смотри стран. 226 оригинала.

салъ, что *Россета есть наилрїятнѣйшїй городъ по множеству въ немъ находящихся трактировъ, гдѣ можно жить покойно* (*). Кто бы не подумалъ послѣ сего, что не надобны никакїя предосторожности для прїѣзду въ *Россету*, гдѣ только нужно остановиться въ первомъ тракпирѣ; но тотъ, кто бы на сїе положился, былъ бы странно обманутъ по тому, что тамъ совершенно нѣтъ ни единаго подобнаго дома. Каравансераи, не могущїе служить вмѣсто оныхъ, представляютъ, такъ какъ и во всѣхъ Турецкихъ Областяхъ, только убѣжища, въ которыхъ, кромѣ четырехъ стѣнъ, нѣтъ никакихъ удобствъ, гдѣ даютъ одну воду и гдѣ прїѣзжїй иностранецъ долженъ всѣмъ запастися. Европейскїе путешественники обыкновенно приглашаются купцами ихъ нацїй, которые и сами жительствуютъ въ наемныхъ домахъ.

Россетъ есть мѣсто, гдѣ складываютъ товары между *Каира* и *Александрїею*, что и предоставляетъ жителямъ веселую, дѣятельную и довольно достаточную жизнь. Городъ сей имѣетъ и собственно ему принадлежащїя отрасли торговли, какъ-то: пряденую хлопчатую бумагу, окрашенную въ красную краску, которая получается изъ смежныхъ уѣздовъ; чищеной ленъ, полотна, крашеныя шелковыя матерїи для одеждъ Восточныхъ, и проч. и проч. Другой предметъ, которой хотя не столь великъ, какъ въ *Дамїэттѣ*, но отъ того не меньше важенъ:

(*) Путещ. Корнелїя ле Брюна, Томъ 2, стран. 110, Примѣчаніе А.

состоитъ въ вывозѣ Сарацынскаго пшена, на Арабскомъ языкѣ *Руссъ* (*). Въ пріѣздъ мой, въ концѣ Октября, занимались сушеніемъ сего драгоцѣннаго хлѣба, здоровая и пріятная пища многихъ народовъ; его разстилали на плоскихъ крышахъ домовъ и на городскихъ площадяхъ. Утверждаютъ, яко бы сему дѣйствію должно приписать то великое множество комаровъ (**), коими городъ и внутрь домовъ были тогда наполнены. Дѣйствительно въ другія времена ихъ гораздо меньше. Послѣ жнитвы пшена вылетаютъ они кучами изъ понятыхъ водою полей, на которыхъ предыдущее родотвореніе оставило свои яица. Они прилетаютъ терзать людей, сосать ихъ кровь и дѣлать имъ уязвленія, столько же нестерпимыя, какъ и ужаленія довольно извѣстныхъ *Марингуиновъ* Полуденной части Америки (***).

Пшено сѣютъ въ Нижнемъ Египтѣ съ Марта мѣсяца до Мая. Во время наводненія Нила поля покрыты его водами; а дабы, какъ можно долѣе они на нихъ пребывали, то и дѣлаютъ вокругъ каждаго поля небольшія слюзы, родъ возвышенныхъ валиковъ, удерживающихъ воду. Когда же она стекать начинаетъ, тогда, посредствомъ жолубовъ, пускается новая вода; ибо,

---

(*) Oryza sativa L. *Ориза Сатива*, Л. Сарачинское пшено. Ест. Ист. Нар. Учил. 233. таб. раст. лѣк. пер. §, 108.

(**) Culex. *Кулексъ*. Комаръ. Ест. Ист. Нар. Учил. 420. Озер. У. 180.

(***) Culex hoemorrhoidalis. L. *Кулексъ геморроидалисъ*. Л. Геммороидальный комаръ.

дабы растѣнїе преспѣвало, должно, чтобъ корень его безпрестанно былъ орошаемъ водою. Земля столько бываетъ упоенная ею, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ человѣкъ увязаетъ до пояса. Пшено прежде шести мѣсяцовъ не созрѣваетъ: оно обыкновенно къ половинѣ Ноября бываетъ снято, или срѣзано. Употребленїе чепа, или молотила, въ Египтѣ неизвѣстно. Для отдѣленїя зерна отъ соломы, приготовляются, смѣшавъ землю съ коломбиною (*), пространныя, крѣпко утоптанныя и очень чистыя гумны. На оныхъ кладутъ пшено толстыми слоями; по томъ имѣется родъ телѣги, составленной изъ двухъ кусковъ дерева, соединенныхъ двумя перекладинами, и она почти подобна санямъ, на которыхъ у насъ возятъ тяжелые товары по мостовой нашихъ городовъ. Между длинныхъ боковъ оныхъ саней утверждены поперечно три ряда маленькихъ колесъ изъ прочнаго желѣза и пошоненныя въ ихъ окружности. Напереди сдѣланы грубою работою весьма высокїе и широкїе козлы. Человѣкъ на нихъ садится: онъ управляетъ двумя запряженными къ сей машинѣ быками, и все сїе медлительно и всегда вкругъ путешествуетъ по всѣмъ частямъ пшенной кучи до тѣхъ поръ, пока въ соломѣ не останется зеренъ. Когда оно такимъ образомъ обмолочено, то разстилаютъ на воздухѣ для сушки. Средство его ворочать есть совсѣмъ смѣшное. Нѣсколько людей прогуливаются одинъ возлѣ другаго, и каж-

(*) Руда чистаго свинцу.

дой изъ нихъ одною ногою бороздитъ слой зеренъ, такъ что въ нѣсколько минутъ вся громада бываетъ переворочана, и внизу лежащая часть дѣлается подверженною дѣйствію воздуха.

Высушенное пшено отправляется на мѣльницу для очищенія половы, или шелухи, коею оно покрыто. Сія мѣльница состоитъ изъ колеса, вертимаго быками и которое приводитъ въ движеніе нѣсколько рычаговъ, въ концѣ коихъ находится желѣзной и снизу выдолбленной цилиндръ (валъ), безъ малаго въ футъ длины. Оные цилиндры очищаютъ пшено въ колодахъ, въ которыхъ кладутся зерны. Возлѣ каждой колоды прилѣпельно стоитъ человѣкъ, коего все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ подкладывать пшено подъ цилиндры. Ему должно остерегаться отъ малѣйшей задумчивости; ибо можетъ лишиться руки, которая подвержена быть раздавленною, естьли не проворно ею будетъ дѣйствовать. Послѣ сей операціи выбирается пшено изъ мѣльницы и просѣивается на открытомъ воздухѣ весьма просто; насыпаютъ небольшое рѣшето зернами столько, сколько можно человѣку поднять оныхъ. Наполненное такимъ образомъ рѣшето возвышаетъ онъ надъ головою и сыплетъ помаленьку пшено, оборотясь къ вѣтру, которой и уноситъ съ собою и пыль и соломенки. Сіе очищенное пшено во вторый разъ кладется въ мѣльницу для бѣленія. Въ колодахъ мѣшаютъ его съ солью, которая много способствуетъ къ бѣленію, а больше всего къ его сбереженію. Вотъ все приготовленіе, послѣ чего и посылается оно на продажу.

Сарацынское пшено сѣютъ въ Нижнемъ Египтѣ только на поемныхъ мѣстахъ; далѣе на Полдень слишкомъ возвышенная почва не можетъ быть увлажена водою, которая, для успѣха сего посѣва, должна покрыть всю ея поверхность. *Делта*, сей неизчерпаемый источникъ сокровищъ Природы, предоставляетъ онаго великое множество. Собираемое пшено въ окрестностяхъ *Росета* предпочитается тому, которое растетъ на поляхъ, къ *Даміэттѣ* прикосновенныхъ. Подобное превосходство вѣроятно производитъ отъ приготовленія, лучше наблюдаемаго въ первомъ изъ сихъ двухъ городовъ; ибо климатъ и земля суть одинаковы. Но близъ обоихъ посѣвъ пшена довольно успѣшенъ, и получаемая отъ него выгода равномѣрно удивительна. Полагаютъ, что въ хорошіе годы, то есть въ тѣ, въ которые разлитіе *Нила* позволяетъ большое разпространеніе своимъ водамъ, хозяева пшеницъ, за изключеніемъ разходовъ, получаютъ пятдесятъ на сто прибыли.

Часто предполагали присвоить Франціи посѣвъ пшена Сарацынскаго, и сіе было бы безъ сомнѣнія неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для нашего хлѣбопашества; но если-бы подумать, что въ Египтѣ должно оно лежать шесть мѣсяцовъ въ землѣ для созрѣнія и что въ теченіе сихъ шести мѣсяцовъ потребны ему безпрерывные жары и влажность: то и сыщется весьма мало часпей въ нашей Республикѣ, которыя бы могли, въ разсужденіи сего земледѣлія, предподать надежду вѣрной и изобильной жатвы.

Вопросъ узнать, упражнялись ли древніе Египтяне въ разведеніи Сарацынскаго пшена,

былъ разсматриванъ; но что въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ, изысканіе поселило въ умахъ нѣкоторую неизвѣстность. По мнѣнію Гг. *Шава* (*) и *Гогета* (**), народъ Египетскій въ древнія времена питался пшеномъ; но Г. *Павъ* увѣряетъ, что оное растѣніе больше было неизвѣстнымъ симъ самымъ Египтянамъ, чѣмъ въ наши дни Брезильская Кассава жителямъ Германіи. Онъ присовокупляетъ, что первое Сарацынскаго пшена зерно привезено изъ Индіи въ Нижній Египетъ не прежде владычества Калифовъ, гдѣ и начали сперва разводить его въ окрестностяхъ *Даміэтта*, въ чемъ и ссылается на *Фридерика Гасселквиста* (***). Дѣйствительно Шведскій путешественникъ писалъ, что, по всей вѣроятности, Египтяне научились разводить пшено во времена Калифовъ: ибо, продолжаетъ онъ, въ царствованіе ихъ привезено туда чрезъ Черное море множество полезныхъ зелій (****). Но сіе есть только одно *Гасселквистово* предположеніе, неутвержденное никакимъ доводомъ.

Съ другой стороны противное мнѣніе, которое полагаетъ посѣвъ пшена въ число произведеній древнихъ Египтянъ земледѣлія, основано на неопровержимомъ доказательствѣ. *Г. де Келюсъ*, коего вкусъ къ древностямъ прославилъ,

---

(*) Путешествіе *Шава*, стр. 391.

(**) О произхожденіи законовъ, Томъ 2, стр. 344.

(***) Философическія изысканія о Египтянахъ и Китайцахъ, Томъ I, стран. 138.

(****) Путешествіе на Востокъ Фридерика Гасселквиста, переводъ съ Нѣмецкаго, Часть I. стр. 163.

описалъ бронзовый кумиръ, изображающій *Озириса*, покрытый гипсовою обмазкою. Дабы содѣлать связь оной обмазки крѣпче и прочнѣе на веществѣ, толико гладкомъ, какова есть мѣдь, и во многихъ мѣстахъ безъ утвержденія, употреблена Сарацынскаго пшена солома, которую различить весьма не трудно (*). Правда, что *Г. Павъ* оспориваетъ у Гна. *Келюса* познаніе въ Ботаникѣ (**), какъ будто бы должно быть весьма свѣдущимъ въ наукѣ растѣній, чтобъ умѣть различать Сарацынскаго пшена солому отъ соломы прочихъ питательныхъ веществъ. Впрочемъ не одинъ Г. *Келюсъ* разсматривалъ того кумира. Г. *Бозъ* въ Декабрѣ 1759 имѣлъ съ Академіею Надписей и Словесностей переписку въ разсужденіи сего *Озирисова* Идола, странно позолоченнаго и котораго онъ не задолго предъ тѣмъ временемъ видѣлъ у Графа де *Келюса*. И тотъ и другой тщательно разсматривали находящуюся на немъ позолоту, и запримѣтили, что, дабы слой бѣлилъ, на которомъ было положено золото, держался на бронзѣ: то художникъ сперва покрылъ всю фигуру густымъ наводомъ рыбья-

(*) Собраніе древностей, Том. I. стр. 13. 14., также Записки Парижской Академіи Словесностей и Надписей, Том. 14. стр. 13.

(**) Философическія изысканія о Египтянахъ и Китайцахъ, Том. I. Оная мнимая Сарацынскаго пшена солома, по мнѣнію сего Сочинителя, была ничто иное, какъ трубочки, нарѣзанныя изъ просяной соломы.

го клею, весь усыпанной соломинками Сарацынскаго пшена (*).

Иродотъ извѣщаетъ, что въ числѣ питательныхъ травъ древнихъ Египтянъ было растѣніе, называемое *олира* (**). Не можетъ быть больше сообразности, буде они не суть одинаковы, между симъ именемъ и названіемъ *ориза* присвоенное Греками Сарацынскому пшену, и сіе столь примѣчательное сходство могло бы служить неоспоримымъ доказательствомъ древности посѣва пшена въ Египтѣ, естьлибъ гражданинъ *Ларше*, коего мнѣніе о сей матеріи дѣлаетъ перевѣсъ, не увѣрялъ, что, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія многихъ изрѣченія древнихъ, *олира* не Сарацынское пшено, но *эпеотръ* (***). Г. *Павъ* написалъ, яко бы она есть рожь (****), коей даже и имя нынѣ въ Египтѣ неизвѣстно, и которая, вѣроятно, никогда не составляла части древняго земледѣлія страны сей. Но все сіе ничто иное, какъ только до Науки касающіяся весьма блистательныя догадки, противныя явному и существуемому доказательству соломы, находящейся на древней статуѣ *Озириса*, которую Гг. де *Келюсъ* и *Босъ* столь *прилѣжно* разсматривали.

Г. *Павъ*, коего твореніе наполнено противными общему мнѣнію предложеніями, прости-

---

(*) Записки Академіи Словесностей въ вышепоказанномъ мѣстѣ.

(**) Книга 2я §. 77.

(***) Triticum spelta. L. Тритикумъ спелта. *Л. Полба.* Леп. 1. 69.

(****) Философическія изысканія, стран. 138.

рается далѣе. Онъ увѣряетъ, что естьлибъ древнимъ Египтянамъ и было извѣстно Сарацынское пшено: то они его конечно бы не сѣяли по тому, что, по его разсужденїю, сего рода хлѣбопашества довольно для произведенїя болѣзней въ землѣ, гдѣ никогда, или весьма рѣдко бываетъ громъ, и гдѣ атмосфера, напитанная солкими веществами, небеснымъ огнемъ не изтребляемыми, весьма подвержена премѣненїю (*); онъ внушаетъ даже, что сїе есть изъ числа причинъ мороваго повѣтрїя, не кстати имъ полагаемаго быть болѣзнїю, свойственною Египту. Ошибка Гна. *Пава*, которой Египетскїя пшеницы видалъ только въ своемъ кабинетѣ, происходитъ отъ того, что онъ полагалъ ихъ быть болотистыми мѣстами; ибо мысль о пшеницахъ обыкновенно влечетъ за собою воображенїе опасныхъ для копанїя болотъ, по причинѣ выходящихъ изъ нихъ изпареній; но въ пространныхъ поляхъ Нижняго Египта постоянные и сильные вѣтры не только очистили бы атмосферу отъ вредоносныхъ паровъ, коими она могла быть покрыта, но и Сарацынское пшено никогда не сѣютъ на мокрединахъ. Стоячая и смердящая вода не гнїетъ на поляхъ, которыя оное производятъ; ихъ орошаютъ, ихъ смачиваютъ рѣчною водою, для предоставленїя коей употреблены всѣ средства науки поливанїя: оная вода стекаетъ и ее останавливаютъ, коль скоро растѣнїя не требуютъ уже сего слабаго наводненїя. Другой

(*) Философическія изысканія, стр. 89 и 90.

родъ земледѣлія, не требующій подобной прохладности, и которой изпребляетъ остатки слишкомъ излишней сырости, послѣдуетъ пшену, и прекрасныя зеленыя поляны занимаютъ мѣсто желтоватой одежды, коею не задолго предъ тѣмъ тѣ же самыя поля были покрыты.

Тотчасъ, послѣ снятія пшена, Египтяне засѣваютъ поля отмѣннымъ разнаго рода *трефелемъ* (трилистникомъ), называемымъ ими *барзимъ* (*). Сѣмена его бросаютъ на землю, которую не надобно ни рыть, ни разпахивать, и они довольно глубоко уходятъ въ пошву, въ то время еще содержащую въ себѣ довольно влажности. Щастливая страна, гдѣ земля, чтобъ отверзть нѣдра свои плодородію, не требуетъ быть съ трудомъ разтерзанною; гдѣ довольно, такъ сказать, хлѣбопашцу назначить только родъ желаемыхъ имъ сокровищъ, дабы получить оныя съ изобиліемъ; гдѣ наконецъ Природа, кажется, какъ будто освобождаетъ безпрестанно оскорбляющихъ ее людей не токмо отъ всѣхъ трудовъ, но даже и отъ всякой благодарности! Сей *трефлъ* собирается три раза въ годъ, а потомъ опять уступаетъ мѣсто Сарацынскому пшену. Вторая его убор-

---

(*) Trifolium Alexandrinum. *Трифолїумъ Александринумъ.* Форскалъ, Египто-Арабскій цвѣтникъ, стр. 139. *Примѣчаніе.* Нѣкоторые путешественники сей *барзимъ* смѣшали съ *сенфоэномъ*. Составной горохъ. Слов. Акад. *колытникъ.* Гм. II, 62, 273. Пал. I, 151, 558. Леп. I. 438. Слов. Акад. *сладкій духъ Арабскій.*

ка всегда превозходитъ прочія двѣ по тому, что тогда растѣніе уже разпространило свои корни, и стебли его не сжаты изпребленнымъ живомъ. Легко себѣ представить можно, сколь блистательно подобное перемѣняющееся земледѣліе, котораго никакая другая часть вселенной предоставить не можетъ. *Барзилъ*, сухой или свѣжій, есть обыкновенный и самый сочный кормъ скота какъ на поляхъ, такъ равномѣрно и въ хлѣвахъ. Существительнѣйшее свойство сей отмѣнной пищи, достоинство, которое естественнѣе, должно приписать климату, чѣмъ разности роду сѣмянъ, состоитъ въ томъ, и я никогда не запримѣтилъ, чтобъ она причиняла скотинѣ ту скоропостижную и часто смертельную опухоль, которою нашъ *трефелъ* почти всегда производитъ въ животныхъ, естьли они ѣдятъ его въ полѣ, или въ стойлахъ, въ великомъ множествѣ и безъ смѣшенія другихъ травъ.

Говоря о лучшемъ употребляемомъ кормѣ, имѣю случай упомянуть также о животныхъ, полезнѣйшихъ для земледѣлія. Быкъ дѣйствительно и безъ сомнѣнія изъ всѣхъ домашнихъ скотинъ оказываетъ человѣку важнѣйшія услуги. У воинственнаго и побѣдоноснаго народа лошадь займетъ первое мѣсто; но сей народъ не будетъ ни богатъ, ни щасливъ. У цѣломудренной націи, взирающей на хлѣбопашество, яко на настоящій источникъ народнаго благоденствія, быкъ будетъ предпочтенъ. Посмотри на сего величаваго коня, съ какою быстротою рыщетъ онъ на гладкомъ полѣ! какая гибкость! какая гордость во всѣхъ его движеніяхъ!

Глаза его сверкаютъ, ротъ отъ пѣны бѣлѣетъ; широкія его ноздри едва оставляютъ свободный проходъ огненному и прерванному дыханію; онъ, кажется, раздѣляетъ горячность воина, покорившаго его удилу. И тотъ и другой конечно предоставляютъ уважительное позорище; но ни тотъ, ни другой не могутъ изъ земныхъ нѣдръ извлечь себѣ пропитанія: оное есть плодъ усиленія того нещастнаго, видимаго издали, съ трудомъ согбеннаго на сошникѣ, тощимымъ быками, смиренно ободряемыхъ ревностію и непоколебимостію труда; онъ самый принуждаетъ землю, разтерзывая оную, ко всегда новымъ произведеніямъ; онъ одинъ умѣетъ употреблять желѣзо на единственное покореніе, признанное Природою.

Всякой знаетъ, въ какомъ были почтеніи быки въ древнемъ Египтѣ; они предоставляли боговъ сему суевѣрному народу; поклоненіе имъ было вообще принято; во многихъ городахъ содержались на народномъ иждивеніи сего рода животныя, почитаемыя священными. Извѣстно всякому, какова была слава быка *Аписа*, которой содѣлался первымъ изъ сего спада божковъ; ему были воздвигнуты жертвенники; на счетъ его питалися многіе священники; онъ произносилъ прорицалища. Никакая телица не была убіенна, и законъ объявлялъ нечестивымъ того, кто дерзалъ ѣсть оной мясо (*).

(*) И по нынѣ еще убивство человѣка, или теленка, суть единыя преступленія, смертію наказываемыя у Индусцовъ. *Путешествіе Макинтоша*, Часть 1, стран. 312.

По смерти быковъ, чинены были имъ погребенїя, потому что, за изключенїемъ приносимыхъ идоламъ въ жертву, мало оныхъ убивали; было строго запрещено лишать жизни тѣхъ, которые уже употреблялись въ работу; сіе служило имъ воздаянїемъ за ихъ услуги, родъ признательности, весьма отдаленной отъ жестокосердїя, отъ звѣрской неблагодарности большой части нашихъ пахарей къ животнымъ, трудамъ коихъ обязаны они средствами своего прокормленїя, и таковая суровость нечувствительности имѣетъ болѣе, чѣмъ думаютъ, вліянїя въ народной нравственности. Египетское правительство, согласясь со жрецами, содержало и подкрѣпляло народъ въ ономъ благоговѣйномъ возторгѣ къ животнымъ, полезнѣйшимъ для націи, у которой почти всѣ законы имѣли предметомъ земледѣлїе. Какова вниманїя, какова уваженїя требовало приведенїе въ совершенство родъ животныхъ, изъ числа которыхъ каждое имѣло надежду достичь до обожанїя? ибо, естьли рачительно наблюдаемъ мы нами любимое, то суевѣрїе вящше печется о томъ, чему покланяется.

Въ довольно великомъ числѣ и нынѣ существующихъ въ Египтѣ быковъ едва ли примѣтны черты той совершенной красоты, которою они въ древнїя времена прославлялись. Хотя порода ихъ еще изрядная, но разсудить можно, что будучи съ давняго времени въ пренебреженїи, они много переродились; у всѣхъ у нихъ вообще маленькїе рога, а шерсть больше или меньше рыжеватa, цвѣтъ, не требующїй, по моему мнѣнїю, большаго труда живописца, хотя и напечатано въ твореніи

Маллїета: *Яко бы сїи животныя такъ собою прекрасны, что даже кисть ихъ изобразить не можетъ* (*). Я могу удостовѣрить, что проѣзжая весь Египетъ, не встрѣчалъ я ни одного быка, прельстившаго меня своимъ образованїемъ, или цвѣтомъ своей шерсти. Описывая ихъ прелестнѣйшими въ свѣтѣ, тотъ же Писатель утверждаетъ, что Египетскїе быки прочихъ всѣхъ вкуснѣе: „Мясо ихъ, говоритъ онъ, отмѣнное, „и вкусомъ не уступаетъ мясу быковъ Венгер„скихъ и другихъ земель, а сверхъ того пред„почтительнѣе по тому, что оно весьма пита„тельно (**).“ Однако же недостаетъ многаго, чтобъ оное мясо походило вкусомъ на то, которое ѣдятъ во Франціи. Утвержденїе *Маллїета* какъ въ существѣ, такъ и въ начальномъ своемъ основанїи, есть несправедливое. Дѣйствительно оное противорѣчитъ всеобщему примѣчанїю, которое единогласно всѣ путешественники оправдать могутъ, и состоящее въ томъ, что мясо животныхъ весьма жаркихъ странъ не имѣетъ ни соку, ни смаку; мясо тожъ роду скота, вскормленнаго въ холодныхъ или умѣренныхъ земляхъ. Теленокъ, предоставляющій въ нашихъ климатахъ вкусную и пріятную пищу, имѣетъ въ Египтѣ мягковатое, безсмачное, слѣдовательно не весьма здоровое мясо. Я сдѣлалъ то же самое примѣчанїе въ странахъ Южной Америки, въ сосѣдствѣ Экватора лежащихъ, и въ которыхъ убитыхъ телятъ тогда,

(*) Описанїе Египта Господ. *Маллїета*, въ 4 долю листа, Часть 2, стран 27.

(**) Описанїе Египта, въ томъ же мѣстѣ.

когда нашихъ отправляютъ на бойну, нѣтъ средства употреблять въ пищу, въ разсужденіи вялости и припорости мяса ихъ такъ, что, дабы могло оно пріобрѣсть довольно твердости, то и принуждены оставлять сихъ молодыхъ животныхъ до того времени, въ которое, переставъ быть уже телятами, вездѣ въ другихъ мѣстахъ были бы почтены быками. Въ Египтѣ не ѣдятъ телятъ: законъ Магометанъ запрещаетъ имъ есть сіе мясо; а *Копты*, послѣдующіе почти всѣмъ обыкновеніямъ властителей своихъ, равномѣрно онаго не употребляютъ.

Писали, якобы Египетскія коровы носятъ по два теленка (*). Сіе, правду сказать, иногда бываетъ; но хотя сей случай тамъ не такъ рѣдокъ, какъ въ Европѣ, но совсѣмъ тѣмъ подобная плодовитость не есть обыкновенная. Старался утвердить преимущество быковъ, естественно должно было *Маллїету* говорить и о самкахъ съ такою же неосновательностію; по сей причинѣ, не будучи доволенъ двумя теленками въ одну ношу, увѣряетъ, будто бы коровы производятъ ихъ вдругъ по четыре (**). Подобныя сказанія, помрачающія повѣствованіе, конечно бы не были помѣщены въ твореніе *Маллїета*, естьлибъ смерть не возпрепятствовала ему самому исправить собранныя имъ записки, коихъ большая часть почиталась его

(*) Путешествіе *Корнелія ле Брюна*, Часть 2, стран. 101. Примѣчаніе П. — Путешествіе *Павла Люка*, и пр. и пр.

(**) Описаніе Египта, Часть 2, стран. 5.

собственностїю единственно по тому, что они были ему предоставлены. Изъ числа подобныхъ рукописей читалъ я одну, весьма пространную, хранящуюся во Французской Канцелярїи въ Россетѣ, *сочиненную* для Г. *Маллїета* пребывающимъ въ ономъ городѣ Французскимъ купцомъ, и нашелъ ее отъ начала до конца напечатанную въ сочиненїи онаго Консула. Весьма трудно, чтобъ, безъ собственнаго своего изслѣдованїя, собирая безъ различїя матерїалы со всѣхъ сторонъ, полагаясь легкомысленно на всегда почти лживыя извѣстїя жителей тѣхъ мѣстъ, не ввергнуться въ бездну ошибокъ и погрѣшностей.

Быки употребляются въ Египтѣ на весьма не трудное земледѣлїе. Искуство обывателей, еще не достигшее до познанїя употреблять вѣтеръ и воду для приведенїя въ дѣйствїе многочисленныхъ своихъ Гидравлическихъ махинъ и мѣльницъ, прибѣгаютъ они для сей потребы къ помощи и къ силѣ быковъ. Каждая пшенная мѣльница, о которыхъ недавно упоминалъ, требуетъ сорокъ и пятдесятъ таковыхъ животныхъ, и сїе частое и обыкновенное какъ въ *Россетѣ*, такъ и въ *Дамїеттѣ* употребленїе возвышаетъ цѣну рогатому скоту. Тамъ, во всякое почти время, продается быкъ по двѣсти по пятидесяти франковъ (75 рублей), сумма, чрезвычайная въ такой землѣ, которая пастбищами изобилуетъ. Плачевное дѣйствїе ужаснаго самовластїя! Гдѣ человѣкъ не извѣстенъ о собственномъ своемъ существованїи, гдѣ не вѣдаетъ, будетъ ли на другой день вла-

дѣть ему принадлежащимъ, тамъ дѣятельность и разсудки помрачены и во тьмѣ пребываютъ.

Голова у запряженныхъ быковъ свободна; яремъ или рычагъ, ремнемъ утвержденный, лежитъ на заднихъ позвонкахъ шеи, такъ что напряженіе силъ начинается съ плечь. Сей, вообще во всей Турціи употребляемый способъ, мнѣ показался самымъ выгоднѣйшимъ. Животное, не будучи ничѣмъ обремененное, имѣетъ и больше мочи и проворства, чѣмъ иногда, когда оно находится въ тяжкомъ и утомительномъ положеніи волоченія головою. Оному способу должно приписать толщину креста, которой у Египетскихъ быковъ гораздо болѣе возвышенъ, чѣмъ у быковъ нашихъ земель. Можетъ быть, что сіе вздутіе, или опухоль есть природная, которая и сближаетъ ихъ съ родомъ *бизоа*, или быка съ горбомъ (*).

ГЛАВА ПЯТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Жители Россета. — Курительныя трубки. — Кофейные домы. — Арабскія сказки. — Способъ варить кофе. — Постыдные пороки Египтянъ. — Жены достаточныхъ людей. — Разговоръ съ одною изъ нихъ по знакамъ. — Подробности, до сихъ женщинъ касающіяся. — Ревность мущинъ. — Оказываемое женщинамъ уваженіе.

Разсматривая нѣкоторую часть блестящаго хлѣбопашества Египта, съ трудомъ обра-

(*) Bos ferus. L. *Босъ ферусъ. Л.* Африканской быкъ. Озер. I. 89.

щаются взоры на внутренность городовъ. Тамъ предстоитъ картина плодоносной и щедрой Природы; здѣсь явственны нечестивыя усилія, клонящіяся къ ея оскорбленію и поношенію отъ людей, неспособныхъ ни вкушать, ни чувствовать красоты оныя. Тамъ пріятнѣйшія и безпритворныя чувствованія, одинъ за другимъ быстро послѣдующія, съ восторгомъ возхищаютъ и наполняютъ чувствительную душу; здѣсь Натура ополчается, взирая на гнусный предметъ пороковъ, властвовавшихъ въ перерожденномъ и развратномъ обществѣ. Но я обязался представить сряду всякаго рода примѣчанія, слѣдовательно обряды, сообразные съ обычаями нынѣшнихъ Египтянъ, должны помѣщены быть во всеобщемъ описаніи.

Россетта, не имѣя, какъ Александрія, непосредственнаго съ моремъ сообщенія, не видно въ ней той пріѣзжающей толпы иностранцевъ, бродягъ, людей вредныхъ, коихъ волнованіе, крамола и смятеніе суть стихія, и отъ которыхъ пребываніе въ ономъ послѣднемъ городѣ было столь не пріятно. Будучи отдалена отъ шуму приморскихъ городовъ и отъ частыхъ политическихъ преображеній *Каира*, жители ея пребывали довольно спокойно. Однакожъ не льзя сказать, чтобъ Европеецъ былъ здѣсь совсѣмъ избавленъ отъ всѣхъ неудовольствій, будучи иногда принужденъ претерпѣвать оныя; но они были весьма сносныя, сравнивая ихъ съ тѣми, коимъ онъ подверженъ въ Александріи и особливо удрученъ въ Каирѣ. Глупая и посмѣянія достойная гордость, удостовѣряющая Магометанъ, яко бы они одни суть

избранники Божества, единые, которымъ должно ему отверзть нѣдра свои; гордость, питаемая законниками, или священниками, коимъ, въ разсужденіи ихъ тщеславія и нетерпимости иновѣрія, нѣтъ подобныхъ, есть главная и побудительная причина сихъ непріятностей. Туркъ иначе не означаетъ Европейца, какъ подъ наименованіемъ *неправовѣрнаго*; Египтянинъ Музульманъ, будучи еще грубѣе, называетъ его *собакою*. Для него *Христіанинъ* и *собака* суть столь часто употребляемыя единозначущія слова, что ихъ даже и не запримѣчали: ибо часто были произносимы людьми, которые огорчить или оскорбить никакого намѣренія не имѣли. Европейцы въ обыкновенномъ платьѣ равномѣрно подвергались въ *Россетѣ* быть осмѣянными въ городскихъ частяхъ, болѣе обитаемыхъ, гдѣ не рѣдко бываютъ преслѣдуемы чернію съ неоднократно повторяемымъ крикомъ *Нузрани*, *Назареанинъ*. Жиды также претерпѣвали тамъ немалыя обиды, и хотя обыватели той страны, но съ ними поступаемо было гораздо хуже, чѣмъ съ Европейскими Христіанами; но сія нація, составленная изъ унизенныхъ членовъ и достойныхъ таковыми быть по тому, что не чувствуютъ презрѣнія и поношенія, коими ихъ тамъ осыпаютъ, ради сноситъ всякаго рода ругательства, лишь бы предоставленъ ей былъ удобной способъ утолить гнусную и ненасытимую ея алчность къ прибытку. Будучи одѣты по обыкновенію Восточному, должны они въ Египтѣ носить на головѣ уборъ и обуваться отмѣннымъ и имъ особенно присвоеннымъ обра-

зомъ, вящше же всего отличаетъ ихъ хохолъ, или пучокъ волосовъ, или бороды, которой принуждены они не брить и растить близь уха на обѣихъ сторонахъ лица. Большая часть купцовъ суть или Турки, или Сиріане; въ числѣ ихъ были нѣкоторые и изъ Барбаріи. Копты, сіе перерожденное поколѣніе древнихъ Египтянъ, находились также въ немаломъ числѣ. Нѣсколько Аравитянъ тамъ имѣли свои жилища; а окрестныя мѣста и поля населены и обрабатываются *Феллагами*: слово, означающее въ Египтѣ родъ презрительнаго изреченія, подобно какъ между нами въ древнія времена почиталось слово *мужикъ*, которому оно соотвѣтствуетъ, когда кто былъ намѣренъ ознаменовать суровость и грубое невѣжество. Городское начальство состоитъ въ рукахъ чиновника Мамелюковъ, котораго величали титломъ *Аги*.

Обыкновенное упражненіе, такъ какъ и во всѣхъ другихъ Турецкихъ земляхъ, состоитъ въ томъ, чтобъ курить табакъ и пить кофе. Съ утра до вечера трубка во рту; у себя ли, или у другихъ, на улицахъ, верьхомъ, она всегда съ огнемъ, а табашной мѣшокъ виситъ на поясѣ. Оные два предмета принадлежатъ къ роскоши. Кошельки, служащіе на помѣщеніе провизіи, изъ шелковой матеріи, богато вышиты, а чубуки у трубокъ, чрезвычайно длинные, сдѣланы изъ самаго рѣдкаго и по большой части благовоннаго дерева. Я привезъ съ собою чубукъ жасминной, длиною болѣе шести футовъ. Онъ можетъ подать понятіе о красотѣ жасминовъ сихъ земель, имѣющихъ такой величины прямые стебли и довольно толстые, что даже

могутъ быть просверлены. На обыкновенныхъ деревянныхъ трубкахъ надѣтъ шелковой чехликъ, привязанной золотою проволокою. Неимущіе люди, для которыхъ табашной дымъ есть вещь сущей необходимости, употребляютъ простые тростниковые стволы. Верьхъ чубука обдѣланъ поддѣланнымъ алебастромъ, бѣлизною молоку подобнымъ, и украшенъ драгоцѣнными каменьями. У людей, не столько пышныхъ, занимаютъ ихъ мѣста фальшивые камни. Въ ротъ кладется небольшой кусокъ желтаго янтаря, коего пріятной запахъ, когда онъ разогрѣтъ, или слегка подавленъ, способствуетъ къ умягченію рѣзкаго табачнаго вкуса. Къ концу оныхъ стволовъ прилагаются прекрасные сосудцы изъ обозженной глины, *трубочными орѣхами* обыкновенно называемые. Нѣкоторые, наподобіе мрамора, испещрены разныхъ цвѣтовъ крапинами и обложены битымъ золотомъ. Они бываютъ разной величины. Трубки, болѣе въ Египтѣ употребляемыя, имѣютъ больше удобности и суть также поширѣ. Всѣ они почти привозятся изъ Турціи, а красноватая глина, изъ которой онѣ составлены, находится въ окрестностяхъ Константинополя. Въ *Росеттѣ* жилъ Турокъ, отмѣнно искусный въ ономъ родѣ произведеній. Я иногда смотрѣлъ съ удовольствіемъ на его работу: великое число небольшихъ иглъ, или шилъ, были имъ употребляемы для изображенія съ большимъ вкусомъ, на мягкой еще глинѣ разныхъ рисунковъ; но для сего надобно было ему много времени, а по сей причинѣ и продавались они за весьма большія деньги. Я покупалъ у него трубки, за которыя платилъ, за каждую

по шести франковъ. Въ числѣ оныхъ иныя были накрыты сквозными крышечками, наподобіе курильницъ. Сей Турокъ, живущій немалое время въ Константинополѣ, былъ не безъ разума; лавка его была мѣстомъ сборища именитѣйшихъ обывателей Россета. Онъ весьма любилъ Французовъ и употребилъ всю свою силу, чтобъ предоставить мнѣ удобности путешествовать по Нижнему Египту.

Трудно Французамъ, а особливо тѣмъ, которые не сдѣлали привычки нашими коротенькими трубками и нашимъ крѣпкимъ табакомъ жечь себѣ рта, вообразить, какъ можно курить всегда и во всякое время. На сіе скажу, что Турецкой табакъ есть лучшій и легчайшій въ свѣтѣ: онъ не имѣетъ той ѣдкости, которая, въ нашихъ странахъ, возбуждаетъ безпрестанное слюнотеченіе; потомъ длина чубуковъ, чрезъ которые проходитъ дымъ, благоуханное существо дерева, изъ коего они сдѣланы; янтарь, во рту держимый, *алоесовое* дерево, коимъ окуриваютъ табакъ, много способствуютъ къ его услажденію и къ содѣланію дыма въ комнатахъ не безпокойнымъ, а потому и видимъ тамъ прекрасныхъ женщинъ, въ свободное время съ удовольствіемъ на диванѣ сидящихъ, нѣжно прижимая розовыми своими губками амвру, курящихъ и вкушающихъ запахъ табаку Сирійскаго, наполненнаго благоуханіемъ *Сабура*. Не надобно также крѣпко втягивать въ себя дымъ; оный почти самъ собою возвышается. Во время куренія разговариваютъ, глядятъ, отлагаютъ трубку, и иногда, паки прилагая ее къ губамъ, тихонько припятаютъ дымъ, которой тотчасъ

и выходитъ изъ отверзтаго рта. Иногда для забавы выпускаютъ его изъ носу, или, наполня онымъ ротъ, искуснымъ образомъ выдуваютъ на ладонь, на коей и составляетъ онъ винтоватый столбъ, нѣсколько секундъ не изчезающій. Железы не подвержены стрекотанію и грудь не изсушена и не отягощена слюнотеченіемъ, коимъ паркеты нашихъ курильщиковъ бываютъ наводнены. Въ плеваніи не настоитъ никакой нужды, и сіе, между нами столь часто повторяемое, дѣйствіе, почитается неблагопристойностію на Востокѣ предъ особами, заслуживающими нѣкоторое уваженіе; сморкнуть носъ въ ихъ присутствіи, есть равномѣрно верхней степени неучтивость.

Восточные жители, не принужденные работать, почти всегда сидятъ съ поджатыми подъ себя ногами; шаговъ они по напрасну не теряютъ, но ходятъ изъ одного въ другое мѣсто, когда нужда сего потребуетъ. Естьли желаютъ наслаждаться прохладностію рощи, или сосѣдства водъ, то, по прибытіи на то мѣсто, садятся. Иначе не прогуливаются, какъ верьхомъ и оныя любятъ сего рода упражненіе. Вещь любопытная видѣть ихъ, когда они смотрятъ на Европейца, ходящаго въ комнатѣ, или на открытомъ воздухѣ, взадъ и впередъ, безпрестанно возвращаясь на то мѣсто, съ котораго пошелъ. Они не могутъ понять причины сихъ проходовъ и отходовъ безъ явной цѣли, и почитаютъ сей поступокъ дѣяніемъ безумія. Благоразумнѣйшіе между ими думаютъ, что мы ходимъ такимъ образомъ по предписанію нашихъ Медиковъ, дабы имѣть нужное движе-

нïе для изцѣленïя какой нибудь немощи. Негры, въ Аѳрикѣ, также не понимаютъ сего обыкновенïя, и я видалъ, что дикïе Южной Америки оному обычаю между собою отъ всего сердца смѣялись. Сïя привычка свойственна людямъ мыслящимъ, и сïе движенïе тѣла, соучаствующее въ волненïи ума, служитъ оправдою излишнему его напряженïю. Отъ сего происходитъ, что всѣ оные народы, у коихъ голова ничѣмъ не наполнена, мысли стѣснены, умъ ничѣмъ не занятъ, ни даже способенъ размышлять, не имѣютъ надобности въ подобной помощи, въ подобномъ облегченïи, и что у нихъ недвижимость тѣла есть признакъ недвижимости ума.

Тѣ, которые обременены праздностïю, обыкновенная участь людей богатыхъ, посѣщаютъ сады, коихъ я уже начертилъ описанïе, и всегда сидящïе наслаждаются дыханïемъ чистаго и бальзамическаго воздуха, или слышанïемъ довольно дурной музыки. Естьли же не выѣзжаютъ изъ города, то ходятъ въ кофейные домы, о которыхъ не можно имѣть настоящаго понятïя, естьли судить объ нихъ по нашимъ. Они суть наспоящïя задымленныя избы, безъ всякаго украшенïя и въ которыхъ, кромѣ кофе и разкаленныхъ угольевъ для разкуриванïя трубокъ, ничего не находится. Тамъ садятся на цѣновкахъ, и оные домы посѣщаемы людьми всѣхъ націй, въ Египтѣ пребывающихъ. Разговоровъ тамъ бываетъ мало, и едва и то изрѣдка услышишь нѣсколько словъ. Турокъ отъ природы хладнокровенъ и молчаливъ: онъ взираетъ съ презрѣнïемъ на другïе народы.

Африканецъ, будучи не столько угрюмъ, но хочетъ послѣдовать примѣру Турка, и тѣ, кои не есть Мусульмане, рабски покоряются вкусу мучителей своихъ. Съ трубкою въ одной рукѣ, а въ другой съ чашкою, за нѣсколькими дыханіями табачнаго дыму, медлительно послѣдуетъ хлебокъ кофе. Танцовщицы, потѣшники и разные фигляры приходятъ туда плѣнять вниманіе посѣтителей и выманивать у нихъ нѣсколько денегъ. Нѣтъ почти ни одного подобнаго мѣста сходбища, которое не имѣло бы ему присвоеннаго разскащика, которой безъ отдыха разсказываетъ и коего безъ усталости слушаютъ. Сказанія сихъ неутомимыхъ повѣствователей суть по большой части отмѣнно скучныя. Однакожъ Арабскіе Писатели, изъ которыхъ они выбираютъ свои басни, сочиняли иногда весьма пріятныя повѣсти. Такова есть слѣдующая, которую я удержалъ въ памяти по тому, что она не длинна и заключаетъ довольно остроты.

„Одинъ Турокъ разсказывалъ женѣ своей о содержаніи казанія, говореннаго *Имамомъ* ихъ мечети. Попъ разсуждалъ о святости и обязанностяхъ бракосочетанія. Всѣ тѣ, говорилъ онъ, которые при наступленіи ночи исполняютъ супружнюю должность, дѣлаютъ такое же доброе дѣло, какъ будто бы они принесли въ жертву *барана*. Тѣ, которые посреди ночи, платятъ вторую дань, столько же Богу дѣлаютъ угодное, что хотя бы они принесли въ жертву *верблюда*. Тѣ наконецъ, которые, при возхожденіи солнца въ третій разъ воздаютъ почтеніе святости ихъ союза, заслуживаютъ столько, что хотя

бы они выкупили невольника. Жена, весьма помышляющая о спасеніи мужа своего, при наступленіи ночи сказала ему: другъ мой! принесемъ въ жертву барана, и баранъ былъ принесенъ въ жертву. Въ полнощь Турокъ былъ разбуженъ; ему сказали: ну, мой другъ! принесемъ въ жертву верблюда, и сія жертва исполнилась. Едва сталъ показываться день, какъ ревностная Мусульманка увѣдомила своего супруга, что время наступило искупить невольника. Тогда, оборотясь къ ней и протянувъ руки: увы, любезная моя душа! сказалъ онъ ей, я твой невольникъ, прошу тебя усердно, освободи меня.„

Естьли кто хотя нѣсколько уже извѣстенъ въ городѣ, тотъ, проходя по улицѣ, приглашается взойти пить кофе. Подобная вѣжливость здѣсь въ такомъ обыкновеніи, что даже люди, у которыхъ нѣтъ въ домѣ ни единаго кофейнаго зерна, какъ-то у содержателей Россетскихъ садовъ, онымъ подчиваютъ, и которые не знали бы, что дѣлать, естьлибъ кто согласился на ихъ приглашеніе. Для зженія кофейныхъ бобовъ не употребляется желѣзная посуда: сіе приуготовленіе дѣлается въ глиняномъ сосудѣ. Потомъ толкутъ ихъ въ деревянной, или глиняной ступѣ, отъ чего и сохраняютъ они все свое благовоніе и лучше, чѣмъ тогда, когда бываютъ смолоты въ мѣльницѣ. Сосѣдство Аравіи предоставляетъ удобной случай получать тотъ превозходной кофе, которымъ та страна прославляется. По мнѣнію знатоковъ, на каждую чашку кофе потребно сорокъ сего растѣнія зеренъ, и нигдѣ не пьютъ столь

благовоннаго напитка. Сваренному кофе не даютъ отстаиваться. Варятъ же его слѣдующимъ образомъ: даютъ ему вскипѣть три раза, держа надъ огнемъ, и послѣ каждаго раза снимаютъ съ онаго, потомъ изъ кофейницы съ длинною рукояткою наливаютъ въ чашки, не дожидаясь отстоя. Здѣсь на сахаръ не бываютъ скупы по тому, что онаго съ кофе совсѣмъ не употребляютъ.

Я не намѣренъ представлять картины другихъ обыкновенiй, общественныхъ Египтянамъ съ прочими Магометанами. Сiи подробности принадлежатъ болѣе до Исторiи Турецкой и отвлекутъ меня отъ моей матерiи. Довольствуюсь описанiемъ только тѣхъ, которыя были подвержены особливому моему примѣчанiю.

Естьли обыватели *Россетты* не столь безчеловѣчны, какъ жители прочихъ странъ Египта, но отъ того не меньше суть невѣжды, суевѣры и не терпящiе иновѣрiя. Между ими существуютъ, хотя съ оттѣнкомъ, не столько грубымъ, та же жестокость въ нравѣ, то же неукротимое отвращенiе къ Европейскимъ нацiямъ, та же склонность ко мщенiю, наконецъ то же вѣроломство, и они предаются тѣмъ же постыднымъ порокамъ. Естественную противная любовь, наказанная Фракiйскими женщинами убiйствомъ *Орфея*, въ оной обличенаго, непонятный вкусъ, обезславившiй Грековъ и Персовъ древнихъ временъ, составляютъ утѣхи, скажемъ лучше, поношенiе Египтянъ. Не для женскаго пола сочиняются ихъ любовныя пѣнiя, не его осыпаютъ они нѣжными своими ласками: другiе предметы ихъ воспламеняютъ.

У нихъ сластолюбіе не имѣетъ ничего любезнаго, и ихъ восторги ничто иное, какъ изступленія скотскости. Подобное развращеніе, къ стыду просвѣщенныхъ народовъ и отъ оныхъ не отчужденное, владычествуетъ вообще въ Египтѣ: богатый и неимущій имъ зараженъ. Противное дѣйствію имъ, производимому въ климатахъ, не столько жаркихъ, то есть не будучи изключительнымъ, здѣсь соединено оно со склонностію и къ женскому полу. Уполивъ любимую и порочную страсть свою, мущина здѣшнихъ странъ входитъ въ свой *Гаремъ*, и тамъ приноситъ въ жертву нѣсколько зеренъ ѳиміану въ честь оскорбленной имъ Природы; но какою же хвалою, богъ любви онъ ее прославляетъ. Трубый жрецъ! неизвѣстны ему тѣ пріятныя изліянія, то возхитительное самаго себя забвеніе, тѣ возпаленныя стремленія двухъ соединяющихся и другъ другу соотвѣтствующихъ душъ. Нѣтъ никакой нѣжности въ принадлежностяхъ, ничего вещи приличнаго, ничего ласковаго въ подробностяхъ: все сурово, все кажется неодушевленнымъ и все единственно состоитъ въ самой отвратительной естественности.

Наносимыя Египтянами Природѣ оскорбленія тѣмъ не прекращаются: еще другія существа обращаютъ на себя ихъ гнусную благосклонность, и жены ихъ не рѣдко бываютъ совмѣстницами съ предпочитаемыми имъ животными. Преступленіе скотоложства обыкновенно симъ неистовымъ людямъ; Египтяне погружаются въ оное съ наглѣйшимъ безстыдствомъ.

Виданы въ *Россеттѣ* изверги, которые днемъ въ отдаленныхъ улицахъ оное чинили.

Но закроемъ непроницаемою завѣсою сіе отвратительное позорище и проникнемъ во внутрь тѣхъ мѣстъ, гдѣ красота страждетъ; гдѣ, уподобляясь цвѣту, оставленному лобызаніями *Зефира* и отданному на произволъ сухаго дуновенія яркаго Южнаго вѣтра, лишенная благоговѣній чувствительности, она увядаетъ и изтлѣваетъ подъ игомъ немилосердаго рѣвнивца, которой терзаетъ ее своими подозрѣніями и оскверняетъ своими нечестіями.

Жены властителей Египта, прочихъ Мамелюковъ, Турокъ, здѣсь пребываніе имѣющихъ, богатыхъ обывателей городовъ, не суть Египтянки: всѣ онѣ уроженки другихъ странъ Востока, а особливо изъ тѣхъ частей Греціи, въ которыхъ красота почитается драгоцѣнною и непремѣнною собственностію.

Безпрестанно въ уединеніи, изъ домовъ выходятъ рѣдко, но и тогда подъ покрываломъ, или правильнѣе сказать, съ маскою, закрывающею у нихъ все лицо; солнце не можетъ вредить живости и прекрасной тѣни лица ихъ, ѣдкій и солкій воздухъ не можетъ испортить бѣлизны и нѣжности кожи. Но для кого съ толикимъ тщаніемъ сохраняется столько прелестей? Для одного человѣка, для тирана, содержащаго ихъ въ неволѣ. Неодолимая черта раздѣленія предположена въ здѣшнихъ странахъ между обѣими половинами рода человѣческаго: одна, коей пріятства составляютъ сполъ поразительную противообразность силѣ и мужественнымъ красотамъ другой, будучи ей

подвластна, содѣлывается изключительнымъ владѣніемъ нѣсколькихъ недостойныхъ существъ. Никакой мущина не можетъ входить въ то мѣсто, гдѣ женщины, естьли самому ему не принадлежатъ онѣ; никто да не дерзнетъ взирать на нихъ. Нигдѣ рѣвность не достигла до такой чрезвычайности; она нигдѣ столь не укротима. Неминуемая смерть ожидаетъ того нещастнаго и о странца, кто осмѣлится взойти въ обиталище, женщинамъ назначенное, или, встрѣтя ихъ на улицѣ, сказать имъ нѣсколько словъ. Однакожъ не льзя сказать, чтобъ отъ того сіи прелестныя невольницы не были бы разположены прервать нѣсколько звенъ у своихъ оковъ, и мнѣ разсказывали многія приключенія, въ которыхъ онѣ, сами не устыдясь, были зачинщицами. Но подобныя любовныя удачи были весьма отважны, и любовникъ, приглашаемый къ любовницѣ для свиданія, отправлялся къ ней съ трепетомъ и страхомъ.

Во время перваго моего въ *Каирѣ* пребыванія нечаянно увидѣлъ я одинъ разъ, не искавъ сего, молодаго Француза, которой, стоя у окошка позади на половину задернутыхъ занавѣсовъ въ Консульскомъ домѣ, подавалъ многіе знаки: я подошелъ и спросилъ его, не почтетъ ли онъ нескромностію, естьли и я буду свидѣтелемъ разговора, которой казался мнѣ весьма оживленнымъ, хотя въ немъ не было произносимо ни единаго слова. Онъ на то охотно согласился. Онъ скоро отъѣзжалъ изъ *Каира*, а впрочемъ, за изключеніемъ странности, не могъ уважать знакомствомъ женщины, которую онъ только въ первый разъ увидѣлъ и съ

которою не могъ объясняться, какъ на разстоянiи болѣе шестидесяти футовъ. Я разсмотрѣлъ сквозь деревянную рѣшетку образъ женщины, насупротивъ живущей, по эту сторону *Калисша*, или канала Каирскаго. Она отвѣчала знакамъ Француза, и сiи молчаливые переговоры нѣсколько разъ въ день были повторяемы въ назначенные часы. Я, не будучи видимъ Дамою, всегда при оныхъ находился, научился наукѣ сигналовъ, которая въ землѣ, гдѣ нельзя говорить съ женщинами, есть весьма выразительное нарѣчiе, и самъ въ скоромъ времени сдѣлался довольно хорошимъ Телеграфомъ. Молодый человѣкъ, принужденный ѣхать съ Консуломъ, тогда прощался съ своимъ предметомъ. Я остался одинъ въ домѣ и заступилъ его мѣсто; далъ знать, что, будучи, какъ и онъ, Французъ, предсталъ съ выраженiемъ тѣхъ же чувствъ, съ явленiемъ къ ней того же благоговѣнiя. Скоро наскучило мнѣ смотрѣнiе чрезъ узкiе проходы довольно толстой рѣшетки и, воображая, что обѣты мои спремятся къ красотѣ, можетъ быть только мнимой, требовалъ, чтобъ она себя въ открытомъ мѣстѣ показала. Произошли затрудненiя; я настоялъ, и мнѣ обѣщано, что подъ вечеръ выдутъ на домовую террасу. Я пошелъ на свою, и увидѣлъ, однакожъ не ближе, какъ на шестдесятъ футовъ разстоянiя, идущую съ большимъ вкусомъ одѣтую женщину; но на ней было покрывало. Оное причинило мнѣ больше досады, чѣмъ рѣшетчатые квадраты ея окошекъ, сквозь которые могъ я по крайней мѣрѣ видѣть хотя отдѣленiе женскаго лица. Я просилъ самымъ

настоятельнымъ образомъ, чтобъ сіе несносное покрывало было снято. Черная невольница, сопровождающая Госпожу свою, къ моимъ прошеніямъ присовокупила и свои убѣжденія; но все было тщетно. Открыть лицо, почитается оными женщинами послѣднимъ и важнѣйшимъ знакомъ любви. Онѣ, послѣдуя странной стыдливости, скорѣе согласятся показать все тѣло, нежели лицо. На другой день повторилъ я тѣ же прозьбы, и онѣ были не безуспѣшны. Послѣ многихъ затрудненій, услужливая невольница, безъ сомнѣнія съ согласія Госпожи, сорвала покрывало, и я увидѣлъ молодую и прекрасную женщину. Алый стыдѣнія колеръ разпространился по всему ея лицу, но, ослабѣвая по степенно, оставилъ только розы прелести. Съ сего времени самая непринужденная откровенность владычествовала въ нашихъ безмолвныхъ разговорахъ. Мнѣ былъ оказанъ вежнѣйшій опытъ благоволенія. Прекрасная моя сосѣдка увѣдомила меня, что ея мужъ, престарѣлыхъ лѣтъ, купецъ Турокъ, отъѣзжалъ вдаль на нѣкоторое время, а при томъ, убѣждая имѣть съ нею поближе свиданіе, приглашала къ себѣ. Назначала мнѣ калитку, на каналъ ведущую, и которая отворялась только тогда, когда ходили черпать воду. Вѣрная невольница должна была, при наступленіи ночи, меня тамъ ожидать и ввести въ домъ съ безопасностію. Она давала мнѣ на замѣчаніе, что, для достиженія до той калитки, слѣдовало только перейти поперегъ канала, въ которомъ тогда не было воды, и клялась головою, Европейка поклялась бы своимъ сердцемъ, что мнѣ не предстоитъ ни-

какой опасности. Я также съ моей стороны сдѣлался упрямъ. Страшныя послѣдствія, могущія возродиться отъ подобнаго поступка, были въ глазахъ моихъ препоною, къ преодолѣнію коей ни любезныя и чистосердечныя ея убѣжденія, ни льстивыя обѣщанія не могли меня склонить. Многіе вечера протекли въ сей борбѣ между велерѣчивыми, хотя безгласными приглашеніями нѣжнаго желанія, и часто не весьма твердымъ сопротивленіемъ благоразумія. Но мы были запримѣчены: Телеграфическія наши свиданія возбудили бѣшенство нѣсколькихъ Магометанъ, и оружейный выстрѣлъ, пущенный съ сосѣдственнаго терраса, и коего пуля пролетѣла у моихъ ушей, предувѣдомилъ меня, что настоитъ время положить предѣлъ безполезнымъ и сухимъ свиданіямъ, а при томъ далъ мнѣ возчувствовать, сколько я былъ догадливъ, что не измѣрилъ ширину канала.

Сіи самыя женщины очень часто посѣщаются между собою. Но не льзя рѣшительно утвердить, чтобъ разговоры ихъ всегда были основаны на скромности и благопристойности. Совершенный недостатокъ въ правилахъ и въ воспитаніи; праздность и довольствіе, въ которыхъ онѣ съ нѣгою препроводятъ время; принужденное состояніе, въ которомъ содержатъ ихъ люди, весьма отдаленные отъ нѣжности чувствъ и дѣяній; извѣстность, что любовь сихъ мущинъ стремиться къ другимъ предметамъ; пылкость ихъ воображенія; климатъ, сообщающій жаръ свой сердцамъ, безполезно къ любви разположеннымъ; Природа, коей могущій гласъ, часто непознаваемый тѣми,

которыхъ призываетъ она раздѣлять свои законы и забавы, возбуждаетъ ихъ чувства: все споспѣшествуетъ къ направленію пылающаго ихъ воображенія, желаній и разговоровъ къ цѣли, до которой они досшичь не властны. Во время своихъ свиданій забавляются совершенною перемѣною одежды, надѣвая взаимно на себя платья своихъ подругъ. Сего рода переодѣтія суть только предлогъ и пріуготовленіе къ другимъ, не столько безвиннымъ играмъ, въ которыхъ, сказываютъ, *Сафо* упражнялась, знала всѣ ихъ подробности и другихъ тому научила. Отмѣнно свѣдущи въ наукѣ обманывать, но не искусны въ утоленіи снѣдающей ихъ страсти; тотъ же самый безпорядокъ послѣдуетъ за ними и въ уединеніи; плачевныя средства, слабыя награды, лишеніе, которое подъ знойнымъ и сухимъ воздухомъ и для душъ воспламененныхъ кажется несноснымъ.

Мущинамъ довольно извѣстны сіи разположенія, и рѣвность ихъ отъ того раздражается. Не только возбраняютъ они доступъ къ комнатамъ женъ своихъ другимъ мущинамъ: ибо не льзя присвоить сіе наименованіе тѣмъ изуродованнымъ существамъ, только видъ человѣческій имѣющимъ; но даже возпрещаютъ, дабы не были взносимы туда неодушевленныя вещи, могущія способствовать къ возбужденію мечтанія. Они не могутъ понять, какъ можно положиться на цѣломудріе женщины; не страшась, увѣряютъ, что у нихъ даже тѣ жены, которыя почитаются честнѣйшими, не пропускаютъ случаевъ быть невѣрными, ни средствъ удовольствовать горячее свое сложеніе. Изверги!

они смѣютъ говорить о вѣрности, уста ихъ дерзаютъ осквернять, произнеся его, слово честности! Измѣнивъ Природѣ, которую они оскорбляютъ, простираютъ наглость до того, что хотятъ одни воспользоваться наслажденіями, производимыми превосходнѣйшимъ ея твореніемъ! Они не чувствуютъ, нечестивые! что сіи невѣрности, на которыя они приносятъ жалобы, суть достойное воздаяніе за ихъ презрѣніе, ихъ жестокости и за все предосудительное и отвратительное своенравіе! Пусть они, естьли могутъ, отверзятъ сердце свое нѣжной любви, душу свою священной дружбѣ, довѣренности, которую она влечетъ за собою, уваженіямъ, ее подкрѣпляющимъ, и тогда ощутятъ, что сей ими поносимый полъ по тому, что его не знаютъ, какъ только подъ тяжкими и ужасными оковами, коими они его обременяютъ, способенъ соотвѣтствовать честности чувствъ, естьли самъ не есть драгоцѣннымъ святилищемъ нѣжнѣйшей любви и неколебимаго постоянства, на которомъ она должна быть основана (*)!

(*) Меня спросятъ можетъ быть, какъ я могъ узнать все происходящее во внутренности *Гаремовъ*: ибо приближеніе къ нимъ столь строго запрещается. Употребленные мною способы весьма просты, о которыхъ однакожъ позволятъ мнѣ умолчать: довольно, что я могу удостовѣрить Читателя въ точности и справедливости подробностей, и на нихъ утвердиться можно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Жены простолюдиновъ. — Краска черная для глазъ. — Алкифу. — Румяна для рукъ и ногъ. — Генне. — Мази, волосы изтребляющія. — Дородность женщинъ, опрятность оныхъ и ихъ притиранье.

Тамъ, гдѣ безмѣрная роскошь владычествуетъ только между изключительною степенію городскихъ жителей, бѣдность и ея ужасы есть удѣлъ большой части народа, а деревень сокрушенїе. Весьма худое будутъ имѣть понятїе о Египетскихъ женщинахъ, естьли вообразятъ, что всѣ онѣ одарены тѣми же прелестями, что онѣ всѣ имѣютъ ту же нѣжность въ обращенїяхъ, какъ тѣ прекрасныя чужеземки, о которыхъ упоминалъ теперь, и которыя, подобныя иностраннымъ цвѣткамъ, коихъ блескъ сохраняется однимъ попеченїемъ и рачительностію, препроводятъ жизнь, единственно помышляя о сбереженїи и продленїи даровъ, коими онѣ награждены Природою, и украшенїемъ ихъ обилїями искусства. Жены простолюдиновъ, вмѣсто той бѣлизны, того нѣжнаго цвѣта, которой у первыхъ лицо одушевляетъ, имѣютъ, какъ и мущины той страны, смуглую кожу, и, какъ всѣ имъ подобныя, являютъ впечатлѣнїе и рубище ужасной скудости. Почти всѣ, а особливо въ деревняхъ, носятъ весьма полное полукафтанье съ отмѣнно широкими рукавами: сїя единственная одежда, служащая имъ и вмѣсто рубашки, открыта съ обѣихъ сторонъ, начиная съ подмышекъ до колѣнъ, такъ что всякое тѣлодвиженїе

свободно видѣть можно; но женщины мало о томъ помышляютъ, лишь бы лицо ихъ всегда было закрыто.

Богатыя и въ праздности живущія женщины недовольны тѣмъ, что одарены столикими прелестями, надобно имъ еще изыскивать средства для усугубленія ихъ блеска помощію искуства *туалета*, которой также у нихъ въ великомъ уваженіи; но сіе искуство единственно состоитъ изъ старинныхъ и непремѣнныхъ употребленій: мода не скружаетъ имъ головы многочисленными изобрѣтеніями; а естьли старыя и постоянныя обыкновенія и служатъ доказательствомъ, что онѣ еще далеки отъ совершенства: то, думаю, можно сказать, что безпокойная перемѣнчивость въ обыкновеніяхъ есть признакъ унизительнаго перерожденія тѣхъ, которыхъ она превожитъ.

Самая примѣчательная черта красоты на Востокѣ состоитъ, чтобъ имѣть большіе черные глаза, а всякому извѣстно, что Природа отличила симъ изобразительнымъ знакомъ женщинъ тѣхъ странъ. Но, недовольныя сими благодѣяніями, Египтянки желаютъ, чтобъ глаза ихъ казалися больше и чернѣе. Чтобъ достичь до цѣли сей, Мусульманки, Жидовки и Христіанки, богатыя и бѣдныя, красятъ себѣ брови и веки свинцовою галеною (*), называемою въ Восточной торговлѣ *Алкифу*,

(*) Galena Tessulata. *Галена Тессюлата*, блескъ свинцовый, кубиковатая свинцовая руда. Слов. Минер.

или *Аркифу*. Онѣ превращаютъ ее въ мѣлкой порошокъ, которому придаютъ твердость, мѣшая его съ попловыми парами лампадной свѣтильни. Зажиточныя щеголихи для сего употребляютъ дымъ амбры, или какого ни есть другаго жирнаго и благовоннаго вещества, и сей приготовленной составъ сохраняютъ въ небольшихъ склянночкахъ. Онымъ расписываютъ себѣ брови и веки, и маленькимъ кусочкомъ дерева тростника, или перомъ, чернятъ также и рѣсницы, проведя его тихонько и искуственно между векъ: дѣяніе, извѣстное и употребляемое Римскими Дамами и описанное *Ювеналомъ* съ толикою истинною. Симъ составомъ означаютъ также глазные угла, отъ чего и кажутся они и больше и открытѣе.

Чернота сихъ, сколько уже отъ Природы черныхъ глазъ пріятно отличается отъ прелщающей бѣлизны кожи прекрасныхъ Черкашенокъ и болѣе придаетъ живости тѣни лица ихъ. Но сія противообразность больше привлекательна на нѣкоторомъ разстояніи; вблизи слои краски слишкомъ явственны, и даже придаютъ физіогноміи нѣсколько грубый и мрачный оттѣнокъ.

Французскіе купцы, торгующіе въ *Каирѣ*, получали много свинцоваго блеску. Часть онаго употреблялась въ той землѣ для прекрасныхъ женскихъ глазъ; но самое большое количество отправлялось въ *Аравію* и въ *Іеменъ*, гдѣ и было употреблено на муравленіе глиняной посуды. Они увѣряли, что *Алкифу*, привозимый имъ изъ Англіи, добротою лучше

прочихъ; но сія вѣтвь торговли приносила имъ весьма малую прибыль.

Есть ли большіе черные, и сверхъ того еще черненые глаза, свойственны Египетской красотѣ, то требуетъ равномѣрно она, яко необходимою принадлежностію, чтобы руки и ногти были выкрашены красною краскою. Сія послѣдняя мода столько же общественна, какъ и первая, и съ оною не соображаться, почитается неблагопристойностію. Женщины какъ безъ одежды, такъ и безъ сего маранья быть не могутъ. Какого не были бы онѣ состоянія, какую бы не изповѣдывали вѣру, все употребляютъ одни средства для пріобрѣтенія сего рода убранства, которое только одно владычество моды можетъ увѣковѣчить: ибо оное конечно больше портитъ прекрасныя руки, нежели оныя украшаетъ. Живая бѣлизна длани рукъ, нѣжный розовый цвѣтъ ногтей, помрачены тучнымъ слоемъ красноватой, или померанцовой краски. Подошва у ногъ, у которой кожица еще не сдѣлалась жесткою отъ частой и продолжительной ходьбы и которая отъ ежедневныхъ треній тонѣетъ, покрыта тою же краскою.

Женщины предоставляютъ себѣ сіи столь странныя украшенія посредствомъ зеленоватаго порошка, сдѣланнаго изъ сухихъ листьевъ *Геннея*. Его по большой части приготовляютъ въ *Саидѣ* и оттуда посылаютъ во всѣ Египетскіе города. Базары во всякое время имъ запасены, яко вещію, въ обычай вошедшаго и необходимаго употребленія. Его смачиваютъ водою и симъ жидкимъ разсоромъ покрываютъ мѣста, которыя хотятъ окрасить; на

шомъ обвертываютъ ихъ кусочкомъ холстины и чрезъ два или три часа померанцовой цвѣтъ на нихъ дѣлается твердъ и явственъ. Хотяжъ женщины нѣсколько разъ днемъ и обмываютъ руки и ноги теплою съ мыломъ водою, но краска сія долго не сходитъ; возобновляютъ же ее прежде двухъ или трехъ недѣль не надобно. Краска на ногтяхъ сохраняется гораздо долѣе. Увѣряютъ, яко бы оная никогда и не сходитъ. Женщины въ Турецiи равномѣрно употребляютъ *Генне*, но только онымъ красятъ ногти, а рукамъ и ногамъ оставляютъ цвѣтъ природы. Думать должно, что обыкновенiе, красить ногти, было извѣстное и древнимъ Египтянамъ по тому, что у большой части *Муммiи* ногти покрыты красною краскою (*); но женщины Египетскiя превышаютъ еще сей всеобщiй обычай: онѣ разпещряютъ себѣ и пальцы, но только по мѣстамъ; а дабы краска не вездѣ разпространялась, то обвиваютъ ихъ нитками на нѣкоторыхъ разстоянiяхъ прежде приложенiя цвѣтъ придающаго тѣста, такъ что, по окончанiи операцiи, пальцы ихъ бываютъ въ длину обведены узенькими померанцоваго цвѣта полосками. Другiя, а особливо обычай сей больше свойственный нѣкоторымъ *Сирiянкамъ*, хотятъ, чтобъ и руки ихъ представляли взору довольно непрiятное смѣшенiе

(*) Смотри записки о бальзамированiи Г. *де Келюса*, напечатанныя въ Собранiи записокъ Парижской *Академiи Словесностей и Надписей*, Томъ 23, стран. 133.

бѣлой и черной краски. Полоски, содѣлавшіяся сперва отъ *Геннея* красноватыми, принимаютъ на себя лоснистый черный цвѣтъ, коль скоро бываютъ намазаны составомъ, сдѣланнымъ изъ меду, нашатыря и извести.

Есть и мущины, напирающіе бороду разведенною краскою *Геннея*, коею намазываютъ и голову. Они увѣряютъ, яко бы она подкрѣпляетъ органы жизни, препятствуетъ паденію бороды, волосовъ (*) и выгоняетъ изъ нихъ всякую гадь и нечистоту.

Генне, небольшой кустарникъ, весьма размноженъ въ Египтѣ. Продолговато-круглые и другъ другу противоположные его листья суть нѣжно-зеленаго цвѣта. Цвѣты произрастаютъ на концѣ сучьевъ длинными и густыми пучками. Небольшія ихъ поддерживающія вѣточки, красныя и равномѣрно противоположныя. Изъ пустоты оныхъ раждается маленькой и почти круглой листочекъ съ острымъ концемъ. Цвѣтная чашечка составлена изъ четырехъ, какъ будто бы свернутыхъ блѣдно-желтыхъ лепестковъ. Между каждымъ лепесткомъ существуютъ двѣ прямо стоящія тоненькія иглы съ желтою верьхушкою, и одинъ бѣлой пестикъ. Стебель, сначала красноватый, по томъ дѣлается блѣдно-зеленъ; сѣмянникъ разрѣзанъ на четыре части, кои до самаго верьху суть нѣжно-зеленоватыя, но имѣютъ верхъ красно-

(*) Извѣстно всякому, что послѣдователи *Магомета* сохраняютъ на маковкѣ головы длинный пучокъ волосовъ.

вашой. Плоды, или ягоды, представляютъ до созрѣлости зеленую коробочку, но которая, при совершенной спѣлости, дѣлается красноватою, а, будучи высушена, бываетъ темноватаго цвѣта. Она раздѣлена на четыре перегородки, въ которыхъ лежатъ треугольныя и темнаго цвѣта зерна. Кора стебля и сучьевъ густосѣроватa, а внутренность дерева немного желтоватa.

Сначала почитали сей кустарникъ нѣкоторымъ родомъ *Трогена* (*), съ коимъ онъ дѣйствительно имѣетъ много сообразности; но разности въ частяхъ плодотворныхъ рѣшили Ботанистовъ составить изъ него отличный родъ, которому *Линней* присвоилъ наименованіе *Лавзаніи*, а кустарникъ, о которомъ теперь упоминается, наименовалъ *Лавзаніею Инермисъ*. Арабское его имя есть *Генне*, или *Ганна*, а съ частицею, означающею родъ и падежъ, *Елгенне*, или *Елганна*; въ Турціи называютъ его *Канна*, или *Алканна*. Хотяжъ во многихъ Естественной Исторіи твореніяхъ и представлено изображеніе сего растѣнія, но я могу удостовѣрить, что въ бытность мою въ *Россетѣ* получилъ я съ онаго вѣрный и подробный рисунокъ, въ которомъ всѣ разныя части кустарника представлены съ отмѣнною точностію.

Миллеръ разводилъ *Генне* въ Англіи, гдѣ должно его безпрестанно содержать въ те-

---

(*) Ligustrum vulgare L. *Лигюструмъ вюлгаре Л.* Бирючина. Ест. Ист. Нар. Учил. 150. Крушина, Опис. Тавр. Области, 106.

плицѣ. Оно не составляетъ до сихъ поръ части превозходнаго и великолѣпнаго собранія живыхъ растѣній Французскаго Національнаго сада; но попеченія Мужей Ученыхъ, раздѣляющихъ славу удивительнаго противу Египта предпріятія, въ числѣ прочихъ пріобрѣтеній, за которыя отечество пребудетъ имъ благодарнымъ, предоставятъ намъ сіе полезное и прекрасное деревцо. Франція, щастливѣе и выгодніе разположенная, нежели Англія, можетъ современемъ украсить имъ земледѣліе Полуденныхъ странъ своихъ и къ обогощающимъ уже оную предметамъ прибавить и сію отрасль торговли.

Дѣйствительно, никакое зелїе, или растѣніе, для глазъ и для обонянія не можетъ быть пріятнѣе. Не густый цвѣтъ коры его, нѣжная зелень листьевъ, пріятное смѣшеніе бѣлаго и желтаго колеровъ, коими собранные длинными пучками цвѣты его, наподобіе *Сеннетнаго* дерева разпещрены; красноватыя, ихъ поддерживающія, вѣтьви составляютъ видъ плѣняющее соединеніе. Сіи цвѣты, коихъ оттѣнки столь прекрасны, разпространяютъ вдаль пріятнѣйшій запахъ и наполняютъ благоуханіемъ сады и комнаты, кои они украшаютъ. Они равномѣрно составляютъ букетъ красоты. Женщины, украшеніе темницъ ревности, когда бы могли онѣ быть плѣнительницами всей вселенной, съ удовольствіемъ оными себя наряжаютъ, наполняютъ ими свои жилища, имѣютъ при себѣ въ баняхъ, держатъ безпрестанно въ рукахъ и прикалываютъ къ грудямъ. Будучи обладательницами сего растѣнія, которымъ

Природа всегда ихъ щедро награждаетъ, столь много онымъ уважаютъ, что, желая имѣть изключительное право пользоваться *Геннеемъ*, съ неудовольствїемъ взираютъ, что Христїанки и Жидовки оное съ ними раздѣляютъ. Будучи жертвою тиранства, слѣдовательно и красота имѣетъ въ сей странѣ ей присвоенное самовластїе! Но въ немъ не ощущается ничего жестокаго, ни оскорбительнаго: своенравїя его суть любезны; оно простирается на одни цвѣты.

Примѣчательная странность есть слѣдующая и состоитъ въ томъ, что благоуханїе, испускаемое цвѣтами *Геннеа*, теряетъ всю свою пріятность, когда нюхаютъ ихъ очень близко: тогда оное совсѣмъ изпребляется весьма сильнымъ *Сперматическимъ* (противнымъ) запахомъ. Естьли раздавить нѣсколько цвѣтковъ между пальцовъ, то сей послѣдній духъ преимуществуетъ. Онъ даже одинъ тогда бываетъ чувствуемъ. Отъ сего обстоятельства произходитъ источникъ глупыхъ шутокъ той земли *балагуровъ*, а свойство, приписываемое *Геннею*, яко бы онъ понуждаетъ преждевременные роды, дѣлаетъ сїи насмѣшки неизчисляемыми. Изъ самыхъ тѣхъ цвѣтовъ гонятъ воду, которая въ краткое время ихъ несуществованїя оные замѣняетъ. Что принадлежитъ до великаго числа врачебныхъ силъ, разнымъ частямъ сего растѣнїя присвоенныхъ, то они еще до сихъ поръ вточности не доказаны; многїе Писатели сдѣлали имъ изчисленїе, и я предлагаю Читателю, естьли онъ будетъ любопытенъ

объ оныхъ вѣдать, прибѣгнуть къ ихъ сочиненіямъ (*).

Но полезныя и доказанныя свойства *Геннеа* не ограничиваются единственно до моды и украшенія касающимися предметами: художества также получаютъ выгоды отъ порошку, сдѣланнаго изъ листьевъ онаго. Понять не трудно, что вещество, предоставляющее съ такимъ малымъ трудомъ прочную и почти не истребляемую краску, которую посредствомъ смѣшенія изъ желтой, можно превратить въ блестящую алую, должно непремѣнно предосставить средства и для крашенія. Оное, уповательно въ скоромъ времени, усугубитъ совершенство красиленъ другихъ Европейскихъ Государствъ, гдѣ употребленіе онаго еще неизвѣстно и гдѣ искусство художниковъ употребитъ его со всевозможною пользою. *Генне* составляетъ Египту довольно важную вѣтвь торговли. Въ *Александріи* ежегодно нагружались отъ четырнадцати до пятнадцати судовъ въ порошокъ его превращенными листьями и отправлялись въ *Смирну*, въ *Константинополь*, или въ *Салонику*, а изъ тѣхъ мѣстъ посылались въ разныя Сѣверныя земли и даже, сказывали мнѣ, въ *Германію*; тамъ употребляютъ ихъ на крашеніе мѣховъ и на пріуготовленіе кожъ.

Генне съ изобиліемъ растетъ въ окрестностяхъ *Россета* и составляетъ главное украшеніе садовъ, близъ онаго города лежащихъ. Корень

(*) Читай *Просперъ Алпина* о Египетскихъ растѣніяхъ, гл. 13.

его, глубоко въ землю простирающійся, свободно толстѣетъ въ жирномъ, мягкомъ и съ пескомъ смѣшанномъ грунтѣ, въ таковомъ, которымъ бы всякой земледѣлецъ желалъ воспользоваться, а по сей причинѣ сіе деревцо произрастаетъ и размножается здѣсь лучше и поспѣшнѣе, нежели въ какой другой землѣ; оно существуетъ и во всѣхъ обработанныхъ мѣстахъ Египта, но болѣе въ верхней его части.

По всѣмъ примѣтамъ можно заключить, что Египетскій *Генне* есть *Купросъ* древнихъ Грековъ. Описанія, поистиннѣ сказать недостаточныя, предоставленныя Авторами, а особливо видъ и пріятный запахъ цвѣтовъ, ими выхваляемыхъ, отвергаютъ всякое сомнѣніе въ разсужденіе тожества сихъ двухъ кустарниковъ (*); а по сему и можно думать, что кисти *Кипра*, Botrus Cypri (**), Пѣсни пѣсней, не могутъ быть иное, какъ самыя вѣпви цвѣтовъ *Геннеа*. По крайней мѣрѣ такое есть мнѣніе лучшихъ Комментаровъ. Чит. *Шейцерову* Священную Физику, Томъ I, стран. 189; *Юнія* и многихъ другихъ толкователей.

(*) Названіе *Купросъ* у нынѣшнихъ Грековъ уже не въ употребленіи: они присвоиваютъ *Геннею* испорченныя наименованія, *Кене*, *Кна* и пр. Прованскіе мореходцы, коихъ суда употреблялись на перевозку порошка *Геннеа*, называютъ его *Кѣнне* (Квѣне).

(**) Botrus Cypri dilectus mihi, in Vineis Engaddi. Грезнъ Кипровъ братъ мой мнѣ въ виноградѣхъ Энгаддовыхъ.

Не удивительно, что столь прелестный цвѣтокъ предоставилъ Восточному Стихотворству пріятное велерѣчіе, и предоставилъ ему поводъ къ нѣжнымъ сравненіямъ. Сіе отчасти соотвѣтствуетъ 45 вопросу *Михаелиса* (*): ибо цвѣтокъ *Генней* расположенъ кистями и Египетскія женщины отмѣнно любятъ его запахъ и охотно оной носятъ; какъ я уже выше сказалъ, на мѣстѣ, означенномъ въ *текстѣ Пѣсни пѣсней*, то есть, у грудей. Но не такъ легко можно объяснить затрудненіе, остановившее *Михаелиса*, когда онъ вопрошалъ о смыслѣ слѣдующихъ словъ: *Въ виноградѣхъ Энгаддовыхъ*, и какое подобіе имѣютъ *Кипровы* вѣтви съ виноградникомъ? Что касается до меня, то не нахожу между ими никакого сходства, а скажу только, что цвѣты его, по ихъ расположенію, подобны кистямъ винограда.

Собственное себялюбіе и желаніе нравиться другимъ причиною, что Египетскія женщины паче всего стараются, дабы на всемъ ихъ тѣлѣ была мягкая и гладкая кожа, и не тер-

---

(*) „Что могутъ означать въ высокомъ слогѣ „*Кипровы* кисти, Пѣсн. пѣсн. I, 14? Здѣсь „идетъ рѣчь не о листьяхъ, коихъ пыль служитъ вмѣсто румянъ Восточнымъ жителямъ, „но разумѣется о вѣтвяхъ. Не уже ли женщины „тѣхъ странъ носятъ ихъ наподобіе букетовъ на мѣстѣ, *текстомъ* Писанія показуемомъ?“ *Ученые и любопытные путешественники*, и пр. Г. *Михаелиса*, Часть 2, *вопросъ* 45, стран. 172.

пятъ на ней ни малѣйшаго признака жесткости. Мѣста, покрытыя Природою, у нихъ лишены естественной тѣни, и все равномѣрно гладко и выравнено. Извѣстно каждому, что послѣдователи *Магомета* имѣютъ привычку истреблять волосы посредствомъ мази. Тѣ люди, которымъ усы служатъ украшеніемъ, а длинная борода знакомъ отличія, не хотятъ ничего имѣть мохнатаго на прочихъ частяхъ тѣла, и Египтяне всякаго званія и состоянія послѣдуютъ сему обыкновенію. Нѣкогда только одни Жрецы бривали все тѣло чрезъ каждые три дни, дабы, повѣствуетъ *Иродотъ* (*), на людяхъ, богамъ служащихъ, не раждалась никакая гадь и другая подобная нечистота. Нынѣ всѣ Египтяне равномѣрно обриваются, но не менѣе отъ сего изпочены вшами. Большая часть для сего не рѣдко повторяемаго дѣйствія употребляютъ одну бритву; другіе, какъ по въ Турціи, прибѣгаютъ къ посредству мази, Турками называемой *Русма*, а Аравами *Нуретъ*: лѣкарство обыкновенное и продаваемое за весьма малую цѣну. Думали, но не справедливо, яко бы сіе есть волосы истребляющее минеральное вещество, въ нѣдрахъ земли Природою уже пріуготовленное. Оно требуетъ особливаго составленія и примѣси, чтобъ пріобрѣсть подобное свойство. Дѣйствительно *Беллонъ*, первый изъ числа Авторовъ, описавшій (въ Купѣ,

---

(*) *Иродотъ*, переводу г. де *Ларше*, книга 2, § 37.

что въ Галлиціи) *источникъ минерала, имъ называемаго Русма* (*), говоритъ, *что оной минералъ только тогда* имѣетъ дѣйствіе, *когда бываетъ превращенъ въ самый мѣлкій порошокъ, съ прибавленіемъ въ него противъ количества Русма половины негашеной извести, которой и смачиваютъ въ какомъ ни есть сосудѣ водою* (**). Слѣдовательно Беллонова *Русма* не есть само по себѣ волосы изтребляющее вещество, но содержитъ нѣкоторую съѣдающую силу, которая, будучи соединена съ извескою, предоставляетъ ей оное свойство. Сія догадка подтверждена опытомъ Гражданина *Валмонъ* де *Бомара*, получившаго изъ Константинополя нѣсколько кусочковъ минеральной *Русмы*, и которой, бросивъ частицы оной на горящія уголья, запримѣтилъ, что отъ нихъ происходилъ смрадъ, подающій справедливую причину думать, что *Русма* есть минерализованный сѣрою и мышьякомъ *Калхитисъ* (***). Тотъ же Природы изыскатель повѣствуетъ, яко бы оная волосы изтребляющая мазь весьма рѣдка во Франціи, гдѣ и продается на равный вѣсъ золоту, но какъ согласить сію рѣдкость, сію дорогую цѣну съ изобиліемъ *Русмы*, въ Областяхъ Турецкихъ находившейся? Какимъ образомъ столь обыкновенная вещь пребыла досихъ поръ неизвѣстною? Оную предлагаютъ во всѣхъ баняхъ, Французами съ удовольствіемъ посѣщаемыхъ въ бытность ихъ

(*) Примѣчан. книга 3, Глава 33.

(**) Тамъ же.

(***) Словарь Исторіи Натуральной слово: *Русма*.

въ Восточныхъ торговыхъ городахъ, которые и могли бы безъ труда достать сей мази и прислать во Францію; но сіе происходитъ отъ того, что въ худо разумѣемомъ и во многихъ Врачебныхъ твореніяхъ перемѣненномъ примѣчаніи *Беллона* не хотѣли видѣть *Русму* въ пріуготовленіи, но всегда искали въ ней минералъ *изъ земли извлеченную и нѣсколько обожженную руду*, о которой *Беллонъ* упоминаетъ, не примѣтя, что сей же Авторъ нѣсколько строчекъ пониже говоритъ, что, дабы *Русма* могла произвесть ожидаемое отъ ней дѣйствіе, то должна непремѣнно быть смѣшена съ известью.

Оной составъ есть настоящая Турецкая *Русма*, называемая, какъ я уже выше сказалъ Аравитянами, *Нуретъ*, слово, которое по Турецкому Словарю есть Персидское. Нынѣ за подлинно уже извѣстно, что *Русма* и *Нуретъ* суть единое вещество, или лучше сказать одинъ составъ, а естьли со вниманіемъ прочесть въ томъ же Турецкомъ Лексиконѣ слова *Нуре* и *Нуретъ*, то и увидятъ, что подъ симъ наименованіемъ разумѣется *волосы истребляющее* лѣкарство, изъ мышьяку и извести составленное.

Послѣ сего могу удостовѣрительно сказать, что згоняющая волосы мазь въ Египетскихъ баняхъ дѣйствительно пріуготовляется изъ мышьяку, или опермента (*), смѣшеннаго съ негашеною известью (**).

(*) На Арабскомъ языкѣ: *Зернихъ*, желтой мышьякъ. Акад. Изд. pl. 416.

(**) На Арабскомъ языкѣ: *Гиръ*.

Наблюдаемая для сего мѣра состоитъ изъ семи частей известки и трехъ долей оперимента. Во время ея употребленїя должно необходимо быть въ весьма тепломъ мѣстѣ, какъ по суть Восточныя бани, въ которыхъ изобильный потъ истекаетъ изъ всѣхъ частей тѣла. Сей составъ разводится водою, а потомъ слегка натираютъ имъ мѣста, съ которыхъ хотятъ истребить волосы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смотрятъ, и если они начинаютъ выходить, то тогда можно уже выдергивать ихъ рукою безъ малѣйшей боли; послѣ чего обмываются теплою водою. Долгое время сїю помаду на тѣлѣ оставлять не должно: ибо она можетъ зжечь кожу; но сїе дѣйствїе не препятствуетъ новому расптенїю волосовъ и, по прошествїи нѣкотораго времени, должно возобновлять операцїю.

Женщины, разумѣется на сей случай только о замужныхъ: ибо дѣвицы сохраняются таковыми, каковы есть, но только въ самой день брака безъ пощады и сострадантя бываютъ лишены природнаго покрова; жены, говорю я, ревностно наблюдая сохранять по всему тѣлу единообразную и ничѣмъ невредимую гладкость, *бритвы* и *нурета* не употребляютъ потому, что сїи вещи оставляютъ послѣ себя грубые слѣды осязанїю, чего онѣ тщательно убѣгаютъ. Ничто не противится чрезвычайному желанїю показаться совершенно прелестными. Онѣ подвергаютъ себя сопряженному съ несносною болїю дѣйствїю, жестокому и всеобщему *выранїю*, которое и совершается приложенїемъ варенаго пчелинаго меда, терпентина, или какой другой смолы, и когда сїи

вещества засохнутъ, тогда срываютъ ихъ со всѣми приставшими къ нимъ волосами. Нынѣ, по щастію, нужды часто прибѣгать къ сему нѣсколько суровому средству. Естьлижъ новое произведенїе паки (и появляется, то оное уже есть ничто другое, какъ мягкій и нѣжный пухъ уподобляющейся самой тонкой шерсти, коего изтребленїе не трудно; послѣ же нѣсколькихъ годовъ сей родъ произрастѣнїя совершенно прекращается; а естьли Природа ошибкою нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ женщинъ и снабдила на лицѣ волосами, то и тогда употребляютъ онѣ то же самое средство для безвозвратнаго оныхъ изкорененїя.

Послѣ желанїя имѣть мягкую и отмѣнно гладкую кожу, любезнѣйшее попеченїе женщинъ состоитъ, чтобъ пріобрѣсть большую дородность. Вкусъ мущинъ не стремится къ стройному стану, къ щеголеватому, ловкому и тонкому строенїю тѣла: они любятъ отмѣнно жирныхъ женщинъ, и всѣ онѣ стараются таковыми быть. Чтобъ достичь до сей высокой степени, до сего совершенства красоты, употребляютъ онѣ разныя лѣкарства, какъ-то: кокосовые орѣхи, изтертые и съ сахаромъ смѣшанныя луковицы *Гермодактила* (*). Послѣ родовъ непремѣнно всегда ѣдятъ сей родъ тѣ-

---

(*) *Луковичной ирь*. Лѣчеб. Бух. V. По Арабски называется *Шамирь*. Большая часть сего въ Египтѣ употребляемаго растѣнія привозится изъ Барбаріи. Оное растетъ также въ довольномъ количествѣ и въ окрестностяхъ *Абукира*.

ста, или конфектъ, будучи совершенно увѣрены, что сїе есть вѣрнѣйшее средство для укрѣпленїя тѣлесныхъ силъ и для возвращенїя прежней толщины.

Видъ весьма дородной женщины бываетъ въ Европѣ всегда сопряженъ съ воображенїемъ мягкости тѣла, опущенїемъ образованїй и недостаткомъ пріятности въ округлостяхъ; но таковыхъ Турецкихъ женщинъ вообще представлять себѣ не должно, хотя и стараются онѣ всѣ быть жирными. Заподлинно уже извѣстно, что Восточныя женщины, больше облагодѣтельствованныя Природою, долѣе другихъ сохраняютъ твердость тѣла, и сїя необыкновенная чистоплотность, соединенная съ нѣжностїю, съ бѣлизною кожи, съ живостїю цвѣта лица, содѣлываетъ ихъ весьма пріятными и превращаетъ въ желанїе возбуждающїе предметы, когда толщина ихъ не доведена до чрезмѣрности.

Впрочемъ нѣтъ земли во всей вселенной, въ который бы женщины съ такою крайностїю наблюдали опрятность, какъ въ сихъ странахъ Востока. Частое въ бани хожденїе, окуриванїя, употребленїе всего того, что можетъ содѣйствовать къ смягченїю и украшенїю кожи, къ сохраненїю всѣхъ ихъ прелестей, ничто не бываетъ въ пренебреженїи, и самыя малѣйшїя подробности не упущены, и одна за другою послѣдуютъ съ отмѣнною точностїю. Столько попеченїй не остаются щетными. Нигдѣ не бываютъ женщины столь долговременно прекрасны; нигдѣ не умѣютъ съ такимъ искуствомъ вномоществовать Природѣ, нигдѣ наконецъ не

бываютъ столь искусныя и свѣдущія о средствахъ остановлять и исправлять временемъ причиняемый вредъ: познаніе, имѣющее свои правила и требующее многихъ опытовъ. Въ бытность мою не только въ Египтѣ, но даже и въ Греціи, собралъ я, для собственнаго моего удовольствія, нѣсколько ими употребляемыхъ способовъ и средствъ, а долговременное мое въ тѣхъ мѣстахъ пребываніе предоставило мнѣ особливыя способности содѣлать собраніе мое довольно достаточнымъ. Многія Европейки, которымъ я открылъ оное, остались мнѣ благодарными; но я прекращаю мою повѣсть: ибо здѣсь не слѣдуетъ говорить о подобныхъ вещахъ и книга путешественника не должна превратиться въ лекцію врачеванія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Египетскія собаки. — Кошки. — Прекрасное сего рода животное, вскормленное Авторомъ. — Домашнія животныя. — Мангустъ, или Ихнемонъ. — Крокодилы. — Родъ Нильской черепахи, ненавидящей крокодиловъ.

Посреди селенія *Россета* существуетъ толпа животныхъ, отринутыхъ человѣкомъ, для котораго кажется Природа ихъ сотворила, которыя однакожъ не могутъ отъ него отстать и, какъ будто бы противъ воли его, стараются оказывать ему услуги. Во всѣ времена и у всѣхъ

просвѣщенныхъ народовъ собаки, такъ сказать, удостоились быть помѣщены въ сообщество людей. Дикіе, и едва даже между собою связь составляющіе, народы вскармливаютъ собакъ и раздѣляютъ съ оными трудъ и плоды своей охоты. Послѣдуя сумазбродному безразсудку, вкорененному посмѣянія достойнымъ закономъ, одни только Магометане ненавидятъ сей родъ животныхъ. Они почитаютъ ихъ осквернеными созданіями, которыхъ не терпятъ въ домахъ, тщательно убѣгаютъ и до коихъ не смѣютъ коснуться, опасаясь чрезъ таковое прикосновеніе сами содѣлаться нечистыми. По сему и можно судить о всемъ смыслѣ прилагательнаго слова *собаки*, которымъ они Европейцовъ величаютъ, весьма разнствуя въ ономъ, какъ и во всѣхъ другихъ вещахъ съ древними Египтянами, оказывающими особливое уваженіе и болѣе почестей предъ другими животными разумнѣйшей и само полезнѣйшей твари; однимъ словомъ, той, коей рѣдкія дарованія больше дѣлаютъ достойною чѣловѣка (*).

Опъ непонятнаго противурѣчія, которому только у Музульмановъ удивляться не должно, мало городовъ на свѣтѣ, въ коихъ было бы столько собакъ, какъ въ Египетскихъ, или по крайней въ которыхъ бы казалось оныхъ быть больше, по тому, что они тамъ безпрестанно бродятъ стадами по улицамъ, единое ихъ жилище и пребываніе. Другой онѣ здѣсь пищи не имѣ-

(*) Поклоненіе *собакѣ* было всеобщее во всемъ древнемъ Египтѣ.

ютъ, кромѣ той, которую могутъ обрѣсть у воротъ домовъ, или сыскать роючись въ грязи и нечистотѣ. Суки мечутъ щенятъ въ какой нибудь отдаленной и мало посѣщаемой улицѣ; ибо ни одинъ послѣдователь *Магомета* близь дома своего ихъ терпѣть не будетъ. Снося всегда удары мимоходящихъ, будучи иногда почти до смерти прибиты вооруженною чернью, подверженныя непостоянству погоды, находятъ съ трудомъ, чѣмъ подкрѣпить тяжкую и несносную жизнь; тощія, изнуренныя, не рѣдко източенныя коростою, которая иногда превращается въ родъ *проказы*, даже обезображенныя бѣдственнымъ своимъ положеніемъ, сіи нещастныя животныя внушаютъ столькожъ сожалѣнія, сколько возбуждаютъ омерзенія и презрѣнія къ варварамъ, между коихъ они пребываютъ.

Удивительнымъ показаться должно, что влекущія наполненное бѣдствіями и страданіемъ бытіе многія изъ числа тѣхъ собакъ не заражаются *гидрофобіею*. Но сія болѣзнь, рѣдко бывающая въ Сѣверныхъ мѣстахъ Турціи, еще того рѣже случается въ Полуденныхъ странахъ оной Имперіи, а подъ знойнымъ небомъ Египта совсѣмъ не извѣстна. Я не видалъ оной ни одного примѣра, а жители, съ которыми находилъ я случай разговаривать, не имѣли объ ней никакого понятія. Кажется однакожъ, что бѣшенство не всегда было чуждо странѣ сей, потому что по *Іероглифамъ* (таинственнымъ знакамъ) *Ора-Аполлона* (*), на которые

(*) Книга 1, глава 381.

Г. *Павъ* ссылается, тѣ люди, которымъ было препоручено бальсамировать священныхъ и отъ *Гидрофобіи* умирающихъ собакъ, заражались особливою болѣзнію (*). Тотъ же Авторъ, правду сказать, даетъ на замѣчаніе, что подобные нещастные случаи были не весьма обыкновенные. Статься можетъ, что и изрѣченіе *Ора-Аполлона* заключаетъ иной смыслъ и подвержено другому истолкованію. Но какъ то ни есть, за подлинно утвердить можно, что нынѣ въ Египтѣ (**), такъ какъ и въ другихъ частяхъ Африки и даже подъ самымъ жаркимъ поясомъ земли Америки, собаки никогда не бѣсятся, такъ что примѣчаніе противурѣчитъ вѣроятной догадкѣ, повидимому основанной на правилахъ естественныхъ, то есть, что бѣшенство долженствуетъ быть обыкновеннымъ, въ разсужденіи степени жара; предположеніе, опроверженное дѣйствіями, которыя можетъ быть современемъ объяснятъ существо жестокой сей

(*) Философич. изысканія о *Египтянахъ* и *Китайцахъ*. Томъ 2, стран. 112.

(**) Г. *ле Куентръ*, жившій въ Египтѣ, увѣряетъ, „что въ оной землѣ никогда *Гидрофобіи* не бы„ваетъ и что въ городѣ *Алепѣ*, гдѣ находит„ся разнаго рода удивительное множество „собакъ безъ хозяина и призрѣнія, что тамъ „гдѣ оныя животныя, отъ недостатка воды и „пищи, зноя климата, толпами умираютъ, ни„когда не видали *Гидрофобіи*.“ (Запис. о средствѣ излѣченія *Гидрофобіи* Г. *Матиса*, помѣщенныя въ Физико-Экономич. Вифліофикѣ, 1784 года, стран. 216.)

болѣзни и предоставятъ средства къ ея излѣченїю.

Египетскїя собаки суть породы большихъ борзыхъ собакъ, которыя были бы довольно красивы, естьлибъ былъ за ними присмотръ, или по крайней мѣрѣ естьлибъ съ ними не такъ жестоко поступали. Потерявшїя пріятность своего образованїя, кажется не должно даже имъ имѣть признака качествъ, которыя во всѣхъ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ ихъ столь уваженїя достойными. Однакожъ можетъ быть, что увяданное ихъ чувствованїе еще не совсѣмъ изчезло. Онѣ бродятъ взадъ и впередъ по большимъ и самымъ прохожимъ улицамъ, стараясь не коснуться до платья мимоходящихъ, наблюдая въ томъ удивительную осторожность и достойную больше уваженїя, нежели стараніе безразсуднаго Музульмана, которой при ихъ приближенїи подбираетъ свою одежду. Онѣ даже пекутся о безопасности мучителей своихъ; во время ночи суть онѣ ужасъ воровъ и людей недоброжелающихъ; на пристаняхъ суда, лѣса, а во внутренности городовъ товары ввѣрены ихъ бдительности. Удивительное чутїе и природное побужденїе содѣлались полезными человѣку, принуждаетъ ихъ брать на себя присмотръ, которой никто имъ не препоручаетъ и никто не показуетъ; къ мѣсту же, охраняемому сими добровольными стражами, подойти никакъ не можно. Но всего удивительнѣе есть слѣдующее, что оныя собаки никогда не удаляются отъ того городскаго предѣла, въ которомъ родились; онѣ составляютъ отдѣленныя племена, или общества, имѣющїя

свои границы, которыя никогда не переступаютъ. Собака, дерзнувшая перебѣжать изъ одной въ другую часть города, не замѣшкается навлечь на себя нападенїе всей толпы, къ которой она не принадлежитъ, и ей спастись весьма трудно.

Бедуинцы, во всѣхъ отношенїяхъ не столько суевѣрные, какъ Турки, содержатъ большихъ борзыхъ собакъ, которыя равномѣрно охраняютъ ихъ палатки и все имущество; но они имѣютъ объ нихъ особое попеченїе и до такой крайности къ нимъ привязаны, что убить собаку, *Бедуинцу* принадлежащую, есть средство самому подвергнуться, лишиться жизни.

Съ совершеннымъ и весьма несправедливымъ отвращенїемъ къ роду животныхъ, которыхъ въ ополченїе, что не можетъ подражать имъ, человѣкъ предопредѣлилъ быть знаменованїемъ неизмѣнимой привязанности и вѣрности, Турки имѣютъ большую склонность къ кошкамъ. *Магометъ* любилъ ихъ. Сказываютъ, что будучи нѣкогда позванъ для самоважныхъ и время не терпящихъ переговоровъ, онъ предпочелъ лучше отрѣзать рукавъ у своей мантїи, чѣмъ разбудить спящую на немъ кошку. Довольно сего для содѣланїя сихъ животныхъ весьма уважаемыми, естьлибъ впрочемъ отмѣнная ихъ опрятность, чистота и лоскъ шерсти, безпечное спокойствїе, кроткїя и умѣренныя ласки не представляли ихъ глазамъ Музульмановъ въ видѣ любезныхъ созданїй. По сей причинѣ и имѣетъ кошка право входить въ мечети: ее тамъ принимаютъ, яко любимую тварь Пророка и какъ непрїятеля другихъ

безпокойныхъ животныхъ; напротивъ же того собака, дерзнувшая вбѣжать въ храмы, оскверняетъ ихъ своимъ присутствіемъ и тотчасъ будетъ предана смерти. Но принужденная убѣгать людей, которымъ желала бы посвятить врожденныя въ ней качества и совершенство чувствованія своего, никакая собака не имѣетъ желанія входить въ тѣ мѣста, гдѣ они собираются: ибо не найдетъ тамъ ни хозяина, за которымъ можно слѣдовать, ни друга, котораго бы ей сопровождать должно.

Въ древнемъ Египтѣ къ кошкамъ имѣли большее уваженіе, но собаки были имъ предпочтены. Естьли кошка умирала въ какомъ ни есть домѣ естественною смертію (ибо естьли кто убилъ кошку хотя нечаянно, тотъ не могъ избѣжать жестокой казни.), живущій въ немъ хозяинъ обривалъ себѣ только брови; но естьлижъ въ ономъ умирала собака, тогда обривали голову и все тѣло (*). Умершихъ кошекъ относили въ священные домы и, по бальсамированіи, погребали въ Бюбастѣ (**), обширномъ городѣ Нижняго Египта, нынѣ именуемый *Баста.*

Такія почести, такія преимущества не были единственно основаны на одномъ обыкновеніе; они имѣли важный предметъ, клонящійся къ пользѣ и пропитанію цѣлаго народа. Настояла необходимость подвергнуть подъ непосредственную защиту законовъ родъ животныхъ, коимъ покровительство само по себѣ было нужно противъ удивительнаго множества мы-

(*) *Иродотъ*, книга 2. §. 6. перевод. *Деларше.*
(**) *Тамъ же*, § 67.

щей и крысѣ, коими Египетъ зараженъ. Обожаніе показалось жрецамъ вѣрнѣйшимъ средствомъ заставить народъ почитать вещи, въ сохраненіи которыхъ состояла собственная его польза. Дѣйствительно какая нужда и не все ли одно для язычниковъ, человѣку или кошкѣ, бабѣ или луку поклоняться? Не всѣ ли суть они въ равномъ разстояніи отъ Божества? Когдажъ слѣдовало быть суевѣрнымъ, то гораздо лучше оными быть съ пользою. Щастливы народы, коихъ суевѣріи стремятся къ выгодамъ земледѣлія и къ благу общему!

У націи, у которой естественное превозмогаетъ нравственное, прельщающія наружности кошекъ кажутся предпочтительными смиренности, удивительному понятію и чувствительной приверженности собаки Единый подобный примѣръ не рѣдко лучше изображаетъ свойства націи, нежели многочисленныя примѣчанія объ обрядахъ ея и обыкновеніяхъ, на которыя, яко на содѣлавшіяся уже навычными, равнодушно взираютъ, и которымъ, дабы избавиться труда перемѣны, наконецъ послѣдуютъ. Дѣйствительно не скоро ли познается народъ, когда извѣстно, что онъ ненавидитъ собаку и усердствуетъ кошкѣ за то, что сіе послѣднее твореніе тщательно прячетъ свой калъ и не жретъ всякую падаль и нечистоту, коими свойство собаки иногда принуждаетъ ее питаться.

Во всѣхъ домахъ въ Египтѣ бываютъ кошки. У богатыхъ людей видимъ мы ихъ раздѣляющими подушки, нѣгу и безпечность Господъ своихъ, которые, почитая удовольствіемъ гладить ихъ рукою, сверьхъ того осыпа-

ютъ ласками, коими сіи тщеславные и гордые люди не удостоиваютъ гораздо ихъ чувствительнѣе естества; однимъ словомъ, развѣ только обоготворить ихъ, какъ во времена древнихъ, но не возможно съ ними обходиться лучше.

Должно сказать и то, что кошки въ сей землѣ чрезвычайно смирны и отмѣнно ласковы. Онѣ не имѣютъ той недовѣрчивости, того свирѣпаго свойства, которыя содѣлаютъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы больше дикими, нежели домашними животными. Но сіи разности суть столько же твореніе человѣческое, сколько дѣйствіе и вліяніе климатовъ. Въ части, въ которой я обитаю и вокругъ оной лежащихъ мѣстахъ, кошка, а особливо въ деревняхъ, послѣ пахатныхъ лошадей есть нещастливѣйшее созданіе. Хозяева и слуги съ общаго согласія за нею гоняются, бьютъ, бросаютъ въ нее камни, травятъ собаками и лишаютъ пропитанія. Естьлибъ голодъ, о которомъ свидѣтельствуетъ чрезмѣрная ея худость, иногда и побуждаетъ кошку изыскивать удобной случай украсть какой нибудь кусокъ: то мнимый воръ: ибо Природа препятствуетъ ему умереть отъ неяденія, платитъ своею жизнію за проворство, имъ употребленное для подкрѣпленія бытія своего. Какимъ же образомъ требовать, чтобъ кошки у подобныхъ хозяевъ, коихъ жестокость къ животнымъ уподобляется тиранству, не принимали на себя дикообразнаго вида, впечатлѣнія лютости? А естьли сравнить сихъ бѣдныхъ кошекъ моей страны съ тѣми, которыхъ содержатъ въ Парижѣ, гдѣ, будучи и луч-

ше сбережены и защищены отъ вѣчныхъ бѣдствій, суть отмѣнно привлекательны и ласковы, тогда и представится новое доказательство, сколько можетъ содѣйствовать человѣческій нравъ надъ свойствами его окружающихъ животныхъ.

Я имѣлъ у себя долгое время прекрасную *Ангорскую* кошку (*). Она была совсѣмъ покрыта длинною и шелковистою шерстью, отмѣнно густой хвостъ составлялъ прекрасное осѣнѣе, которое сіе животное, по произволенію, приподнимало надъ поверхностію своего тѣла. Ни одно пятно, ни малѣйшій оттѣнокъ не помрачалъ прельщающей бѣлизны ея одежды; носъ, окружность губъ были нѣжко розоваго цвѣта. Въ округлистой ея главѣ сіяли два большіе глаза, изъ которыхъ одинъ былъ блѣдно-желтой, а другой голубой. Оная прекрасная кошка имѣла столько же любезныхъ качествъ, сколько пріятностей въ движеніяхъ и во всѣхъ своихъ положеніяхъ. Съ видомъ добронравія одарена

(*) Привычка называть *Ангорскихъ* кошекъ *Анголъскими* и понынѣ не пресѣклась. Она существуетъ даже и въ новыхъ, до Науки касающихся, твореніяхъ. Открой Методическую Энциклопедію, смотри описаніе *какату*, и увидишь, что одна изъ числа съ желтымъ хохломъ птица, почитала забавою играть съ *Анголъскую* кошкою. *Ангола* лежитъ на Западномъ берегу Африки, а *Ангора* есть городъ въ малой Азіи, не въ дальномъ разстояніи отъ *Смирны*. Тамъ-то находятся сіи животныя съ длинною шерстью, изъ которой дѣлаютъ столь прекрасные камлоты.

была истинно привлекательною кротостію. Ее ворочали, какъ хотѣли; никогда не давала она возчувствовать могущества когтей своихъ. Будучи признательна за ласки, лизала гладящую ее руку и даже ту, которая причиняла ей безпокойствіе. Во время путешествія лежала спокойно на колѣняхъ и не было нужды запирать ея; никакой шумъ оную не тревожилъ, лишь бы близь меня находилась, или какой нибудь другой особы, къ которой она привыкла. Въ моемъ уединеніи отъ меня не отставала и посреди трудовъ и размышленій, привлекательными своими ласками, иногда оные прерывала; не отлучалась отъ меня на гуляньѣ. Во время моихъ отсутствій, сначала позывала и искала, оказывая великое безпокойствіе, а естьли я долгое время не возвращался, то выбѣгала изъ моей комнаты и приставала къ слѣдамъ того человѣка, котораго послѣ меня болѣе всѣхъ любила; узнавала голосъ мой и всякой разъ съ новымъ восторгомъ меня встрѣчала. Поступь ея не былъ скрытенъ, она имѣла видъ откровенный и взглядъ ея уподоблялся тихому ея нраву; однимъ словомъ, она имѣла любезнѣйшей собаки свойства подъ блестящею наружностію кошки.

Сей звѣрокъ составлялъ мое утѣшеніе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Какъ же видъ его живо изображалъ его привязанность! Сколько разъ привлекательныя ласки его разсѣвали мои огорченія и утѣшали меня въ моихъ нещастіяхъ! Сколько разъ животное, обвиняемое вѣроломствомъ, являло въ моемъ домѣ поразительную противообразность тому великому чи-

слу настоящихъ предателей, которые, подъ личиною дружбы, осаждаютъ жилище честнаго человѣка, единственно для того, чтобъ лучше обмануть его; тѣмъ змѣямъ, которымъ грудь моя столько разъ дыханія возвращала, дабы неоднократно ими быть разтерзанному. Для нещастія человѣчества, жизнь злыхъ людей бываетъ продолжительна. Сіи гнусные люди, коихъ перо мое имена начертало, если-либо не было предоставлено небесному правосудію наказать ихъ своимъ пораженіемъ, и теперь наполнены жизнію, злодѣйствами и дерзновеніемъ, а моя прекрасная и любви достойная подруга не существуетъ. Послѣ нѣсколькихъ дней страданій, во время которыхъ я всегда при ней находился, безпрестанно устремленные ея на меня глаза покрылись мракомъ. . . . . слезы мои текли. . . . . они и текутъ теперь. . . . Сострадательныя души простятъ мнѣ сіе отступленіе горести и благодарности! Тѣ, которые отъ ячества и безчувствія оцѣпенѣли. меня не превожатъ: не для нихъ пишу я мою повѣсть!

Жаркіе климаты сихъ древнихъ странъ, которыхъ за временами, слишкомъ затмѣнными мракомъ отдаленнаго прошедшаго, вточности означить не возможно, наполненные человѣкомъ населеніями и стадами, питаютъ смиреннѣйшихъ и послушнѣйшихъ животныхъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ онъ себѣ присвоилъ; а между тѣмъ пребывающіе въ необитаемыхъ полосахъ той же страны остались дикими и преизполнены отмѣннымъ звѣрствомъ. Домашнія животныя нигдѣ не суть столь привыкшія и такъ

сказать нигдѣ больше не могутъ названы быть домашними, какъ въ знойныхъ мѣстахъ Востока. Лошадь, горячностїю подобная воздуху, которымъ она дышетъ, совсѣмъ тѣмъ тамъ весьма смиренна. Буйволъ, едва лишившїйся состоянїя дикой своей вольности и, изображая взоръ люпости, столькожъ тихъ, какъ быкъ бываетъ въ Европѣ. Онъ свободно допускаетъ на себѣ ѣздить, себя водить, и одинъ мальчикъ можетъ управлять многочисленными стадами оныхъ. Не въ существѣ пошвы земли и пищи, ни даже въ благоразтворенїи воздуха, или климата, должно изыскивать причины подобной кротости нрава, которая ни въ какой другой землѣ не встрѣчается. Здѣсь дѣйствительно произходитъ сїе не отъ недостатка силъ и не есть естественная безпечность, запримѣченныя въ животныхъ въ весьма жаркихъ, но совсѣмъ тѣмъ отмѣнно влажныхъ мѣстахъ Полуденной Америки обитающихъ. Каждый родъ одаренъ всею пылкостїю, всею крѣпостїю, ему по природѣ свойственными.

Но житель здѣшнихъ странъ, присвоившїй себѣ власть надъ полезными животными, умѣлъ предоставить себѣ главнѣйшую выгоду отъ своей побѣды. Сїя часть Востока во всѣ времена была жилищемъ кочующихъ народовъ, которые, не имѣя другаго имущества, кромѣ стадъ своихъ, болѣе всего пекутся о сохраненїи оныхъ. Они не посылаютъ ихъ въ отдаленныя отъ жилищъ своихъ пастбища, ими не презираютъ, содержатъ при себѣ, не оставляютъ и водятъ вездѣ съ собою, куда лишь скитающаяся жизнь направляетъ путь ихъ. Не имѣя стойловъ,

чтобъ заключать ихъ, не имѣютъ надобности и въ путахъ для воздержанія оныхъ. Пасущійся днемъ верблюдъ, послѣ солнечнаго заката, самъ приходитъ и ложится предъ палаткою своего хозяина, а сія самая палатка покрываетъ Бедуинца съ семействомъ, равномѣрно и его кобылу, нѣсколько козъ и овецъ. Ничто ихъ не разлучаетъ. Такимъ образомъ препроводятъ они вмѣстѣ ночи безъ неустройства, безъ нещастнаго приключенія и въ совершенномъ спокойствіи. Не должно удивляться, что животныя, составляющія съ человѣкомъ столь тѣсное сообщество, суть смиреннѣйшія на свѣтѣ; а какъ Бедуинцы, или походящіе на Бедуинцовъ народы всегда предоставляли и нынѣ еще ежедневно предоставляютъ оныхъ другимъ націямъ, въ тѣхъ же земляхъ поселившимся, то равномѣрно и не мудрено, что во всей домашней скотинѣ вообще примѣчательны тамъ тихія и кротків привычки.

Звѣрь, могущій пріумножить число животныхъ, которыхъ Египтяне пріучили къ служенію и повиновенію, есть *Мангустъ*, или *Ихнеймонъ* (*). Много объ ономъ писали, но много писали басенъ. Сей звѣрь былъ въ числѣ священныхъ животныхъ древняго Египта. Ему послѣ смерти оказываемы были почести; его рачительно сохраняли во время жизни; денежные капиталы назначались на его пропитаніе, подоб-

(*) *Мангустъ*. Бюфонъ, Ист. Ест. чертвер. Viverra Ichneumon. Lin. *Виверра Ихнеймонъ*. *Лин* Наѣзднинъ. Ест. Ист. Нар. Учил. 416. Озер. V. 163. *Ихнеймонъ*, *Фараонова крыса*, Слов. Акад.

но какъ и на содержанїе другихъ родовъ животныхъ; его кормили, какъ кошекъ, размоченнымъ въ молокѣ хлѣбомъ, или Нильскою рыбою, разрѣзанною въ мѣлкїе куски (*); вообще было запрещено убивать ихъ. Предметъ поклоненїя славнаго народа, мнимый защитникъ удивительнѣйшей въ Свѣтѣ страны отъ люттѣйшаго Божескаго попущенїя для пахатнаго народа, чуждый и неизвѣстный нашимъ климатамъ, сколько побудительныхъ причинъ для произведенїя удивительнаго! А по сему и писали о немъ много невѣроятнаго. Большая часть путешественниковъ видали *Мангуста*, но онаго не разсматривали и, имѣя разсудокъ, предубѣжденной сказками, которыя какъ древнїе, такъ и нашихъ временъ Писатели на щетъ его разгласили, послѣдственно помѣстили съ нихъ копїи въ своихъ повѣствованїяхъ. Свѣтильнику критики (**), путеводимому врожденнымъ дарованїемъ безсмертнаго *Бюфона*, было предоставлено разсѣять бездну ошибокъ, помрачающихъ Естественную Исторїю вообще, а особливо Исторїю, или описанїе *Мангуста*. Я не намѣренъ повторять того, что съ большимъ удовольствїемъ и любопытствомъ можно читать въ твореніи сего превозходнаго изображателя Природы. Но какъ я имѣлъ случай разсматривать *Мангуста* въ природной его странѣ и въ вольномъ состоянїи: то и сообщу сокращенїе моихъ

(*) Смотри Примѣчанія на переводъ *Иродота*, гражданина *Ларше* §. 65 и 67.

(**) Читай въ Исторіи Естественной звѣрей четвероног. описанїе *Мангуста*.

примѣчанїй объ ономъ четвероногомъ, и постараюсь утвердить мнѣнїе, которое должно имѣть о полезности онаго; показавъ настоящую цѣну столь выхваляемыхъ, а еще больше увеличенныхъ его услугъ (*).

Съ большими разположенїями содѣлаться привыкшими, *Мангусты* совсѣмъ тѣмъ не могутъ почитаться домашними животными въ Египтѣ. Не только не бываютъ они въ домахъ, но даже и жители не запомнятъ, чтобъ прародители ихъ когда либо оныхъ вскармливали, или содержали. Слѣдовательно должно заключить, что *Мангусты*, о которыхъ *Беллонъ* (**) и *Просперъ Аллинъ* (***) упоминаютъ, увѣривъ, якобы видѣли ихъ ручными и привыкшими, или послушными, были ничто другое, какъ сего рода звѣрки, вскормленные и содержимые для любопытства, а не для пользы, потому что ести они и гоняются за крысами и мышами, но равномѣрно бросаются и на домашнихъ птицъ, и сїе похотѣнїе съ излишествомъ замѣнитъ оказываемую ими услугу, освобождая домы отъ вредоносныхъ животныхъ, которыхъ бы кошки вѣрнѣе и не съ толикимъ неудобствомъ скорѣе истребили.

Довольно походящїе, въ разсужденїи привычекъ, на *ласточекъ* и на *харьковъ*, они питаются крысами, птицами и пресмыкающимися. Они

(*) Оныя примѣчанїя о *Мангустѣ*, или *Ихнеймонѣ* Египетскомъ, уже напечатаны въ Физическомъ Журналѣ мѣсяца Мая 1785 года.

(**) Примѣч. книга 2. глава 22.

(***) Описан. Египта, глава 4.

бродятъ вокругъ жилищъ, въ нихъ вкрадываются, дабы уловить куръ и пожрать ихъ яица. Оный природный къ яицамъ вкусъ побуждаетъ ихъ иногда рыться въ пескѣ для отысканія тѣхъ, которыя крокодилами въ немъ оставляются, и такимъ-то образомъ дѣйствительно препятствуютъ они слишкомъ великому разпложенію сихъ мерзкихъ животныхъ. Но нынѣ смѣются не безъ причины, когда читаютъ, яко бы, бросившись въ отверзтую пасть крокодиловъ, они пролезаютъ въ ихъ чрево и изъ онаго тогда выходятъ, когда пожрутъ всю внутреннюю (*). Естьли и видали, что нѣкоторые *Мангусты* бросались съ яростію на маленькихъ представляемыхъ имъ крокодиловъ (**), то сіе было дѣйствіемъ ихъ жадности ко всякаго рода пресмыкающимъ, а совсѣмъ не побужденіемъ особливой ненависти, или закона Природы, въ силу котораго было бы имъ особенно препоручено прекращать размноженіе тѣхъ въ водѣ и на землѣ пребывающихъ животныхъ, какъ многіе люди то воображали (***).

(*) Почти всѣ древніе Писатели, а въ числѣ нынѣшнихъ *Маллiетъ*, *Жона* и другіе.

(**) *Маллiетъ*, Описаніе Египта, Часть 2. стран. 34.

(***) *Маллiетъ*, въ той же книгѣ. *Читай* также Исторію острова *Кипра*, *Іерусалима* и *Египта*, сочиненную Кавалеромъ *донъ Жоною*, Часть 2. Состояніе Египта въ нынѣшнія времена, стран. 1230, и возьми на замѣчаніе, что сей послѣдній, почти во всемъ вѣрный подражатель *Маллiета*, здѣсь превзошелъ образецъ свой, присовокупя другія

По крайней мѣрѣ столько же было бы основательно сказать, что Натура *Мангустовъ* на земли помѣстила единственно для прекращенія излишняго разпложенія куръ, которымъ они совершенно больше вредятъ, нежели крокодиламъ.

Несправедливость нѣкоторыхъ людей, присвоившихъ Природѣ въ разсужденіи *Мангустовъ* подобныя намѣренія, лучше всего доказывается слѣдующимъ, а именно: что болѣе половины Сѣвернаго Египта, то есть въ полосѣ, лежащей между Средиземнымъ моремъ и городомъ *Сиутомъ*, они весьма обыкновенны, хотя и нѣтъ тамъ крокодиловъ; напротивъ же того весьма рѣдки въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ крокодилы равномѣрно въ свою очередь довольно многочисленны. *Мангусты* нигдѣ такъ не разпложены, какъ въ Нижнемъ Египтѣ, части, лучше обработанной, болѣе обитаемой, больше влажной и тѣнистой, слѣдовательно и предоставляющей болѣе предметовъ для ихъ пищи и добычи, и я еще повторю, что тамъ крокодилы никогда не появляются и ихъ въ той странѣ не бываетъ.

По сему поводу запримѣчу погрѣшность, которая въ писаніяхъ не столь знаменитаго и не въ такой славѣ путешественника, какъ Г. *Шавъ*, не была бы достойная вниманія. Сіе послужитъ доказательствомъ для присоединенія къ немалому числу подобныхъ примѣровъ, сколь-

---

басни, которыя *Маллїэтъ* презрѣлъ. Такимъ-то образомъ часто отваживаются писать преполстые Томы, въ которыхъ нѣтъ ни смыслу, ни толку и ни малѣйшей правды.

ко должно остерегаться и наблюдать разборчивость, когда посѣщаютъ отдаленныя страны, и когда, не имѣя удобности самому разсматривать, не рѣдко полагаются навсегда почти ложныя свидѣтельства. „Египтяне, повѣствуетъ Г. „*Шавъ*, такъ мало имѣютъ свѣденія о настоя„щемъ крокодилѣ, коего они называютъ *Тимсагъ*, „и которой такъ рѣдокъ пониже пороговъ *Нила*, „что Египтяне столькожъ жаждутъ оныхъ ви„дѣть, какъ и Европейцы (*).„ Докторъ *Шавъ*, не бывъ далѣе *Каира*, слишкомъ легкомысленно принялъ утвержденіе, противное какъ истинѣ, такъ и свидѣтельству предшественниковъ своихъ. Естьлибъ онъ лучше совѣтовался, то былъ бы извѣстенъ, что Верхній Египетъ ниже пороговъ зараженъ настоящими и весьма размноженными крокодилами.

Отвращеніе къ крокодилу, неправильно присвоенное *Мангусту*, есть дѣйствительно врожденное чувствованіе совсѣмъ другаго роду животнаго; въ подобномъ обстоятельствѣ случилось то самое, что во многихъ случаяхъ въ глазахъ нашихъ встрѣчается. Когда приписывали *Мангусту* честь быть въ непреодолимой и безпрестанной враждѣ съ крокодилами, тогда родъ *Нильской* черепахи наносилъ имъ вѣрнѣйшіе, но неизвѣстные удары, и съ успѣхомъ содѣйствовалъ къ ихъ истребленію. Когда молодые и изъ яицъ вылупившіеся крокодилы входятъ въ рѣку, то оная черепаха на нихъ бросается и ихъ пожи-

(*) Переводъ Путешествія Доктора *Шава*, Томъ 2. стран. 167.

раетъ. *Маллїэтъ* былъ извѣстенъ объ ономъ дѣлѣ, но не разсудилъ за удобное утвердиться на свидѣтельствѣ тои страны жителей, хотя оное и предпочтительнѣе другимъ, а особливо въ случаяхъ сиоль вообще извѣстныхъ. „Я знаю, „пишетъ сей Консулъ, что нѣкоторые утверж- „даютъ, яко бы сіе животное (Ихнеймонъ) „есть ничто другое, какъ родъ бѣлесоватой „черепахи, Аравами называемой *Серзе* (то „есть *Тирзе*, родовое *наименованіе* черепахъ на „Арабскомъ языкѣ). Они повѣствуютъ, что, по- „слѣдуя природному внушенію, она стережетъ „крокодила, когда онъ идетъ класть яйца и „зарывать ихъ въ песокъ, и какъ скоро ухо- „дитъ, то она, отыскавъ оныя, разбиваетъ и „съѣдаетъ. . . . . ; но, не упоминая о изображе- „ніи Ихнеймона, *Даплеромъ* намъ предоставлен- „номъ, которое ни мало не прилично черепахѣ, „толикое же число намъ предоставленныхъ сего „животнаго каменныхъ представленій, и на „которыхъ, то есть на многихъ, находятся „таинственныя буквы, не подаютъ ни малѣй- „шаго повода къ сомнѣнію, чтобъ оное не было „то самое, что называютъ *Фараоновою крысою*.„ (Сіе значитъ только то, что не должно сомнѣ- ваться о существованіи *Ихнеймона*, которое никто и не опровергаетъ.) „Сей звѣрь, продол- „жаетъ онъ, есть родъ маленькаго дикаго поро- „сенка, весьма пригожаго, коего пріучить не „трудно, и у котораго щетина подымается „какъ у *Дикобраза* (*) . . . .„ Слѣдовательно вотъ крыса, превращенная въ небольшую свин-

(*) Описаніе Египта, Часть II. стран. 53 и 54.

ку, и пр. и пр. Признаться должно, что подобныя свидѣтельства, помрачающія познаніе естествословія, не заслуживаютъ ни довѣрія, ни уваженія.

Сей родъ черепахи только бываетъ въ вершинахъ *Нила*, гдѣ крокодиламъ назначено всегдашнее пребываніе. Чтобъ подать мысль о выгодѣ, съ которою оной Нубійскій и Египетскій *Тирзе* сражается съ крокодилами, сообщу примѣчаніе, мнѣ предоставленное нѣкоторыми жителями *Θебаиды*, людьми, испытанными въ вѣроятіи въ другихъ случаяхъ и на показаніи, въ коихъ утвердиться можно. Нынѣ заподлинно извѣстно и случайно найдено, что изъ пятидесяти маленькихъ крокодиловъ, рожденныхъ отъ одной кладки яицъ, семь только спаслись отъ *Тирзеа*. И такъ особенно оному животному обязанъ Египетъ чувствительнымъ уменьшеніемъ въ родѣ пресмыкающихъ, столько же отвратительныхъ наружнымъ своимъ видомъ, сколько вредныхъ лютою своею склонностію. Подъ сею сообразностію заслуживало оное болѣе *Мангуста* быть божествомъ древнихъ Египтянъ и дивомъ Писателей.

Но надобно, чтобъ и сія драгоцѣнная порода черепокожныхъ имѣла также своихъ непріятелей, потому что она не такъ размножена, какъ бы ей быть долженствовало, относительно до сего рода плодовитости. Но не можно ли въ томъ обвинить самаго *Мангуста*, которой, будучи сопровождаемъ жадностію къ яицамъ, изыскиваетъ и тѣ, которыя какъ черепахи, такъ и крокодилы въ песокъ зарываютъ. Тогда содѣлался бы онъ полезнымъ крокодиломъ вмѣсто

того, чтобъ быть непримиримымъ ихъ врагомъ, какъ сіе утверждали.

Названіе *Мангуста* и *Ихнемона* нынѣ въ Египтѣ не извѣстны; тамъ даже не существуетъ наименованіе *крысы Фараона*, которое, по несправедливому мнѣнію *Гассельквиста*, яко бы выдумано Французами. Съ нѣсколькимъ размышленіемъ, или лучше сказать, не имѣя столько пристрастія, усмотрѣлъ бы онъ, что Италіанецъ *Піэтро Делла Валле* (*); что Голландецъ *Корнелій де Брюинъ* (**) его употребляли; что *Клеинъ*, не будучи Французъ, равномѣрно назвалъ онымъ Индѣйскую свинью (***), и пр. пр. Естьлибъ тотъ же путешественникъ не употребилъ столько поспѣшности въ своемъ разсужденіи, то бы понялъ, что народное наименованіе не должно быть разсматриваемо съ такою строгостію, а особливо, когда оное не есть безразсудное, и сіе названіе, о которомъ теперь упоминается, не столь странное, какъ тысяча имъ наизусть вышверженныхъ изрѣченій; но онъ имѣлъ страсть порочить нашу націю, страсть, коею *Бюфонъ* его сильно укорялъ, дабы его исправить, естьлибъ онъ пережилъ свое сочиненіе (****).

Естьли кто хотя одинъ разъ былъ виновенъ, тому свободно приписываютъ и другія

(*) Путешествіе. Парижъ, 1670, Томъ I. стран. 239.

(**) Путешествіе на Востокъ, нов. Издан. 1725, Томъ 2, стран. 72, Примѣч. (а) Издателя.

(***) Клеинъ, о *четвероногихъ*.

(****) Исторія Натур. *Мангуста*, въ примѣчаніи.

погрѣшности. *Бюфонъ* не хотѣлъ утвердиться на *Гассельквистѣ*, написавшемъ, якобы Арабское названіе *Мангуста* было въ Египтѣ *Немсъ*, и предпочелъ свидѣтельство Доктора *Шава*, увѣряющаго, что въ Барбаріи *Немсъ* есть имя ласточки, а *Мангуста* называютъ *Тезеръ-Деа* (*). Однакожъ за-подлинно извѣстно, что нынѣшніе Египтяне, которые, мимоходомъ можно сказать, не болѣе уважаютъ *Мангуста*, какъ мы *харъковъ* и имъ подобныхъ; называютъ его *Немсомъ*, а ласточку именуютъ *Герзе*. Я даже имѣлъ случай удостовѣриться, что оба живые звѣрка, которые, по приказанію Г. *де Верженна*, Французкаго Посла при Оттоманской Портѣ, присланы къ нему изъ Константинополя для предоставленія *Бюфону*, кои симъ послѣднимъ дѣйствительно и получены, были *Немсы*, Египетскіе *Мангусты*. Но сія разнообразность въ именахъ и въ разныхъ странахъ не должна быть удивительна. Хотя Арабской языкъ равномѣрно разпространенъ какъ въ Египтѣ, такъ и въ Барбаріи, но нарѣчія сколь между собою не сходны, что житель Барбаріи и Египтянинъ часто съ трудомъ другъ друга понимаютъ.

(*) Путешествіе Доктора *Шава*, въ вышеупомянутомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ НАДЕСЯТЪ.

Замокъ Россетской. — Гугу. — Гюппъ. — Туртерелы. — Шевешъ. — Лотусъ. — Ракеттъ. — Кассіа. — Сикоморъ. — Сшизме. — Дурра. — Индѣйская гвоздика. — Утки. — Дрозды. — Бекасъ.

Прогулки мои по окрестностямъ *Россета* не рѣдко повторялись, и всегда были новымъ источникомъ пріятности и поученія. Я всегда бралъ съ собою ружье: оно служило мнѣ на добычу разныхъ родовъ птицъ, оживляющихъ луга, которые были уже довольно привлекательны различіемъ и изобиліемъ на нихъ растущихъ травъ. 24 Октября (*) отправился къ старому развалившемуся Замку, отстоящему въ небольшомъ разстояніи на Сѣверъ отъ *Россета*: онъ былъ назначенъ равномѣрно, какъ и другой построенной на противномъ берегу *Нила*, для защищенія входа въ оную рѣку. Нынѣ и тотъ и другой состоятъ отъ моря не меньше одной мили. Первый, коего построеніе обыкновенно приписуютъ Св. *Лудовику*, во время Крестовыхъ походовъ, почти совсѣмъ разоренъ, хотя и находилось въ немъ еще нѣсколько пушекъ, къ

(*) Я увѣренъ, что день и число моихъ прогулокъ не обратитъ вниманія другихъ людей, кромѣ Естествослововъ; они возчувствуютъ, что необходимо должно, на примѣръ, означить время, въ которое встрѣтилъ, или видѣлъ я такую или такую птицу, дабы по сему рѣшительно утвердить эпоху ихъ прибытія въ Египетъ.

дѣйствію неспособныхъ. Древнія зданія употреблены на постройку онаго, и въ ономъ примѣчательны многіе камни, покрытые таинственными знаками. Я снялъ рисунки съ нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ древнихъ камней и со многими другими предоставилъ Министру *Бертену*, но о участи ихъ не извѣстенъ.

Финиковыя деревья весьма размножены во всѣхъ здѣшнихъ странахъ. Многихъ родовъ птицы садятся на длинныхъ ихъ листьяхъ, а между тѣмъ другія перепархиваютъ съ вѣтви на вѣтвь и на толстыхъ плетняхъ огородокъ. Я застрѣлилъ въ тотъ день нѣсколько *гугу*, *гюлпъ*, *туртерелль* (горлицъ) и *одну шевешу*.

Первыя изъ оныхъ птицъ, хотя довольно обыкновенныя въ окрестностяхъ *Росета*, и также, какъ мнѣ сказывали, около *Даміэтта*, не были извѣстны Естествословамъ до путешествія моего въ Египетъ. Я предоставилъ о нихъ описаніе съ примѣчаніями *Бюфону*, а искусный его послѣдователь или подражатель *Гено де Монбеліаръ* обнародовалъ ихъ въ Натуральной Исторіи птицъ, въ Главѣ о Египетскомъ *гугу*. Хотя же небольшое сіе открытіе въ птицесловіи и есть моя собственность, но я не намѣренъ повторять здѣсь сихъ подробностей: ибо всякой имѣетъ у себя творенія *Бюфона*. Но то, что прибавлю, есть плодъ новѣйшихъ замѣчаній, возпослѣдовавшихъ уже послѣ тѣхъ, которыя помѣщены въ особенной и всеобщей Исторіи Природы.

У *Гугу* отмѣнно коротки, но, въ разсужденіи тѣла, ихъ слишкомъ длинныя крылья, а по сему и летаютъ весьма худо. Они не мо-

гутъ подняться на высоту, ни даже переправившься однимъ полетомъ чрезъ довольно большое проспранство; естьлижъ не повстрѣчаютъ какого кустарника для отдохновенія, то и принуждены, такъ сказать, упасть на землю. Однимъ словомъ, они одарены способностію летанія столько, сколько оной имъ потребно для ловли кузнечиковъ и другихъ того рода насѣкомыхъ, изъ которыхъ состоитъ главная ихъ пища. Они не дики, и можно къ нимъ подходить очень близко.

Желательно, чтобъ что нибудь могло преклонить людей оставить способъ ученія Исторіи Естественной, единственно основанной на нѣкоторыхъ наружныхъ образованіяхъ животныхъ, по которымъ часто соединяютъ тѣхъ, коихъ существо совсѣмъ противное, какъ на примѣръ сравненіе *Гугу* съ *кукушкою*, изъ которыхъ составили двѣ птицы одного рода. Дѣйствительно, обыкновенная кукушка, единая изъ птицъ, не имѣющая бдѣнія и сострадапія о своихъ дѣтяхъ, единая простирающая къ нимъ хладнокровіе до того, что даже ввѣряетъ ихъ чужой машки, коей надежду она немилосердо истребила; единая наконецъ, которую Природа лишила щастія воспитать и вскармливать свое семейство и оказывать ему тѣ нѣжныя попеченія, которыя въ лѣсахъ большая часть самцовъ и самокъ между собою раздѣляютъ; кукушка, скажу я, слишкомъ отдалена своими обычаями, безпримѣрными въ Исторіи животныхъ, отъ птицы, коей нравъ и склонности во всѣхъ предметахъ любезны и привлекательны. *Гугу* не есть въ уединеніи пре-

бывающая птица: она обитаетъ съ своею по. другою, и соединяющая ихъ привязанность кажется быть неразлучною; она сидитъ на своихъ яицахъ, питаетъ своихъ птенцовъ. Не ищетъ густоты лѣсовъ и любитъ пребывать въ обитаемыхъ мѣстахъ. Она не боится сосѣдства человѣка и, будучи смиренная своими перьями, важна произношеніемъ голоса и любезна пріятными своими качествами; старается оказывать ему услуги, гоняясь безпрестанно за насѣкомыми, пожирающими жатвы: новое доказательство тому, что блескъ и шумъ не всегда сопровождаютъ полезное. Подобная свойству изъявляющая разность въ склонностяхъ, какъ бы впрочемъ не были сходны наружности, довольно ощутительно раздѣляетъ два рода птицъ, имѣющихъ только нѣкоторое подобіе въ строеніи тѣла, или въ образованіи: сообразности ихъ довольно даже отдаленныя, потому что у *Гугу* ноготь задняго внутренняго пальца прямъ и продолговатъ, какъ у жаворонка, а на кукушкиной ногѣ подобное примѣчательное составленіе не существуетъ.

Гюлла (*), есть обыкновенная въ Нижнемъ Египтѣ птица, а особливо при наступленіи зимы. Къ крылатымъ, сію землю не покидающимъ, присоединяются толпы путешествен-

---

(*) Исторіи Натур. птицъ, разкрашен. фигур. No 52, Upupae epops L. *Улупае Елопсъ Л.*, la huppe. Пустошка, потатуйка. Описаніе Таврич. Облас. 174 Puput. Европ. потатуйка. Озер. 11. 90, Слов. Акад. Гм. 1, 118. Лепех. 1, 394.

пищъ, прилетающихъ изъ Сѣверныхъ странъ на добычу себѣ подъ жаркимъ климатомъ больше пищи, которую пріобрѣтаютъ во множествѣ насѣкомыхъ по слиянїи *Нильскихъ* водъ, на землѣ остающихся. Оныя *Гюллы* отмѣнно жирны и мясо ихъ мягкое и хорошаго вкуса; другїя же напротивъ *Гюллы*, то есть, въ уединенїи пребывающїя, почитаются весьма дурною яствою (*). Обыватели оныхъ не убиваютъ; онѣ не дики и находятся въ великомъ изобилїи въ шумномъ городѣ *Каирѣ*, гдѣ, будучи въ безстрашїи, вьютъ гнѣзда на плоскихъ кровляхъ домовъ.

Я часто видалъ въ Египтѣ небольшими кучками собранныхъ *Гюллъ*. Когда одна изъ числа ихъ отъ другихъ отдѣляется, то созываетъ сотоварищей своихъ отмѣнно пронзительнымъ крикомъ въ два такта *зи, зи.* Когдажъ сидятъ на вѣтвяхъ, то крикъ ихъ, которой я, къ удовольствїю моему, со вниманїемъ слушалъ, можетъ довольно хорошо быть выраженъ словомъ *пунъ* ими произносимымъ крѣпкимъ и степеннымъ голосомъ, почти всегда три раза сряду повторяемымъ; при всякомъ же разѣ прилагаютъ длинный свой носъ къ груди и съ живостїю воздымаютъ голову. Иногда испускаютъ отрывистой, но непрїятной охриплой голосъ. Въ спокойномъ же пребыванїи носъ ихъ и назадъ склоненный хохолъ составляютъ одну горизонтальную плоскость.

(*) *Гюллъ* ѣдятъ во многихъ мѣстахъ Италїи. Я всегда видѣлъ ихъ висящими на прилавочныхъ крючкахъ у харчевниковъ въ городѣ *Генуѣ*.

Въ добротѣ мяса отлетныхъ горлицъ и тѣхъ, которыя всегдашнее въ Египтѣ имѣютъ пребываніе, есть равномѣрно, какъ и въ *Гюллахъ*, большая розница: первыя предоставляютъ хорошее купанье, а у другихъ мясо сухое и невкусное. Оныя птицы не суть также одного роду. Прилетающія горлицы въ Египетъ послѣ нашей осени и тамъ разпространяющіяся отъ моря до *Каира* принадлежатъ къ обыкновенной породѣ (*); тѣжъ, которыя всегда въ здѣшней странѣ обитаютъ, составляютъ весьма отличающее поколѣніе. У нихъ верхъ головы и шеи блѣдно-сѣро-красноватъ; спина и верхняя часть крыльевъ хотя и суть подобныя, но красной цвѣтъ на нихъ живѣе. На верхней части шеи существуетъ узкое и черное полу-ожерелье; горло и нижнія въ хвостѣ перья бѣлыя; изподъ шеи нѣжно-красно-сѣроватаго, а желудокъ и брюхо бѣлесоватаго цвѣта. Главныя правильныя перья въ крыльяхъ темнаго цвѣта съ рудожелтою помѣсью, а прочія пепельнаго, и какъ сверху, такъ и снизу обведены сѣроватою полоскою. Правильныя перья въ хвостѣ разположены постепенно свѣтло-пепельнаго цвѣта съ бѣлыми кончиками, изключая крайняго съ обѣихъ сторонъ пера, которое есть совсѣмъ бѣлое. Всѣ правильныя какъ въ крыльяхъ, такъ и въ

(*) Tourterelle commune, Бюфонъ, Ист. Естес. птицъ; разкрашен. фиг. No 394. — Columba turtur L. *Коломба Туртуръ Л.* Горлица, Слов. Акад. Гмел. I, 114. Озер. II, 97. Опис. Тавр. Области 177.

хвостѣ перья снизу почти до третьей доли длины своей темно-пепельнаго цвѣта; прочія части всѣ бѣлыя; но колеръ ихъ на самкахъ гораздо блѣднѣе; глазной зрачекъ померанцоваго, носъ пепельнаго, а плюсна и пальцы розоваго цвѣта.

Я кормилъ два года нѣсколько гнѣздъ оныхъ прекрасныхъ птицъ, и въ цвѣтѣ ихъ перьевъ не запримѣтилъ никакой перемѣны, отъ чего и должно заключить, что прочія горлицы, могущія быть имъ уподоблены, происходятъ отъ разныхъ поколѣній, или по крайней мѣрѣ суть не сомнительныя разновидности одной породы, какъ-то на примѣръ горлицы съ ожерельемъ изъ Барбаріи, которыя бы совершенно на нихъ походили, естьлибъ всѣ перья не были на оныхъ прекраснаго бѣлаго цвѣта; отъ чего также можно заключить, что познаніе разныхъ родовъ горлицъ, климату нашему неизвѣстныхъ, еще не доведено до совершенства, и что слишкомъ поспѣшно, соединивъ многія и дѣйствительно раздѣленные оныхъ роды, покрыли ихъ Исторію неизвѣстностію. Порода Египетскихъ съ ожерельемъ горлицъ, менѣе и красивѣе Европейскихъ (*), кажется быть единою съ породою *Сенегальской съ ожерельемъ горлицы*, о которой упоминаетъ *Бриссонъ* (**), естьли можно сіе утвердить, судя по совокупности описаній.

(*) Tourterelle à collier. Бюфонъ Ист. Естес. птицъ; разкрашен. No. 244. — Columba risoria L. *Колумба ризорія Л.* голубь Египетской. Слов Акад.

(**) *Орнитологія*, Часть I. стран. 95, родъ 1. — Сенегальская съ ожерельемъ горлица. *Бюфонъ*,

Впрочемъ оныя горлицы, какой бы ни были породы, прилетающія, или водворенныя, но равномѣрно сохранены Египетскими жителями: они ихъ никогда не ѣдятъ и не убиваютъ. Желая быть свѣдущъ о причинѣ подобнаго изъясненія у людей, которые въ большой части своихъ дѣяній никакого изключенія не наблюдаютъ, узналъ, что оное для человѣчества достохвально. Оно есть послѣдствіемъ почтенія къ гостепріимству, Аравами толико уважаемомъ, и которое они даже нѣсколько внушили въ пребывающіе посреди ихъ народы. Они почли бы нарушеніемъ того гостепріимства не щадить прилетающихъ къ нимъ съ безопасностію птицъ, собесѣдующихъ съ ними и превращающихся въ искусныхъ, но безполезныхъ учителей любви и нѣжности. Даже земледѣлецъ, взирающій на свои поля содѣлывающимися жертвою полетовъ на нихъ опускающихся горлицъ, оныхъ не изтребляетъ, не тревожитъ и предоставляетъ имъ скокойную свободу плодиться. Подобное снизхожденіе не было раздѣляемо Европейцами: они безъ жалости ихъ убивали, гдѣ ни встрѣчали. Отъ нихъ узналъ я розницу пріятности вкуса мяса тѣхъ и другихъ. Но тѣхъ же птицъ не отважились бы они явно лишать жизни въ *Каирѣ*, гдѣ оныя чрезвычайно размножены и отмѣнно ручны. Во время перваго моего путешествія, съ удовольствіемъ видѣлъ я тамъ въ концѣ Августа пару ожерелистыхъ

Истор. Натур. Иностран. птицъ, *горлицамъ* сообразныхъ, Отдѣлен. 2. — Columba Vinacea L. *Колумба Винасеа. Л.*

горлицъ, основавшихъ гнѣздо свое на полкѣ окошка Консульскаго дому. Привыкшія къ покровительству людей, не опасаясь также неумѣренности аттмосферы, сіи любезныя птицы для сей работы не много употребляли искуства. Гнѣздо состояло изъ нѣсколькихъ съ безпорядкомъ разброшенныхъ соломинкахъ. 28 Числа вечеромъ самка снесла яйцо, за которымъ непремѣнно послѣдвало бы и другое. Я бралъ всевозможныя предосторожности, чтобъ не чинили имъ помѣшательства, и не щадилъ прозьбы, чтобъ спокойствіе ихъ не было нарушено; но все было тщетно. Гнѣздо и яйца были унесены, а купно съ ними изчезли плоды любви рода птицы, которая болѣе всѣхъ оную чувствовать умѣетъ, и мое удовольствіе, съ которымъ бы я взиралъ на нихъ во время высиживанія и на оказываемыя ими къ дѣтямъ своимъ стараній и попеченій. Турокъ, Египтянинъ почтилъ бы сіи привлекательныя дѣйствія Природы, Европеецъ оныя разрушилъ.

Въ городахъ ли, для нихъ столь гостепріимныхъ, имѣютъ пребываніе; украшаютъ ли прелестныя убѣжища Натуры, но вездѣ живутъ онѣ въ безстрашіи и ласка ихъ равномѣрно привлекательна. *Россетскіе* сады ими наполнены: присутствіе человѣка ихъ не превожитъ, но они тамъ больше слышны, нежели видимы. Горлицы отмѣнно любятъ быть посреди густыхъ и сплетенныхъ вѣшвей померанцовыхъ и лимонныхъ деревъ, и рѣдко садятся на вершину *финика*, вышиною своею превозходящаго прочія деревья. Воркованія ихъ возвѣщаютъ, что онѣ избрали прекраснѣйшія древа

для приношенія любовныхъ жертвъ, и подъ благословенною оныхъ тѣнію сокрываютъ пріятнѣйшія ихъ таинства.

Наконецъ скажу, что послѣдняя мною полученная птица, во время моей прогулки, близъ Западнаго *Россетскаго* Замка, была *Шевеша* (*), или маленькой Шуэтъ (сова). Хотя и имѣла она, въ разсужденіи цвѣта перьевъ, нѣкоторыя отличности отъ Европейскихъ того рода птицъ, но сіи розницы, весьма обыкновенныя въ ей подобныхъ птицахъ, не показались мнѣ довольно рѣшительными, чтобъ составить разнообразность, а еще меньше особливую, или отлеченную породу. Слѣдовательно и почитаю не нужнымъ сообщить здѣсь сдѣланное мною ей описаніе. Извѣстно, что *Шевеши* видятъ днемъ гораздо лучше другихъ ночныхъ птицъ, но я сію застрѣлилъ днемъ на деревѣ сидящую. Она была самка: ее въ Египтѣ называютъ *Саръ*.

Я гулялъ тотъ день по прекраснымъ лугамъ, обогащеннымъ изобиліемъ разныхъ растѣній. Многихъ родовъ деревья на нихъ разпространяли свою тѣнь и составляли во многихъ мѣстахъ прелестныя рощи. Прохлаждающія ихъ воды землѣ не уступали, и равномѣрно предлагали свою дань полезной плодовитости: широкіе листья *Лотуса* покрывали поверхность оныхъ въ рѣчкахъ и рвахъ, предвѣщая изобильный сборъ кореньевъ.

(*) Cheveche ou petite Chouette, *Бюфонъ* Ист. Ест. пт. разкр. фиг. No. 459. — Strix passerina L. *Стриксъ Пассерина* 1. Сычъ. Пал. 1. Пр. 7. Ест. Ист. Нар. Учил. 342 Слов. Акад.

Оное зелїе *Нуфаръ* Аравитянъ и нами называемое *Ненюфаръ* есть *Нимфея* съ бѣлыми и благовонными цвѣтами (*). Корень ея въ древнія времена извѣстны подъ названїемъ *Лотоса*, составлялъ, какъ и нынѣ, обыкновенную пищу Египтянъ. Должно показаться удивительнымъ, что нѣкоторые Писатели, начиная съ *Маллїета* (**) до Г. *Пава* (***), не хотѣли признать того *Лотоса* въ *Нимфеѣ*, и что сей послѣдній рѣшительно утвердилъ, якобы сїе растѣнїе въ Египтѣ, гдѣ прежде было столь изобильное, уже не существуетъ. *Савари* запримѣтилъ оную ошибку *Пава*; но онъ слишкомъ удалился отъ справедливости, сказавъ, что не должно удивляться погрѣшности сего Ученаго Мужа: *ибо большая часть въ Египтѣ бывшихъ Путешественниковъ никогда Лотуса не видали* (****). Я могу удостовѣрить противное и скажу, что, дабы его видѣть въ большемъ количествѣ, то надобно только вступить въ границы Египта, не имѣя надобности простираться во внутренность его: ибо всѣ окрестности *Россета* и многочисленные рвы полей, на которыхъ родится пшено, онымъ наполнены.

(*) Nymphea Lotus L. *Нимфея Лотусъ Л.* — *Форскалъ* Егип. Араб. цвѣт. стр. 100. Кушинчикъ съ бѣлыми цвѣтами. *Лел.* III. 44.

(**) Описанїе Египта, Часть II. стр. 18.

(***) Философич. изысканїя о Египтянахъ и Китайцахъ, Часть I. стр. 157.

(****) Письма о Египтѣ, Томъ I, стр. 8, въ *Примѣчанїи.*

Но много способствовало къ замѣшательству Исторіи *Лотуса Нимфея* слѣдующее, а именно: что его часто мѣшали, или не отличали отъ растѣнія совсѣмъ другаго роду, которому древніе равномѣрно присвоили названіе *Лотоса*, и коимъ нѣкоторые народы Африки пищались, почему и были наименованы *Лотофагами*. Но сей послѣдній не имѣетъ никакого подобія съ *Лотусомъ* водъ Египетскихъ и есть, по неоспоримому доказательству гражданина *Дефонтена* (*), роду дикаго *крушинника*, деревцо, растущее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Барбаріи (**).

Но какъ то ни есть, Нижняго Египта *Нимфея* предоставляетъ шишки или наросты, которыя по слитіи водъ собираютъ, а отъ оставшихся шишекъ родятся новыя отрасли. Ихъ сушатъ, сохраняютъ и, вскипятя въ водѣ, употребляютъ въ пищу, какъ у насъ земляныя яблоки, коихъ они почти имѣютъ вкусъ; но не столько тверды и ноздреваты, такъ что ихъ съ трудомъ проглотить можно, да и, не запивая, больше одной шишки человѣкъ съѣсть не въ силахъ. Онѣ продаются вареными и совсѣмъ изготовленными на улицахъ *Россетскихъ*, гдѣ простой народъ ихъ весьма любитъ и, много употребляетъ.

Въ числѣ полезныхъ травъ запримѣтилъ я *Ракетту* (***), коей обыватели также ѣдятъ плоды; а въ числѣ деревъ *Сейсабанъ*, или акацію,

---

(*) Физическій Журналъ, Октября 1788.

(**) Rhamnus Lotus. L. *Рамнусъ Лотусъ. Л.*

(***) Cactus opuntia. L. *Кактусъ Опунція. Л.* Индійская смоковница. Озер. V. 125.

съ желтыми пріятнаго запаха цвѣтами (*) и *Сикоморъ* (**). Листъ сего послѣдняго весьма пріятнаго зеленаго цвѣта, а по сторонамъ простирающіяся его вѣтви покрываютъ своею тѣнію довольное пространство земли. Отмѣнно крѣпкое и почти нетлѣнное его дерево употреблялось древними на дѣланіе ящиковъ для *Мумміи*. Плоды онаго не привѣшены, какъ у прочихъ деревьевъ вдоль, и на концѣ вѣтвей и сучьевъ, но прикосновенны къ кряжу дерева, или къ самымъ толстымъ отраслямъ. Они довольно уподобляются обыкновеннымъ фигамъ, но пріпарны и не хорошаго вкуса. Здѣшней страны жители съ удовольствіемъ ѣдятъ ихъ; они почитаются прохладительными и способными утолять жажду.

Но болѣе рѣдкое деревцо, содержимое единственно изъ любопытства въ нѣкоторыхъ садахъ *Россетта*, есть растѣніе, называемое *Сшизме*. На немъ бываютъ темножелтые шелушные цвѣты, а листья его продолговаты и остроконечны. За цвѣтами послѣдуютъ длинные и на подобіе косы загнутые стручки; въ нихъ ле-

---

(*) Кассіа. Садовниковъ. Mimosa Farneſiana. L. *Мимоза Фарнезіана. Л.* Нильская Недотрога, Путеш. Валіан. 1. 97. 349. *Пр.* Сей *Сенсабанъ* должно отличать отъ *Сезбана*, Aeſchynome Sesben. L. *Аешиноме Сезбенъ. Л.* Деревцо съ желтыми цвѣтами, величиною съ *Мирта*, изъ котораго Египтяне дѣлаютъ изгородки.

(**) Ficus Sycomorus. L. *Фикусъ Сикоморусъ. Л.* — Fycus Sicomorus vera, *Форскалъ*, Егип. Араб. цвѣт. стран. 180. Черничіе, Слов. Акад.

жатъ плосковатыя зерна, образованныя сердцемъ, и коихъ сѣраго цвѣта середина обведена широкою, выпуклою и темною закраиною. Оныя зерна, или сѣмена, почитаются Египтянами вѣрнымъ лѣкарствомъ отъ *Офталміи*, глазной болѣзни, въ ихъ землѣ сполъ обыкновенной. Ихъ толкутъ и превращаютъ въ желтой порошокъ, которой вдуваютъ въ глаза чистой, или смѣшанной съ мѣлкимъ сахаромъ. Хотя *Сипзме* довольно хорошо растетъ въ тѣнистыхъ и прохладительныхъ мѣстахъ окрестностей *Россетта*, но производимыя имъ сѣмена не уважены: имъ предпочитаютъ привозимыя изъ *Нубіи*, гдѣ уповательно сіе деревцо помѣщено Природою.

Я видѣлъ также многія поля, покрытыя родомъ большаго проса, въ Египтѣ называемомъ *Дурра* (*). Сіе растѣніе составляетъ важной предметъ хозяйства и земледѣлія, коего жатвы бываютъ весьма изобильны. Полагаютъ, что оно приноситъ пятдесятъ разъ болѣе посѣва, то есть родится само-пятьдесятъ. Изъ сѣмянъ *Дурра* пекутъ Египтяне хлѣбъ и дѣлаютъ довольно дурныя блины, или аладьи; имъ приписуютъ они также великую силу для изцѣленія переломленныхъ членовъ, приложа ихъ истолченными въ порошокъ къ онымъ.

Большая *Индійская гвоздика* (**) являла прекрасные свои желтые цвѣты посреди другихъ, въ нѣкоторыхъ садахъ растущихъ, зелій.

(*) Holcus Durra. L. *Голкусъ Дурра. Л. Форскалъ.* Араб. Егип. цвѣт. стран. 174. Просо Бухарское. Таб. раст. Хоз. и Хоз. III. 2 Отд. 133.

(**) Tagetes Erecta. L. *Тажетесъ Еректа. Л.* — *Форскалъ*, тамъ же стр. CXX. — Шапки. Слов. Акад.

Тогда настояло время, въ которое разныхъ родовъ утки прилетаютъ со всѣхъ сторонъ въ Нижнїй Египетъ. Малыя породы, яко то *Чиренки*, прибываютъ туда въ началѣ Октября, а большїя утки являются гораздо позже. Все собираются на озерахъ *Делта*, не далеко отъ *Дамїетта* и *Россетта* отстоящїя, гдѣ и составляютъ несмѣтныя; но по прошествїи зимы изчезающїя стада. Для ловли оныхъ употребляютъ сѣти, и сїя весьма изобильная охота не сокрылась отъ варварской алчности Мамелюковъ, или ихъ повѣренныхъ; она отдавалась на откупъ, слѣдовательно и была изключительная. Оныхъ птицъ привозили великое множество на базары *Россетта*, гдѣ ихъ и продавали за весьма умѣренную цѣну. Магометане не ѣдятъ никакого живопнаго, естьли изъ него не выпущена кровь; уткамъ перерѣзываютъ горло, или оставляютъ живыхъ; но, переломавъ крылья, привязываютъ къ спинѣ, такъ что нѣтъ возможности достать не изувѣченной утки, или такой, у которой перья не были изпорчены.

Въ сїе же самое годичное время прилетаютъ туда *Дрозды*, и не прежде Марта изъ сихъ странъ удаляются. Но пока утки отлетаютъ оживлять воды мѣстъ уединенныхъ, *Дрозды* пребываютъ по близости жилищъ. Они любятъ быть въ однихъ садахъ съ *Горлицами* и, подобно имъ, изыскиваютъ густую и благовонную тѣнь померанцовыхъ и лимонныхъ деревъ.

Крестьянинъ позвалъ меня къ покрытому мѣсту и удостовѣрилъ, что онъ усмотрѣлъ вошедшаго туда *Бекасса*, котораго дѣйствительно

но я и нашелъ. Прибытіе сихъ птицъ въ Египетъ бываетъ обыкновенно не прежде Ноября мѣсяца, и оное не многочисленно. Удивительно видѣть, что *Бекассъ* птица, по видимому принадлежащая къ холоднымъ климатамъ, ищетъ умѣренной зимы даже въ такихъ Полуденныхъ странахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Натронъ. — Бѣленіе холста и нитокъ. — Другія употребленія Натрона. — Сене. — Птицы. — Описаніе птицы роду Сокола. — Бержеронеты — Демуазелли. — Геппъ. — Грилліонъ. — Дожжъ. — Делта. — Егретты. — Фулкъ. — Перепелки. — Беккассины. — Вооруженныя Плювія. — Феню-Грекумъ.

Въ *Россеттѣ* есть магазины *Натрона* (прирбдная щелочная соль) и фабрики, на которыхъ его употребляютъ. Извѣстно, что онъ есть алкалическая земная соль, или *минеральной алкали*, которой болѣе другихъ мѣстъ находится въ Египтѣ, посреди пустыни, древними называемой *Нитрійскою* пустынею, по тому что наша селитра, будучи имъ совершенно неизвѣстна, они наименовали селитрою существо, означенное Аравитянами подъ названіемъ *Натрума*, изъ котораго мы уже составили слово *Натронъ*. Многіе Писатели нынѣшнихъ временъ, не довольно понявшіе и разсмотрѣвшіе изреченія *Феофраста*, *Діоскорида*, *Галіена* и *Плинія*,

смѣшали селитру съ *Натрономъ*, которыя суть два весьма разныя вещества.

Натронъ рѣдко бываетъ чистъ, исключая земляныя вещества, съ которыми онъ почти всегда бываетъ смѣшанъ, но не можетъ почитаться совершенно свободною щелочною солью; онъ обыкновенно соединенъ съ морскою и съ *Глауберовою* солью, и наконецъ съ небольшею частію купоросованаго виннаго камня. Въ магазинахъ различаютъ его на два рода, на обыкновенной и на *Султаней.* Сіе послѣднее наименованіе соотвѣтствуетъ слову *Королевской*, подъ которымъ были извѣстны во Франціи нѣкоторые превозходной доброты припасы, или товары. Оной *Султанейской Натронъ* бѣлѣе, лучше охрусталлизованъ и чище обыкновеннаго; слѣдовательно онъ крѣпче, да и для употребленія потребно его не столь великое количество.

Сія минеральная щелочная соль имѣетъ тѣ же свойства, какъ и прозябательная щелочная соль, или мыльная зола; но она острѣе и дѣйствительнѣе. Болѣе всего употребляютъ ее на бѣленіе холста и нитокъ. Вотъ въ чемъ состоитъ для сего употребляемый способъ, которому послѣдуютъ въ *Россеттѣ.* Мотки нитокъ кладутъ по порядку въ большой котелъ, вмазанной въ кирпичную печь; сверхъ оныхъ насыпаютъ слой *Натрона*; по томъ наливаютъ холодной воды въ такомъ количествѣ, чтобъ нитки и *Натронъ* были ею потоплены, или покрыты; всему оному даютъ стоять три дни, по прошествіи которыхъ вынимаютъ нитки и вѣшаютъ на утвержденные надъ котломъ шесты. По оскапаніи воды, разводятъ подъ котломъ

огонь и кипятятъ воду, въ которой лежали нитки съ *Натромомъ*, прибавя въ оной взваръ извести. Послѣ сего обмакиваютъ нитки и ихъ нѣсколько разъ полощатъ въ ономъ горячемъ щелокѣ, не давая имъ лежать въ немъ. Потомъ, ни мало не мѣшкавъ, относятъ на *Нилъ*, въ которомъ ихъ вымываютъ и колотятъ валькомъ. Наконецъ разстилаютъ для сушки.

Когда мотки совершенно высохли, тогда вторично моютъ ихъ въ истекающей изъ сыровъ *сывороткѣ*, по Арабски называемой *Мезшъ*. Сіе послѣднее дѣйствіе есть родъ пріуготовленія, придающее холсту прочность; и когда Египтяне берутъ въ руки не довольно плотную холстину, то говорятъ, что въ ней нѣтъ *Мезшу*.

Для бѣленія двухъ сотъ фунтовъ нитокъ всегда потребно сто фунтовъ *Натрона* и отъ шестидесяти до осьмидесяти фунтовъ извести, взявъ на замѣчаніе, что *Султанской* Натронъ, то есть тотъ, которой чище и дѣйствительнѣе обыкновеннаго, долженъ быть употребленъ не въ такомъ количествѣ; безъ сей же предосторожности какъ нитки, такъ и холстъ могутъ быть подвержены созженію.

Подобной скороспѣшной и незатруднительной способъ бѣлить холстину и нитки заслуживаетъ быть испытанъ во Франціи. Сказываютъ, будто бы онъ нѣкогда былъ употребляемъ въ *Руанѣ*; но тамъ оставленъ по причинѣ, что отъ него згорали холсты (*).

(*) Путешествіе *де ла Буле Легу*. Парижъ, 1657, стран. 383.

быть, что не наблюдали ни приличной соразмѣрности, ни средства Египтянъ; ибо за подлинно удостовѣрить можно, что холстъ и нитки ихъ не сожжены. Торговля *Натрона* довольно дѣятельна въ Турецію и даже въ Венеціанскія Области, гдѣ сія щелочная соль, смѣшанная съ крупнымъ пескомъ, составляетъ прекрасныя душныя *Муранскія* зеркальныя стекла; но, въ разсужденіи Франціи, совсѣмъ въ упадкѣ. Казалось, что она начинала возобновляться въ концѣ 1777 года. Одинъ посѣлившійся въ *Россеттѣ* Французской купецъ, въ бытность мою въ ономъ городѣ, отправилъ немалое число *Натрона* къ корреспонденту своему въ Марсейль. Я не имѣлъ случая узнать, имѣла ли сія блестящая искра торговли успѣхъ; но наши мануфактуры и наши фабрики возпользовались большими выгодами, естьлибъ *Натронъ*, природою въ толикомъ изобиліи въ Египтѣ производимый, содѣлался столько дѣятельною, сколько незатруднительною отраслію торговли.

Въ странѣ, гдѣ родится *Натронъ*, служитъ онъ не на одно бѣленіе холста и нитокъ. Его также употребляютъ въ крашеніе разныхъ матерій, въ пріуготовленіе кожъ, въ составленіе стекла и въ мытье бѣлья; въ мѣсто кладется онъ вмѣсто дрождей; онъ сохраняетъ мясо отъ порчи и дѣлаетъ оное мягкимъ; наконецъ мѣшаютъ его съ нюхальнымъ табакомъ, дабы придать ему больше крѣпости. Что принадлежитъ до сего послѣдняго употребленія, то не думаю, чтобъ кто ни есть захотѣлъ оному послѣдовать. Однакожъ отъ того не менѣе вообще наблюдается оное въ Египтѣ, коего жи-

тели не уважаютъ нашимъ безъ примѣси табакомъ, которой надъ ихъ къ *Натрону* привыкшими чувствіями, не болѣе содѣйствуетъ простой пыли.

Я могу здѣсь кстати отвѣчать на седьмую часть 64 вопроса Г. *Михаэлиса* (*): *Употребляютъ ли въ Египтѣ Напронъ, произходящій изъ озера, состоящаго въ степи Св. Макарія, для соленія, а иногда и вмѣсто поваренной соли? По крайней мѣрѣ бѣдные люди употребляютъ ли оной? Также солятъ ли имъ хлѣбъ?* Морская соль въ Египтѣ столь изобильна и продается такою дешевою цѣною, что жителямъ не наспоитъ никакой нужды вмѣсто оной употреблять *Натронъ*, продаваемой дороже. Въ осьмой Части тогожъ вопроса равномѣрно спрашиваетъ Г. *Михаэлисъ*: *Въ одномъ ли озерѣ Св. Макарія степи родится Натронъ?* Онъ находится въ озерѣ, называемомъ *Террана*: ибо при сего названія деревни грузятъ его на суда и отправляютъ по рѣкѣ *Нилу*, а оное озеро дѣйствительно состоитъ въ *Нитрійской*, или *Макаріевской* степи. Добываютъ его также и на небольшомъ озерѣ, близъ *Дамангура* состоящаго; но озеро *Терранское*, будучи обширнѣе, предоставляетъ гораздо больше вещества.

Продажа *Натрона* отдавалась на откупъ, которой какъ управляющимъ онымъ, такъ и народной казнѣ приносилъ великую прибыль. Откупъ сей не походилъ на принужденную отдачу продажи *Сеннеа*, которою *Каирское* Пра-

(*) Ученые и любопытные путешественники, или *Поучительныя таблицы*, и проч.

вительство за благо разсудило принудить тамъ поселившихся Европейскихъ купцовъ взять на себя. Они были принуждены покупать все большое количество сего собираемаго въ Верхнемъ Египтѣ зелїя. Сїе было для нихъ нѣкоторымъ родомъ постыдной обиды (*); ибо жатва *Сенне́а* была столь изобильна, что всего онаго продать имъ было весьма трудно. Венецїане покупали третью часть годоваго сбора, а остальныя двѣ части оставались Французамъ, за которыя и принуждены были платить слишкомъ 25,000 франковъ. Убытокъ ихъ усугублялся учиненнымъ ими договоромъ съ Марсейльскими продавцами, по которому обязались они никому, кромѣ ихъ, не продавать онаго; а сїи послѣдніе брали его столько, сколько имъ было потребно. Отъ подобнаго разположенія происходило, что большая часть *Сенне́а* оставалась у Французскихъ купцовъ и анбары ихъ въ *Россеттѣ* съ нѣсколькихъ уже лѣтъ были имъ наполнены.

Пока наши купцы, удрученные договоромъ своимъ съ Марсейльскими торговцами, много теряли на ономъ товарѣ, Венецїане напротивъ того на немъ выигрывали, отправляя оной въ Голландїю, гдѣ его отмѣнно много покупали. Нѣсколько Агличанъ въ *Капрѣ* покупали его

(*) Такъ называются въ Восточной торговлѣ наглые и насильственные употребляемые Турками способы, для полученія денегъ отъ Европейцовъ. Подобныя обиды въ Египтѣ послѣдовали одна за другою удивительнымъ образомъ.

у самыхъ Венеціанъ, и находили еще средство получать барышъ.

Впрочемъ скажу, что Восточной *Сенне* неправильно означаютъ подъ названіемъ *Сенеа* Александріи. Тамъ грузятъ его на суда; но онъ не родится въ окрестностяхъ сего города, а бываетъ въ Египтѣ только около *Нильскихъ* пороговъ, близъ *Ассуана*. На Арабскомъ языкѣ называютъ его *Сена* (*).

Во время прогулки, учиненной мною 4 Ноября, застрѣлилъ одного *Мартина Пешера* (**), одного большаго роду *дрозда* (***) и одну еще никѣмъ неописанную хищную птицу, которую полагаю быть принадлежащею къ роду сокола. У ней конецъ верхней части носа закривленъ, а основаніе его покрыто желтою кожицею; второе правильное перо въ крылѣ длиннѣе прочихъ, а перья въ хвостѣ разположены небольшими ярусами. Длина всей птицы въ одинъ футъ, носъ въ девять съ половиною линій, мѣра

(*) Cassia Senna. L. *Кассіа Сенна*. *Л.* Cassia Lanceolata. Форскалъ, Егип. Арав. цвѣт. стран. 85. Александрійской листъ, Ест. Ист. Нар. Учил. 171. *Мей.* Слов.

(**) Martin Pecheur ou Alcyon *Бюфонъ*. Ист. Натур. Пт. и разкрашен. Табл. No. 77. Alcedo Ispida L. *Алседо Ислида*. *Л.* Воробей водяной, Оп. Тавр. Обл. 179. *Обык.* Зимородокъ, Озер. II. 89. Слов Акад. Лепех. I. 425.

(***) La Draine. *Бюфонъ* Ист. Нат. Пт. и разкр. Таб. No 489. Turdus Viscivorus. L. *Тюрдюсъ Висциворюсъ*. *Л.* Дроздъ рябинникъ Слов. Акад. желтоносой дроздъ, Озер. II. 101.

разпростертыхъ крыльевъ два фута безъ одного дюйма; длина крыльевъ состоитъ въ девяти дюймахъ; наконецъ въ хвостѣ нашелъ я длины не болѣе шести дюймовъ; когдажъ крылья у ней сложены и не въ дѣйствіи, то хвостъ превозходитъ ихъ длиною пятнадцатью линіями.

Верхніе на головѣ перья черныя, по срединѣ впрочемъ рыжеваты, а боковыя разпестрены сѣрыми, черными и червленными крапинами, за изключеніемъ изпода глаза, которой совсѣмъ черной, и одного сѣраго пятна, у каждаго заднаго глазнаго угла находившагося. Темнокрасноватая верхняя часть тѣла росписана поперечными черными полосками, шея покрыпа сѣрыми и почти совсѣмъ отдѣленными перьями. Верхъ желудка рыжеватъ съ черными и вдоль разположенными пятнами. Прочія мѣста нижней части тѣла сѣрыя съ рыжею отпѣнью; перья на ногахъ тогожъ цвѣта; но основаніе и конецъ у нихъ черныя, что и составляетъ нѣкоторой родъ онаго цвѣта крапинокъ. Крылья сверху разпестрены темнымъ, сѣрымъ, бѣлымъ и рыжеватымъ колеромъ, хвостъ со спиною одного цвѣта, но на немъ поперечныя черныя полосы. Носъ въ корню сѣръ, а впрочемъ вездѣ черенъ, глазной зрачекъ орѣховаго цвѣта, кожица вокругъ глазъ, плюсны и на пальцахъ желтая, а кохти черные.

Она была самка; кишечный проходъ имѣлъ вдлину одинъ футъ и девять съ половиною дюймовъ. Пленочный желудокъ былъ наполненъ плоскими веществами, въ числѣ которыхъ запримѣтилъ я части большихъ насѣкомыхъ. Думать должно, что пища оной птицы была

изобильна; ибо я такой жирной во всю мою жизнь не видывалъ. Изъ трехъ мною въ тотъ день застрѣленныхъ сія одна мнѣ досталась, другія двѣ хотя и упали съ дерева, на которомъ сидѣли, но ушли и скрылись въ сады въ то самое время, когда я шелъ поднять оныхъ.

Сей родъ хищной птицы садится обыкновенно на вершинахъ финиковыхъ деревъ и испускаетъ пронзительной крикъ. Можетъ быть, что она есть та самая, которую описывалъ *Форскалъ*, яко птицу, принадлежащую къ роду сокола (*). Между нашими описанїями есть дѣйствительно много сообразности. *Форскалъ* по томъ вопрошаетъ самъ себя: дѣйствительно соколъ ли оная птица, или коршунъ, и не есть ли она Falco forficatus *Линнея*. Но сего изполкованїе конечно не приму я на себя, по тому что *Форскалъ* будучи больше меня свѣдущъ въ искуствѣ разбирательства разныхъ породъ и наименованїй, въ подобномъ обстоятельствѣ не познался самъ себя. Но сколько я могу судить, то увѣренъ, что мною описываемая птица принадлежитъ къ роду *сокола*.

Я видалъ также въ изгородахъ *Троглодита* (**). Вездѣ множество зяблицъ, жаворонковъ въ открытыхъ мѣстахъ; а близъ водъ

(*) На Арабскомъ языкѣ *Гаддай*. Форскалъ опис. житвоцыхъ стран. 1. Слѣдуя описанію Датскаго Профессора, *Гмелинъ* означилъ сію самую птицу въ третьемъ надесять изданіи *Линнеевой* Натуральной Системы подъ наименованіемъ: Falco Aegyptius. *Фалько Египтіусъ*.

(**) *Кралиникъ*. Озер. II. 125. Слов. Акад.

великое число *Бержеронетъ*, или *Лавандїеръ* (*). Оной родъ разпространенъ по всему Египту и кажется всегда въ немъ живетъ. Желтая бержеронета напротивъ пребываетъ тамъ временно (**), и въ то самое время появилась она первый разъ въ ономъ году: она отлетаетъ около весны. Оба рода имѣютъ однѣ привычки, и какъ тѣ, такъ и другїя посѣщаютъ сосѣдство жилищъ и водъ. Однакожъ *Лавандїера* смѣлѣе приближается къ человѣку: она влетаетъ въ города, свободно и съ смѣлостїю прыгаетъ на мѣстахъ, на которыхъ разсыпаютъ сарацинское пшено, не взирая на не малое число работниковъ, занимающихся сушенїемъ онаго хлѣба. *Желтобрюшка* преимущественнѣе любитъ быть на поляхъ, въ лугахъ и рощахъ.

Казалось, что всѣ прелестнѣйшїе Природою произведенные предметы долженствовали соединиться въ садахъ *Россетта*, дабы представить въ оныхъ человѣку, способному цѣнить ихъ, сокровища, коими она не всегда окружена бываетъ. Сїи прїятныя убѣжища были тогда испещрены небольшими дышущими и крылатыми существами, являющими блескъ живѣйшаго червленаго цвѣта, летающїя иногда между вѣт-

(*) Lavandiere. *Бюфонъ* Ист. Нат. пт. и разкраш. фиг. No 652. — Motacilla alba. L. *Мотасила алба.* Л. Трясогуска. Опис. Тав. Обл. 178.

(**) Bergeronette Iaune. *Бюфонъ* Ист. Нат. пт. и разкр. Таб. No 28 фигура 1. — Motacilla baarula. L. *Мотасилла баарюла. Л.* Соломеннаго цвѣта трясогуска, Пал. III. 2 от. 357. Желтобрюшка. Слов. Акад.

вей древесъ, а иногда затмѣвающія красоту цвѣтовъ, прикоснувшись къ онымъ. Тогда видимо было тамъ великое число того примѣчательнаго рода насѣкомыхъ, которыя, по красивой своей наружности и наряду, наименованы *Демуазеллями* (дѣвицами) (*). Всѣ они прекраснаго пурпуроваго цвѣта; а крылья сначала померанцовыя, имѣютъ на концахъ подобнагожъ цвѣта пятно; черная и съ низу раздѣляющая всю длину тѣла полоса усугубляетъ блескъ пурпуровой краски. Мѣра сего насѣкомаго осмнадцать линій; длина лапъ, покрытыхъ таковагожъ пурпуроваго цвѣта шерстью, или пухомъ, четыре съ половиною, а ширина двѣ съ половиною линіи; длина крыльевъ содержитъ одинъ дюймъ и двѣ линіи.

Другой прекрасной родъ насѣкомыхъ, не столько смиренныхъ, какъ *Демуазелли*, также примѣчателенъ здѣсь красотою своей одежды. Тамъ обыкновенно бываетъ Шилль десяти линій длины; у него два большіе черные глаза, а на верху головы три маленькія черныя мѣшки, разположенныя треугольникомъ и подобныя глазамъ; передъ головы прекраснаго желтаго цвѣта; треугольное и подобнагожъ цвѣту пятно существуетъ между рожковъ, которые равномѣрно съ начала суть нѣсколько желтоваты, а впрочемъ во всю длину пурпуровые; остальная часть головы, лапъ и бедры пурпуроваты; ноги и плюсны темно-сѣрыя; зазубрины черныя; нако-

(*) Libellula. *Либеллула.* Стрекоза, Слов. Акад. Коромысло. Озер. V. 148. — La demoiselle.

нецъ крылья у нихъ сверху желтоватыя, снизу сѣраго цвѣта.

Первое кольцо около брюха яркаго чернаго цвѣта, обведенное только на брюхѣ прекраснаго желтаго цвѣта полоскою: оная обводка или закраина сама оканчивается небольшою чертою, которая кажется быть сдѣланная изъ чистѣйшаго золота. Второе кольцо совсѣмъ черное; третіе сверху и снизу желтое; оное раздѣлено сверху во всю ширину черною чертою, сопровождаемою съ обѣихъ сторонъ пятнышками, также черными, а на верхней части тогожъ кольца существуетъ съ обоихъ же боковъ другая черная мѣтка, гораздо меньше верхнихъ. Четвертое кольцо сверху черное, снизу темное; наконецъ прочія кольца всѣ темно-черноватаго цвѣта.

Я находилъ нѣсколько сего рода насѣкомыхъ, на которыхъ краски были не столь живы и блестящи, съ нѣкоторыми розницами въ оттѣнкахъ. Оные *шмѣли*, весьма обыкновенные въ деревняхъ, бываютъ также и въ городахъ. Многіе, во время моего въ *Россіи* пребыванія, влетали въ мою комнату.

Въ оное годичное время часто встрѣчается также родъ прыгающихъ насѣкомыхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *сверчка*, grillus. Я думаю, что оной никѣмъ не означенъ и не описанъ, а по сему и буду его описывать. Длина сего сверчка 14 линій, а самая большая ширина немного болѣе трехъ линій; рожки имѣютъ 5, а футляры или верхнія перепонки 13 линій: они превосходятъ длину тѣла тремя линіями.

Разпредѣленїе красокъ есть весьма прїятное: рожки красные, верхушка головы означена во всю свою длину черноватою чертою, которая и простираешся вдоль лапъ разширяясь. Большїе глаза въ длину изпещрены черными и бѣлыми полосками; маленькой гладкой глазокъ средины головы померанцоваго цвѣта; другїе глазки подобны маленькимъ крупинкамъ чистѣйшаго золота; остальная часть головы сѣро-зеленоватая, а остальная часть лапъ и брюхо снизу сѣрыя съ желтою оттѣнїю; брюхо сверху зеленоватое.

У сего насѣкомаго также и футляры пусклаго краснаго цвѣта, а на третїей части длины ихъ существуетъ свѣтло-зеленая полоса; разпростертыя крылья суть сѣрыя, покрытыя желтымъ, а жилочки въ нихъ красныя; бедры первыхъ двухъ рядовъ ножекъ желтыя; ноги, заплюсныя и лопатки красныя; крючки черные; бедры заднихъ ножекъ снаружи желтыя, а внутри красныя; лапки и плюсны суть живѣйшаго краснаго цвѣта, съ блестящими голубыми оттѣнками на верхней части ногъ.

6 Ноября, въ три часа по полуночи, шелъ довольно изрядной дождь при Сѣверо-Сѣверо-Западномъ вѣтрѣ. Сїя эпоха достойна примѣчанїя: ибо оной дождикъ былъ первый въ томъ году, которой прохладилъ и оросилъ землю Нижняго Египта; а какъ я уже сказалъ выше, тогда настояло начало того времени, которое называли зимою, потому что воздухъ уже становился не столько тепелъ.

На другой день я переправился чрезъ *Нилъ*, и наслаждался продолжительною прогулкою по

влажной и зеленистой почвѣ *Делты*. Сія часть Нижняго Египта представляетъ неизмѣримую равнину, на которой однакожъ нѣтъ того скучнаго и обыкновеннаго единообразія, свойственнаго мѣстамъ плоскимъ. Города и деревни построены на пригоркахъ, возвышающихся надъ поверхностію наводненія: всегда зеленію покрытыя рощи, не въ дальнемъ другъ отъ друга разсѣянныя деревья, ограничиваютъ видъ и не позволяютъ ему разпространяться, какъ сквозь многочисленные промежутки, устремляющіе его къ предметамъ, больше или меньше отдаленнымъ, больше или меньше пріятнымъ. Изгородки, въ которыхъ растутъ всякаго рода зелія, гдѣ позлащенныя яблоки померанцоваго дерева увѣнчиваютъ благоуханнѣйшіе цвѣты и полезные огородные овощи; поля, на которыхъ плодородіе утвердило свое пребываніе; хижины, даже земледѣльцовъ, вокругъ живущія животныя, все нравится въ столь разнещренной странѣ, все тамъ возвеселяетъ душу и льститъ глазамъ.

Великое множество птицъ соединяется въ сей прелестной части земли; онѣ, казалось, какъ будто бы числомъ своимъ, движеніями и различіемъ своихъ пѣній торжествовали тамъ сіе безпрерывное празднество Природы, сіи вѣчныя благодѣянія изобильной плодовитости.

Я видѣлъ тамъ двухъ родовъ горлицъ, дроздовъ, *гюпп* и *егреттъ*, которыхъ въ Египтѣ поселившіеся Французы называютъ *гардбефъ* (быкохранителями): ибо они дѣйствительно изыскиваютъ мѣста, посѣщаемыя сими животными, за ними слѣдуютъ и часто садятся къ нимъ на

спину (*). Въ Египтѣ находятся два рода *егреттъ*: *перья* на нихъ всѣ блестящаго бѣлаго цвѣта, но онѣ разнствуютъ величиною. Малый родъ есть обыкновенной; птицы, сославляющія оной, также разнствуютъ между собою цвѣтомъ ногъ своихъ; у нѣкоторыхъ онѣ черныя, у другихъ зеленоватыя, а у многихъ желтыя. Должно навѣрное полагать, что оная разновидность есть дѣйствіе лѣтъ и пола, а не отличіе породы. На спинѣ большаго и малаго рода оныхъ птицъ существуютъ тѣ длинныя и узкія перья, служащія на дѣланіе осеній и султановъ. Всѣ онѣ не имѣютъ сего природнаго украшенія, предоставленнаго можетъ быть однимъ самцамъ. Но какъ-то ни есть, не трудно бы было достать въ Египтѣ множество прекрасныхъ перьевъ оныхъ птицъ: ибо онѣ отмѣнно разплодились въ нижней полосѣ страны сей, а особливо въ окрестностяхъ *Даміэтта*, гдѣ воды, коихъ они любятъ сосѣдство, занимаютъ больше пространства. Жители оныхъ не ловятъ, и никто не употреблялъ ихъ въ пищу.

Я и понынѣ смѣюсь, когда вспомню о небольшомъ произшествіи, къ коему *егретты* подали поводъ во время путешествія моего изъ *Розетта* въ *Александрію* съ Господиномъ *Тототъ*. Онъ имѣлъ при себѣ малороелаго лѣкаря, весьма надутаго глупостію и надмѣнностію. Соединивъ свои познанія въ Исторіи Естественной, рѣшили они, что многочисленные *егретты*, коихъ блестящая бѣлизна,

(*) *Егретъ*. Бюфонъ, Истор. Естес. птицъ, и раскрашен. фигур. No. 901. — Ardea garzetta, Ардея гарзетта. *Нужда*, *птица*. Слов. Акад.

толико привлекательное образованïе чистосердечïя и непорочности (*), служила лучшимъ украшенïемъ береговъ *Нильскихъ*, были *Ибисы* древнихъ: птицы, которымъ древность оказывала наивеличайшïя почести. Какъ мы ни старались увѣрять, что сïе ихъ мнѣнïе есть несправедливое, но все было тщетно, и они съ презрѣнïемъ взирали на путешествующихъ своихъ предшественниковъ, яко на людей, не имѣющихъ довольно разума видѣть *Ибисовъ* въ Египтѣ, тогда, когда они оныхъ на всякомъ шагу множество встрѣчали, почитая себѣ за немалое удовольствïе разглашать, что *Ибисы* есть обыкновеннѣйшïя птицы въ Египтѣ; а по сему и вознамѣрились составить изъ нихъ изобильную коллекцïю. При воззрѣнïи каждой *егретты* кричали они во все горло, чтобъ убѣдить Египетскихъ гребцовъ управлять судномъ такимъ образомъ, чтобъ имъ удобнѣе по нихъ стрѣлять было можно. Сïи послѣднïе выходили изъ терпѣнïя и негодовали, произнося ругательства за таковые труды и остановку, коихъ важность была для нихъ непонятная. Болѣе двухъ сотъ выстрѣловъ были сдѣланы по *егреттамъ*; но по ихъ щастïю стрѣльцы столькожъ были неискусны, сколько несвѣдущи въ Исторïи

(*) Я не знаю, какою прекрасною мыслïю былъ занятъ *Гасселквистъ*, когда онъ (въ путешествïи на Востокъ) назвалъ бѣлую егретту *непорочною цаплею*, ardea virgo. Естьли всѣ наименованïя представляютъ столькожъ справедливости и красоты, какъ оное: то раздѣленïе животныхъ не было бы столь сухою наукою.

Природы; только двѣ или три изъ числа сихъ птицъ содѣлались жертвами высокаго мнѣнія, принятаго о ихъ породѣ. Перестрѣлка не скоро бы кончилась, и мы вѣроятно употребили бы восемь дней на проѣздъ въ *Каиръ*, въ разсужденіи многочисленныхъ излучинъ, по которымъ наши охотники насъ возили, и частыхъ остановокъ, коими они пресѣкали наше плаваніе, естьлибъ Лѣкарь, возхищенный птицесловнымъ возторгомъ, не упалъ на дно судна, въ самую средину котла, въ которомъ варили чечевицу для матросовъ. Сіе приключеніе было извѣстительнымъ знакомъ примиренія со мнимыми *Ибисами*, и мы могли продолжать путь безъ всякаго другаго препятствія, кромѣ скуки слышать возклицанія о важности мнимаго открытія, которое могло бы Лѣкарю стоить не дешево.

Я нашелъ въ одномъ болотистомъ и тростникомъ покрытомъ мѣстѣ сидящую *Фулку* (*), или *Морелль*, въ Египтѣ называемую *Гооръ*. Я послѣ сего имѣлъ случай достать многихъ сего рода птицъ и, сравнивая ихъ съ описаніемъ, которое Бюфонъ намъ о нихъ предоставилъ, нашелъ нѣкоторыя разницы въ оттѣнкахъ на перьяхъ. Примѣтнѣйшая изъ сихъ различій состоитъ на части ноги голой выше колѣна, около которой, по словамъ Бюфона, существуетъ красной обводъ; а у *Фулкъ*, которыхъ я видѣлъ,

(*) *Фулкъ*, Бюфонъ, Ист. Натур. птицъ, и раскраш. фиг. No 197. — Fulica atra. L. *Фулика атра*, Л. Черная лысуха. Озер. II. 136. Слов. Акад. *водяная курица*. Гм. 118. III. 375.

сей кругъ былъ желтой. Оныя птицы жирны вообще, и мясо ихъ мягко и довольно вкусно.

Я также встрѣтилъ перепелку, которую и застрѣлилъ. Въ оное время видѣть оныхъ не всегда случается: мною убитая птица была лишь одна въ той странѣ, въ которой я тогда находился. Прилетъ перепеловъ на берега Египта бываетъ обыкновенно въ Сентябрѣ мѣсяцѣ; тогда они собираются, а больше всего на песчаномъ островѣ, раздѣляющемъ устье рѣки *Нила* близь *Россетта*. О совершенно удивительномъ прилетѣ сихъ птицъ буду имѣть случай говорить впорично.

Поля, на коихъ недавно произходила жатва сарачинскаго пшена, были наполнены беккасинами (*): ихъ тамъ удивительное множество. Одинъ Россетской охотникъ принесъ намъ цѣлую корзину, наполненную ими, которыхъ онъ застрѣлилъ въ нѣсколько часовъ дня. Что принадлежитъ до меня, то я застрѣлилъ оныхъ двѣнадцать, да сдѣлалъ промахъ, по крайней мѣрѣ по толикомужъ числу въ одно утро. Сія охота весьма пріятна, потому что стрѣльба не пресѣкается; но она также чрезвычайно утомительна. Мягкая земля пшеницъ столь глубоко напоена водою, что охотникъ на всякомъ шагу вязнетъ, а иногда до половины тѣла. *Беккасины* посѣщаютъ болотистыя мѣ-

(*) *Беккасинъ*, Бюфонъ, Ист. Нат. птиц. и разкраш. фигур. No 883. — Scolopax gallinago. L. *Сколопаксъ галлинаго* Л. Бекасъ. Опис. Тавр. Обл. 176. Beccassine, *барашекъ*. Озер. II. 133. Слов. Акад. *Авдотка*. Гм. I. 115. III. 373.

сна Нижняго Египта въ началѣ Ноября, и тамъ препроводятъ зиму.

Здѣсь находились также, но не въ толикомъ количествѣ, *хохлатые* и *вооруженные кулики* (*). Европейцы, живущіе въ Египтѣ, называютъ ихъ *Доминиканцами*, въ разсужденіи сходства, которое разпредѣленіе чернаго и бѣлаго цвѣта, коими перья ихъ разпещрены, предоставляетъ имъ съ одеждою сего рода монаховъ. Оные кулики тѣ же самые, которыхъ я за нѣсколько лѣтъ предъ симъ видѣлъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ землѣ *Іолофовъ* на Западномъ берегу Африки, любятъ быть на берегу лужъ, на рѣкахъ и на всѣхъ влажныхъ мѣстахъ, хотя никогда въ воду не входятъ. Оныя птицы великіе крикуны и отмѣнно дики: къ нимъ приближиться весьма трудно; но если они и научились убѣгать человѣка, мучителя животныхъ, но за то существуетъ между ими любовь и употребленіе общежительства: онѣ никогда однѣ не бываютъ, а встрѣчаются всегда гнѣздами, или небольшими ватагами.

По улицамъ въ *Россеттѣ* продавали стебли растѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ *Фенумъ Грекумъ* (**). Сію траву сѣютъ и разводятъ въ видѣ фуража, и она занимала бы первое мѣ-

---

(*) Pluvier a aigrettes. Бюфонъ. Ист. Нат. птицъ и разкр. фиг. No 801, подъ названіемъ *Сенегальскаго вооруженнаго кулика.* — Charadrius ſpinoſus, L. *Шарадріусъ слинозусъ, Л.* куликъ. Акад. Изд. I. 87.

(**) Trigonella foenum - Grecum, L. *Тригонелля фенумъ - Грекумъ. Л.* Грецкое сѣно, Грецкая чечевица. Оп. Тавр. Обл. 138. *Козій рогъ.* Гм. III. 5. 94.

сто между всѣхъ родовъ пищи, которою Нижній Египетъ предоставляетъ скотинѣ, есть-либо *Барзимъ*, родъ *дятлины*, сей землѣ свойственной, о которомъ я упоминалъ выше, не существовалъ тамъ. Арабское его названіе есть *Гелбе*.

Хотя сей *Гелбе* Египтянъ и есть сочная пища для многочисленнаго скота, покрывающаго равнины *Делты*; хотя лошади, быки и буйволы ѣдятъ его съ равнымъ удовольствіемъ, однакожъ не почитается онъ особеннымъ прокормленіемъ скота, потому что *Барзимъ* предоставляетъ ему и лучшую и изобильнѣйшую пищу. Но что покажется весьма удивительнымъ, есть слѣдующее: что въ сей странѣ, толико плодовитой странностями, сами Египтяне ѣдятъ *Фену Грекумъ*, такъ что правильно можно его называть тамъ *кормомъ человѣческимъ*.

Несозрѣлый *гелбе*, связанный большими пучками, продаютъ разнощики по городскимъ улицамъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, гдѣ жители наперерывъ оной покупаютъ за весьма дешевую цѣну, и ѣдятъ съ невѣроятною жадностію, безъ всякаго роду приправы. Они увѣряютъ, что сіе странное кушанье весьма укрѣпляетъ желудокъ, есть вѣрное лѣкарство отъ глистовъ и поноса; наконецъ предохранительное средство отъ многихъ болѣзней. Я также съѣлъ нѣсколько связокъ сего фуража и не нашелъ въ немъ дурнаго вкуса; но во время сей пищи нимало не ощущалъ удовольствія, вкушаемаго жителями той страны при употребленіи онаго. Что принадлежитъ до его дѣйствія, то не чувствовалъ отъ нихъ ни пользы, ни вреда.

Египтяне не только жрутъ стебли и листья *Фену-Грека*, но даже растятъ его сѣмена и ѣдятъ длинные ихъ отростки, почитая оные удивительнымъ пріуготовленіемъ, которое въ превосходствѣ не уступаетъ полезнымъ свойствамъ, ими присвоеннымъ зелію, или зрѣлому растѣнію. Чтобъ имѣть поспѣшное прозябеніе сѣмянъ, наполняютъ ими лукошка, которому даютъ мокнуть два или три дни въ текучей водѣ; по томъ вынимаютъ ихъ и кладутъ на слои соломы или травы, дабы они натрѣлись; такимъ образомъ вымачиванныя сѣмяна накрываютъ небольшими глиняными сосудцами, сдѣланными наподобіе укороченнаго *конуса*, открытаго сверху. Чрезъ сіе отверзтіе скоро содѣлавшіеся довольно длинные ростки выходятъ соединившись одинъ съ другимъ, коихъ ростъ и пресѣкаютъ загнутіемъ оныхъ. Наконецъ снимаютъ сосудъ, наполненный молодыми побѣгами, и оные ѣдятъ съ сѣменами, отъ которыхъ они произходятъ. Дюжину, подобно наполненныхъ горшечковъ, можно купить за одинъ *Мединъ*, то есть почти за одну копѣйку нашей монеты. Надлежитъ имѣть великую довѣренность къ силѣ и пользѣ оныхъ ростковъ, что есть ихъ толикое множество, какъ Египтяне; ибо они имѣютъ отмѣную въ себѣ горечь. Сѣмяна иногда жарятъ и пріуготовляютъ какъ кофе, съ прибавленіемъ лимоннаго соку. Сіе питіе довольно пріятно. Но я не скажу того о стряпнѣ, въ сей же землѣ весьма употребляемой, состоящей изъ ростковъ *Гелбея*, вареныхъ съ медомъ.

Впрочемъ Египтяне почитаютъ сію траву столь много одаренною изящными свойства-

ми, что она, по ихъ мнѣнію, есть настоящее всеобщее лѣкарство. *Просперъ Аллинъ* входилъ въ пространныя подробности о употребленіяхъ ея въ Медицинѣ (*). Послѣ такихъ превосходныхъ свойствъ, справедливыхъ, или предположенныхъ, не должно ни мало удивляться, что *Феню-Грекъ* состоитъ у Египтянъ въ столь великомъ уваженіи; ибо отъ него взошло въ пословицу: что *щастливы ноги тѣ, которые полируютъ землю, на которой растетъ Гелбе.*

Но оставя еще мало доказанныя его свойственности, скажу, что разведеніе *Феню-Грека* заслуживаетъ быть разпространено во Франціи. Оная трава есть хорошій кормъ для лошадей, которой подкрѣпляетъ и даже изцѣляетъ ихъ отъ многихъ болѣзней. Я его уже нѣсколько лѣтъ развожу съ успѣхомъ въ уединенномъ моемъ жилищѣ *Манонкурта*, въ Департаментѣ или округѣ *Мерты*, состоящемъ (*смотри листокъ земледѣльца, 27 числа мѣсяца Мессидора III года.*) Журналъ, которой подъ немудрымъ заглавіемъ, есть наиполезнѣйшій.

(*) Прочти его книги о Египетскихъ растѣніяхъ и о Врачебной наукѣ Египтянъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Путешествіе въ Абукиръ. — Развалины. — Бедуинцы. — Гавань и рейда. — Толмачъ изъ Жидовъ. — Бартавеллы. — Развалины и остатки древняго Канопа. — Столповидная съ выемками статуя. — Канопа. — Губернаторъ, Замокъ и деревня Абукиръ. — Маленькая пирамида. — Возвращеніе въ Россетту.

Между Россетомъ и Александріею оставалось, къ разсмотрѣнію моему, одно мѣсто, нѣкогда славное подъ названіемъ *Канопа*, нынѣ *Абукиръ* Аравитянъ, а, по испорченному нарѣчію, *ле-Бекіе* Европейскихъ мореходцевъ, лежащее въ сторону отъ обыкновенной дороги; путешественники рѣдко его посѣщали. Я зналъ, что оное достойно было моего разсмотрѣнія, почему и отправился туда 12 Ноября. Г. *Форнетти*, переводчикъ, пребывающій въ Россетѣ, пожелалъ сопровождать меня, и мы взяли съ собою одного Янычара, моего рисовщика и двухъ слугъ.

Мы ѣхали на лошачикахъ, переправились чрезъ песчаные пригорки: безплодная и зыбучая ограда, окружающая городъ *Россету* съ Западной стороны; достигли до равнины *Башенокъ*, или *Столбовъ*, о которой упоминалъ выше; по томъ пріѣхали къ морскому берегу, по которому и слѣдовали до озера *Маадіескаго*.

Великое множество Египетскихъ коршуновъ, которымъ довольно неправильно присвоили на-

званіе *куръ Фараоновыхъ* (*), пожирали въ пескахъ смердящій трупъ мертваго животнаго.

Мы употребили цѣлой часъ на переправу чрезъ озеро *Маадіе*, по причинѣ худаго построенія судна. На обыкновенномъ паромѣ четверти часа было бы для сего довольно. Не за долгое время предъ тѣмъ, какъ намъ пріѣхать къ сему остатку канопическаго Нильскаго рукава, повстрѣчали мы небольшой Аравовъ Бедуинцевъ лагерь, состоящій только изъ четырехъ палатокъ, подъ которыми мущины, женщины и скотъ находились. Скитающая жизнь сихъ грабящихъ и кочующихъ народовъ не дозволяетъ имъ пробыть долгое время на одномъ мѣстѣ. Они предложили намъ дурной воды, которую снѣдающая жажда принудила насъ проглотить и за которую мы имъ довольно щедро заплатили.

Проѣхавъ *Маадіе* возвратились опять къ морскому берегу, вдоль котораго сдѣлана плотина, или насыпь, для остановленія стремленія водъ; ибо песчаный грунтъ наравнѣ съ моремъ. На сей плотинѣ построены башенки на нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи. Мы оставили Александрійскую дорогу, путешествовали по берегу и пріѣхали въ *Абукиръ* въ часъ пополудни.

(*) Иностранныя птицы, имѣющія сообразность съ коршуномъ. Глава 2. Бюфонъ, Истор. Натур. птицъ. — Vultur percnopterus. L. *Вултуръ перкноптерусъ*, *Л.* Le Percnoptere. *Бѣлой орелъ.* Оп. Тав. Обл. 172. *Силъ.* Озер II. 55. Слов. Акад. *Коршунъ съ голою головою и покрытою перьями слоткою.* Гмел. III. 533.

Нынѣ есть сіе мѣсто деревня съ Замкомъ, построеннымъ на концѣ далеко въ море простирающагося мыса. Нѣсколько подводныхъ камней, впереди мыса находящихся и отъ онаго отдѣленныхъ, составляютъ въ ономъ мѣстѣ небольшую гавань, въ которой корабли могутъ быть въ безопасности, даже подъ самымъ Замкомъ, предъ которымъ находится довольно хорошая рейда. Здѣсь обыкновенно останавливаются въ здѣшнихъ моряхъ крейсирующіе Французскіе фрегаты. Также пристаютъ торговыя суда, принужденныя дурною погодою убѣгать новую и столь опасную Александрійскую гавань, равномѣрно и здѣшней страны *Жермы*, когда не могутъ они достичь до Александріи, или переплыть чрезъ *Богасъ* Нильской, при устьѣ Россатскаго рукава.

Въ сей-то самой гавани, но слишкомъ въ дальномъ отъ оной разстоянїи, выдержалъ Республиканской флотъ, подъ командою неустрашимаго и нещастнаго *Брюеса*, столь невыгодной бой съ Аглинскимъ флотомъ, подъ предводительствомъ *Нельсона*; сраженїе, которое легко и благоразумно миновать было можно, и коего невыгодное окончанїе разпространило новый блескъ славы на Французскую храбрость.

Мы остановились у Жида, патентованнаго Агента Французскаго Генеральнаго Консула въ Египтѣ. Предки его безпрерывно отправляли съ честїю и вѣрностїю ту же самую должность. Онъ отмѣнно любилъ Французовъ, съ которыми во всемъ согласовался. Былъ человѣкъ тихаго права, услужливой, однимъ словомъ, честнѣйшїй человѣкъ изо всѣхъ, мнѣ извѣ-

стныхъ Жидовъ. Плата его состояла изъ шести *пара* или *мединъ*, или семи или осьми копѣекъ въ день. Не возможно было хуже награждать за услуги, оказываемыя имъ приходящимъ въ *Абукиръ* Французскимъ кораблямъ, которые не могли безъ него обойтися въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, гдѣ ни одинъ Европеецъ пребыванія не имѣетъ. Прежде состояло жалованье его только изъ четырехъ *Мединъ*, такъ какъ я оное судить и узнать могъ по регламенту, писанному въ 1716 Господиномъ де *Гатиномъ*, морскимъ Интендантомъ и Коммисаромъ, коему было препоручено смотрѣніе надъ всѣми Восточными торговыми мѣстами. Статья, касающаяся до учрежденія Драгомона (переводчика) въ *Абукирѣ*, и о которой я упоминаю, потому что она имѣетъ отношеніе къ гавани Александрійской и къ мореплаванію вдоль Египетскихъ береговъ, была слѣдующаго содержанія: „Какъ уже „съ нѣсколькихъ лѣтъ разныя Французскія „суда нагружаются на рейдѣ *Девекіе*, и что „сіе обыкновеніе поддержать весьма нужно; ибо „оное распространяетъ свободу нагруженія и „можетъ со временемъ быть полезное нацiи, „естьли найдется она принужденною оставить „Александрію, коей гавань со дня на день засы„пается: заблаговразсудили мы, для избѣжанія „излишнихъ переѣздовъ изъ Александріи къ Бе„кіе и оттуда въ Александрію, кои стоили на„цiи весьма дорого, и дабы имѣть особу рачи„тельную, которая бы имѣла наблюденіе за всѣ„ми тамъ нагружаемыми товарами, учредить „Драгомана изъ Жидовъ, съ жалованьемъ по че„тыре *медина* на день, безъ излишества,

„которые и должны поставляемы быть на „щетъ издержекъ, до Александрïи принадлежа„щихъ".

Другой Генералъ-Инспекторъ, Г. *Тотъ*, вздумалъ въ 1777 лишить Французскую нацïю услугъ, которыя въ 1716 почитались и казались важными. Онъ объявилъ, что Драгоманъ въ *Абукирѣ* не нуженъ, и онаго не будетъ. Вотъ что можно назвать разорительными устройствами, и оные были не рѣдки. Между тѣмъ, какъ полезнаго человѣка лишали пропитанïя, карманы сильнаго, котораго должно было благодарить, если ли онъ не дѣлалъ вреда, наполнялись золотомъ. Мало заботясь о пользѣ общей, любезнѣйшïй предметъ мысли полезнаго гражданина, но которой почти всегда пренебреженъ, слишкомъ часто обращалъ онъ свое вниманïе только на то, что могло льстить его самолюбïю и насытить его алчность. Однакожъ представительства и прозьбы Александрïйскихъ купцовъ превозмогли хотѣнïе невѣденïя мѣстныхъ обыкновенïй и столь не выгодное *Абукирскаго* Драгомана мѣсто было оставлено по прежнему. Бѣдной Жидъ разсказалъ намъ, что онъ уже былъ извѣстенъ, что хотѣли у него отнять небольшую его пенсïю. Къ сему присовокупилъ онъ съ благороднымъ просподушïемъ: *Я всегда жилъ смиренно. Могу явить почтенные аттестаты, коими предки мои были снабдѣны, свидѣтельства оказанныхъ ими важныхъ услугъ Французской нацïи, доказательства дѣятельнаго моего рвенïя къ пользѣ оной, и не возможно, чтобъ послѣ того правосудïе Правительства, коему я преданъ, дозволило лишить меня средствъ къ про-*

питанію. Мы ни мало не хотѣли разстроить внимательной его безпечности; но я сказалъ моему сотоварищу: сей добрый человѣкъ проситъ, бѣденъ, а можетъ быть и нуженъ; его не внемлютъ, и всѣ его права за заслуги и прошенія, безъ всякаго вниманія, будутъ презрѣны. Подобныя жертвы суть маловажныя забавы Правительствъ и обыкновенныя дѣйствія ихъ правосудія.

Домъ *Маллина Юсефа* (*) (такъ назывался Жидъ) построенъ на весьма прекрасномъ мѣстоположеніи: онъ довольно пространенъ, и могъ бы предоставить довольно удобныя жилища, естьлибъ были они содержаны въ чистотѣ. Путешественники должны запасаться хлѣбомъ; ибо онаго въ *Абукирѣ* въ продажѣ не имѣется. Впрочемъ можно намъ безъ затрудненія достать рыбы, морскихъ ежей, устерсъ и всякаго роду раковинъ, а, въ разсужденіи закупки провизіи, можно было положиться на попеченіе Драгомана и его сына. Они содержали у себя гнѣздо *Бартавеллъ* (**). Сказывали намъ, что оныя птицы часто прилетаютъ въ *Абукиръ*, и что ихъ даже живыхъ ловить не трудно. Тотчасъ послѣ довольно умѣреннаго обѣда,

(*) Слово *Маллимъ* довольно соотвѣтствуетъ слову *Хозяинъ*: *Маллимъ Юсефъ*, *Хозяинъ Іосифъ*. Сіе есть наименованіе, Турками присвоенное тѣмъ, которыхъ они не хотятъ отличать, но коихъ однакожъ полагаютъ выше низшей степени народа.

(*) Бартавеллъ, или Греческой рябчикъ. Бюфонъ, Ист. Естес. птицъ, разкр. фиг. No 231. — Tetrao rufus. L. *Тетрао руфусъ. Л.* Кекланъ Гм. III. 146.

изготовленнаго женою нашего хозяина, сѣли мы опять на своихъ лошачихъ и отправились для обозрѣнія около лежащихъ развалинъ.

Сіи остатки древняго города занимаютъ обширное пространство земли. Все опрокинуто и все изтреблено. Пошва усыпана обломками, предоставляющими и нынѣ изящныя красоты; и все, что лежитъ на поверхности, даетъ понятіе о томъ, чтобы можно пріобрѣсть; естьлибъ свободно было дѣлать взрытіе. Но сего рода изысканія совершенно запрещены у непросвѣщеннаго и суевѣрнаго народа, которой, не знавъ другаго богатства, кромѣ злата, воображаетъ, что путешественники пріѣзжаютъ къ нимъ только съ намѣреніемъ, дабы похитить въ землѣ лежащія сокровища, и не можетъ вѣрить, чтобъ памятники художествъ были причинами ихъ путешествій.

Я видѣлъ многія низпроверженныя колонны: онѣ сдѣланы изъ лучшаго гранита; средоспольія ихъ были съ прямыми выемками и составлены изъ одного куска, хотя удивительной величины; капители представляли наипрекраснѣйшую работу. Драгоманъ Жидъ сказалъ намъ, что онъ засталъ еще нѣсколько стоячихъ колоннъ и широкой сводъ, составляющій входъ въ подземельную; но жители сей страны разорили оной, и употребили камни на построеніе или на починку удерживающихъ воду плотинъ. Осталось нѣсколько отверзтій подземныхъ галлерей, сдѣланныхъ изъ кирпичей, довольно хорошо сохраненныхъ; обломки загромостили въ нихъ входъ. Однимъ словомъ, все видимое предвѣщало, что нѣкогда на ономъ мѣстѣ суще-

ствовали великолѣпнѣйшія зданія. Жители *Абукира* называютъ сіи прекрасныя развалины *городомъ Фараона.*

На берегахъ моря можно признать и понынѣ довольно явственныя основанія обширнаго и правильнаго зданія, во внутренности котораго есть подземный ходъ, простирающійся до самаго моря; а въ ономъ вдали видны остатки строеній; сіе доказываетъ, что какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, морскія воды захватили немалое пространство береговъ. Я имѣю рисунокъ съ оныхъ развалинъ. Возлѣ сихъ слѣдовъ древности разной величины неотесанные куски гранита низпровержены и лежатъ кучами. Посреди существуетъ столповидной женскій истуканъ удивительнѣе тѣмъ, что на немъ во всю длину находятся прямыя выемки. Онъ равномѣрно сдѣланъ изъ гранита, опрокинутъ и искаженъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Самое малое морское волненіе покрываетъ его водою; естьли кто захочетъ разсмотрѣть его свободно, тотъ долженъ избирать тихое и безбурное время. Случай мнѣ въ томъ способствовалъ, и я могъ срисовать его въ такомъ видѣ и положеніи, какъ онъ существовалъ тогда.

Сія необычайная статуя поразила удивленіемъ здѣшней страны жителей, а какъ совокупность развалинъ почиталась ими городомъ *Фараона*, то и она въ ихъ мысляхъ была изображеніемъ *Фараоновой* дочери. Рисовщикъ со мною въ одно время путешествующаго по Египту Француза, отправившійся въ *Абукиръ*, представилъ оную, яко совершенную, какъ отдѣлкою, такъ и невредимостію; онъ срисовалъ ее

не въ такомъ видѣ, какъ она дѣйствительно находилась, но такъ, какъ по его мнѣнію ей быть долженствовало, то есть, прямою и поставленною на подножіе его изобрѣтенія. Подобные рисунки болѣе приводятъ въ заблужденіе, нежели просвѣщаютъ; они не должны входить въ бумажникъ путешественника. Я могу ручаться за исправность всѣхъ моихъ рисунковъ; рисовщикъ мой былъ привыченъ наблюдать рачительнѣйшую точность, и всѣ они дѣланы подъ моимъ присмотромъ и наблюденіемъ.

Упоминая о Французѣ, разсказалъ намъ Жидъ, что когда онъ прибылъ въ Абукиръ, то пренебрегъ для сопровожденія въ содѣлаемыхъ имъ въ окрестностяхъ изысканіяхъ, взять съ собою той страны жителя, котораго Губернаторъ всегда назначаетъ, и что сей послѣдній, досадуя, потребовалъ съ путешественника одинъ *Секинъ*, яко въ штрафъ за сдѣланную ему будто бы *обиду*. Въ разсужденіи чего и уговорилъ Жидъ самаго Губернаторскаго сына ѣхать съ нами, и убѣдилъ меня подарить ему, въ знакъ нашей благодарности, *патаку*, или шесть франковъ, и сіе, для избѣжанія наказанія, стоющаго семь съ половиною ливровъ, цѣна Египетскаго *секина*. Подобное разчисленіе, или смѣта показалась намъ весьма смѣшною.

Подлѣ истукана находится отмѣнной величины и отчасти разбитый *Сфинксъ* (баснословное чудовище), на подножіе коего существуетъ поясъ, покрытой почти совсѣмъ истребленными таинственными буквами. Тако-

вые суть остатки славнаго града, основаннаго Греками и украшеннаго изящнѣйшими и превосходнѣйшими изобрѣтенїями художествъ. Великолѣпный храмъ, коего сїи удивительныя, но нынѣ низпроверженныя гранитовыя колонны, вѣроятно составляли часть, былъ посвященъ *Серапису*. Иностранцы пріѣзжали туда толпами болѣе для соучаствованїя во вкушаемыхъ въ городѣ увеселенїяхъ, чѣмъ для принесенїя жертвъ кумиру. *Нилом*ъ орошаемыя окрестныя поля украшались сокровищами Природы, а роскошь разпространила владычество свое во внутренности града. Пріятность его мѣстоположенїя, благоразтворенность воздуха, царствующее въ немъ изобилїе, отмѣнныя и хорошїя ѣства, всякаго роду забавы, которыя, казалось, какъ будто избрали его любимымъ мѣстомъ своего владѣнїя, все согласовалось, чтобъ содѣлать пребыванїе въ немъ восхитительнымъ и составивъ изъ его жителей соединенїе людей щастливыхъ. Но развратность нравовъ достигла въ немъ до вышней степени; наглость не познала никакой преграды; пріятныя заблужденїя, любезныя снизхожденїя женщинъ, которыя тѣмъ возхитительнѣе, чѣмъ болѣе онѣ внушаемы нѣжностїю, превратились въ наглость (*). Однимъ словомъ, благо-

(*) Во весь день и во всю ночь, по словамъ *Страбона*, каналъ былъ покрытъ наполненными мущинами и женщинами судами, которыя производили пѣнїе и пляску, сопровожденную крайнимъ неблагопристойностїю и безстыдствомъ.

разумной человѣкъ не смѣлъ уже пріѣзжать въ оной (*).

Безмѣрности роскоши, всеобщее развращеніе нравовъ, суть вѣрные предвозвѣстивенники скораго паденія Государствъ и разоренія народовъ. *Канопа* изчезла. Потомки тѣхъ, которые въ ней обитали, нынѣ ничто другое суть, какъ варвары; *Нилъ* не хочетъ уже болѣе увлажать ненаселенную землю, поля пребываютъ сухими и пустыми; ни единая часть зданій не сохранила своего мѣста, своего положенія, все упало, все разрушено, все изтреблено; великолѣпная и прелестная *Канопа* существуетъ только въ памяти нѣсколькихъ людей.

На другой день нашего пріѣзда въ *Абукиръ*, Г. *Форнетти* и я посѣтили Губернатора; сей начальникъ былъ цырюльникъ. Будучи предувѣдомленъ Жидомъ о нашемъ намѣреніи, поспѣшилъ нарядиться въ лучшую свою одежду и окутать голову бѣлымъ *шалемъ*. Мы нашли его сидячаго въ своей лавкѣ, у него было въ рукѣ изъ перьевъ сдѣланное опохало. Онъ принялъ насъ со всею важностію Визиря; однакожъ предложилъ намъ свои услуги во всемъ, что могло быть для насъ пріятнымъ; онъ охотно бы желалъ поподчивать насъ кофеемъ, но объявилъ, что кофейной домъ былъ запертъ. Когда мы ему откланялись, то онъ не болѣе привсталъ съ своего мѣста, какъ во время нашего

(*) Естьли цѣломудренный человѣкъ захочетъ быть въ уединеніи, то не долженъ избирать *Канопу* мѣстомъ своего убѣжища. *Сенека*, посланіе 51.

прибытія. Впрочемъ онъ жилъ въ большемъ согласіи съ нашимъ хозяиномъ; ибо не только былъ его Губернаторъ, но еще и его бородобрѣй.

Мы просили и получили дозволеніе осмотрѣть Замокъ, которой почти ничего не значитъ. Онъ окруженъ, со стороны твердой земли, морскою водою наполняемымъ рвомъ. При немъ находится Маякъ, которой такъ худо освѣщаютъ, что онаго иначе, какъ вблизи, узнать не возможно. Нѣсколько небольшаго калибра пушекъ защищаютъ Замокъ; но они не воспрепятствовали Россіянамъ уводить *Жермы*, даже изъ подъ самыхъ батарей. Губернаторъ, для входа въ крѣпость, отправилъ съ нами своего Порутчика, весьма вшиваго и неопрятнаго чиновника. Сей провожатый былъ такъ много нами доволенъ, что изъ благодарности хотѣлъ насильно вести насъ на рыбную ловлю: ибо онъ по ремеслу своему былъ рыбакъ.

Во время дня деревня *Абукиръ* казалась быть ненаселенною; двери у домовъ заперты, никто не встрѣчался на улицахъ. Сіе происходитъ отъ того, что всѣ почти оной обыватели суть или рыбаки, или матросы на *Жермахъ*.

По выходѣ нашемъ изъ Замка, прошли мы мимо лавки Губернатора, превращеннаго уже въ настоящаго цырюльника. Онъ предложилъ мнѣ покупку изряднаго вырѣзаннаго камня и имъ весьма уважаемаго, потому что на оборотѣ древняго изображенія было вырѣзано его имя. Дабы заслужить благоволеніе столь именитаго Мужа, заплатилъ я ему за его печать гораздо больше того, чего она стоила.

На базарной площади лежитъ длинной, черной камень, со многими на немъ таинственными буквами. Одинъ Абукирской житель, увидя, что я со вниманïемъ разсматривалъ древности и старался находить оныя, предложилъ мнѣ, по словамъ его, прекрасную статую, но которая отчасти была зарыта въ землѣ. Я послалъ одного изъ моихъ людей съ симъ человѣкомъ, которой уже и не нашелъ статуи. Однакожъ, дабы не потерять времени и ожидаемой имъ отъ того прибыли, началъ онъ рыть землю, и въ одну минуту нашелъ отмѣнной красоты мраморной памятникъ, покрытой гïэроглифами; онъ тотчасъ пришелъ извѣстить насъ объ оном. Мы пошли на площадь, и я увидѣлъ совершенно сохраненную небольшую пирамиду изъ прекраснѣйшаго чернаго мрамора, у которой вдоль со всѣхъ сторонъ ея основанïя находилась полоса весьма явственныхъ таинственныхъ буквъ. Я купилъ ее у человѣка, которому она не болѣе моего принадлежала, и препоручилъ Драгоману Жиду, чтобъ прислалъ ее ко мнѣ въ *Россетту* на первой изъ Абукира отправившейся *Жермѣ*. Можно судить о изобилïи сего рудника древностей, покрытаго не толстымъ слоемъ земли и обломками: ибо человѣкъ, менѣе нежели въ половину часа, безъ всякаго орудïя, кромѣ своихъ рукъ, коими онъ безъ всякаго намѣренïя поскребъ землю, пріобрѣлъ столь драгоцѣнный памятникъ.

По окончанïи сей покупки, простились мы съ добродушнымъ Жидомъ; отправились на дорогу, въ Россету ведущую, куда и пріѣхали въ десять часовъ вечера. Мы видѣли на берегу

множество *Лавандіеръ*, а на пальмахъ сидячихъ черныхъ дроздовъ, которые въ Сѣверную часть Египта прилетаютъ въ одно время съ сѣрыми при наступленіи зимы. Прилетъ ихъ бываетъ многочисленнѣе, когда дожди перепадать начинаютъ. Сказываютъ, будто бы они иногда бываютъ весьма жирны и вкусны. Пять или шесть *Шакаловъ* прошли возлѣ насъ, свѣтъ луны дозволилъ намъ разсмотрѣть ихъ, и они ни мало не испугались нашей встрѣчи.

Во весь тотъ день дулъ весьма сильной Восточно-Юго-Восточной вѣтръ; время было мрачное, а ввечеру шелъ дождь. Море было высоко, и его волны разбившися о плотины Абукирскія, съ буйностію разстилались вдоль береговъ. Ревъ ихъ разпространялся по проѣзжаемому нами уединенному мѣсту, которое казалось, какъ будто бы хотѣлъ похитить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Бедуинцы. — Птицы. — Бөггасъ. — Канопская Башня. — Абу-Мандуръ. — Виноградъ. — Пустыня. — Шакалы. — Ящерицы. — Насѣкомыя. — Змія. — Затрудненія въ разсужденіи пирамиды Абукирской. — Мнѣніе Египтянъ о нѣкоторыхъ путешествующихъ.

По возвращеніи изъ *Абукира*, пожелалъ я посмотрѣть вблизи устье Нила, *Боггасъ*, толико прославляемый своими бѣдствіями и кораблe-

крушенїями. Вице-Консулъ, его Толмазъ и еще одинъ Французской купецъ захотѣли сопровождать меня; мы отправились и поѣхали на ослахъ. Мы остановились повыше Замка въ садахъ. Тамъ Аравы Бедуинцы стояли лагеремъ; палатки у нихъ не велики, не хороши и не удобны; они предвозвѣщали нищету тѣхъ, коимъ служили убѣжищемъ. Женщины у нихъ не закрываютъ лица, какъ сїе въ обыкновенїи у другихъ въ Египтѣ живущихъ народовъ. Живость молодости содѣлывала нѣкоторыхъ изъ числа оныхъ довольно прїятными, не взирая на нѣсколько темный цвѣтъ кожи ихъ, и они казались быть довольно снизходительными.

Мы скоро были окружены сими женщинами, требующими отъ насъ нѣкоторой помощи. Желанїе ихъ удовлетворялось однимъ или двумя *Мединами* (*). Старухи, увидѣвшїя, что сїи маловажные подарки болѣе предлагались молодымъ женщинамъ, старались приводить къ намъ оныхъ, дабы тѣмъ возбудить наше вниманїе и благоволенїе. Они смѣялись во всю мочь, когда усматривали, что сїя ихъ уловка была успѣшна, а особливо естьли примѣчали, что молодыя содѣлывались предметомъ нѣкоторыхъ шутокъ. Пока соповарищи мои занималися довольно веселымъ разговоромъ съ молодыми Аравитянками, я былъ окруженъ толпою ужасно дурныхъ и мерзкихъ старухъ:

(*) Мединъ, въ Турецiи *паратъ* или *пара*, есть монета, въ дѣланіе коей входитъ серебро, стоющая немного больше нашей копѣйки.

онѣ уповательно разсудили, что я былъ щедрѣе другихъ; облѣпили меня и не хотѣли отпустить. Мнѣ стоило немалаго затрудненія вырваться изъ ихъ рукъ, и я отъ чистаго сердца благодарю себя, что освободился изъ сего круга старыхъ докучливыхъ вѣдьмъ, коихъ чернованое и дряхлое лицо еще болѣе обезображено черными и посредствомъ проволоки и кожи у нихъ на бородѣ нарисованными фигурами.

Въ тѣхъ же самыхъ садахъ находились горлицы, черные и сѣрые дрозды, а на финиковыхъ деревахъ нѣсколько гробековъ (*). Я также усмотрѣлъ тамъ двѣ хищныя птицы роду, мною описаннаго на страницѣ 364 оригинала, и мнѣ удалось застрѣлить близь небольшой лужи двухъ куличковъ, называемыхъ простолюдинами *бѣложолками*, а Прованскими жителями *Бѣшотами* (**). Убитыя мною птицы были самецъ и самка.

Продолжая путь нашъ къ морю, недавно покрытыя мѣста *Нильскими* водами содѣлались скользкими, грязными и пересѣкаемыя рытвинами. Скотъ нашъ безпрестанно падалъ, увязалъ въ омутахъ и оставлялъ насъ въ водѣ, или въ грязи. Никто не былъ освобожденъ отъ сихъ маловажныхъ приключеній, ни отъ взаимныхъ

(*) Gros - Bec. Бюфонъ Ист. Естес. птицъ и разкр. фиг. No 99 — Loxia coccothraustes. L. *Локсіа кокотраустесъ*. *Л.* Щуръ, Гм. I. 80. Палласъ III. 143.

(**) Becaſſeau. Бюфонъ, Ист. Ест. птицъ и разкр. фиг. Мо 843 — Tringa ochropus. L. *Тринга охропюсъ*. *Л.* Куличокъ морской, Опис. Тавр. Обл. 176.

шутокъ, къ которымъ они давали поводъ. Наконецъ достигли мы до того узкаго и столь страшнаго прохода заграждающей *Нилъ* полосы. Вдали колебаемое море съ яростію объ оную разрушалось, и возвышало стремительные волны, смѣшанные съ пескомъ и пѣною. Мы и теперь видимъ тамъ конецъ мачтъ за нѣсколько дней предъ симъ потопувшихъ *Жерми*, а на берегу судовщиковъ, занимающихся вытаскиваніемъ мертвыхъ труповъ нѣсколькихъ сотоварищей своихъ, которые моремъ выброшены на землю.

Отмѣнно плоскій берегъ единственно составленъ изъ песку; онъ былъ покрытъ множествомъ водяныхъ птицъ, какъ-то: Гоеландами, морскими жаворонками, Геронами (*), и пр. пр. Сіи послѣднія птицы были чрезвычайно дики и къ нимъ подойти не возможно.

На другой день поѣхалъ я смотрѣть башню, отстоящую къ Югу, на половину мили разстоянія отъ Россета и нынѣ называемую *Канопскою*, послѣдуя несправедливому предположенію, яко бы городъ Россета построенъ на самомъ томъ мѣстѣ, на которомъ существовала нѣкогда древняя *Канопа*. Оная башня построена въ новѣйшія времена на песчаномъ пригоркѣ, которой въ ономъ мѣстѣ составляетъ Запад-

(*) Heron commun. Бюфонъ Истор. Ест. птицъ и разкр. фиг. No 787 — Ardea cinerea. L. *Ардея Синереа.* *Л.* Сѣрая цапля. Озер. II. 145. Пепелистая цапля, Гм. I. 246. III. 569. Соб. соч. изъ Мѣс. VI, 178.

ной берегъ рѣки *Нила*. Она четвероугольная; была до половины сломана, а что отъ ней осталось, предвѣщало скорое паденіе. Въ нижней ея части жители той страны показывали мнѣ отверзтіе подземнаго хода, которой, по ихъ увѣренію, простирался до Александріи.

Съ высоты башни разпрозтраняется видъ во всѣ стороны и, кромѣ естественной своей преграды, другихъ предѣловъ не имѣетъ. Пространныя долины предлежатъ взору; но какъ же картины, которыя дозволяется ему объять, суть разнообразны! какъ они величественны! и какое другое мѣсто можетъ соединить подобныя! Въ сихъ толь различныхъ явленіяхъ великолѣпнѣйшіе и ужаснѣйшіе виды Природы послѣдственно протекаютъ мимо глазъ. На Востокѣ прохладность и плодородіе являютъ свои сокровища на прелестной полянѣ *Делты*; на Сѣверѣ море, источникъ богатствъ и нещастій, катитъ свои волны, изображеніе непостоянства, а на Западѣ представляется изсохшій покровъ безплодія утвержденнымъ навсегда надъ пустынями Ливійскими.

Почти у подошвы башни и на самомъ берегу *Нила* стоитъ мечеть, посвященная Музульманскому угоднику. Его называютъ *Абу-Мандуръ*, наименованіе, значущее *Отецъ свѣта*. Естьли онъ дѣйствительно отецъ свѣта, то можно его назвать и ужасомъ песковъ, которые безъ него давно бы покрыли городъ Россетту и присоединили оной къ скучному и единообразному своему владѣнію. Вѣра Музульмановъ не ограничивается симъ предметомъ и простирается свыше сего. *Абу-Мандуръ* есть врагъ всякаго

званія безплодности, и не рождающія дѣтей женщины прибѣгаютъ къ его помощи, выдерживаютъ девяти-денствіе въ постѣ и молитвахъ подъ управленіемъ *Шеика* мечети. Сказываютъ, яко бы моленія ихъ рѣдко не бываютъ внемлемы. Поклоненіе къ толь сильному Покровителю есть всеобщее; не проходитъ ни одного судна мимо посвященнаго ему мѣста безъ того, чтобъ судовщики и пассажиры не принесли дара Шеику, дабы онъ убѣдилъ угодника быть къ нимъ благосклоннымъ.

Противъ оной мечети протекаетъ рѣка *Нилъ*, которая нѣсколько повыше оной, имѣя склоненіе къ Югу, составляетъ немалой поворотъ къ Востоку, и по томъ паки продолжаетъ свое теченіе на Полдень. На другой сторонѣ представляются глазамъ прелестныя *Дельтійскія* поля. Я срисовалъ сей видъ сидя у самой подошвы *Каиольской* башни.

За десять или двенатцать лѣтъ до пріѣзда моего въ *Россеттъ*, одинъ тамъ живущій Турокъ вздумалъ вскопать землю въ окрестностяхъ оной башни. Онъ нашелъ прекрасныя гранитовыя колонны, которыя и приказалъ перевезть въ *Россеттъ*, въ намѣреніи употребить ихъ на построеніе зданій. *Али-Бей*, будучи увѣдомленъ объ ономъ пріобрѣтеніи, вообразилъ, или лучше сказать, притворился думать, что Турокъ нашелъ золотую руду. Онъ присудилъ его къ заплатѣ большаго денежнаго штрафа, которой не позволилъ сему бѣдному человѣку строиться, и истребилъ изъ него охоту къ подобнымъ открытіямъ. Часть оныхъ колоннъ и тогда еще лежала на берегу Нила, противъ

дому Французовъ, а прочія были изломаны на разныя употребленія; они, по всей вѣроятности, принадлежали къ древнему городу *Метелису*, коего Канопская башня означала мѣстоположеніе.

Насупротивъ мечети *Абу-Мандуръ*, на Восточномъ берегу *Нила*, суть два или три дома, называемые *Маадіе*, потому что они построены на мѣстѣ обыкновеннаго проѣзда въ *Делту*. Повыше *Маадіе* стоитъ *Буссуратъ*, въ прежнія времена страхъ наводимая деревня, по великому числу въ ней живущихъ и суда грабящихъ разбойниковъ. Одинъ Бей, по имени *Мегеметъ*, истребилъ оныхъ. Еще нѣсколько выше *Буссурата* существуетъ другая, *Газбетъ* называемая деревня.

На Западномъ берегу, въ небольшомъ разстояніи, выше *Абу-Мандура*, предстоитъ взору *Джеддіе*, довольно пространная деревня, въ окрестности коей растутъ на пескахъ великое множество виноградныхъ лозъ. Изъ сего мѣста предоставляется виноградная провизія въ Россетъ и въ Александрію.

Хотя и не дѣлаютъ вина въ Египтѣ, но лозы онаго тамъ довольно размножены. Оныя обыкновенно сажаютъ въ песокъ, гдѣ они и пріобрѣтаютъ скорое приращеніе, и производимый ими виноградъ имѣетъ отмѣнно пріятное благоуханіе. Большая часть тамъ въ пищу употребляемаго винограда принадлежитъ къ роду того винограда, коего виноградина имѣетъ только одно зернышко. Виноградъ на Арабскомъ языкѣ называется *Анебъ*. Виноградные листья въ великомъ употребленіи въ поварняхъ Еги-

нетскихъ; ими обвертываютъ большіе сдѣланные изъ рубленаго мяса кашышки, на хорошихъ столахъ лучшее и обыкновенно поставляемое кушанье. Но должно чтобъ листье были молодые, и они иногда продаются дороже самаго винограда.

Вины окрестностей Александріи и нѣкоторыхъ другихъ Египта мѣстъ были въ старыя времена прославляемы. Не мудрено будетъ возвратить имъ древнюю ихъ славу, покрывая песчаныя земли, въ которыхъ и понынѣ существуютъ тѣ прекрасные виноградныхъ лозъ остатки.

Около Канопской башни пески принимали нѣкоторый видъ одушевленія соединеніемъ многихъ птицъ. Я запримѣтилъ бѣлыхъ орловъ, множество *Гюллъ*, бѣгающихъ по песку и искавшихъ своей пищи, то есть, разныхъ родовъ насѣкомыхъ; *Лавандіеръ*, наконецъ хохлатыхъ жаворонковъ, или *Кошви* (*).

Пока рисовщикъ мой, коего оставилъ я съ Консульскимъ Янычаромъ, занимался снятіемъ вида мечети *Абу-Мандура* и ея окрестностей, углубился я во внутренность пустыни. Издалека казалась сія страна имѣть плоскую поверхность. Однакожъ вся она почти усыпана крутыми и песчаными холмами, составляющими между собою узкія и глубокія лощины, до ко-

---

(*) Cochevis, ou la groſſe alouette huppeé. Бюфонъ Ист. Ест. птицъ, разкр. фиг, No 503, Фиг. 1 — Alauda criſtata. L. *Алауда кристата. Л.* Хохлатой большой Жаворонокъ.

горыхъ достичь не трудно безъ многаго хожденія, ибо стремленіе зыбучаго подъ ногами песку прикатываетъ къ онымъ. Сіи глубокія рытвины, или раздѣленія, суть уповательно произведеніе водъ, нѣкогда обогащающихъ земными плодами сію, нынѣ столь неплодородную пошву.

Копыта разныхъ животныхъ были впечатлѣны въ пескѣ. Я запримѣтилъ слѣды множества *Шакаловъ* и ихъ свѣжій калъ, которой онѣ скребучись зарываютъ пескомъ наподобіе кошекъ.

Лежащая на тѣхъ песчаныхъ слояхъ пыль такъ мѣлка, что самый легкій звѣрь, самое малое насѣкомое, оставляетъ на ней, подобно какъ на снѣгу, слѣды своего хожденія. Разнообразность сихъ впечатлѣній производитъ пріятное дѣйствіе, которое развеселяетъ оскорбленную душу въ такихъ странахъ, гдѣ она, кромѣ признаковъ изверженія Природы, другихъ предметовъ не встрѣчаетъ. Ничто не можетъ быть лучше и красивѣе, какъ знаки прохожденія нѣкотораго рода маленькихъ ящерицъ, въ пустыни сей весьма обыкновенныхъ. Концомъ хвоста своего изображаютъ онѣ на пескѣ правильныя излучины, посреди двухъ рядовъ, равномѣрно правильныхъ же рисунковъ, впечатлѣнныхъ ихъ четырью ногами и пятью отдѣленными пальцами. Оныя стези умножаются и переплетаются одна съ другою близъ подземельныхъ жилищъ сихъ маленькихъ животныхъ, представляя удивительную, но глазамъ не непріятную совокупность.

Я изъяснилъ одно изъ главныхъ свойствъ сихъ ящерицъ; у нихъ дѣйствительно на каж-

дой ногѣ по пяти пальцовъ, но у заднихъ ногъ оные пальцы гораздо длиннѣе переднихъ; и всѣ снабжены когтями. Глаза у нихъ слишкомъ велики въ разсужденіи протяженія тѣла; а круглой хвостъ оканчивается тонкимъ остріемъ. Верхъ головы у нихъ покрытъ широкими и неправильнаго образованія чешуями, на верхней же части тѣла, лядвеи и ногъ, они отмѣнно малы и полукругловаты, но подъ изподомъ корпуса продолговаты, а на брюхѣ находящійся, имѣютъ видъ равнобочныхъ четыреугольниковъ, горизонтально лежащихъ; хвостъ обведенъ кругомъ во всю длину поясами чешуи наподобіе опрокинутыхъ конусовъ. Языкъ широкъ, черноватъ и имѣетъ раздвоившійся конецъ.

Самая большая изъ числа сихъ, много измѣренныхъ ящерицъ, имѣла семь дюймовъ длины, а въ хвостѣ ея было четыре дюйма и четыре линіи. Посредственная величина ихъ состоитъ отъ четырехъ до пяти дюймовъ. Верховье головы у нихъ зелено-желтоватое, покрыто черноватыми крапинами; вся верхняя часть тѣла и ногъ испещрена зеленію и желтію, съ излучистыми и темнаго цвѣта полосками, съ пріятностію отличающимися отъ колеровъ основы; пальцы и когти суть желтые, сверху зеленой съ прожелтію ихъ хвостъ усыпанъ черноватыми точками, коихъ колеръ теряетъ живность по мѣрѣ приближенія ихъ къ концу онаго; вся же изподняя часть корпуса и ногъ сѣрозеленоватаго цвѣта, равномѣрно и низъ хвоста, за изключеніемъ нѣсколько *красныхъ*, которыя съ половины длины его и въ концѣ смѣшиваются съ онымъ. Сей красный колеръ

бываетъ больше или меньше явственъ на разныхъ подобныхъ животныхъ. Я запримѣтилъ также, что и пятна на головѣ и на спинѣ разнствовали между собою образованіемъ и чернотою; ибо она на иныхъ сего рода пресмыкающихся была отмѣнно ярка, а на другихъ весьма слаба: разновидности, безъ сомнѣнія изображающія различія лѣтъ и пола.

Къ прекрасной чешуйчатой одеждѣ присоединяютъ небольшія сіи пресмыкающія живость и проворство въ движеніяхъ. Они весьма скоро уходили во многочисленныя норки, вырытыя ими у подошвы растѣній и рѣдкихъ кустарниковъ, грубаго вида, которой они какъ будто бы раздѣляютъ съ неплодіемъ пошвы, на коей произрастаютъ. Но они долгое время въ нихъ не пребываютъ, и мы не могли иначе уловить оныхъ, какъ должны были выжидать выхода ихъ изъ своихъ убѣжищъ, и тогда доставали дуломъ нашихъ ружей. Я держалъ одного живаго звѣрка въ рукѣ; онъ кусалъ у меня изо всей своей силы палецъ, но не дѣлалъ мнѣ никакого вреда; ибо челюсти и отмѣнно мѣлкіе его зубы были слишкомъ слабы, чтобъ причинить хотя малую боль.

Я нашелъ на пескахъ родъ *Караба Алтера*, или безкрылатаго *Караба*, описаннаго гражданиномъ *Оливіе* подъ названіемъ *Крапчатаго жука* (*),

(*) Carabus multiguttatus L. Карабусъ мултигуттатусъ *A* Carabe moucheté. *Оливіе*, Метод. Энциклоп. *Шестикрапенная жужелица*, Озер. 1. 6. *Прилѣж.* Оные жуки суть тѣ самыя насѣкомыя,

и другое ему подобное животное съ существующими подъ *ножнами* или *футлярами* крыльями, у котораго продолговатой и плосковатой корпусъ четырехъ съ половиною линій длины, широкія съ закраинами лапы, а на заднемъ концѣ двѣ небольшія впадины; *ножны* обведены и слегка означены въ длину чертами, съ тремя на каждой точками; верхняя часть головы и лапъ, равномѣрно и *ножны*, суть прекраснаго позлащеннаго зеленаго цвѣта; *ножны* обложены яркою золотою полоскою; весь верхъ корпуса черной; рожки, лядвеи и ноги свѣтложелтыя, а заплюснье темно-желтаго цвѣта.

Другіе четыре рода насѣкомыхъ повстрѣчались моему взору. Первый изъ нихъ, имѣющій длины четыре линіи, былъ *Тенебріонъ* (*). Округленные и выпуклые на немъ лапы съ закраинами, каждая *ножна* равномѣрно изображаетъ выпуклость, такъ что мѣсто ихъ соединенія составляетъ впадину; корпусъ ограничивается тупымъ концемъ, верхъ головы, лапъ и *футляровъ* покрытъ весьма маленькими точками, которыя больше явственны на *ножнахъ*, чѣмъ на головѣ и на лапахъ. Впрочемъ сіе насѣкомое во всѣхъ своихъ частяхъ есть прекраснаго яркаго чернаго цвѣта.

Другой родъ принадлежалъ къ насѣкомымъ, называемымъ *Крикетъ* (Acrydium L. *Акридіумъ*.

которыхъ *Жоффруа* называетъ *Бюпрестами*. Опис. насѣк., въ окрест. Парижа находящихся.

(*) Tenebrio L. Тенебріо *Л.* Tenebrion. Хрущъ. Озер. IV. 87.

Озер. V. 99.). Длина онаго два дюйма и двѣ линіи. На порывистыхъ его глазахъ существуютъ черныя и темнаго цвѣта полоски, а на прекрасныхъ сѣрыхъ крыльяхъ находятся многія пятна, изъ числа которыхъ однѣ желтыя, а другія померанцовыя. Прочія сего насѣкомаго части испещрены желтымъ и зелено-желтоватымъ колеромъ.

Оные большіе *Крикеты*, на проѣзжаемыхъ мною пескахъ, весьма обыкновенные; они летаютъ лучше и далѣе прочихъ сего рода насѣкомыхъ, и ихъ поймать довольно трудно.

Третій родъ насѣкомаго, найденнаго мною въ той же пустынѣ на краю составленнаго изъ дожжевой воды небольшаго бассейна, былъ водяной *Скортонъ*, *Гепа*, или *Нела*. Усы его, естьли однакожъ могутъ почитаться усами, частицы, болѣе походящія на *ножки*, сотворены наподобіе *крабовыхъ* или пауковыхъ клешней. На каждой плюснѣ существуетъ только одинъ составъ. Глаза у него черные и чрезвычайно большіе. Отмѣнно сжатое брюхо оканчивается двумя надростками наподобіе раздвоившагося хвоста. Крылья черныя; впрочемъ сіе насѣкомое совсѣмъ желтое. Маленькія, остроконечныя и свѣтло-краснаго цвѣта яица были прикосновенны къ брюху сего животнаго.

Наконецъ четвертый родъ былъ *Скарабе* (жукъ) осьми линей длины. Усы его, сотворенные наподобіе въ кучку собранныхъ листочковъ, широкая и сжатая голова, изображаютъ выдающуюся скрижаль, поддерживаемую сверху двумя небольшими спицами, а въ заднемъ концѣ другими подобными маленькими остріями. Одна

половина широкихъ его *латъ* была съ закрацнами и лосниста, а другая жестка и груба, какъ рыбья кожа. Между *ножнами* существуетъ небольшой щитъ, а на нихъ находятся во всю длину полосками разположенныя маленькія и не очень явственныя точки; сверху выпуклое тѣло его почти равномѣрной толщины и ширины. Ножки короткія, лядвеи широкія и толстыя, а особливо онѣ у заднихъ ногъ были столь удивительной толщины, что даже уподоблялись маленькимъ нѣсколько сплюснутымъ шарикамъ. Сія чрезвычайная заднихъ ногъ толщина придаетъ сему *Скарабе* весьма странную фигуру.

Колера его описать не трудно. Онъ сверху яркаго чернаго цвѣта: позлащенная черта означаетъ отдѣленіе головы отъ латъ; усы, ноги и вся нижняя часть корпуса красноваты.

Я запримѣтилъ на пескѣ слѣдъ, составляющій правильной рисунокъ, и съ начала почелъ его впечатлѣніемъ змѣиныхъ згибовъ. Будучи любопытенъ узнать, какому животному принадлежала оная стезя, послѣдовалъ ей близь ста шаговъ, и встрѣтилъ того *Скарабе*, безпрестанно, но медлительно грядущаго. Должно думать, что онъ употребилъ немалое время на переправу чрезъ такое пространство. Кругловатое и дюжее его сложеніе, короткія и удивительной толщины ноги, въ разсужденіи величины его, показуютъ имъ по видимому употребляемую силу для совершенія небольшихъ путешествій по той пустынѣ.

Мы также усмотрѣли отмѣнно маленькаго и блестящаго наипрекраснѣйшими колерами

змія; но не могли его поймать, ни возпрепятствовать его уходу въ норку, сокрытую нижними сучками одного кустарника.

По возвращеніи въ *Россетское* мое жилище, Г. *Форнети* показалъ мнѣ полученное имъ письмо отъ Жида Драгомана изъ *Абукира*. Онъ увѣдомлялъ насъ, что въ самое время отправленія мною купленной и тамъ оставленной маленькой пирамиды, находящійся въ Замкѣ гарнизонъ оному возпрепятствовалъ. Г. *Форнети* тотчасъ, по полученіи сего извѣстія, ходилъ къ *Россетскому* Агѣ, управляющему также и *Абукиромъ*, и получилъ отъ него, но не безъ большихъ затрудненій, повелѣніе, чтобъ отпущена была пирамида. Сей чиновникъ былъ уже извѣстенъ объ ономъ дѣлѣ еще до прибытія къ нему Г. *Форнетія*. Онъ утверждалъ, что люди, у которыхъ мы купили тотъ кусокъ мрамора, не имѣли права продать онаго, и что безъ его Аги на то согласія къ сему намъ приступить не слѣдовало, то есть, сіе значило и предвѣщало мнѣ двойной платежъ. Ага сверхъ того сказалъ ему, якобы онъ былъ увѣдомленъ, что та маленькая пирамида была вся наполнена золотомъ. Въ слѣдствіе сего воображенія и приказалъ что какъ скоро привезенъ будетъ тотъ памятникъ въ *Россетъ*, то бы его о томъ увѣдомить, дабы онъ могъ разсмотрѣть его и видѣть своими глазами хранящееся въ немъ сокровище. Естьлижъ онаго нѣтъ и въ немъ не сыщется, то онъ соглашался намъ его продать.

Невѣжественный Ага не удовольствовался сею предосторожностію: онъ тайнымъ образомъ призвалъ къ себѣ сопровождающаго насъ въ *Абу-*

жирѣ Янычара, дабы узнать отъ него, подлинно ли находится золото въ томъ кускѣ мрамора. Сей Янычаръ, съ давнихъ временъ пребывающій въ услуженіи у Французовъ, и которой, сдѣлавъ привычку сопровождать ихъ, зналъ, что золото никогда не было предметомъ ихъ изысканій въ Египтѣ, всячески старался переувѣрить Агу; но труды его были тщетны: *Мамелюкъ* не могъ себѣ вложить въ голову, чтобъ простой камень въ нашихъ мысляхъ заслуживалъ цѣну и почитался важнымъ, и дѣлаемые имъ о томъ вопросы были смѣшны и забавны.

Наконецъ пирамида была привезена изъ *Абукира*. Когдажъ выгрузили ее на *Россетскую* пристань, то и привлекла она толпу любопытныхъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія о ея изящности. Она въ глазахъ ихъ почиталась драгоцѣннымъ камнемъ, въ настоящемъ смыслѣ сего изрѣченія, и сіе по тому, что сіяла къ солнцу. Они не могли не имѣть уваженія къ *Франкамъ*, имѣющимъ прозорливость пріобрѣсть столь удивительный камень.

Должно было думать, что глупыя рѣчи толикаго множества несмысленныхъ почитателей дойдутъ до ушей *Аги* и утвердятъ его въ мнѣніи о кладѣ. По сему поводу Г. *Форнети* и я согласились оставить мраморъ на берегу и не подавать вида, что мы объ немъ помышляемъ. Однакожъ *Ага*, успѣвшій удостовѣриться, что дѣло состояло дѣйствительно только въ камнѣ, а не въ золотѣ, удивлялся малому нашему попеченію перевезть его. Онъ призвалъ Янычара, чтобъ узнать отъ него

причину безпечности, которая только была наружная. Сей послѣдній, выпвердившій заданной ему урокъ, отвѣчалъ *Агѣ*, что, послѣ обнаруженныхъ имъ въ разсужденіи сего камня притязаній, мы уже объ ономъ и не думаемъ; но однакожъ и теперь согласимся его взять, естьли онъ *Ага* намѣренъ намъ уступить его не за слишкомъ дорогую цѣну. Янычаръ возвратился съ повелѣніемъ перевезть камень ко мнѣ и съ увѣреніемъ, что Ага весьма умѣритъ мнимыя свои права, и что онъ хотѣлъ о томъ переговорить съ Г. *Форнетіемъ*. Я отдѣлался дѣйствительно дешево и весьма маловажнымъ подаркомъ.

Обстоятельства возпрепятствовали мнѣ взять съ собою маленькую мою пирамиду во время моего отъѣзда изъ Египта. Я ее оставилъ въ анбарѣ Французскаго дома въ *Россетѣ* и препоручилъ Консулу. Естьлибъ кто вздумалъ завладѣть ею, яко оставленною вещію: то прошу того вспомнить, что сіе пріобрѣтеніе стоило мнѣ многихъ трудовъ, заботъ и даже безпокойствій. Я не говорю о деньгахъ, и почту себя въ правѣ требовать, чтобъ она была мнѣ отдана, а побудительная причина моего требованія, увѣренъ я, конечно убѣдитъ возвратить мнѣ сей прекрасной памятникъ древности, потому что единственное мое желаніе есть, чтобъ подарить его народному *Музеуму* (собранію рѣдкостей), въ которомъ заслуживаетъ онъ занять отличное мѣсто.

Впрочемъ мнѣніе, яко бы изысканія Европейцовъ единственно только основаны на пріобрѣтеніяхъ въ землѣ зарытыхъ, или сокры-

ныхъ въ памятникахъ древности сокровищъ, есть всеобщее и свойственное всѣмъ жителямъ Египта, и онос содѣлалось главнѣйшею препоною, предлежащею къ преодолѣнію путешественниковъ. Одинъ въ *Россетѣ* живущій Турокъ имѣлъ у воротъ своего анбара отмѣнной красоты кусокъ гранита, на которомъ были изображены совершенно сохраненныя Гіероглифическія фигуры. По снятіи съ нихъ рисунка (*), предложилъ я хозяину продать мнѣ тотъ гранитъ; сверхъ того соглашался, на мой щетъ, положить на его мѣсто другой камень. Турокъ никакъ не хотѣлъ снизойтить ни на какое предложеніе: онъ представлялъ мнѣ причиною своего отказа, яко бы тотъ гранитъ былъ наполненъ золотомъ. Сей человѣкъ былъ бѣденъ, и когда вопрошалъ я его, для чего не разбиваетъ онъ своего камня, дабы вынуть изъ него имъ почитаемыя нужными сокровища: то онъ отвѣчалъ мнѣ, что сіе будетъ не хорошее и опасное дѣло, потому что его камень заключаетъ въ себѣ *Талисманъ* (**).

(*) Оный рисунокъ съ прочими, мною въ разныя времена отправленными во Францію, изчезъ. Сожалѣю, что не сохранилъ ихъ у себя: ибо были любопытны и достойны примѣчанія.

(**) Фигуры и камни съ начертаніями, которымъ въ древнія времена приписывали чрезвычайныя силы и дѣйствія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Бананъ (дерево). — Короссолъ. — Малва (трава). — Мелохіа. — Баміа. — Атле. — Буйволъ. — Вода Нильская. — Зараза. — Климатъ Египта. — Усопшіе. — Кладбища. — Немощи. — Элефантіазисъ. — Глазныя болѣзни.

Желтоватыя вершины *Банановаго* дерева украшали въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцовъ *Россетскіе* сады: тогда наступало время ихъ зрѣлости. Оныя деревья, которыя не суть свойственны по природѣ Египетскому грунту земли, бываютъ тамъ только въ Сѣверныхъ мѣстахъ. Они довольно обыкновенны близъ *Россетта* и, сказывали мнѣ, близъ *Даміетта*. Нѣкоторыя равномѣрно растутъ и около *Каира*: далѣе страны сей оныхъ не видно. Они даже такъ рѣдки въ *Каирѣ*, что тамъ почитается дорогимъ и важнымъ подаркомъ присылка корзинъ, наполненныхъ продолговатыми, нѣсколько кисловатыми и мягкотѣлыми ихъ плодами. Сей родъ есть тотъ, коего плодъ извѣстенъ на Американскихъ островахъ подъ названіемъ *Фиги-Бананъ*, а въ Каенскихъ селеніяхъ подъ именемъ *Бакова* (*). Въ немъ меньше притор-

(*) Musa sapientum L. Муза Сапіентумъ Л. Бакобъ. *Облетъ*, Истор. опис. растѣн. Провинціи *Гіаны*, Том. 2 стран. 930.

ности, и онъ вкусомъ пріятнѣе обыкновеннаго *Банана* (*).

Возлѣ сихъ иностранныхъ деревъ запримѣтилъ я и узналъ другой родъ, которой также видалъ въ Америкѣ, и коего плодъ равномѣрно пріятенъ вкусу и обоянію. *Коросолъ*, или *Капимантіе*, будучи пересаженъ въ тѣ же самые сады, достигаетъ въ нихъ до вышины посредственнаго дерева (**). Плодъ его покрытъ возвышеніями, или бугорками, похожими на тѣ, которыя видимы на проспыхъ сосновыхъ шишкахъ. Когда онъ созрѣетъ, тогда бываетъ зеленаго цвѣта съ прожелтью. Величиною равняется съ хорошимъ яблокомъ. На Арабскомъ языкѣ называютъ его *Кизшта*, то есть, *сметана*, и дѣйствительно мягкое его тѣло бѣлизною уподобляется сметанѣ. Сѣмена въ немъ многочисленны, суть темнаго цвѣта и продолговаты.

Подъ тѣнію вертоградовъ сѣютъ и сажаютъ разныя травы, коихъ корни еще болѣе прохлажены водою, проводимою туда со всѣхъ сторонъ посредствомъ узенькихъ жолобовъ: каждый огородъ имѣетъ свой колодезь, или водохранилище, изъ котораго колесо, приводимое въ движеніе быками, разпредѣляетъ

(*) Musa Paradisiaca L. Муза Парадизіака Л. *Облетъ*, въ вышеупомянутомъ же мѣстѣ.

(**) Anona squamosa L. Анона Сквамоза Л. Anona Glabra, Анона глабра. *Форскалъ*, опис. Егип. Арав. разсп. *Сметанное яблоко*, Мец. Слов.

воды. Тамъ растетъ великое множество *Малвы* (*), которую тамъ называютъ *Гобезе*. Ее варятъ съ мясомъ; и она есть изъ числа травъ, обыкновенно употребляемыхъ въ поварняхъ Нижняго Египта. Въ Верхнемъ оной весьма мало, и она тамъ въ пищу не употребляется.

Два другія, столькожъ часто въ ѣстива употребляемыя растѣнія, суть *Мелохіа* и *Бамія*. Первое, коего Арабское названіе есть *Мелошіа* (**), довольно имѣетъ сходства съ *Гимовою*; и когда бываетъ сварена, то выпускаетъ изъ себя, такъ какъ и она, липкій сокъ. Желтые съ красною помѣсію цвѣты ея сотворены наподобіе розана, и она по виду своему больше достойна собою украшать - сады, нежели быть травою, назначенною Природою для пищи человѣковъ. Второе, которое также сохранило Арабское свое названіе *Бамія* (***), весьма сближено съ *Малвами* (просвирками). Цвѣты на ней желтые. Сіе растѣніе есть Американское *Калалу*, и оно предоставляетъ самое клейкое ѣство.

(*) Malva rotundifolia. L. Малва Ротундифоліа Л. *Просвирки*. Опис. Тавр. Об. 130. *Рожа*. Ест. Ист. Нар. Уч. 184.

(**) Corchorus olitorius. L. Корхорусъ олиторіусъ *Л. Форскалъ*, Егип. Арав. *Флора*, стран. 101. *Жидовской проскурнякъ*.

(***) Hibiscus esculentus. L. Гибискусъ ескулентусъ *Л. Форскалъ*, Егип. Арав. *Флора*, стран. 125. Абелмосхъ, Бамія, Китайскій и Индѣйскій душистый проскурнякъ. *Врачеб. Веществословіе*.

Какъ сіи двѣ вышепомянутыя травы, такѣ и *Бананавое* дерево и *Кизита*, не суть природны Египту, хотя они тамъ весьма разпложены. Но дерево, по видимому ему свойственное, есть *Атле*, родъ большаго и еще мало извѣстнаго *Тамариска* (*). *Линней* объ ономъ не упоминалъ; а естьли оно и показано въ третьемъ надесять изданіи его *Системы Природы*, въ которомъ Сочинитель не имѣлъ никакого участія: то сіе произходитъ отъ того, что онаго Издатель, *Гмелинъ*, употребилъ сдѣланное *Форскалемъ* о немъ означеніе.

Сей *Атле*, разнствуя отъ обыкновеннаго *Тамариска* (**) вопервыхъ своею величиною, а вовторыхъ разными Ботаническими признаками, о которыхъ даю свободу говорить Г. *Форскалю*, путешественнику, испытанному въ Наукѣ растѣній, бываетъ иногда такъ толстъ и высокъ, какъ дубъ. Противоположенные, длинные и весьма узкіе его листья блѣдно-зеленаго цвѣта. Я не могу пространно описать онаго, потому что, во время моего въ тѣхъ мѣстахъ пребыванія, не было на деревѣ ни цвѣта, ни плода, и мой художникъ срисовалъ только его кряжъ и одинъ сукъ. Оныя деревья обыкновенно

(*) Tamarix Orientalis. Тамариксъ ориенталисъ, *Форскалъ.* Егип. Арав. *Флора.* стран. 206. Восточной Тамариксъ.

(**) Tamarix Gallica. L. Тамариксъ Галлика Л. Tamarix. *Гребенщикъ*, Ест. Ист. Нар. Учил. 137. Опис. Таир. Обл. 105. Акад. Изд. I. 556. *Калмыцкой ладанъ.* Гм. II 276. 544. 546. 627. Леп. I. 412.

бываютъ покрыты коростою, прикосновенною къ вѣшвямъ. Я запримѣтилъ, что когда оныя коросты еще не высохли, то наполнены жидкостію прекраснаго пунцоваго цвѣта; художества могутъ можетъ быть пріобрѣсть отъ оной немалую выгоду; ибо коросты чрезвычайно умножились, а деревья, которыя ими покрыты, растутъ во всемъ Египтѣ, какъ въ Верхнемъ, такъ и въ Нижнемъ. Я утверждаю и настою въ ономъ примѣчаніи: ибо читалъ въ рукописномъ каталогѣ растѣній, принадлежащемъ одному сотоварищу Г. *Тота*, что *Атле есть родъ Тамариса, растущій въ Верхнемъ Египтѣ, къ сторонѣ Сагила.* Нѣтъ ни одной, или почти ни одной деревни въ Нижнемъ Египтѣ, которая въ числѣ окружающихъ ее деревьевъ не имѣла бы нѣсколько *Атлей.*

Дерево ихъ служитъ на многія употребленія; изъ него также дѣлаютъ уголь. Сіе дерево есть то, которое въ Египтѣ обыкновенно употребляется какъ на сожженіе, такъ и на разныя работы; за то жители и говорятъ, *что естьли не будетъ доставать Атлея, то въ свѣтѣ все пойдетъ не ладно.*

Подъ тѣнію *Атлея* и близъ хижины земледѣльца часто встрѣчается буйволова самка, питающаяся *Барзимомъ* со своимъ дѣтищемъ, и у которой всѣ четыре ноги связаны. Она тому, кто ее питаетъ, съ изобиліемъ доставляетъ хорошее молоко, изъ котораго дѣлаютъ масло и разные сыры. Буйволъ (*) есть при-

(*) Bos bubalus. L. Босъ Бюбалюсъ Л. *Буйволъ.* Опер. I. 257. Слов Акад.

обрѣтенїе нынѣшнихъ временъ Египтянъ; предки ихъ онаго не знали, и онъ изъ Персіи приведенъ въ ихъ землю, гдѣ его порода нынѣ вообще разпространена и весьма разплодилась. Она превозходитъ даже число быковъ, и есть равномѣрно смирна и почитается домашнею скотиною; но буйволъ однакожъ хотя и одаренъ смиренностїю, но легко признается по безпрестанно единообразному цвѣту шерсти, а еще больше по нѣкоторому остатку свирѣпости, по грубости нрава, по дикому и гнусному виду, обыкновенные признаки всѣхъ полупривыкшихъ существъ.

Однакожъ оные Египетскїе буйволы совсѣмъ тѣмъ не такъ дики и не такъ опасны, какъ въ другихъ земляхъ; они здѣсь заимствуютъ отъ весьма примѣчательной кротости прочихъ домашнихъ животныхъ, и въ нихъ остались только грубыя но рѣдкїя своенравїя. Красной цвѣтъ, которой, сказываютъ, въ другихъ странахъ приводитъ ихъ въ изступленїе, не дѣлаетъ въ нихъ никакого впечатлѣнїя въ Египтѣ; почти всѣ деревенскїе жители, кромѣ красной своей чалмы, носятъ закрывающую у нихъ грудь и шею подобнагожъ цвѣта *шаль*; но я не запримѣтилъ, чтобъ буйволы онымъ были раздражены. Мнѣ случалось стрѣлять птицъ близъ нѣсколькихъ буйволицъ съ ихъ буйволятами. Ружейный звукъ причинялъ въ нихъ жестокїя волненїя; онѣ казались быть въ чрезвычайной ярости, которая и могла бы меня встревожить, естьлибъ не были онѣ крѣпко привязаны. Хозяинъ ихъ успокоивалъ меня; онъ увѣрялъ, яко бы стремительныя движенїя

животнаго есть дѣйствіе произведеннаго въ немъ страха, такъ что Египетскіе буйволы страшнѣе дикимъ своимъ видомъ и нѣкоторою вспыльчивостію, чѣмъ дѣйствительно суть опасны. Люди, не привыкшіе видѣть сихъ животныхъ, не могутъ часто не почувствовать нѣкотораго содроганія. *Гасселквистъ* пишетъ, яко бы буйволы, а особливо близъ *Россетта*, такъ сильно раздражались на него и на слугу его за то, что на нихъ была красная одежда, что даже находящійся съ ними янычаръ былъ принужденъ отгонять ихъ палкою (*). На сіе замѣчу я, что животныя, одаренныя величиною и силою буйволовъ и которыхъ можно удалить палкою, не очень страшны.

Я уже сказалъ, что цвѣтъ шерсти Египетскихъ буйволовъ былъ непремѣненъ: у нихъ у всѣхъ дѣйствительно вся наружность черноватая, а чолка и волосяной хохолъ на концѣ хвоста бѣло-желтоватые. Въ большомъ количествѣ тамо содержимыхъ сего рода животныхъ видѣлъ я только одного, отличающагося отъ прочихъ въ томъ, что всѣ его четыре ноги, изподъ тѣла и бока были прекраснаго бѣлаго цвѣта.

Египтяне не умѣли воспользоваться всею выгодою, которую бы они получить могли отъ пріобрѣтенія буйволовъ, не употребляя ихъ ни для пашни и ни на какую работу. Буйволицъ вскармливаютъ они для доенія молока,

(*) Путешествіе на Востокъ, перев. Часть I, стран. 83.

а самцовъ, чтобъ быть убитыми и съѣденными. *Красное* ихъ мясо жестко и сухо; оно сверхъ того имѣетъ довольно непріятной выхухольной запахъ. Египетскіе Магометане, Аравы и другіе вмѣсто того, чтобъ почитать мясо сіе *нечистымъ* (*), поставляютъ его на свои трапезы, яко хорошее кушанье. Для утвержденія сего предмета приводятъ они въ доказательство *Афоризмъ*, или правила одного древняго своего Медика, утверждающаго, что послѣ баранья мяса, которое онъ уподобляетъ *фіріаку*, буйволовое есть самая лучшая пища. Не взирая на сіе свидѣтельство, съ трудомъ повѣрю я, чтобъ Европейцы когда нибудь почли его отмѣннымъ кушаньемъ, не для того, чтобъ оно было отвратительно для виду, или бы раждало червей, такъ какъ *Бошартъ* о томъ писалъ (**); но потому, что оно обыкновенно бываетъ весьма жестко и имѣетъ запахъ, которой въ нашихъ соусахъ не употребителенъ. Кажется, что *Нїебюръ* не нашелъ его столь противнымъ; ибо думаетъ, что оное ѣлъ не знавши (***). Однакожъ почти не возможно въ томъ ошибиться, и когда тотъ же путешественникъ повѣствуетъ, яко бы имянитые люди, простой народъ и даже Европейскіе купцы ѣдятъ много буйволины въ земляхъ, гдѣ сіи животныя изобилуютъ: то сіе не принадлежитъ до Французскихъ въ Египтѣ торгующихъ купцовъ, коихъ вкусъ слишкомъ разборчивъ, чтобъ помѣстить на столахъ сво-

(*) Вопросъ 85 Михаэлиса.
(**) Гіэрозоиконъ.
(***) Описаніе Аравіи, стран. 145.

ихъ столь грубую пищу, изъемлемую даже изъ ѣствъ избыточныхъ Египтянъ. Буйволовы кожи составляютъ въ Египтѣ важную отрасль торговли; а изъ ихъ сплюснутыхъ и круглоструйчатыхъ роговъ дѣлаются разныя вещи.

Нѣтъ ни одного землероднаго четвероножнаго, которой бы такъ любилъ быть въ водѣ, какъ буйволы. Они съ удовольствіемъ въ нее ложатся, и пребываютъ долгое время. Я видалъ, что нѣкоторые лежали въ ней цѣлой день. Случается часто, что черпаемая на берегу *Нила* вода получаетъ отъ нихъ выхухольной запахъ. Они также и плаваютъ съ отмѣнною способностію; свободно переправляются чрезъ рѣку, какъ бы ни быстра и ни глубока была вода, и мужики переѣзжаютъ на нихъ съ одного на другой берегъ. Будучи тяготію своею много погрузены въ водѣ; люди, пожелающіе воспользоваться сими живыми судами, должны крѣпко держаться за рога, чтобъ не быть увлечены быстротою рѣки. Я видѣлъ въ Верхнемъ Египтѣ одного утонувшаго мальчика отъ того; что онъ силою теченія воды былъ отдѣленъ отъ своего буйвола.

Буйволица никогда, или почти никогда болѣе одного буйволенка вдругъ не носитъ; повѣствованія, обыкновенно приписывающія ей двухъ, а особливо *Маллетъ*, которой превозноситъ число ихъ даже до четырехъ, суть увеличиванія легковѣрія.

Нильской водѣ присвоивали почести сихъ мнимыхъ чудесъ плодовитости, и сіе дивное вліяніе не ограничивалось только одними животными; женщины даже соучаствовали во

ономъ. Сказываютъ, что дабы содѣлаться матерями (*), надлежало имъ только выкупаться въ новыхъ водахъ *Нила*, или пить оныя. Прованскіе мореходцы такъ были увѣрены въ сей плодоносной силѣ, что есиьли, во время ихъ въ Восточныхъ моряхъ плаванія, случалось имъ приставать къ берегамъ Египта: то непремѣнно наполняли боченокъ *Нилскою* водою и отвозили къ своимъ женамъ, почитая сіе вѣрнѣйшею надеждою многочисленнаго потомства.

Древніе уже довольно превозносили свойства *Нилской* воды; нынѣшніе Писатели превзошли ихъ. Но есиьли нѣкоторые сказали объ ней много хорошаго, другіе напротивъ представили ее вредительною. *Нилъ* такимъ образомъ соединялъ въ одно время похвалы и осужденіе: таковая есть участь славы, когда предметъ удаленъ отъ оной.

Авторъ *Философическихъ изысканій о Египтянахъ и Китайцахъ* принялъ на себя должность обвинителя, или хулителя воды *Нила*, то есть, той самой, которую пьютъ въ землѣ, гдѣ нѣтъ потоковъ, и въ которой, за изключеніемъ весьма дурнаго рода пива, болѣе употребляемаго въ *Саидѣ*, чѣмъ на Сѣверѣ, сія вода есть единственный напитокъ тамъ живущихъ людей. Онъ соединилъ все то, что писали путешественники о дурныхъ ея свойствахъ, существенныхъ, или мнимыхъ; онъ ссылается на *Гранжера*, *Покока*, *Гасселквиста*, и послѣдуя

(*) Путешествіе *Павла Люка*, Томъ 2, стран. 85.

ихъ свидѣтельству, воображаетъ вышедшимъ изъ *Нила* источникъ множества болѣзней, какъ будто бы, во всѣхъ странахъ вселенной сіи самыя немощи не сокрушали человѣчества, подобно какъ и въ Египтѣ, изключая *Елефантіазиса*, болѣзнь довольно рѣдкая въ Нижнемъ Египте и совсѣмъ не извѣстная въ Верхнемъ, гдѣ *Нилъ* равномѣрно представляетъ жителямъ единый способъ для утоленія жажды.

Во все продолженіе моего путешествія, какъ я, такъ и сотоварищи мои, кромѣ *Нильской* воды, другаго напитка не употребляли: мы ее пили во всякое время, даже и тогда, когда, будучи отъ наводненія смѣшена съ иломъ, дѣлалась густа, красновата и совершенно виду противная; но никто изъ насъ не испыталъ безпокойствія, и не возпослѣдовало отъ того ни малѣйшаго дурнаго послѣдствія, которое бы мы по справедливости ей приписать могли. Я особливо употреблялъ оную съ неумѣренностію, бывъ всегда терзаемъ снѣдающею меня жаждою въ знойныхъ мѣстахъ, и удостовѣрился напротивъ, что она проходитъ очень скоро, слѣдовательно есть весьма здорова. Люди, съ давнихъ лѣтъ живущіе въ Египтѣ, и которые, кромѣ *Нильской* воды, другаго питія не употребляли, оную отмѣнно выхваляли, и вмѣсто того, чтобъ почитать ее источникомъ болѣзней, приписывали ей причину добраго здоровья, въ которомъ они пребывали. Сіе общее мнѣніе принято во всемъ Египтѣ, гдѣ та самая вода слыветъ не токмо весьма здоровою, но почитается даже имѣющею многія удивительныя свойства.

Въ числѣ сказокъ, которымъ *Нилъ* служитъ поводомъ, есть выдумка о его *броженіи*, кое, по суевѣрному преданію *Коптовъ*, уваженному нѣкоторыми путешественниками (*), начинается вмѣстѣ съ его приращеніемъ, то есть, во время поворота солнца на лѣто. Дошли даже до того, что назначили день и часъ первыхъ признаковъ его приращенія, означенныхъ паденіемъ особливой росы, извѣстной подъ наименованіемъ *капли*, и которая упадаетъ на разсвѣтѣ того дня, въ которой Копты празднуютъ Святому *Михаилу*, что и соотвѣтствуетъ 17 числу прежняго *Іюня* мѣсяца Французовъ. Оная роса есть ничто иное въ глазахъ просвѣщенныхъ, какъ самъ Архангелъ, снизпосланный божествомъ, чтобъ произвесть въ рѣкѣ броженіе, освободить орошаемыя имъ земли отъ владычествующихъ на нихъ немощей, очистить воздухъ и предоставить новое бытіе всѣмъ существамъ. Въ ожиданіи сихъ чудесъ, въ сіе то самое время почиталась *Нильская* вода отмѣнно нездоровою и причиняющею разныя болѣзни: странное дѣйствіе, приписываемое небесной благодати и пришествію Святаго Михаила! Сіе поврежденіе водъ положенія, за которымъ долженствовало послѣдовать всеобщее очищеніе, продолжалось иногда сорокъ дней, во время которыхъ весьма было трудно достать, чѣмъ бы безъ вреда можно утолить жажду. Все сіе было сказано и нѣсколько разъ повторено, такъ какъ и многое другое,

(*) Читай *Ванслеба* новое описаніе Египта, стран. 47 и слѣд. и многихъ другихъ Писателей.

о которомъ я и не упоминаю; но выдумка хотя бы и писана многими, всегда пребудетъ выдумкою; но кажется, что она и въ Египтѣ нынѣ изчезла и забыта; ибо я видѣлъ, что тамъ черпаютъ и пьютъ *Нильскую* воду во всякое время и во всякой часъ, не опасаясь отъ того ни малѣйшаго дурнаго послѣдствія.

Всѣмъ извѣстенъ употребляемый въ сей странѣ способъ для очищенія *Нильской* воды, когда она бываетъ наполнена иломъ. *Савари* объ ономъ упоминалъ, а прежде сего *Прослеръ Аллинъ* описалъ уже его съ довольною подробностію и ясностію. Онъ состоитъ, чтобъ въ содержащейся въ большихъ *Жаррахъ* (*) водѣ разболтать нѣсколько сладкихъ и не много раздавленныхъ миндалинъ, и по томъ натереть ими края сосуда. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, посторонніе частицы упадаютъ на дно *Жарры*, а вода остается чиста и прозрачна.

Такимъ образомъ очищенная вода сливается въ маленькіе глиняные высушенные, но не обожженные сосуды, называемые Турками *Бардаксъ*, а Аравами *Коллетъ*. Они ни внутри, ни снаружи не вымуравлены. Ихъ поставляютъ на открытой воздухъ и вода проходитъ сквозь непримѣтныя ихъ скважинки; безпрестанное испареніе прохлаждаетъ ее удивительнымъ образомъ. Нѣкоторые изъ сихъ сосудовъ сдѣланы съ большимъ или меньшимъ вкусомъ; почитаемые лучшими доставляются изъ *Суеца*, а обыкновенно употребляемые привозятъ изъ *Кенне*, не-

(*) Земляные большіе кувшины.

большаго города Верхняго Египта. Они служатъ въ одно время и хранилищемъ воды и стаканами; при столѣ и въ продолженіи дня всякой пьетъ изъ общихъ сихъ сосудовъ. Ихъ обыкновенно накрываютъ изъ простника сдѣланными шляпками; а доспашочные люди сожигаютъ въ нихъ *мастику* изъ острова *Хіо*, коей отмѣнно дѣйствующій запахъ, напитавъ собою скважиноватое вещество, сохраняется въ немъ долгое время, и сообщаетъ водѣ благовоніе, къ которому должно привыкнуть, чтобъ найти его пріятнымъ.

Естьли употребленіе *Нильской* воды судили быть началомъ многихъ болѣзней, Египетскій климатъ долгое время почитался нѣдромъ ужаснѣйшихъ напастей. Многіе Писатели, а особливо Г. *Павъ*, вѣчный укоритель Египта, увѣряли, яко бы чума, сіе непреодолимое оружіе смерти, имѣетъ тамъ свое гнѣздо и позорище люпѣйшихъ своихъ опустошеній. Сіе послѣдственно выраженное мнѣніе разпространилось и до нашихъ временъ. Одинъ Парижской Врачь обнародовалъ еще въ 1773 году, что Египетъ есть начальное мѣсто чумы (*). Г. *Самойловичъ*, Россійскій Медикъ, писалъ почти въ одно время, яко бы чума обыкновенно владычествуетъ въ Азіи, а особливо въ Египтѣ. Хотяжъ со времени обнародованія путешествія Г. *Савэрія* и гражданина *Волнея* и начали думать

(*) Опыты для совершеннаго познанія естества заразительнаго яда и пр. Г. *Модюи* д. М. (Физической Журналъ Августа мѣсяца 1775).

совсѣмъ тому противное, но можетъ быть, въ разсужденіи сего предмета, еще не совсѣмъ выведены изъ заблужденія.

Однакожъ совсѣмъ тѣмъ заподлинно извѣстно, что чума, природная болѣзнь многихъ Восточныхъ странъ, не есть свойственная Египту, и тамъ никогда источника своего не имѣетъ. Когдажъ она тамъ и обнаруживается, то бываетъ привезена изъ Царя-Града, изъ другихъ частей Турціи, или изъ внутреннихъ мѣстъ Африки. Сія послѣдняя, называемая заразою, или чумою *Сайда*, потому что она произходитъ изъ Верхняго Египта, чрезвычайно опасна; ибо дѣйствительно смертоноснѣе прочихъ завозимыхъ туда заразъ.

Что климатъ Египта не только не производитъ гибельнѣйшей сей заразы, но даже воспротивляется ея распространенію, доказываетъ, что, во время моего путешествія, она болѣе двенадцати лѣтъ тамъ не была чувствуема, хотя жители и не брали никакой осторожности, чтобъ предохранить себя отъ оной. Корабли изъ Константинополя, настоящаго гнѣзда безпрестанно существующей заразы, не рѣдко приплывали въ Александрію; Африканскіе караваны приходили въ *Каиръ* нѣсколько разъ въ году, и никакой чумной признакъ не былъ замѣченъ; узнали даже, что въ 1780 на пришедшей въ старую Александрійскую гавань Султанской кареблѣ существовало моровое повѣтріе. Одинъ стоящій близь открытаго сундука человѣкъ вдругъ упалъ мертвъ, будучи пораженъ вышедшими изъ него заразительными парами. Однакожъ находящіеся на

ономъ кораблѣ Турки вышли на берегъ, разсѣялись по городу, и никто объ ономъ не безпокоился; они имѣли съ обывателями сообщеніе, но и отъ сего не возпослѣдовало никакого злоключенія.

Слѣдовательно и не должно въ разсужденіи сего безпокоиться о участи любезныхъ нашихъ соотечественниковъ, нынѣ прославляющихъ Египетъ своими трудами и подвигами, такъ какъ онъ нѣкогда былъ прославляемъ просвѣщеніемъ и его памятниками. Земля сія не есть *гнѣздо чумы*; живущіе въ ней Аравы и Турки не суть *виновники сей заразы*, и они не *возраждаютъ*, *ее*, *такъ сказать*, *подъ своими ногами* (*); самыя просныя предосторожности могутъ оную удалить навсегда. Хотя она тамъ и рѣдко бываетъ, но во время своего владычества причиняетъ страшныя опустошенія, и сіе обстоятельство довольно доказываетъ, что она той странѣ не свойственна. Дѣйствія ея распространялись поспѣшнымъ и ужаснымъ образомъ; Турки почитали оную смертоноснѣе той, посреди которой они обитаютъ. Она обыкновенно являлась въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и, что всего удивительнѣе, вдругъ изчезала во время лѣтняго солнцестоянія. Тогда-то прекращались предосторожности, предпринимаемыя иностранными Александрійскими купцами. Домы паки растворялись, сообщенія возпринимали обыкновенное свое теченіе, даже прежде увѣдомленія о

(*) Философическія изысканія о Египтянахъ и Китайцахъ, Часть I. стр. 91.

состоянїи болѣзни; ибо сполъ были увѣрены, что уже достигли до предѣла ея жестокостей. Александрїйцы выражаютъ на языкѣ Франковъ опытностїю ихъ выведенную между ими пословицу: *Сенъ-Жанъ Вениръ, Гандуфъ* (*) *Андаръ*, то есть, *С. Іоаннъ пришелъ, Гандуфъ пошелъ.*

Надобно однакожъ признаться, что хотя чума и другїя болѣзни, истекающїя изъ нѣдръ согнїенїя, здѣсь весьма рѣдки; но сїе происходитъ не отъ того, чтобъ нынѣшнїе Египтяне не употребляли всѣхъ способовъ содѣлать ихъ обыкновенными: они пренебрегали самыя простыя предосторожности. Подъ тяжкою сихъ варваровъ рукою не токмо черты величїя древняго Египта почти совсѣмъ помрачились, но даже произведенїя, необходимое основанїе плодородїя земли и здравости воздуха, каждой день изчезали. Болота заступили мѣсто полезныхъ озеръ; прокопы были засыпаны; другїя, угрожающїя скоро таковыми быть множествомъ въ нихъ пребывающаго ила, являли въ нѣкоторое годичное время скопленїя вдаль испускающїй зловонный запахъ гнїючей воды. Мертвыхъ животныхъ трупы заражали поля, а иногда и окружность городовъ; однимъ словомъ, казалось, что жители всячески старались содѣлать землю свою нездоровою. Какъ же не имѣть хорошаго мнѣнїя объ ея климатѣ, которой, не взирая на усиленїя изтребительнаго разсудка, нападенїя несмысленной безпечности, не получилъ отъ того никакого опаснаго и вреднаго вліянія.

(*) Чума на Арабскомъ языкѣ называется *Куббе.*

Тамъ дѣйствительно нѣтъ всеобщихъ болѣзней. Новопрѣзжаго не постигаютъ тѣ жестокія и возпаляющія горячки, которыя въ нашихъ Американскихъ селеніяхъ составляютъ удѣлъ смерти; онъ также не страждетъ продолжительными и перемѣжающимися лихорадками, въ тѣхъ же мѣстахъ возпослѣдуемыя многочисленными припадками, и наконецъ водяною болѣзнію. Частыя немощи не удручаютъ дней иностраннаго и туземца. Изъ числа четырехъ, общество наше составляющихъ Французовъ, двое только были больны. Я имѣлъ въ Верхнемъ Египтѣ *Офталмію* (боль въ глазахъ), а рисовщикъ мой былъ одержимъ давнишнею имъ привезенною кожною болѣзнію; но впрочемъ во все время не чувствовали никакой немощи. Мы видѣли, что даже пріѣзжающіе изъ Константинополя Турки, разслабленные отъ разпутствъ и немощей, которыя суть оныхъ послѣдствіемъ, послѣ нѣсколькаго времени тамъ пребыванія, паки пріобрѣтали по крайней мѣрѣ наружный видъ здоровья. Всевозможныя разсужденія не въ силахъ преодолѣть дѣйствій, и сколько бы не собирали Диссертацій, какъ Г. *Павъ* сіе учинилъ, для удостовѣренія, яко бы изъ Египта произходятъ многія болѣзни; но опытность, яснѣйшее изъ всѣхъ доказательствъ, удостовѣритъ, что тамъ питаются свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ.

Нѣсколько слѣдовъ предосторожности, предпринимаемой древними Египтянами для погребенія усопшихъ, существуютъ и у нынѣшнихъ той страны жителей. Искусство бальзамированія имъ не извѣстно; но почтенія, наблюдаемыя

ими при отправленїя мертвыхъ тѣлъ, попеченїя, принадлежащїя, естьли то справедливо, къ правиламъ Магометанскаго закона, суть и понынѣ слезы; или, естьли хотятъ, тѣнь древняго и забвеннаго обыкновенїя.

Какъ скоро умретъ особа, то тотчасъ поспѣшаютъ сжать всѣ части ея тѣла, дабы извлечь изъ него всю нечистоту. Ее обмываютъ нѣсколько разъ, обрѣютъ, выводятъ волосы посредствомъ мази и хлопчатою бумагою затыкаютъ всѣ тѣлесныя отверзтїя. По томъ обливаютъ благовонною водою, и Аравическїя благоуханїя проникаютъ во всѣ ея поры. Послѣ подобнаго вниманїя о чистотѣ тѣла и подобныхъ знаковъ уваженїя къ неодушевленнымъ останкамъ, ввѣряютъ ихъ землѣ и опускаютъ въ нѣдра вѣчности. Небольшой каменной столъ, на которомъ находится чалма, возвышается надъ мѣстомъ покоенїя главы усопшаго. У подошвы сего вѣрнаго ознаменованїя возобновляются всякую пятницу плачевныя прощанїя. Женщины не преминуютъ приходить туда и, наблюдая наружное въ самихъ себя внитїе, изъявляютъ свои сожалѣнїя и обѣты; слезы дочери орошаютъ лице матери, а рыданїя сей послѣдней горестными воспоминанїями продолжаютъ въ ея душѣ существованїе дѣтей, которыхъ она уже лишилась. Я не говорю о воплѣ мужей: въ здѣшней странѣ примѣтенъ только властелинъ и рабъ.

Отправленїе сего благоговѣйня къ усопшимъ, толико пренебрегаемое у насъ на Западѣ, почитается священнымъ долгомъ у Восточныхъ народовъ, и нигдѣ не совершается съ подобною

точностію. Воображеніе, что умирающій должно отрещись отъ знаковъ усердія того, что намъ всего дороже, оскорбляетъ душу и приводитъ ея въ отчаяніе. Но естьли увѣренъ человѣкъ, что сожалѣніе и свидѣтельства нѣжнѣйшихъ чувствъ сопровождаютъ его во гробъ; что между жизнію и смертію существуетъ плѣняющая и прочная сообщественная связь; что, сокрывъ глаза отъ свѣта, будетъ онъ окруженъ любимыми имъ предметами: тогда кажется, яко бы душевныя наслажденія содѣлываются тихими и продолжительными, потому что уже не столько бываютъ разсѣваемы, и онъ уже въ такомъ случаѣ, имѣя больше бодрости духа, вступаетъ въ сей, чувствительностію приготовленной, родъ безсмертія.

Сколь ни велики уваженія къ мертвымъ, однакожъ не думаютъ на Востокѣ, чтобъ они имѣли право вредить здоровье живыхъ людей. Впрочемъ уединеніе и тишина приличны частымъ и печальнымъ тамъ бываемымъ посѣщеніямъ. Послѣднія убѣжища человѣковъ помѣщены внѣ окружности селеній. Сіи мѣста представляютъ отдѣленныя и безмолвныя пространныя огороженныя площади. Толстый слой земли покрываетъ тѣла и сохраняетъ отъ смѣшенія и безпорядка, къ которымъ послѣдствіе временъ можетъ ихъ подвергнуть: благоразумная предосторожность, происходящая отъ самонѣжнѣйшаго чувствованія!

Въ гробахъ, покрытыхъ разными матеріями, коихъ цвѣтъ не опредѣленъ, относятъ усопшихъ на погребательныя мѣста. Чалма, изключительный уборъ Музульмановъ, кладется

на коврѣ; надъ головою; а дабы не имѣть ничего общаго съ Христіанами, то мертвыхъ носятъ головою впередъ. Предъ гробомъ идутъ попы, повѣдающіе разныя изрѣченія изъ Алкорана, а за тѣломъ слѣдуютъ за деньги нанятыя женщины, производящія плачъ, крикъ и рыданіе. Не должно сомнѣваться, чтобъ у того, кто больше платитъ, не было при погребеніи больше поповъ и наятыхъ плакальщицъ.

Въ *Россетѣ* нѣтъ опредѣленныхъ мѣстъ для погребенія умирающихъ Французовъ. Тѣ, которые тамъ умирали, были отвозимы въ *Александрію*, гдѣ и были схоронены въ монастырѣ Св. *Георгія*. Усопшаго сопровождали священникъ, переводчикъ и одинъ Янычаръ. Оныя погребательныя путешествія совершались сухимъ путемъ, и были весьма убыточны.

Описавъ Египетскія кладбища, непремѣнно должно нѣсколько упомянуть о обыкновенныхъ и на оныя ведущихъ болѣзняхъ. Не будучи ни частыя, ни заразительныя, мущины, коихъ сложеніе есть желчное, подвержены гнилымъ и воспаленіе причиняющимъ болѣзнямъ. Поносы хотя и случаются, но не такъ часто, какъ въ Европѣ. Грыжи здѣсь не рѣдки, но не происходятъ отъ *Нильской* воды, такъ какъ многіе Писатели сіе утверждали. Онѣ раждаются отъ разслабленія, причиняемаго частымъ хожденіемъ въ теплыя бани, отъ неумѣренной верьховой ѣзды, а особливо отъ чрезвычайной полноты нѣкоторой части одежды. *Кожныя* болѣзни тамъ обыкновенны, и были бы еще обыкновеннѣе безъ употребленія бань. *Проказа* и ужасный *Елефантіазисъ* появляются иногда:

они кажутся быть не весьма прилипчивыми, потому что страждующіе ими люди рѣдко встрѣчаются.

Сей послѣдній родъ проказы, коей и древніе Египтяне были подвержены, высушаетъ и сжестчаетъ тончайшую кожицу ногъ, содѣлываетъ ихъ отмѣнно толстыми, наполненными морщинами и похожими на слоновыя ноги. Она свойственна Сѣверной части Египта, но на нѣкоторое разстоянїе выше *Каира* рѣдко бываетъ. Сіе примѣчанїе сдѣлано и древними. *Гилларїй*, разсматривая сію сухую *проказу* на Барбадскихъ островахъ, не запримѣтилъ, чтобъ обѣ ноги разпухли въ одно время (*). Сему противное бываетъ въ Египтѣ, гдѣ они обѣ достигаютъ до равномѣрной страшной уродливости. Здѣсь лѣкарства отъ сей болѣзни не знаютъ. Изслѣдованїя и искуство Французскихъ Медиковъ конечно пріобрѣтутъ оное. Они также будутъ имѣть случай удостовѣриться о дѣйствительности способа, употребляемаго Индѣйскими Врачами для излѣченїя *Елефантїазиса*. Способъ, уже описанной съ большею внятностїю и раченїемъ во 2 Части *Азїатскихъ Бенгальскихъ записокъ*, напечатанныхъ въ *Калкуттѣ*.

Нѣтъ можетъ быть земли на свѣтѣ, гдѣ бы повреждающіе источники родотворенїя болѣзни, были такъ разпространены, какъ въ Египтѣ. Причиняемыя ими опустошенїя хотя и умѣренны зноемъ климата, изобильнымъ испа-

---

(*) *Виліама Гилларія* примѣч. о Барбадскихъ островахъ. Лондонъ, 1759.

риванїемъ и банями, но не меньше отъ того ужасны. А какъ никакое врачеванїе не предоставляетъ преграды ихъ усиленїю, то и произходятъ отъ нихъ иногда страшныя послѣдствїя.

Но совершенно прилипчивая болѣзнь есть *Офталмїя*, или воспаленїе глазъ. Страна сія наполнена кривыми и слѣпыми. Здѣсь рѣдко видны люди съ совершенно здоровыми глазами, или безъ вспухлыхъ и гнойныхъ вѣкъ. Но и нещастїе — составляетъ сообщества; ибо слѣпые въ *Каирѣ* иногда бунтовали и приводили Правительство въ немалое запрудненїе и ужасъ.

Естьли вѣрить *Гасселквисту* (*), то изходящїе пары изъ согнитыхъ водъ суть настоящая причина глазныхъ немощей. Но древнїе Египтяне содержали прокопы съ отмѣннымъ наблюденїемъ; оные чистили и не оставляли въ нихъ застойной воды; однакожъ совсѣмъ тѣмъ они страдали *Офталмїею*. Послѣдуя сему правилу, тотъ же путешественникъ толкуетъ, что глазная болѣзнь болѣе другихъ мѣстъ владычествуетъ въ *Каирѣ*, и произходитъ отъ протекающаго чрезъ тотъ городъ канала. Я препроводилъ почти цѣлые дни у состоящаго надъ симъ прокопомъ окошка въ Августѣ мѣсяцѣ, то есть въ такое время года, въ которое самые вонючїе пары изъ него изходятъ; но, за изключенїемъ дурнаго запаха, не чувствовалъ никакого безпокойствїя. Естьлижъ въ *Каирѣ*

(*) Путешествїе на Востокъ перев. Часть II, стран. 117.

больше слѣпыхъ, то сіе произходитъ отъ того, что онъ весьма изобиленъ жителями, и что сверхъ того нищіе собираются туда со всѣхъ сторонъ въ надеждѣ снискать въ немъ больше помощи. Но глазныя болѣзни во всемъ Египтѣ равномѣрно обыкновенны. Я сохранилъ оба глаза въ *Каирѣ*, и едва не лишился одного въ *Саидѣ*.

Чрезвычайный жаръ, воздухъ, упитанный селитряными частицами, ѣдкая и знойная пыль, разсѣваемая по атмосферѣ, суть настоящіе источники глазныхъ болѣзней. Я не рѣдко сему дѣлалъ опытъ; ибо естьли, во время немного сильнаго вѣтра, выходилъ днемъ, хотя на нѣсколько минутъ, на сосіоящую надъ Каирскимъ моимъ домомъ террасу, то и чувствовалъ несносной жаръ въ глазахъ. Сія нестерпимая боль продолжалась иногда нѣсколько дней, и я освобождался отъ оной только посредствомъ прохладительныхъ измываній.

Въ числѣ причинъ, толико въ *Каирѣ* и другихъ большихъ городахъ размноженной слѣпоты, должно полагать частое поливаніе домовъ и улицъ. Дабы умѣрить жаръ, обливаютъ ихъ нѣсколько разъ въ день большимъ количествомъ воды. Земля; ибо улицы не намощены, бывъ чрезвычайно разпалена, выпускаетъ изъ себя послѣ сихъ поливаній селитряныя и возпаляющія изпаренія, отъ которыхъ глаза бываютъ повреждены. Когда я освободился отъ *Офталміи*, коею страдалъ, глаза мои сдѣлались отмѣнно слабыми, и я запримѣтилъ, что всякой разъ, когда земля или галлерея, подъ которою иногда находился, были намочены: то въ гла-

захъ чувствовалъ боль и на нѣсколько минутъ лишался зрѣнія. Сего примѣчанія, думаю я, еще никто не сдѣлалъ. Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ вода, нѣсколько разъ и съ изобиліемъ налитая на знойную и содержащую много солкихъ частей пошву, не возвышала острыхъ паровъ, которые можно почитать единою изъ главныхъ причинъ ослѣпленія.

Существуютъ и другія вспомогательныя причины, содѣлывающія глазныя скорби нынѣ больше обыкновенными, чѣмъ онѣ были во времена древнихъ Египтянъ, какъ на примѣръ, худое свойство пищи, употребляемой нынѣшними жителями, и которая, содѣлавъ мокроты ѣдкими, производитъ неминуемыя частыя немощи, а особливо глазную болѣзнь; равномѣрно и чрезмѣрная Египтянъ склонность къ наслажденіямъ, въ коихъ любовь рѣдко соучастіе имѣетъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Обрѣзаніе женщинъ. — Секта Саадіа, или Ѣдуновъ змій.

Нѣтъ человѣка, которой бы не зналъ, въ чемъ состоитъ обрѣзаніе мущинъ; всякой извѣстенъ, что Жиды и Музульмане обрѣзаны. Сіе обыкновеніе почиталось необходимымъ у древнихъ Египтянъ. Но было ли оно дѣйствительно нужное въ ихъ климатѣ? сего вопроса я здѣсь рѣшить не намѣренъ, хотя совершенно почти удостовѣрился, что обрѣзаніе, есть-ли и не есть надобное, но по крайней мѣрѣ

должно почитаться весьма полезнымъ у грубаго и мало попечительнаго народа. Оно также въ употребленіи и у *Колтовъ*, которые не бывъ весьма удостовѣрены пріобрѣсть Царства небеснаго помощію крещенія, у нихъ совершаемаго по обряду Христіанскому, полагаютъ, какъ и Магометане, между коими живутъ, въ число правилъ своего закона, необходимость быть обрѣзанными. Подробности у всѣхъ послѣдователей *Магомета* единообразно наблюдаемаго дѣйствія будутъ помѣщены въ Путешествіи моемъ въ Турцію. Въ Египтѣ не одни мущины ему подвержены, но и надъ женщинами совершается для сего особая операція.

Сей послѣдній родъ обрѣзанія былъ наблюдаемъ и у народа древняго Египта. Онъ предоставленъ однимъ его потомкамъ; ибо иностранки, поселившіяся въ сей же странѣ, отъ онаго избавлены и не имѣютъ въ немъ нужды. Я чувствую, сколь мудрено разсуждать о подобныхъ вещахъ, безъ возбужденія мыслей, противныхъ тѣмъ, которыя послѣдуютъ за Изпытателемъ Природы въ его изысканіяхъ; но сей предметъ человѣческой Исторіи слишкомъ важенъ, чтобъ быть умолченъ, и никто прежде меня не разсмотрѣлъ и не внялъ его съ точностію. Я употреблю единственно Анатоміею утвержденныя и приняты слова. Естьлижъ и позволяется для большаго числа людей быть не весьма внятнымъ, то сіе конечно извинительно въ случаѣ описанія столь затруднительнаго веществословія.

Всѣ знали, что Египтянки были обрѣзаны, но никто не былъ согласнаго мнѣнія о понуди-

тельныхъ причинахъ сего обыкновенія. Большая часть тѣхъ, которые объ ономъ писали, почитали его убавкою части дѣтородноудныхъ женскихъ сережекъ (нимфъ), которыя въ здѣшнихъ странахъ, какъ сказываютъ, прибываютъ удивительнымъ образомъ. Другіе, въ числѣ коихъ примѣчается славный путешественникъ *Жамесъ Брюсъ* (*), думали, что сіе дѣйствіе состоитъ въ отнятіи *Клиториса*, коего продленіе, по словамъ тѣхъ же Писателей, имѣетъ нѣчто безобразное и омерзительное. Г. *Брюсъ* именовалъ сію операцію *Excisio* (эксицзіо), слово, употребленное и на Французскомъ языкѣ, достойнымъ переводчикомъ сего имянитаго Мужа, и которое замѣнить дѣйствительно весьма трудно.

Не имѣвъ еще случая вточности узнать о существѣ обрѣзанія Египетскихъ женщинъ, думалъ и я, что оно состоитъ въ отнятіи излишества *Нимфъ* и *Клиториса*, судя по обстоятельствамъ, или по мѣрѣ продленія тѣхъ частей. Должно навѣрное полагать, что подобныя дѣйствія производятся не только въ Египтѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ Востока, гдѣ зной климата и другія причины могутъ производить тѣхъ частей слишкомъ излишнее приращеніе; и я тѣмъ больше былъ въ томъ удостовѣренъ, что разпрашивая многихъ въ *Россеттѣ* живущихъ Турокъ о обрѣзаніи ихъ женъ, не получилъ отъ нихъ другаго понятія, какъ то, которое уже имѣлъ о сихъ бо-

(*) Путешествіе въ Нубію и Абиссинію.

лѣзненныхъ обезчлененїй. Они объясняли мнѣ и побудительныя причины оныхъ. Разборчивые любители, какъ уже выше сказано, гладкой и лоснистой поверхности, всякая неровность, всякая выпуклость ими почитается отвратительнымъ порокомъ. Съ другой стороны увѣряли меня, яко бы помощїю одной изъ сихъ операцїй женщины лишались горячности сложенїя и способности доставлять себѣ непозволенныя наслажденїя: варварское мудрованїе тиранства, послѣдняя степень уничиженїя одной половины человѣческаго рода, которою жестокими средствами другая половина образуетъ для своихъ удовольствїй и по самоизволенїю ревниваго своего самовластїя.

Г. *Нїебюръ* повѣствуетъ, что *Форскалъ* и еще другой путешествїя его сотоварищъ, будучи у одного *Каирскаго* Господина въ деревнѣ, явили ему совершенное ихъ желанїе видѣть обрѣзанную дѣвку. Сей снизходительный хозяинъ приказалъ тотъ же часъ привести осьмнадцати-лѣтнюю крестьянку, которую и позволилъ разсматривать, какъ имъ угодно. Находящїйся при нихъ живописецъ срисовалъ все съ натуры въ присутствїи нѣсколькихъ Турецкихъ слугъ; но онъ работалъ съ трепетомъ, потому что всѣ они опасались послѣдствїй со стороны Магометанъ (*). Однакожъ Г. *Нїебюръ* не издалъ въ свѣтъ сего въ страхѣ сдѣланнаго рисунка и не предоставилъ намъ никакого подробнаго извѣщенїя о обрѣзанїи. Однакожъ, естьли

(*) Описанїе Аравїи Г. *Нїебюра*, Томъ I, стран. 71.

судить по предыдущему, то навѣрное должно полагать, что сей же путешественникъ усмотрѣлъ въ немъ отрѣзанїе *Нимфъ* и *Клиториса*, коихъ приращенїе столь не нравится здѣшнихъ странъ мужьямъ.

Я почти былъ увѣренъ, что, кромѣ сего излишества, существуетъ въ тѣхъ частяхъ что ни есть другое, и что сїе не всѣмъ женщинамъ свойственное изуродованїе не можетъ быть предметомъ древняго и всеобщаго обыкновенїя. Въ разсужденїи сего, дабы достичь до познанїя онаго, рѣшился наконецъ и предпринялъ намѣренїе, которое должно показаться отважнымъ всякому, кому Египетскїе жители извѣстны, не срисовать обрѣзанную женщину, но велѣть обрѣзать одну въ моемъ домѣ. Г. *Форнети*, его благоразумное снизхожденїе не рѣдко было для меня полезнымъ, согласился вспомоществовать мнѣ въ томъ предпрїятїи и, чрезъ посредство одного Турка, который при Французскихъ купцахъ въ *Россетѣ* отправлялъ должность Маклера, приведены наконецъ въ мою комнату женщина, коей ремесло было обрѣзывать себѣ подобныхъ, и двѣ молодыя дѣвки, изъ которыхъ одна два года тому назадъ уже была обрѣзана, а другая назначена для оной операцїи. Г. *Форнети*, Маклеръ Турокъ, Консульской Янычаръ и я, были единственными свидѣтелями сей церемонїи.

Я сперва началъ разсматривать маленькую для обрѣзанїя приведенную дѣвочку: ей было отъ роду около осьми лѣтъ, и она происходила отъ Египетскаго поколѣнїя. Я весьма былъ удивленъ, увидя, что у ней толстой, вя-

лой, мясистой и кожею покрытой наростъ. Сей наростъ имѣлъ свое начало повыше смычка большихъ губъ, и висѣлъ почти на половину дюйма вдоль погожъ самаго соединенїя. Чтобъ имѣть довольно вѣрное о немъ понятїе, то должно его уподобить какъ въ разсужденїи величины, такъ даже и образованїя висячему дикому мясу, коимъ носъ у Индѣйскихъ пѣтуховъ обремененъ.

Операторша сѣла на полъ, посадила противъ себя маленькую дѣвочку и, безъ всякаго пріуготовленїя и дальнихъ околичностей, взявъ худую бритву, ею отрѣзала тотъ удивительной наростъ, о которомъ теперь упоминалъ. Дѣвочка не оказала чувствованїя отмѣнной боли; щепотка золы составляла весь пластырь, приложенной къ ранѣ, хотя и истекало изъ нее довольно много крови. Операторша, во время дѣйствїя, не коснулась ни до *Нимфъ*, ни до *Клиториса*, и оныя части, какъ у сего дитяти, такъ и у другой постарѣе и уже обрѣзанной дѣвочки снаружи не были явны.

Вотъ въ чемъ состоитъ обрѣзанїе Египетскихъ дѣвокъ, которое должно почитать весьма нужнымъ; ибо сей родъ продолговатаго гриба съ лѣпами получаетъ приращенїе, и естьли его оставить, то онъ закроетъ все отверзтїе дѣтороднаго уда. Обрѣзальщица увѣряла меня, что въ двадцать пять лѣтъ сей наростъ будетъ имѣть больше четырехъ дюймовъ длины. Оному подвержены однѣ женщины Египетской природы. Прочїя хотя и принадлежатъ народамъ, на той землѣ поселившимся и содѣлав-

шимся почти ея уроженцами, отъ онаго освобождены.

Для избавленія Египетскихъ дѣвокъ отъ столь тягостнаго излишества, почти никогда не дожидаются времени ихъ возмужалости, которое въ Египтѣ не столь медленно, какъ въ нашихъ Сѣверныхъ странахъ, и ихъ отъ онаго освобождаютъ семи, или осьми лѣтъ. Сію, какъ уже видѣли, не трудную операцію, обыкновенно дѣлаютъ *Саидскія* бабы. Они разходятся по деревнямъ и городамъ, гдѣ и кричатъ на улицахъ: *Кому надобна хорошая обрѣзальщица!* Суевѣрное преданіе назначило время совершенія обрѣзанія, то есть, при началѣ прибыли *Нильской* воды. Отысканіе родственниковъ, согласныхъ на обрѣзаніе дочери своей, во время, столь отдаленное отъ того, которое для сего почитается благополучнѣйшимъ, меня не мало затруднило. Тогда настояла зима; но нѣсколько денегъ преодолѣли сіе препятствіе, какъ и многія другія препоны.

Теперь, естьли со вниманіемъ разсмотрѣть свойство нароста, отличающаго Египетскихъ женщинъ знака, то и увидятъ, что онъ имѣетъ сообразность съ тѣмъ, которой на другомъ концѣ Африки существуетъ у иныхъ тамъ обитающихъ народовъ. *Бюфонъ* не хотѣлъ вѣрить свидѣтельству одного только путешественника, сказавшаго, что Египетскія женщины имѣютъ нѣкоторую жесткую кожу, которая растетъ у нихъ повыше наддѣтородоудной кости и опускается весьма низко; но

что они ея изпребляютъ созженïемъ (*). Въ повѣсти *Тевеноta* находится однакожъ больше справедливости и гораздо меньше увеличиванïя, нежели въ описанïяхъ Езуита *Ташарда* и *Колба*, когда, послѣдуя своему воображенïю, описывали они природный *Запонъ* Готтентотокъ.

Естьли сей родъ природнаго покрова и не таковъ, какъ онъ описанъ, однакожъ не должно было совершенно опровергать его существованïе (**); когдажъ онъ и не можетъ почитаемъ быть всеобщею принадлежностïю Полуденныхъ Африканскихъ женщинъ, но не льзя оспоривать, чтобъ онъ не находился у нѣкоторыхъ тамъ живущихъ народовъ. Одинъ нашихъ временъ славный путешественникъ почелъ сперва сïе *составленïе* сказкою, потому что онаго не видалъ въ посѣщаемыхъ имъ странахъ; но послѣ сего уже его встрѣтилъ въ дальномъ разстоянïи отъ мыса *Доброй Надежды*, между дикихъ Готтентотовъ. Онъ предоставилъ изображенïе одной *Готтентотки*: она кажется означаетъ продленïе покрывающаго наддѣтородоудную кость мясистаго вещества, и которое, упадаючи внизъ опвѣсно вдоль дѣтороднаго уда, раздѣляется на двѣ части. Однакожъ гражданинъ *Левалïанъ*, почитающïй сïю странность дѣйствïемъ искуства, или скорѣе своенравïемъ моднаго обыкновенïя, говоритъ, что оно есть ничто другое, какъ *протяженïе* большихъ губъ, кото-

---

(*) Ист. Естес. человѣка.

(**) *Спарманъ*, Путешествïе на *мысъ Доброй Надежды*, Томъ I. стран. 239 и 245.

рыя чрезъ треніи и подергиванія напрягаются, и посредствомъ привѣшенныхъ гирь опускаются внизъ даже на девять дюймовъ (*). Естьлибъ гражданинъ *Левалліанъ* употребилъ больше времени для наблюденія своихъ примѣчаній о столь важномъ предметѣ Естественной человѣческой Исторіи: то вѣроятно узналъ бы, что сіе необыкновенное и удивительное *протяженіе*, представленное ему въ видѣ изобрѣтенія искусства, есть произведеніе Природы. И дѣйствительно трудно понять, какимъ образомъ можетъ верьхняя часть большихъ губъ достичь до такой чрезвычайной длины, какіе бы для сего ни были употреблены способы. Но естьли станутъ размышлять, что на другомъ краю той же твердой земли существуетъ народъ, у котораго женщины имѣютъ природное на тѣлѣ излишество, и что оно разнствуетъ отъ видимаго *Левалліаномъ* у посѣщенныхъ имъ Готтентотокъ наросша только по тому, что оно простое и не раздвоенное; когда уже увѣрены, что сіе излишество происходитъ ни отъ дерганія, треніи и ни отъ чего другаго подобнаго, потому что оно раждается съ женщинами, и что онѣ поспѣшаютъ истреблять его: то не льзя вообразить, чтобъ онъ предоставленъ однимъ только Египтянкамъ, но разпространяется отъ ихъ земли до мыса *Доброй Надежды*, полосу, вмѣщающую въ себя однихъ смуглыхъ, а не черныхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ ни-

(*) Путешествіе во внутренность Африки Часть I. Томъ II. стран. 347 и послѣдующія.

чего похожаго. Сія догадка заслуживаетъ нѣкоторое вѣроятіе; ибо совершенно уже извѣстно, что Абиссинскія женщины обрѣзаны, такъ какъ и Египтянки; а хотя и нѣтъ никакого вѣрнаго свѣденія о понудительной причинѣ сей операціи въ *Абиссиніи*; но весьма вѣроятно и должно навѣрное полагать, что она есть послѣдствіемъ сходственной сообразности у однихъ и другихъ; сіе мнѣніе болѣе утверждается тѣмъ, что всѣ женщины, обрѣзывающія себѣ подобныхъ въ Египтѣ, происходятъ изъ той части земли, которая ближе прилежитъ къ *Абиссиніи*.

Я наконецъ могъ имѣть въ моемъ домѣ и другаго роду позорище. Одна Природа изображалась въ первомъ. Второе было примѣчательнымъ образцомъ человѣческаго сумазбродства. Поколѣніе *Псилловъ*, того народа, которой тщеславился имѣть власть презирать змѣй, обворожать ихъ, дѣлать на голосъ послушными и изцѣлять ихъ уязвленіе, увѣковѣчилось въ Египтѣ. Тамъ существуетъ секта людей, называемыхъ *Саадисъ*, именемъ ихъ основателя, весьма почитаемаго святаго здѣшнихъ странъ Магометанами. Сей *Саади* имѣлъ дядю, играющаго важную роль въ Сиріи. Будучи одинъ разъ имъ посланъ въ пустыню для набранія древесныхъ сучковъ, по нарубленіи хвороста, молодой человѣкъ былъ весьма затрудненъ, не знавъ, чѣмъ завязать оной. Послѣ многихъ тщетныхъ изысканій, вздумалъ онъ связать многихъ змѣй концами, и сею живою веревкою утвердилъ свой фашинникъ. Дядя, возхищенный выдумкою своего племянника, сказалъ ему:

Ступай теперь, ты можешь пробыть одинъ; ты мудръ больше, нежели я самъ. Съ того самаго времени сей столь ученый мужъ сталъ странствовать по свѣту, приводя змѣй въ изумленіе дивною и чрезъестественною своею наукою, и онъ имѣлъ множество учениковъ, которымъ сообщилъ власть свою. Гробница его находится близь *Дамасса*; она наполнена змѣями и другими ядовитыми животными, между которыми можно лечь и спать, не опасаясь никакого вреда.

Вотъ произхожденіе нынѣ въ Египтѣ весьма многочисленной секты, и коей каждый сочленъ наслѣдовалъ наукѣ своего основателя. Они празднуютъ ему каждый годъ пристойнымъ образомъ ихъ учрежденію. Ходятъ процессіями по улицамъ, у каждаго въ рукѣ живой змѣй, котораго кусаютъ, раздираютъ и глотаютъ по кускамъ, производя страшныя кривлянія и разныя удивительныя тѣлодвиженія. Но сіе празднество, которое съ любопытностію желалъ я видѣть, бываетъ лѣтомъ, и мнѣ очень хотѣлось разсмотрѣть поближе одного изъ числа тѣхъ ѣдаковъ змѣй. Г. *Форнети* и я употребили тѣ же средства, что и для обрѣзанія, и одинъ *Саади* приведенъ въ мою комнату, будучи сопровождаемъ своей секты попомъ. У сего послѣдняго лежалъ за пазухою толстой змій, котораго онъ безпрестанно ворочалъ. По прочтеніи молитвы вручилъ его *Саадію*. Я замѣтилъ, что зубы у сего пресмыкающаго выдерганы: впрочемъ онъ былъ наполненъ жизнію, и темнозеленаго мѣднистаго цвѣта.

Саади сильною рукою схватилъ змія, которой и обвился около голой его десницы.

Онъ началъ возмущаться; видъ его перемѣнился, глаза содѣлались мутными; онъ испускалъ страшные крики, и сей изумленный укусилъ животнаго въ голову, и вырвалъ изъ него кусокъ, которой при насъ сжевалъ и проглотилъ. Тогда уже волнованïе его содѣлалось коверканïемъ, вой или вопль его удвоился; члены изкривились, видъ изображалъ озлобленïе, а изъ ужасными кривлянïями разпростертаго его рта истекали потоки пѣны. Въ продолженïи сего пожиралъ онъ новые куски пресмыкающаго. Три человѣка старались его удерживать: онъ ихъ всѣхъ трехъ преодолѣвалъ и таскалъ за собою по комнатѣ. Руки его со удивительною поспѣшностïю стремились во всѣ стороны, ударяли все то, до чего достичь могли. Г. *Форнети* и я, стараясь убѣгать его, иногда были принуждены прижиматься къ стѣнѣ, чтобъ не встрѣтиться ему и сокрыться отъ его ударовъ. Мы бы очень желали, чтобъ сей бѣснующïй былъ весьма далеко. Наконецъ попъ отнялъ у него змïя; но его бѣшенство и припадки отъ того сперва не укротились; онъ кусалъ у себя руки, и изступленïя его продолжались. Попъ бралъ его въ свои объятïя, тихонько гладилъ ему спину своею рукою, приподнималъ съ земли и читалъ молитвы. Волнованïе утишилось постепенно, и превратилось въ совершенное унынïе, которое продолжалось нѣсколько минутъ.

Турки, присутствующïе при сей странной и омерзительной церемонïи, были весьма увѣрены о дѣйствительности сего святаго бѣшенства. Но однакожъ и то правда, что отъ чистаго ли сердца, или изъ притворства и обма-

на; но не возможно живѣе изобразить изступленіе бѣшенства и озлобленія, ни имѣть предъ глазами человѣка въ столь страшномъ и ужасномъ положеніи.

Великое число сихъ людей пожирателей змій заставило думать нѣкоторыхъ Писателей, а особливо Доктора *Шава*, что и пища ихъ состоитъ изъ сихъ пресмыкающихъ. По мнѣнію Аглинскаго путешественника, находится въ *Каирѣ* и онаго окрестностяхъ болѣе четырехъ тысячь душъ, питающихся только змѣями (*). Но сіе не справедливо. Для *Саадисъ* змѣи не составляютъ кушанья; а естьли въ церемоніяхъ своихъ и раздираютъ они нѣсколькихъ живыхъ сырыхъ сего рода животныхъ, но ими не питаются. Впрочемъ оные люди весьма уважены въ Египтѣ; но Турки изъ другихъ Имперій Отпоманской страны надъ ними смѣются и ими презираютъ.

Я имѣлъ случай разговаривать съ *Шеикомъ*, или той секты попомъ. Онъ весьма былъ откровененъ; ибо, увѣряя меня, что многіе изъ нихъ имѣютъ чрезвычайную власть надъ змѣями, признавался, что онъ въ оной власти ни мало не участвуетъ, а напротивъ того весьма боится сихъ животныхъ. Я узналъ отъ него нѣкоторыя подробности, которыя теперь опишу. Дабы имѣть на нужной случай всегда готовыхъ змій, то оныхъ вскармливаютъ у себя, но изъ предосторожности вырываютъ у нихъ зубы. Естьли кто укушенъ змѣемъ, то не мѣшкавъ идетъ къ *Саадію*. Сей послѣдній произно-

(*) Путешествіе *Шава*, Часть II.

ситъ надъ раною нѣсколько словъ, насѣкаетъ ее бритвою и, наполнивъ ротъ свой лимоннымъ сокомъ, неоднократно высасываетъ изъ ней кровь. Сіи самые люди изцѣляютъ также отъ *змѣинаго дыханія*. Такъ называютъ они воспаленныя пупырья, бывающія иногда на людяхъ, спящихъ на открытомъ воздухѣ, имѣя нѣкоторыя части тѣла не покрытыми, и утверждаютъ, что сіе происходитъ отъ заразительнаго *дыханія змія*. Употребляемое ими лѣкарство состоитъ изъ *Сезамоваго* масла, смѣшаннаго съ бѣлилами. Сею помадою натираютъ они пупырья, но въ то же самое время бормочатъ слова, безъ которыхъ всѣ лѣкарства не могутъ имѣть никакого дѣйствія. Таковая есть участь человѣчества, что даже нѣтъ народа во всей вселенной, коего бы Исторія не занимала нѣсколько страницъ, посвященныхъ суевѣрію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зима. — Нильской угорь. — Черепаха. — Птицы. — Соловей. — Хищная птица. — Шевешъ. — Бѣлой Лавандіеръ. — Мартинъ Пещеры (рыболовы). — Геронъ. — Султанская курица. — Вооруженныя плювіе. — Гюппы. — Тенебріонъ. — Померанцовыя деревья. — Лукъ. — Чеснокъ. — Латукъ. — Колоказія. — Манеустъ. — Талебъ. — Какимъ образомъ Африканцы означаютъ человѣковъ. — Крысы и мыши. — Овцы. — Коза. — Разположеніе къ отъѣзду изъ Россетта.

Одно созерцаніе Природы можетъ занимить человѣчество сокрушающія и не рѣдко содѣлывающіяся его напастію заблужденія. Прогуливаясь часто по окрестностямъ *Россетта*, забывалъ я глупости и бѣдствія терзателей всякаго сообщества людей и предстоящіе взору моему предметы поселяли въ умѣ пріятную мысль и раздирали мрачный покровъ уныніи.

Тогда настоялъ конецъ Декабря мѣсяца, самое суровое время той страны зимы. Бурливые вѣтры колебали аппмосферу и изрывали зыби изъ пребывающаго въ берегахъ своихъ *Нила*. Дожди, сопровождаемые иногда громомъ, орошали землю, уже напитанную водою рѣки, которая не задолго предъ тѣмъ оную покрывала. Морское волненіе рѣдко позволяло баркамъ пускаться въ путь; безразсудная смѣлость морехода, которыхъ предстоящія на немъ опа-

сности не могли удержать, подвергала ихъ неминуемымъ бѣдствіямъ, и смерть часто содѣлывалась наградою ихъ дерзновенія. Изъ двухъ *Жерлъ*, которые, не взирая на предвѣщанія весьма бурливой погоды, оставили спокойны *Россетской* берегъ, и отправились въ Александрію; одна погибла на *Богассѣ*; другая, миновавъ опасности *подводнаго каменистаго ложа*, не могла противиться яростн морской, и изчезла между шумливыхъ и стѣсненныхъ волнъ. Сверхъ обыкновенныхъ служителей было на каждой баркѣ отъ пятнадцати до двадцати *Галліондисъ*, или Турецкихъ морскихъ солдатъ, принадлежащихъ къ одной стоящей въ старой Александрійской гавани *Каравалле*, и ни одинъ изъ нихъ не могъ спастись. Посреди сего неустройства Природы толпы *Воронней* (морскихъ свиней) перепрянывали играючи чрезъ устье *Нила*, позорище ужаса и смерти, и болѣе, чѣмъ въ иное годичное время, появлялись предъ спѣнами *Россетта*.

Протекающій чрезъ оной городъ рѣчной рукавъ предоставляетъ многіе роды рыбъ, которыхъ и буду описывать каждую въ свое время. Изобильнѣйшая тогда рыба была *Нильской угорь*, почитаемый Египтянами, по словамъ *Иродота*, яко священнымъ (*). Жрецы присвоили сей рыбѣ впечатлѣніе божества, дабы воспретить народу ѣсть ея мясо: ибо вѣроятно нашли въ его употребленіи нѣкоторыя вредительныя свойства. Отъ того и наименовалъ

(*) Книга 2, §. 72.

ее Г. Навъ *вреднымъ Нильскимъ* угремъ (*). Нынѣ Египтяне ѣдятъ угрей безъ малѣйшаго отвращенія; Европейцы имъ подражаютъ, и какъ тѣ, такъ и другіе не запримѣчаютъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Одни Турки онымъ не питаются; но сіе по причинѣ омерзенія къ животному, которое, по ихъ мнѣнію, совокупляется со змѣемъ. Угри были весьма обыкновенны въ *Россетѣ*; три подобныя рыбы, изъ которыхъ каждая имѣла болѣе двухъ футовъ длины, продавались не дороже двадцати копѣекъ; я испыталъ, что мясо ихъ столькожъ вкусно, какъ и у Европейскаго угря.

Однакожъ сей послѣдній отъ него разнствуетъ нѣсколькими маловажными признаками, и можетъ составить, естьли не особливой родъ, то по крайней мѣрѣ онаго разнообразіе. Главныя черты несходности суть слѣдующія: 1. маленькіе на верхней челюсти у него усы длиннѣе, чѣмъ у нашего угря. 2. Плавильныя перья на спинѣ достигаютъ почти до самой головы, а у обыкновеннаго угря они далѣе половины тѣла не простираются. 3. Разное разположеніе зубъ. 4. Маленькія скважинки на нижней челюсти у *Нильскаго* угря весьма явственны, а у нашего почти непримѣтны. 5. Наконецъ и колера не есть одинаковы; у *Нильскаго* угря весь верхъ головы и тѣла густо чернаго цвѣта, съ блестящими мѣдянистыми отпѣнками, бока его посвѣтлѣе и равномѣрно съ отпѣнкою,

(*) Философическія изысканія о Египтянахъ и Китайцахъ, Томъ I, стран. 154.

изподняя часть головы и тѣла яркаго бѣлаго цвѣта, а глазной зрачекъ желтой. Египтяне называютъ угря *Акешъ*, родовое наименованіе всѣхъ вообще змѣй.

Рыбаки тѣхъ странъ употребляютъ разныя сѣти и невода, между которыми запримѣтилъ я неводъ, сдѣланной наподобіе сумки, или рукава, называемый во Франціи *Трюбль* или *Трубль*.

Мнѣ принесли черепаху, пойманную при входѣ въ *Нилъ* на самомъ *Богассе*, которая и попалась на приправу, привязанную къ большой и крѣпкой удѣ. Въ ней было три фута съ половиною длины, будучи измѣрена отъ начала морды до самаго конца хвоста, имѣющаго не болѣе двухъ дюймовъ во всю свою длину. Самая большая ширина сего животнаго, включая и верхній черепъ, или покрышу, состояла въ двухъ футахъ. Въ ономъ родѣ не трудно разпознать черепаху, которую *Форскалъ* означилъ подъ наименованіемъ *Черепахи о трехъ когтяхъ* (*). Ноги ея, сотворенныя наподобіе гусиныхъ лапъ, дѣйствительно вооружены, каждая тремя большими выдающимися когтями нелощенаго бѣлаго цвѣта. На концѣ верхней челюсти находится у ней наростъ, въ которомъ проведены ноздри, что весьма и уподобляетъ морду ея свиному рылу. Чешуя на ней кругловата, покрыта остріями и по краямъ сплюснута и лоснится. Нижняя часть тѣла, то есть, все то,

(*) Testudo triunguis, Thirse, *Тестудо Трїунгвисъ*, *Тирсе*. Форскалъ, Восточная *Фауна*, стран. IX.

что не покрыто костоватымъ веществомъ, бѣлая: верхъ сѣро-зеленоватъ, а голова сѣрая и испещрена бѣлыми крапинами.

Но морская ли она, или рѣчная черепаха? *Форскалъ* кажется почитаетъ ее животнымъ, *Нилу* свойственнымъ: ибо пишетъ, что она въ немъ рѣдко бываетъ. Хотяжъ и живетъ она въ Средиземномъ морѣ, но не можетъ ли входить иногда и въ рѣку съ морскими водами, которыя будучи ударяемы сильными Сѣверными вѣтрами, мѣшаются съ *Нильскою* водою и предоставляютъ ей, даже гораздо выше *Россетта*, соленость, дѣлающую ее для питья весьма непріятною? А какъ подобные случаи не обыкновенны; то и должно отъ сего заключить, что и черепаха рѣдко показывается вдоль береговъ *Нильскихъ*. Я очень знаю, что онъ положительно опредѣлилъ отличающимъ знакомъ морскихъ черепахъ, яко бы у нихъ лапы сотворены, какъ у сей послѣдней, наподобіе *плавилъ*, а что у рѣчныхъ сего рода черепокожныхъ, они тупы и зжаты. Но способы ученія Исторіи Естественной не суть предопредѣленія Природы, которая ежечасно оныя опровергаетъ и уничтожаетъ, яко соглашенія, въ коихъ она ни мало не соучаствуетъ.

Мѣсто, на которомъ поймана была та черепаха, не могло быть лучше избрано для усугубленія неизвѣстности. Сіе случилось точно тамъ, гдѣ море разъяреннее, что не можетъ далѣе распространить владычества своего, разрушается объ останавливающую его естественную преграду, и смѣшиваетъ шумливыя свои воды съ тихою, и прѣсною рѣчною водою; на сей-то

нерѣшимой чертѣ была она найдена. Но той страны жители, ее поймавшіе и другіе, которымъ я оную показывалъ, знающіе сей родъ черепахи люди, увѣряли меня, что она *морская*: они называли ее *Тирзе*. Сіе наименованіе, какъ я уже запримѣтилъ, есть общее названіе всякаго рода черепахъ, и не болѣе различаетъ сихъ на землѣ и въ водѣ живущихъ животныхъ, какъ на Французскомъ языкѣ слово *Тортю* (черепаха). Впрочемъ скажу, что мясо теперь упоминаемой черепахи очень вкусно. Рыбаки, продавшіе мнѣ оную, въ томъ меня предупреждали; но я согласился съ ихъ мнѣніемъ, когда его отвѣдалъ, приказавъ оную изготовить въ ея черепѣ, по обыкновенію Американцевъ.

Дурная погода принудила меня пробыть на квартирѣ. Густыя облака затмили нѣсколько дней солнце; первые его лучи были предзнаменованіемъ новыхъ для меня прогулокъ, и я отправился въ луга, наслаждаться новыми увеселеніями; я нашелъ тамъ многочисленныя семейства мною обыкновенно на нихъ видимыхъ птицъ. Маленькія породы, къ коимъ присоединились новые и мною еще не запримѣченные роды, какъ-то *зинъки*, *малиновки*, *винноягодники*, *краливищники* и проч. находились въ удивительномъ движеніи. Солнечный жаръ, коего были они нѣсколько времени лишены, поселялъ между ими радость. Они встрѣчались другъ другу, смѣшивались на полетѣ, перепархивая съ вѣтви на вѣтвь, и казались возбуждать себя къ взаимной веселости. Посреди сихъ любезнѣйшихъ движеній восторга нѣкоторыя птички казались забыть свои привычки. *Лавин-*

діеры или *Синички* равномѣрно соучаствовали въ общей радости и, соединясь съ сими столь оживотворенными толпами, подобно имъ садились на сучья кустарниковъ. Я не хотѣлъ ни помѣшать, ни разстроить сего празднества Природы, но съ благоговѣніемъ взиралъ на благотворительное свѣтило, коего сіи птички съ толикою живостію и прелестьми торжествовали щастливое вліяніе.

Въ нѣкоторомъ разстояніи смиреннѣе сего, но уединенная птица пряталась въ густоту большихъ просниковъ. Всѣмъ извѣстно въ Нижнемъ Египтѣ, что соловьи (*) препровождаютъ тамъ время нашихъ стужъ: я находилъ оныхъ птицъ въ разныхъ мѣстахъ *Делта*, гдѣ они преимущественнѣе избираютъ для себя тучныя и близъ водъ лежащія жилища; но онѣ не изъявляютъ тамъ искусства *Филомеля*, того прелестнаго голоса, тѣхъ громогласныхъ напѣвовъ, раздаваемыхъ съ пріятностію отголосками нашихъ садовъ и лѣсовъ. Единый тамъ испускаемый ими крикъ есть родъ того сиплаго звука или охриплѣнія, которое въ нашихъ странахъ послѣдуетъ за его восхитительнымъ пѣніемъ, какъ скоро перестаетъ онъ прославлять любовную страсть свою.

Слѣдовательно несправедливо мнили, утверждая, яко бы нѣтъ соловьевъ въ Африкѣ (**);

(*) *Бюфонъ*, Истор. Естес. птицъ, разкраш. Таб. No 615, фиг. 2 — Motacilla Luscinia L. Мотацилла Люсциніа Л. *Соловей*. Озер. II. 124. Ол. Тав. Обл. 178.

(**) *Модюй* Методич. Энциклоп. слово *Соловей*.

рни по крайней мѣрѣ находятся въ самой Восточной части сей страны вселенной. Прилетаютъ туда осенью и, оставя тѣ мѣста весною, яко пѣвцы Природы, прибываютъ въ наши лѣса прославлять ея возрожденіе. Кажется однакожъ, что онѣ предпочитаютъ *Сирію* и другія страны Азіи. *Гасселквистъ*, на коего ссылается *Гено де Монбеліаръ* (*), уже извѣстилъ, что оныя птицы находятся въ ивнякахъ и между масличныхъ деревьевъ *Іудеи*. Я не вѣдаю, по какой причинѣ хотѣли покрыть сомнѣніемъ его утвержденіе, и для чего лучше предпочли не быть извѣстными о мѣстахъ, гдѣ соловьи зимою пребываютъ. Но теперь не можетъ уже существовать сумнительности; я видалъ ихъ въ Египтѣ, гдѣ они были обыкновенны, а послѣ того находился на островахъ Архипелажскихъ въ самое время ихъ туда прибытія, на которыхъ они и отдыхаютъ упователь но съ намѣреніемъ перелетѣть въ Азію.

Глазамъ моимъ предлежащіе предметы радости и щастія въ скоромъ времени долженствовали быть нарушенными и окровавленными. Хищныя птицы, привлеченныя сими прекрасными соединеніями, парили по воздуху, и пронзительный гласъ ихъ уже назначалъ жертвы своей ненасытимости. Я вознамѣрился быть защитникомъ и мѣстникомъ сихъ небольшихъ сообществъ, и объявилъ войну палачамъ атмосферы. Когдажъ нѣкоторые изъ нихъ повергались на землю отъ моихъ ударовъ, то я благодарилъ самъ себя, что сохранилъ бытіе и спо-

(*) Истор. Натур. птицъ. Статья, *Соловей*.

койствїе сихъ невинныхъ и изящныхъ твореній Природы, толико чувствуемыхъ ея благодѣянїя.

Многїя изъ тѣхъ хищныхъ птицъ были для меня совсѣмъ новаго роду. Ни одинъ классъ крылатыхъ не есть сполъ затруднителенъ для описанїя и для надлежащаго онаго раздѣленїя, а по сей причинѣ и не намѣренъ я назначать сему роду мѣста, которое онъ занимать долженъ въ томъ или другомъ способѣ ученїя; опишу его, и сїе средство будетъ полезнѣе для Исторїи Естественной, чѣмъ изысканїя и толкованїя, которыя часто ничему не научаютъ. Однакожъ оная птица показалась мнѣ больше сближенною съ *Соколомъ*, нежели съ другаго подобнаго рода птицею.

Главныя образованїя оной птицы состоятъ въ весьма кривомъ носѣ; въ толстой перепонкѣ, покрывающей его основанїе или начало, и на которой помѣщены ноздри; въ крыльяхъ нѣсколько длиннѣе хвоста, у коихъ первое правильное перо зубчато во всю длину съ наружной стороны; въ короткой и перьями покрытой плюснѣ, спереди, почти до самаго начала пальцовъ; въ кривыхъ и острыхъ когтякъ; наконецъ въ хвостѣ, у котораго правильныя перья почти равныя; ибо когда бываютъ распростерты, то и можно запримѣтить, что длина ихъ не много уменьшается по мѣрѣ ихъ сближенїя съ средними перьями, которыя суть нѣсколько покороче прочихъ.

Размѣры. Вся длина одиннадцать дюймовъ съ половиною; носа двенадцать линїй съ половиною; заплюснья семнадцать линїй;

хвоста четыре дюйма и восемь линій; крыльевъ десять линій съ половиною; но когда онѣ сложены, то и превозходятъ длину хвоста осмью линіями.

Лобъ, вся нижняя часть тѣла, хвоста, такожъ и изподняя поверхность крыльевъ, есть прекраснаго бѣлаго цвѣта. Верхъ глаза и передній онаго уголъ покрыты небольшими и другъ отъ друга отдѣленными черными перышками. Тѣло и голова сверху, такожъ и большія верхнія перья въ крыльяхъ пепельнаго цвѣта, а маленькія суть черныя. Правильныя перья въ крыльяхъ пепельныя, но на концѣ нѣсколько сѣроваты, стебли у нихъ черные: зубчики главнаго наружнаго пера бѣлые. Хвостъ и два большія среднія пера хотя и бѣлыя, но нѣсколько смѣшены съ сѣро-пепельнымъ цвѣтомъ, а прочія всѣ снизу бѣлыя, но снаружи нѣсколько сѣроваты. Глазной зрачекъ у сей птицы блестящаго померанцоватаго цвѣта. Перепонка, покрывающая носъ и заплюснье, желтыя; носъ и когти черные.

Птица, употребленная мною для сего описанія, была самецъ. Правое шуляшное яйцо было у ней гораздо больше и долше лѣваго. Кишечный стволъ имѣлъ семнадцать дюймовъ длины; на немъ находился пузырчикъ, наполненной желчію; но я не запримѣтилъ слѣпца (coecum). Дыхательное горло было отмѣнно твердо и почти косповатое до самой развилины; но по томъ становилось мягко и хрящевато. Желудокъ былъ совсѣмъ пустъ. Однакожъ оная птица не имѣла привычки поститься; ибо была весьма жирна.

Сей родъ хищныхъ птицъ часто усматривается въ деревняхъ, а особливо надъ полями, съ которыхъ снято Сарацинское пшено, и близъ береговъ *Нила*. Они летаютъ по одиначкѣ, и долгое время пребываютъ на воздухѣ, не перемѣняя мѣста, но только машутъ крыльями. Имѣя глаза, устремленные на землю, стараются запримѣтить добычу, и естьли оной не находятъ, то отлетаютъ нѣсколько далѣе, останавливаются на другомъ мѣстѣ и пребываютъ неподвижными, какъ будто повѣшенными на воздухѣ, до тѣхъ поръ, пока какое нибудь ими обыкновенно пожираемое животное повстрѣчается ихъ взору; тогда бросаются на него съ быстротою пули. Я никогда не видалъ, чтобъ онѣ опускались на землю; но садятся иногда на финиковыя деревья, и допускаютъ до себя свободно.

Родъ еще того меньше дикихъ крылатыхъ есть птица, называемая *Щеверша* (*). Нѣсколько мною сдѣланныхъ оружейныхъ выстрѣловъ, чтобъ получить хотя двѣ подобныя птички, не могли испугать ихъ и принудить удалиться, но онѣ довольствовались однимъ перелетомъ съ одного на другое дерево. Онѣ обыкновенно бываютъ попарно, по крайней мѣрѣ въ сіе годичное время; а по сему изъ сравненій сдѣланнаго мною самца съ самкою и должно заключить, что между ими въ разсужденіи величины и

(*) Смотри стран. 288, сей первой Части Путешествія.

цвѣта не существуетъ никакой примѣтной разности.

Въ великомъ числѣ *Лавандіеръ* (*), разсѣянныхъ на обрабошанной почвѣ Нижняго Египпа, запримѣтилъ я одну, у которой перья были совсѣмъ бѣлыя. Слегка сѣрой оттѣнокъ разпространялся надъ поверхностію головы и тѣла и снизу означалъ полуожерелья. Всѣ прочія части были трельщающей бѣлизны.

Близъ водъ видимы кучи птицъ, привлеченныхъ туда не затруднительною и изобильною пищею. *Рыболовы* (**) съ быстротою стрѣлы на полетѣ зацѣпляли поверхность воды; а между тѣмъ другія, стоящія на длинныхъ своихъ ногахъ, ожидали на проходѣ своей добычи. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находилась терпѣливая и нещастная *цапля*, которая, отъ обыкновеннаго своего въ бѣдности пребыванія, содѣлавшись весьма недовѣрчивою, улетаетъ, какъ скоро усматриваетъ охотника. Сіе самое доказываетъ истинну, что привычка къ страданіямъ не всегда производитъ отвращеніе къ

(*) *Бюфонъ*, Ист. Естес. птицъ, разкр. Таб. No 652. Motacilla alba, L. — Мотацилла Алба, Л. *Трясогузка*, Оп. Таир. Обл. 178.

(**) Въ сей странѣ есть два рода *рыболова*, одинъ называется просто *рыболовомъ*; Alcedo hispida. L. Алцедо Гиспида. Л. *Воробей водяной*. Оп. Тав. Обл. 179; другаго называютъ *рыболовомъ сорокою*. Бюфонъ, Ист. Ест. птицъ, разк. фиг. No 116. Alcedo rudis. L. Алцедо Рудисъ Л. 24. родъ Господина *Брисона*.

жизни. Она угнетаетъ только тѣхъ, которые, не знавъ нещастія, вдругъ бываютъ оному подвержены, не изпытавъ, что бытіе есть наслажденіе и отрада въ злополучіи.

Птицы, называемыя *Курли*, находились многочисленными толпами близь водяныхъ лужъ; *водяныя куры* прятались въ большіе на нихъ растущіе тростники, и сія прекрасная птица съ прелестными лоснистыми голубаго цвѣта перьями и съ пурпуровымъ носомъ и ногами, живое и естественное украшеніе храмовъ и чертоговъ древнихъ Римлянъ, которая, по величественному своему виду и по блестящей одеждѣ, наименована *Султанскою курицею* (*), здѣсь равномѣрно примѣчательна. Она любитъ быть на поляхъ, засѣянныхъ сарачинскимъ пшеномъ, и сія привычка также заставила называть ее *пшенною курицею*. Въ бытность мою въ *Россеттѣ* имѣлъ я у себя нѣсколькихъ сего рода прекрасныхъ птицъ. Будучи пойманы старыя, съ трудомъ привыкаютъ къ лишенію вольности; въ безпокойствіе и волнуемыя безпрестанно всячески старались выпити изъ птичника, въ которомъ были заключены. Сначала своей неволи были дики и злы; жестоко кусали пальцы, когда до нихъ дотрогивались; изпускаемый ими по временамъ крикъ довольно походилъ на смѣяніе человѣка, которой перемѣ-

(*) Poule Sultane, или Porphyrion *Бюфонъ*, Ист. Ест. птицъ разкр. фиг. No 810 — Fulica porphyrio, L. Фулика Порфиріо, Л. *Порфиріонъ*, Гм. III. 375.

имѣетъ голосъ свой подъ маскою: крикъ сей иногда содѣлывался какъ будто бы жалобнымъ; но тогда уже былъ не столько продолжителенъ и не перерываемъ, какъ первой. Они питались не молоченымъ пшеномъ, вынимали зерно изъ шелухи, и часто употребляли помощь ногъ своихъ, чтобъ поднесть его къ носу и разгрызть. Какъ скоро съѣдали пшенное зерно, то всякой разъ прибѣгали къ водяной своей провизіи, и когда пили, то казалось какъ будтобы воду кусали или жевали.

Многочисленнѣйшія и больше разсѣянныя изъ числа всѣхъ сихъ водяныхъ птицъ были *Вооруженные плювіе* (*), крикливыя птицы, которыхъ можно также назвать *поклонниками*; ибо производятъ грубое и почти безпрестанное движеніе, посредствомъ котораго возвысясь съ живостію голову и шею, поспѣшно наклоняютъ ихъ впередъ, точно такъ, какъ будто бы дѣлали скорые и торопливые поклоны.

Наконецъ, дабы кончить изчисленіе крылатыхъ поселенцевъ прелестныхъ странъ Египта, замѣчу, что не встрѣчается почти никакихъ песчаныхъ пространствъ, какъ бы онѣ ни были малы, лишь бы только лежали по близости обработанныхъ полей, на которыхъ не бродили бы *Гюллы* и не истыкали оныя длиннымъ своимъ носомъ.

Сіи пески суть дѣйствительно убѣжищемъ великаго множества насѣкомыхъ, которыя поселяются въ нихъ безъ большаго затрудненія.

(*) Смотри стран. 312 сей первой Части Путешествія.

Я нашелъ въ сдѣланной ими въ нихъ дырѣ, великое число *тенебріонъ*, сущихъ насѣкомыхъ мрака; ибо онѣ всѣ не лощенаго чернаго цвѣта. *Жоффруа* описалъ сей родъ подъ названіемъ *Тенебріона съ вѣлкалми* (*). Но Египетскія были гораздо больше; ибо нѣкоторые имѣли близъ пятнадцати линей длины.

Посреди сей щедрости живой Природы произбаніе являетъ изящныя свои сокровища: почти всѣхъ родовъ плоды созрѣли. За изключеніемъ тѣхъ, о которыхъ я уже упоминалъ, прелестные сады съ изобиліемъ были наполнены апельсинами, цитронами, лимонами, цедрами и *Пампелмузами*. Какую бы нашу весну не захотѣли мы промѣнять на такую зиму?

Кто не слыхалъ о Египетскомъ лукѣ? Кто не вѣдаетъ, въ какомъ онъ былъ уваженіи у древнихъ Египтянъ? Кому не извѣстно, коликое онъ возбудилъ сожалѣніе въ *Евреяхъ*, принужденныхъ оставить Египетъ? Сей родъ зелени и понынѣ чрезвычайно изобилуетъ въ странѣ сей; она есть обыкновенная пища народа, и почти единая самой бѣдной степени людей. Кормовыхъ денегъ рабочаго человѣка въ деревняхъ полагается въ сутки по одному *медину*, т. е. около пяти полушекъ нашей монеты: съ сею весьма умѣренною платою покупалъ онъ хлѣбъ и лукъ столько, сколько могъ оныхъ съѣсть, а за тѣмъ оставалось у него еще нѣсколь-

(*) Истор. насѣкомыхъ окрестностей Парижа — Tenebrio Muricata L. *Тенебріо Мюриката*; *Л.* Хрущъ. Озер. IV. 87 *степной хрущъ*.

ко *Бурдѣ*, маленькая мѣдная монета, составляющая осьмую долю *Медина*. На улицахъ и на базарахъ продаютъ лукъ вареной или сырой и отдаютъ почти за ничто. Египтяне ѣдятъ его сырой со своими мясами, которымъ онъ служитъ вмѣсто приправы: я равномѣрно любилъ его такъ ѣсть; но когда онъ былъ молодъ, свѣжъ и еще зеленъ. Оныя луковицы не имѣютъ ѣдкости Европейскихъ; онѣ сладки, не щиплятъ съ непріятностію рта и не возбуждаютъ изливанія слезъ, когда бываютъ разрѣзаны. Но каковы бы онѣ не были, совсѣмъ тѣмъ суть луковицы, и разнствуютъ отъ нашихъ не толикою остротою, не столь горькимъ вкусомъ; но нѣтъ сомнѣнія, чтобъ удивительное и чрезмѣрное ихъ употребленіе въ Египтѣ не соучавствовало много къ размноженію тамъ разположеній къ глазнымъ болѣзнямъ.

Тамъ ѣдятъ и *Пырей*, но не столь много какъ лукъ. Чесноку я не видалъ, или лучше сказать онъ уже тамъ не существовалъ; ибо сіе растѣніе, помнится мнѣ, было извѣстно древнимъ Египтянамъ: оно находится въ росписи тѣхъ, о которыхъ Евреи столь много сожалѣли, и *Діоскоридъ*, коего Г. *Павъ* кажется обвиняетъ ошибкою, равномѣрно помѣстилъ чеснокъ въ число травъ Египта (*). Но какъ бы то не было, его уже не видно въ огородахъ *Россетта*, и меня увѣряли, что не запомнятъ, съ котораго времени почва онаго болѣе не производитъ.

(*) Философ. изыскан. о Египтянахъ и Китайцахъ, Томъ I, стран. 153; *въ Примѣч.*

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Полуденной Америки; не взирая на всѣ опыты, не могли успѣть въ произрастѣніи луковицъ; ихъ туда привозятъ изъ Франціи, и я видѣлъ въ *Каіеннѣ* блюдо луку, почитаемое яствою роскоши. Я не могу сказать, были ли употреблены въ Нижнемъ Египтѣ тѣ же самыя покушенія въ разсужденіи чесноку: можетъ статься, что пребывающій въ невѣжествѣ народъ и раболѣпствуя древнимъ обычаямъ, нынѣшнихъ временъ земледѣльцы и увѣряли, что сіе растѣніе на землѣ ихъ будетъ безуспѣшно по одной только причинѣ, что отцы ихъ онаго не сѣяли, и сія причина, которая въ глазахъ и во мнѣніи ихъ превратится въ настоящее доказательство, будетъ достаточна, чтобъ изтребить изъ головы ихъ всякую мысль къ новымъ опытамъ.

Но совсѣмъ тѣмъ и поднесь употребляютъ въ Египтѣ множество чесночныхъ головокъ; но онѣ привозятся туда изъ Сиріи, и продаются подъ названіемъ *Дамасскихъ зеренъ*.

Почти всѣ роды Европейскихъ овощей изобилуютъ въ тѣхъ же самыхъ садахъ *Россетта*; но садовое искуство, не бывъ еще доведено до совершенства, многочисленныя разнообразности, украшающія наши столы и огороды, тамъ не существуютъ. Но въ замѣнъ нѣкоторые роды суть предметами важнаго земледѣлія: *Римской латукъ*, на примѣръ, покрываетъ тамъ цѣлыя поля; его ѣдятъ сырой, а изъ сѣмянъ его дѣлаютъ весьма хорошее масло. Есть и другія выращенныя травы питательныя для человѣковъ, кои въ Европѣ не въ употребленіи; та-

ковая есть *Колокази́я* (*), родъ *Арума*, весьма извѣстная въ древнемъ Египтѣ, и коей коренья, будучи сварены, имѣютъ вкусъ нашихъ земляныхъ яблоковъ.

Дельта, составляющая островъ, очищена безъ пруда отъ всѣхъ лютыхъ звѣрей. Хотяжъ она и прикосновенна съ одной стороны къ рубежу пустыни, но обработанныя Россетскія поля также не обезпокоены ихъ присутствіемъ; движенія и дѣйствія земледѣлія оныхъ удаляютъ; имъ потребны пустынные пески, или уединеніе дремучихъ лѣсовъ. Но звѣри, коихъ природная склонность побуждаетъ нападать на вскармливаемыхъ человѣкомъ птицъ домашнихъ, или на пѣхъ, которыя привлечены туда его сосѣдствомъ, охотно тамъ пребываютъ; ибо увѣрены, что получатъ здѣсь больше добычи, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Тамъ не рѣдко встрѣчаются *Немсы* или *Мангусты*, а *Талебъ* (**) соучаствуетъ въ причиняемыхъ ими опустошеніяхъ.

Сіе животное, нѣсколько уподобляющееся *Шакалу*, однакожъ разнствуетъ отъ него отмѣнными несходствами, а особливо привычками. *Бюфонъ* предоставилъ съ него весьма хорошій рисунокъ въ прибавленіе къ Исторіи Есте-

---

(*) Arum Colocasia, L. Арумъ Колоказіа, Л. *Египетскіе образки.*

(**) Canis aureus. L. Канисъ авреусъ. Л. — Canis vulpes. Форскалъ, Егип. Арав. Фауна, стран. IV. *Примѣчаніе*, что *Талебъ* разнствуетъ отъ лисицы. — Adive. *Шакалъ.* Озер. 1. 149.

сіпвенной четвероножныхъ, подъ названіемъ *Шакала-Адива.* Естьлижъ Шакалъ Египетскими простолюдинами почитается *Отцемъ Солимана* (*), то и *Талеба* называютъ они *Отцемъ Гуссейна.* Мнѣ не возможно было узнать начальную причину или произхожденіе сихъ двухъ сіпранныхъ наименованій. Я запримѣчу на сей случай, что у тѣхъ же самыхъ Египтянъ человѣкъ, поражающій ихъ какимъ ни есть отмѣнпымъ признакомъ, или видомъ, скоро содѣлываетсп извѣстнымъ подъ именемъ *отца* того признака, или свойства вещи. Длинной мой носъ часто предосіпавлялъ мнѣ величаніе *Отца носа*, а одинъ изъ соповарищей моихъ, у котораго были весьма густые усы, не назывался иначе во все время нашего пупешествія, какъ *Абу-Сшеналъ*, *Отцемъ усовъ.* Сіполь смѣшное обыкновеніе различать людей, не имѣвъ надобности заботиться о именахъ, кажется быть обыкновеннымъ во всей Африкѣ. Негры *Зеленаго мыса* называли *Отцемъ руки* одного прикащика Африканской торговой компаніи, по тому что онъ былъ сухорукъ; а *Іолофы* не умѣютъ иначе означить Губернатора *Гореи*, какъ подъ шиѣломъ *Боромбира*, *Отца брюха*; ибо находятъ, что каменная гора, составляющая сей небольшой островъ, похожа на толстое брюхо.

Можно навѣрное полагать, что все то, что древнихъ и нынѣшнихъ временъ Писатели возвѣспили о Египетской лисицѣ, относится къ

(*) Смотри 127 стран. сей I Часши Пупеше-
ствія.

Талебу, которой дѣйствительно имѣетъ много сообразности съ лисицею. Шерсть на немъ свѣтлопламеннаго цвѣта, коей оттѣнокъ темнѣе на тѣлѣ, чѣмъ снизу. Наружность его болѣе примѣчательна прекраснымъ хвостомъ, испещреннымъ поперечно черными и сѣрыми полосками. Глаза его столькожъ живы, какъ и движенїе; видъ изображаетъ лукавство и хитрость; между тѣмъ, пока *Шакалы*, будучи единственно свирѣпы, отгоняютъ добычу своими сходбищами и криками, что ночные ихъ набѣги часто бываютъ тщетны и безполезны, и что они иногда принуждены насыщать себя самою отвратительною и вкусу ихъ весьма противною пищею. *Талебъ*, будучи ихъ щастливѣе, потому что проворнѣе, ни съ кѣмъ не сообщается; бродитъ одинъ, и даже подходитъ днемъ къ селенїямъ, вокругъ которыхъ всегда располагаетъ подземельное свое жилище, тщательно спрятанное подъ густыми кустарниками, вкрадывается безъ шуму, нападаетъ на домашнихъ птицъ, уноситъ яица и не оставляетъ другихъ слѣдовъ своего опустошенїя, кромѣ учиненнаго имъ похищенїя. Въ обыкновенныхъ своихъ нападенїяхъ на птицъ оказываетъ удивительное проворство и ловкость, и ни одна когтей его избѣжать не можетъ. Будучи наипрекраснѣйшїй звѣрокъ изъ числа четвероножныхъ, былъ бы онъ можетъ быть и любезнѣйшимъ, естьлибъ оказываемыя имъ хитрости и способности въ набѣгахъ не имѣли слишкомъ примѣтнаго впечатлѣнїя обмана и коварства. Одинъ разъ прогуливаясь въ размышленїи въ одномъ саду, остановился я близь частокола: одинъ

Талебъ, будучи въ совершенномъ безстрашіи и не слыхавъ никакого шума, шелъ прямо на меня сквозь тотъ частоколъ, и по выходѣ изъ онаго очутился у самыхъ моихъ ногъ. Увидя меня, былъ столько объемлемъ удивленіемъ, что, не стараясь даже скрыться, остановился, будучи нѣсколько минутъ неподвиженъ и устремивъ на меня глаза. Я не думалъ, чтобъ видъ его могъ столь живо изобразить замѣшательства, что и предполагаетъ въ немъ весьма тонкое врожденное чувствованіе. Я же съ моей стороны боялся какимъ ни есть движеніемъ разстроить сіе его положеніе, на которое и взиралъ съ удовольствіемъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ шаговъ, то въ ту, то въ другую сторону, будучи слишкомъ замѣшанъ, чтобъ знать, куда бѣжать, и съ устремленнымъ всегда на меня взоромъ, удалился, но не побѣжалъ, а изгибался впередъ, или лучше сказать поползъ довольно тихимъ шагомъ, дѣйствуя попеременно ногами съ удивительною осторожностію. Онъ столько страшился, чтобъ побѣгъ его не былъ слышенъ, что даже держалъ густой свой хвостъ на почти горизонтальномъ склоненіи, дабы онъ не волокся по землѣ, или не коснулся до растѣній.

На другой сторонѣ того частокола нашелъ я остатки его трапезы: оная состояла изъ большею частію имъ уже пожранной хищной птицы.

Впрочемъ думаю, что *Талебы* и *Шакалы* тщательно покрываютъ свой калъ пескомъ, или землею, какъ кошки; ибо я находилъ многіе тому признаки на пескахъ и на вспаханныхъ

поляхъ, которыя и не могутъ быть, какъ твореніемъ сихъ животныхъ. Подобная опрятность содѣлала бы *Талеба* еще больше привлекательнымъ, естьлибъ онъ не былъ такъ плутоватъ.

Вредоноснѣе и чрезвычайно разплодившія животныя суть мыши и крысы. Онѣ были бы бичемъ и содѣлали Египетъ необитаемымъ, естьлибъ не имѣли въ немъ многочисленныхъ непріятелей: между четвероножныхъ, кошку, *Мангуста*, *Талеба* и пр.; а изъ числа птицъ, Аистъ, журавль, коршунъ и разные роды хищныхъ птицъ, за ними гоняются и составляютъ изъ нихъ обыкновенную свою пищу: человѣкъ даже въ томъ смыслѣ бываетъ ихъ непріятелемъ; ибо въ окрестностяхъ *Россетта* находятся многія деревни, коихъ жители тотчасъ, по слитіи *Нильскихъ* водъ, съ полей ищутъ крысъ и ихъ ѣдятъ. Отъ наводненія рѣки погибаетъ оныхъ еще того больше; но плодовитость ихъ столь чрезмѣрна, что, не взирая на всѣ средства къ истребленію, суть они столь многочисленны, что по видимому разпложаются свободно и раждаются даже изъ нѣдра препятствій, сопротивляющихся удивительному ихъ размноженію. Какъ скоро *Нилъ* оплодородилъ земли и оставилъ свободными для хлѣбопашества, тогда безчисленныя толпы мышей и крысъ выходятъ послѣдственно изъ влажнаго и еще мокраго грунта: сіе самое вперило въ мысль Египтянамъ, яко оныя животныя были произведеніемъ самой земли. Нѣкоторые изъ числа людей, почитаемыхъ разсудительнѣйшими, увѣряли меня вопреки всѣхъ моихъ противорѣчій, и нагло утверждали, что они сами при-

мѣчали мышей въ самое время мнимаго ихъ зачатія, и видѣли, что одна половина тѣла у нихъ была изъ мяса, а другая часть еще состояла изъ грязи. Подобная глупость свойственна не однимъ Египетскимъ жителямъ: многіе Писатели не постыдились обезславить оною свои сочиненія (*).

Всѣ животныя, объявившія войну мышамъ и крысамъ, почитались въ древнемъ Египтѣ священными: они были подъ защитою божественныхъ и гражданскихъ законовъ. Нынѣшнихъ временъ въ той землѣ живущіе народы, сколь ни есть свирѣпы, равномѣрно оныхъ не истребляютъ, и сохранили, въ разсужденіи ихъ, нѣчто отъ древняго почитанія. Французы легко возчувствуютъ важность подобныхъ сбереженій и воздержатся отъ удовольствія къ охотѣ, которая можетъ причинить всеобщій вредъ. Отъ сего зависитъ благоденствіе колоніи.

Естьли, оставя вредъ наносящихъ животныхъ, обратимся къ наиполезнѣйшимъ, то и найдемъ оныхъ два рода, которые будучи весьма разпложены въ Египтѣ, предоставляютъ его жителямъ великія пособія и выгоды, овцу и козу. Изъ числа всѣхъ прочихъ домашнихъ животныхъ овца и баранъ тамъ суть обыкновеннѣйшія: шерсть ихъ составляетъ весьма важной предметъ торговли, а мясо ихъ почти одно тамъ въ употребленіи; ибо бычачье весьма рѣдко, а буйволовое отмѣнно дурно и противно вкусу.

(*) *Макробъ*, Порта и пр. и пр.

Большая часть народовъ Восточныхъ не кладутъ барановъ. Законъ возпрещалъ сію операцію у *Евреевъ*, а древній обычай равномѣрно побудилъ нынѣшнихъ Египтянъ оную отринуть. Сей способъ однакожъ содѣлалъ бы мясо ихъ мягче, сочнѣе и отнялъ вкусъ его вредный, легкій запахъ сала, или шерсти. Порода въ Нижнемъ Египтѣ содержимыхъ барановъ есть та, которая извѣстна подъ названіемъ *Барбарскаго барана* (*). Естьли мясо его вообще не столь вкусно, какъ въ Европѣ, но за то овцы тамъ больше плодущи. Онѣ всегда бываютъ сукотныя два раза въ году, и обыкновенно приносятъ по два ягненка вдругъ.

Сирійская коза (**) есть нынѣ обыкновенное и размноженное въ Нижнемъ Египтѣ животное. Ее также называли козою *Мамбринскою* отъ *Мамбре*, или *Мамре*, потому что она всегда находится на горѣ сего имени, состоящей въ Полуденной части *Палестины*, по близости *Геврона*. Цвѣтъ ея обыкновенно бываетъ свѣтло-краснова̀тъ, рога у ней небольшіе, тѣло суховатое, а шерсть короткая:

(*) *Бюфонъ*, Истор. Естес. четвероног. — Ovis laticaudata. L. Овисъ латикавдата. Л. Тибетская овца. Соб. соч. изъ мѣс. IV. 214.

(**) Chèvre de Syrie. *Бриссонъ*, Царство животныхъ, стран. 72. — Коза Мамбринъ, или Восточная коза. *Бюфонъ*, Ист. Ест. четвероног. статья о *Сернѣ*, или *дикой козѣ*. — Capra mambrica. L. Капра мамбрика. Л. *Сирская коза*. Озер. 1. 104.

голова продолговатѣе, чѣмъ у другихъ породъ; передняя оной часть больше согбенна, что и придаетъ сей козѣ хотя непринужденный, но нѣсколько глуповатый видъ. Но признакъ, по которому ея при первомъ взглядѣ различить не трудно, суть чрезвычайно длинныя и висячія уши, неоспоримое доказательство, что она нѣкогда была въ числѣ звѣрей домашнихъ (*).

На мокрыхъ равнинахъ Нижняго Египта сей породы козлята не составляютъ хорошей яствы; можно даже навѣрное полагать, что и мясо ихъ не есть весьма здоровая пища, и сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что правила Врачебной Науки древнихъ, запрещали его въ *Номѣ Мендестискомъ* и въ его окрестностяхъ, то есть, въ части, больше наводняемой, а между тѣмъ оное позволялось въ гористыхъ мѣстахъ *Фебаиды*, гдѣ равномѣрно овечье мясо было заказано, не извѣстно, по какимъ причинамъ. Хотя довольно большаго росту, но оныя козы не могутъ служить вмѣсто рабочей скотины и не способны къ верьховой ѣздѣ, какъ *Бошаръ* то писалъ. Они съ изобиліемъ предоставляютъ весьма хорошее молоко, которое много и употребляютъ. Ихъ по утрамъ водятъ небольшими стадами въ разныя части города *Каира*, гдѣ

(*) Писали, яко бы уши у нихъ такъ длинны, что даже волокутся по землѣ, и что Восточные жители одно изъ нихъ отрѣзывали, дабы коза могла пастись. Но сіе несправедливо: уши до земли не достигаютъ и оныхъ не отрѣзываютъ.

всякой и можетъ видѣть, какъ доятъ потребное ему молоко.

Тѣ Писатели, которые слишкомъ превознесли плодовитость коровы и буйволицы, говорили о Египетскихъ козахъ съ такою же неосновательностїю.

Они, по мнѣнїю *Маллїета*, носятъ по шести и по семи козленковъ разомъ; а какъ у нихъ бываютъ два помета въ году, то и не мудрено видѣть козу, ведущую за собою четырнадцать козленковъ, коимъ она предоставила бытїе въ шесть или семь мѣсяцовъ (*). Совершенная правда, что какъ козы, такъ и овцы раждаютъ два раза въ году; но я за-подлинно могу удостовѣрить, что они вдругъ мечутъ по два, по три, а рѣдко и по четыре козленка, но сего числа никогда не превозходятъ.

Во время слишкомъ двухъ-мѣсячнаго моего пребыванїя въ *Россеттѣ* замѣшательства Египта не токмо не прекратились, но казались увеличиваться. Нѣкоторый Бей *Измаилъ* превозмогъ двухъ другихъ Беевъ, *Мурада* и *Ибрагима*, и выгналъ ихъ изъ *Каира*, гдѣ они управляли верховною властїю. Укрывшись въ *Саидѣ*, съ помощїю нѣсколькихъ Арабскихъ предводителей, сїи два изгнанца угрожали *Измаилу*. Сей послѣднїй набиралъ армїю, дабы выступить противу ихъ. Частные начальники, или *Кiашефы*, оставя мѣсто своего начальства, послѣдовали за своимъ повелителемъ. Бедуинцы, возпользовавшись ихъ отсутствїемъ, заражали

(*) Описанїе Египта, Часть II, стран. 5.

всѣ дороги и грабили со всѣхъ сторонъ. Деревни вели между собою взаимную войну, и изъ нихъ выходили другіе разбойники опаснѣе и злѣе самихъ Бедуиновъ. Наконецъ совершеннѣйшій безпорядокъ сокрушалъ поверхность сихъ странъ, и всякое предпріятіе путешествія почиталось дерзновенностію. Но мнѣ наскучило жить въ праздности, и я мучился видѣть, что время мое истекаетъ, а купно съ нимъ и умѣренныя предоставляемыя мнѣ правительствомъ деньги, безъ исполненія предпринятаго мною намѣренія, разсмотрѣть Египетъ. Сіи причины превозмогли примѣчанія благоразумія, даже и совѣты дружества; а какъ уже невозможно было въѣхать въ Верхній Египетъ, наполненной тогда разбойцами безъ повиновенія и разбойниками безъ обузданія, то и разсудилъ я посѣтить ту часть *Ливійской* степи, которая извѣстна подъ названіемъ *Нитрійской*, или *Святаго Макарія* пустыни.

Я написалъ въ *Каиръ*, чтобъ испросили для меня у *Измаилъ* Бея тогда и на весьма малое время бывшаго Генералъ-Губернатора, или *Шейкъ-Елбелледа*, повелѣній къ его подчиненнымъ, дабы они мнѣ покровительствовали, и на убѣдительнѣйшія письма и прозьбы ко всѣмъ тѣмъ, чрезъ коихъ земли мнѣ должно было проѣзжать. Всякому извѣстно, въ какомъ почтеніи Врачебная Наука состоитъ у Восточныхъ жителей; она есть щитъ сильнѣе всѣхъ заступленій верховной власти; я онымъ заградилъ себя; а дабы мое преображеніе и взятыя мною предосторожности были во всемъ достаточны, безъ чего въ сей землѣ съ успѣхомъ

путешествовать не возможно, то и назвалъ себя *Іусефомъ* (*Осипомъ*). Судя по обстоятельствамъ и по людямъ, съ которыми я имѣлъ сношенїе, былъ *Маллюмъ*, хозяйнъ, или *Кавуаджи*, купецъ, или иногда *Сиди*, господинъ; не опасался даже выставить красной чалмы, которая, соотвѣтствуя собственной моей одеждѣ и моихъ трехъ сотоварищей, наряженныхъ по обыкновенїю Бейскихъ солдатъ, заставляла почитать меня нѣсколько разъ за *Кїашефа*, или чиновника Мамелюковъ, управляющаго какимъ нибудь уѣздомъ.

Предъ отъѣздомъ изъ *Россетта* употребилъ я остальное время на приведенїя въ порядокъ собранныхъ мною воздушныхъ примѣчанїй въ разныя эпохи моего тамъ пребыванїя. Я дѣлалъ оныя наблюденїя три раза въ день, а именно: въ восемь часовъ по утру, въ двенадцать часовъ по полудни и въ шесть часовъ вечеромъ. Употребляемый мною для сего *термометръ* состоялъ изъ ртути и былъ работы *Ассїе Перика*, искуснаго художника сего рода инструментовъ въ Парижѣ (*).

(*) Я не разсудилъ помѣстить въ моемъ переводѣ оныхъ *воздушныхъ примѣчанїй*: они любопытны только для однихъ звѣздочетцевъ, и могутъ навлечь скуку Читателю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Отъѣздъ изъ Россетта. — Бедуинцы. — Соглашеніе съ Аравами. — Мятежъ въ Абукирѣ. — Берега между Абукиромъ и Александріею. — Дикіе быки. — Послѣдствіе Абукирскаго возмущенія. — Надпись. — Лагерь Бедуинцовъ. — Верблюды. — Тревога въ лагерѣ. — Гостепріимство и нравы Бедуинцовъ. — Мнѣніе, свойственное симъ послѣднимъ. — Древній кубъ.

Отъѣздъ мой былъ назначенъ 29 Декабря. Мы имѣли лошаковъ, обыкновенно употребляемый скотъ на дорогѣ Александрійской, и одного верблюда для ноши нашихъ пожитковъ, покладенныхъ въ двухъ *Каффассахъ*, прекрасный родъ большихъ покрытыхъ корзинъ, которыя и привязываются по обѣимъ сторонамъ верблюда. Консулъ захотѣлъ, чтобъ его Янычаръ препроводилъ меня до *Абукира*, гдѣ я надѣялся сыскать удобной случай достичь до *Нитрійской* пустыни, и мы отправились въ девять часовъ по полуночи.

Мы нашли на тотъ разъ на озерѣ *Маадіе* довольно порядочное съ палубою судно. На половину мили разстоянія, по ту сторону сего древняго устья *Нила*, находился небольшой лагерь Бедуинцовъ. Они предложили намъ воды по обыкновенію, и весьма убѣждали, чтобъ мы препроводили ночь подъ ихъ шалашами. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, Европейскіе купцы, ѣхавшіе изъ Александріи съ своими женами, и будучи остановлены на проѣздѣ, за неимѣні-

емъ лодки, принуждены были ночевать въ лагерѣ сихъ Бедуиновъ, и остались ими весьма довольными. Я рѣшился ввѣриться имъ, и уговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ они проводили верблюда, коего лѣнивой шагъ удивительнымъ образомъ замедлялъ нашу ѣзду; мы же взявъ съ собою Янычара съ своими лошаками, пустилися впередъ и пріѣхали въ *Абукиръ* около восьми часовъ утра. Остановились въ домѣ Драгомана Жида, которой и принялъ насъ съ доказательствами чистосердечнаго гостепріимства.

Узнавъ о предметѣ моего путешествія, и когда сталъ я просить его, чтобъ онъ достадъ мнѣ верблюдовъ, чтобъ отправиться въ пустыню: то сей добрый Жидъ возопіялъ о дерзновеніи моего предпріятія, представлялъ мнѣ оное яко совершенно невозможнымъ и даже почиталъ сумазброднымъ, а наконецъ объявилъ, что онъ мнѣ ни въ чемъ не можетъ служить; ибо не намѣренъ быть орудіемъ моей погибели, которую и почиталъ онъ неминуемою. Но когда увидѣлъ, что я началъ сердиться и увѣрялъ его, что ничто на свѣтѣ не можетъ перемѣнить моего намѣренія, и что непремѣнно хочу ѣхать, то и согласился на мое требованіе. Одинъ *Шейкъ*, или начальникъ Араповъ Бедуиновъ, стоялъ лагеремъ не въ дальномъ разстояніи отъ *Абукира*. Сей человѣкъ былъ извѣстной, храброй, и его присмотру ввѣрена была дорога, лежащая между *Александріи* и *Росетта*. Драгоманъ хотя и стоналъ, но за нимъ послалъ, и онъ пріѣхалъ въ полночь. Мы согласились съ нимъ въ ту же самую минуту,

Аравитянинъ долженъ былъ предоставить мнѣ одну лошадь, четыре верблюда, и сопровождать меня, получая за то по четыре *патака* въ сутки (*), а при томъ обязывался на свой щетъ кормить повозщика и скотъ. На разсвѣтѣ одинъ той страны писецъ сочинилъ на Арабскомъ языкѣ заключенной между нами торгъ, коего Драгоманъ Жидъ поспановилъ всѣ статьи. Сей послѣдній, равномѣрно какъ и всѣ къ націи его принадлежащіе и въ той землѣ живущіе люди, писалъ по Гишпански, но Еврейскими буквами: такимъ-то образомъ и употребляя тѣ же самыя литеры, наши Германскіе Жиды пишутъ по Нѣмецки. Договоръ былъ подписанъ свидѣтелями; предосторожность, коей я внутренно смѣялся: ибо въ какое присудственное мѣсто дѣйствительно могъ бы я представить Аравитянина Бедуинца, естьлибъ онъ нарушилъ данное имъ обязательство? Договаривающійся, писецъ, свидѣтели, Жидъ, Янычаръ, мои сотоварищи, всѣ сидѣли на землѣ и со-

---

(*) *Патака* есть употребительное въ Египетской торговлѣ наименованіе одной Венгерской серебряной монеты, стоющей 5 ливровъ 10 копѣекъ, или *су* Французскихъ денегъ. Сіе испорченное названіе происходитъ отъ слова *Абутака* (отецъ окошка) и присвоено оной монетѣ Аравитянами, потому что щитъ, въ коемъ изображенъ гербъ, почитается ими окошкомъ. Такимъ-то образомъ называютъ они и Голландской *Долларъ Абукелбъ* (отцемъ собаки); ибо дурно на немъ представленный левъ ими принимается за *собаку*.

ставляли кружокъ; а когда условіе было подписано, то каждый, приподнявъ руки, вознесъ краткую молитву къ Богу и къ Магомету и, по окончаніи оной, ухватилъ себя за бороду, или за подбородокъ правою рукою; такимъ-то образомъ совершается клятва наблюденія своихъ обѣщаній, которая и утверждаетъ исполненіе всякаго письменнаго, или словеснаго условія.

Во время сихъ разпоряженій, Абукирскіе жители, нашедшіе пирамидальной камень, купленной мною въ первое мое путешествіе, и отъ котораго произошли многія затрудненія, собрались толпою, какъ скоро узнали о моемъ возвращеніи; они взбунтовали сотоварищей своихъ подъ предлогомъ, якобы я похитилъ въ странѣ ихъ лежащій кладъ, и нанималъ верблюдовъ, дабы увезть наибогатѣйшіе. Они требовали отъ меня новой заплаты за всѣ мною отнятыя у нихъ сокровища. Возмущеніе содѣлывалось всеобщимъ: Губернаторъ цырюльникъ равномѣрно хотѣлъ соучаствовать, какъ во взятыхъ уже мною грудахъ злата, такъ и въ тѣхъ, которыя я вознамѣрялся еще у него отнять: лавка его наполнена была проклятіями, извергаемыми имъ на всѣхъ Франковъ вообще, а особливо на меня. Драгоманъ Жидъ дрожалъ; Янычаръ увѣщевалъ толпы, дабы ихъ вывести изъ заблужденія; товарищи мои робѣли; я же съ моей стороны хотя и чувствовалъ нѣкоторое безпокойствіе, но скрывалъ его, и принужденно оказывалъ безпечность и презрѣніе ко всей оной сумятицѣ, которая, правду сказать, могла бы имѣть весьма важныя послѣдствія. А дабы не сомнѣвались въ моемъ безстрашіи, то

оставя Россетскихъ лошаковъ, разсудилъ объѣхать пространство береговъ, лежащихъ между *Абукира* и *Александріею*.

Отправился въ путь въ восемь часовъ по утру; проѣхалъ чрезъ небольшую на Востокъ и весьма близко отъ *Абукира* лежащую деревню, называемую *Казрдзіями*, *Замокъ мечети*. Въ ней дѣйствительно есть храмъ. По другую сторону деревни и даже до *Александріи* видѣлъ я только нѣсколько обширныхъ домовъ, которые хотя и отдѣлены, но состоятъ одинъ отъ другаго не въ дальномъ разстояніи: въ нихъ живутъ земледѣльцы. Они довольно хорошо построены, и въ нынѣшнемъ ихъ построеніи употреблено нѣсколько кусковъ гранита, остатки древнихъ зданій. Каждый изъ нѣхъ домовъ носитъ имя *Казра*, *Замка*, къ которому присоединено особенное означеніе. Хотя они и окружены стѣнами, но не изъемлются отъ грабежей Бедуиновъ, которые часто проламливаютъ ограду, дабы что нибудь украсть изъ нихъ. Я тщетно старался отыскать *Замокъ Кесарей*, *Казр-Кіассера*, о которомъ *Данвиль* упоминалъ въ древней своей Географіи (*), и имъ назначенный на Египетской его Картѣ, яко и нынѣ еще существующимъ, подъ Араб-

(*) „Въ небольшомъ разстояніи отъ Александріи „и на берегу мѣсто, коего имя *Никополисъ* „утверждало навсегда память одержанной побѣ„ды *Августомъ* надъ *Антоніемъ*, нынѣ называет„ся *Казр-Кіассери*, Замокъ Кесарей.“ Древняя Географія Г. *Данвилля*, Томъ I. стран. 11.

скимъ своимъ наименованіемъ. Я вопрошалъ прибережныхъ жителей, и всѣ меня увѣряли, что они о *Казр-Кіассерѣ* никогда не слыхали. Впрочемъ сей Замокъ Кесарей былъ вѣроятно принадлежностію *Талозириса*, о которомъ упоминаетъ *Страбонъ* (*), (*Талозирисъ Парва*, дабы отличить его отъ другаго сего же имени города). Въ сіе-то мѣсто часто отъѣзжалъ *Антоній* забывать величество Римскаго имени въ утѣхахъ, и жертвовать своею славою прелестямъ прекрасной и сладострастной *Клеопатры*.

Весь оной берегъ составленъ изъ песчаныхъ пригорковъ, позади которыхъ низкій и часто наводняемый грунтъ предоставляетъ нѣсколько мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества.

Не много отдохнувъ на два пушечные выстрѣла отъ Александріи, подъ тѣнію нѣсколькихъ финиковыхъ деревъ, возвратился къ *Абукиру*. На дорогѣ повстрѣчались мнѣ двѣ или три палатки Бедуинцовъ: они вскармливали нѣсколько дикихъ быковъ, которые бывъ пойманы очень молоды, содѣлались столькожъ привычными, какъ и обыкновенные быки; исключая нѣкотораго отличія въ цвѣтѣ шерсти, были они весьма похожи на *Зебю*, коего Бюфонъ описалъ въ Исторіи Естественной звѣрей четвероногихъ.

По возвращеніи въ Абукиръ, нашелъ я, что смятеніе было гораздо больше, чѣмъ во

(*) Глава 17.

время моего отъѣзда. Подлые и жестокіе люди, каковыхъ посреди возмущеній бываетъ много, безстыдные доносщики свидѣтельствовали, яко бы видали, что я нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ ихъ окрестности въ нощное время и, насыпавъ золотомъ навьюченныя на лошакахъ моихъ корзины, нимало не мѣшкавъ, возвращался. Сего было достаточно, чтобъ превознести умы до самой вышней степени буйства. Они положили между собою, чтобъ, по приводѣ Бедуинцами верблюдовъ, допустить насъ навьючить оныхъ ихъ сокровищами, а по томъ напасть на насъ и всѣхъ умертвить, дабы отобрать нами у нихъ похищенный кладъ. Сіе намѣреніе, причинившее сотоварищамъ моимъ великой страхъ, меня весьма успокоило. Впрочемъ я твердо разположился не оставлять ихъ нападенія безъ наказанія, и не намѣренъ былъ продать имъ дешево нашу жизнь. На другой день Бедуинцы привели своихъ верблюдовъ: необузданная и слабоумная чернь окружила насъ; но видя, что я былъ весьма хладнокровенъ и ею не уважалъ, а паче всего усмотря, что на верблюдахъ находились только люди и нами привезенныя корзины, отпустили насъ спокойно, за изключеніемъ нѣсколькихъ угрозъ, коими я презиралъ.

Драгоманъ Жидъ, простясь со мною, возобновилъ усильное свое убѣжденіе, чтобъ я оставилъ мое предпріятіе, коего, по его мнѣнію, долженъ я содѣлаться жертвою. Судите сами, говорилъ онъ, чего вы ожидать должны въ такихъ странахъ, гдѣ не можете имѣть никакой

надежды къ защитѣ, по самому тому, что съ вами случилось въ селенїи, гдѣ привычка, видѣть Европейцовъ и корабли ихъ, не могла возпретить, чтобъ вы не были въ немъ подвержены большой опасности. Я поблагодарилъ его за всѣ оказываемыя имъ обо мнѣ безпокойствїя; Янычаръ поѣхалъ обратно въ *Россетту*, а мы направили путь къ Юго-Востоку.

Я вручилъ Янычару письмо къ Господину *Форнетїю*. Я увѣдомлялъ его о возмущенїи, коего былъ причиною и почти жертвою въ *Абукирѣ*. Онъ увѣдомилъ о томъ Россетскаго Агу, которой весьма разсердился на Абукирскихъ жителей: ругалъ ихъ *собаками*, то есть, сравнялъ ихъ съ Европейцами. Предложилъ Г. *Форнетїю* ихъ наказать: предложенїе, которое, какъ думать должно, не было принято; наконецъ ко всему оному присовокупилъ, что, естьли я впредь захочу возобновить то же самое путешествїе, то онъ дастъ мнѣ для сопровожденїя одного изъ своихъ Чиновниковъ, предъ которымъ весь *Абукиръ* возтрепещетъ: образъ управленїя, достойный людей, подвластныхъ подобнымъ начальникамъ.

Мы ѣхали по песчаной, необработанной и совершенно необитаемой равнинѣ. Многочисленное стадо *Газеллъ* (*) показалось намъ вдали. Мы на-

---

(*) Pasan. Бюфонъ, Ист. Естес. четверонож. Antilope Oryx. L. *Антилопъ Ориксъ. Л.* — Capra Gazella. Форскалъ, Егип. Араб. Фауна, стран. IV. *Египетская Сайга.* Озер. I. 232.

ѣхали на гробницу одного праведнаго Музульмана. Подобныя гробницы бываютъ обыкновенно помѣщены въ небольшой часовнѣ, въ которую набожные Магомеитане всегда входятъ для прочтенія молитвы. Я безъ дальнихъ околичностей взошелъ въ сію послѣднюю съ моимъ Шеикомъ Бедуинцомъ, коего имя было *Гуссеинъ*. Я усмотрѣлъ въ ней прекрасной кусокъ бѣлаго мрамора, на которомъ была вырѣзана Греческая надпись; половина первой строчки совсѣмъ изчезла, прочее хорошо сохранено; но буквы въ немъ были довольно дурно изображены. Оказавъ нѣкоторое желаніе имѣть сей остатокъ древности: то *Гуссеинъ*, яко настоящій осквернитель святыни, вырвавъ его изъ пола, въ которомъ онъ былъ вмазанъ, мнѣ продалъ оной. Онъ имѣлъ двадцать два дюйма длины, шестнадцать ширины и немного побольше четырехъ толщины. Сей мраморъ находился въ числѣ другихъ любопытныхъ у меня похищенныхъ вещей, былъ мною назначенъ національнымъ учрежденіямъ, и сіе постыдное нарушеніе довѣренности не могу я приписать ни Аравитянамъ, ни другимъ Восточнымъ жителямъ. Я здѣсь сообщаю оную съ ея переводомъ и примѣчаніями, коими я обязанъ гражданину *Гайллу*, ученому Профессору Греческой Словесности Французскаго Института.

ΦΛΑΥΤΟΛ
ΤΟCΕΠΑΡΧΤΟΥΙΘ
ΑΙΓΥΠΤΙΑΚΗCΔΙΟΙ
ΑΓΑΙΑΠΟΘΕΜΕΛΙ
ΒΑΟΘΥCΠΗΧΔΕΚΑ
ΑΜΗΚΟΥCΠΗΧΔΙ·
ΙΠΑΡΡΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ
ΤΟΥΤΑΓΜΑΤΟCΚΑΙ
ΓΥΠΤΙΑΚΗCΔΙΟΙ

..... Эвтолъ,

Губернаторъ девятаго надесять (*Нома*),

въ честь Юпитера Египтянина.

Сей (*памятникъ*) имѣетъ въ своихъ основаніяхъ десять лакшей.

Отвѣсное его возвышеніе состоитъ изъ сорока лакшей. Вышина сторонъ его имѣетъ сто лакшей.

ВЪ ЧЕСТЬ АЛЕКСАНДРА,

его арміи

И ЮПИТЕРА ЕГИПТЯНИНА.

„Сія надпись, которая при первомъ воззрѣ„ніи показалась мнѣ не мудреною, предспа„вляетъ великія затрудненія.“

„Я не намѣренъ изыскивать смысла двухъ „первыхъ буквъ φ, λ: преслѣдующія ихъ точ„ки означаютъ пропускъ. — Послѣ ἐπαρχ', чер„та возвѣщаетъ сокращеніе. Мнѣ сполькожъ „было не трудно доразумѣть оное, сколько не „мудрено было отгадать выпущеніе слова *Нома*, „или *Департамента*. Что принадлежитъ до „третьей строчки: то она, по моему мнѣнію, „вмѣщаетъ въ себѣ два смысла: Αἰγυπτιακῆς Διοὶ „можетъ значить или въ честь Юпитера зем„ли Египетскія (αἰγυπτιακῆς, подразумѣваемо „χωρας), или въ честь Юпитерши Египтянки, „то есть, иновѣрно *Изиды*, той самой, которая „извѣстна подъ названіемъ *Луны*. (Прочти о „сей *Изидѣ* начальное произхожденіе богослуже„нія славнаго моего сотоварища баснослова „*Дюпюи*)."

„Грамматикъ можетъ остановить меня на „словѣ Διοὶ. Я запримѣчу, что оно есть роди„тельный падежъ Ζευς, въ родительномъ па„дежѣ Διὸς, Іонически Διοῦ. Запримѣтимъ мимо„ходомъ, что какъ нынѣшніе, такъ упователь„но и древніе Греки произносили соединеніе „двухъ литеръ οὶ, какъ нашъ І, отъ чего Ла„тины, кажется мнѣ, и взяли оканчаемые, бук„вою І родительные и именительные свои па„дежи."

„Θεμελι есть, думаю я, сократительнымъ „образомъ слово Θεμελιων, принимающее по себѣ „ατο."

„Πηχ вмѣсто πηχεες, множественное имени„тельное πηχυς, εος."

„*Отвѣсное его возвышеніе состоитъ изъ сорока „лактей.* Греческое изображеніе гласитъ ΔΙ, кото-

„рое будетъ значить или 4 и 10, то есть 14, „или можетъ быть четыре, умноженное де„сятью, то есть 40. Первое число показавшись „мнѣ слишкомъ слабымъ, а второе будучи толь„ко основано на догадкахъ: то я охотно и пред„полагаю, что Δ было помѣщено въ большомъ „П, такимъ образомъ |Δ|; а какъ буква Δ, вклю„ченная въ π, есть въ пять разъ больше, то „и получу я пятдесятъ одинъ. Впрочемъ воз„вращусь къ сему изчисленію, когда буду го„ворить о Греческой Арифметикѣ, въ которую „я намѣренъ вникнуть.“

„П'АРР'. Первыя три литеры, не бывъ никогда „соединены въ Греческой Арифметикѣ: то и „предполагаю, что художникъ, которой вырѣ„зывалъ сію надпись, учинилъ ошибку. Вмѣсто „П'АРР, предлагаю читать ПАР сократительно, „вмѣсто πλευρα, значущаго *стороны*. Что касает„ся до втораго Р, то оное будетъ изображать „*сто*.“

„*Въ честь Александра*. Касается ли оное до „Александра Северія, или до Александра Вели„каго? Разсмотрѣніе сего вопроса и двухъ дру„гихъ, которыя я самъ себѣ сдѣлаю, прочиты„вая ту надпись, можетъ быть предметомъ „важнаго изслѣдованія, котораго нынѣшнія „мои упражненія мнѣ предпринять не позво„ляютъ.“

Въ пять часовъ вечеромъ пріѣхали въ Арабской станъ: онъ принадлежалъ *Гуссеину*; мы выѣхали изъ *Абукира* въ девять часовъ послѣ полуночи, и я полагаю, что ѣзды нашей въ тотъ день было около семи миль.

Въ лагерѣ ожидали нашего пріѣзда; *Гуссеи-нова* палатка была для меня пріуготовлена; въ ней посланы были ковры, дѣлаемые самими женщинами, и нѣсколько древесныхъ сучьевъ, накрытыхъ тѣми же коврами, служили вмѣсто подушекъ. Животныя, привыкшія раздѣлять убѣжище Бедуинца, были изъ оной выведены; но въ ней оставленъ былъ только одинъ молодой быкъ. Всѣ сихъ Бедуинцовъ палатки сдѣланы единообразно; онѣ разнствуютъ одною величиною: шалаши, принадлежащіе людямъ, коихъ жизнь больше скитающая, гораздо меньше, по причинѣ удобности перемѣщенія. *Гуссеинъ* и поколѣнію его принадлежащіе Аравы были и кочующіе и земледѣльцы, а потому и палатки ихъ обширнѣе. Всѣ онѣ вообще низкія, разпространяются больше въ длину, чѣмъ въ ширину, и совсѣмъ открыты съ того своего длиннаго боку, которой противоположенъ вѣтру; а какъ Сѣверные вѣтры бываютъ въ сей землѣ весьма сильные: то по сему и Сѣверная ихъ сторона почти всегда закрыта. Матерія, составляющая оныя палатки, вытkана изъ верблюжьей шерсти. Я приказалъ срисовать шалашъ *Гуссеина* Шеика; онъ отличался отъ прочихъ большимъ пучкомъ черныхъ строусовыхъ перьевъ, воткнутымъ наверху онаго.

Сей рисунокъ можетъ служить отвѣтомъ *Михаелису*, которой посланныхъ Королемъ Датскимъ на Востокъ путешественниковъ вопрошалъ: какой имѣютъ видъ палатки тѣхъ народовъ (*)? Что принадлежитъ до второй части

(*) Учен. и любопыт. Путешес. Вопросъ 9, Часть I, стр. 20.

тогожъ самаго вопроса, чтобъ узнать, сохранили ли Бедуинцы обычай разбивать свои палатки такимъ образомъ, чтобъ онѣ находились подъ тѣнію древа, запримѣчу, что Египетскіе Бедуинцы по большой части кочуютъ на степяхъ, на которыхъ деревьевъ не бываетъ; естьлижъ нѣкоторыя и случаются, то они ставятъ палатки свои безъ разбору и тѣнію ихъ не уважаютъ.

Лагерь стоялъ во ста шагахъ отъ Александрійскаго канала. Воды его, отводимыя трудами Бедуинцовъ, изторгали у безплодности довольно великое пространство земли. На немъ произрасталъ разной для скотины кормъ и паслися лошади, верблюды, бараны и нѣсколько быковъ.

Естьли послѣдовать *Аристотомъ* и *Плинію* утвержденному и по томъ *Бюфономъ* возстановленному (*) различію между двухъ родовъ животныхъ, которыхъ сама Природа отдѣлила непремѣннымъ и весьма примѣтнымъ свойствомъ или знакомъ: то верблюдовъ въ Египтѣ сыскать не можно. Дѣйствительно того рода животныхъ, у которыхъ было бы два горба на спинѣ, тамъ не имѣется (**); но у всѣхъ, здѣсь существующихъ, сего имени звѣрей бываетъ только одинъ горбъ, слѣдовательно и принадлежатъ они къ породѣ *Дромадера*. Но родовое наименова-

---

(*) Истор. Естест. четвероног. статья о *Верблюдѣ*.

(**) Chameau. *Бюфонъ*. Истор. Естес. четвероног. Camelus Bactrianus, L. *Камелюсъ Бактріанусъ, Л. Двугорбой Верблюдъ* Озер. I. 225. Естес. Ист. Народ. Учил. 593.

ніе верблюда, будучи столь употребительное для означенія сего послѣдняго одногорбаго рода, а названіе *Дромадера* столь общественное особливой породѣ сихъ животныхъ, что и можно содѣлаться невнятнымъ, принявъ оныя, хотя нужную для точности Науки, но которая можетъ навлечь нѣкоторое замѣшательство въ повѣствованіяхъ. Арабское слово *Дзіемелль*, соотвѣтствующее слову *верблюдъ*, есть единое Египтянами употребляемое для означенія самой обыкновенной и полезнѣйшей породы сихъ животныхъ, той, коей ростъ и сила превосходнѣе, у коей поступь продолжительна, и которая назначена для ноши тягостей (*). Та напротивъ, у которой станъ не такъ великъ и не столь широкъ, и которая весьма проворна и поворотлива, Европейцами называется *Дромадеромъ*, а Аравитянами *Гадиномъ* (**), потому что на ней обыкновенно ѣздятъ *Гадіисы*, или поклонники.

Кромѣ сихъ двухъ родовъ верблюдовъ, есть въ Египтѣ еще и третія, но не столь извѣстная порода. Я видалъ оную у нѣкоторыхъ Бедуиновъ. Образованіе сихъ послѣднихъ не такъ продолговато, ихъ корпусъ болѣе округленъ, станъ не такъ высокъ, а наконецъ и нѣсколько темно-

---

(*) Dromadaire. *Бюфонъ.* Ист. Натур. живот. четверон. — Camelus Dromedarius, L. Камелюсъ Дромедарiусъ Л. — Camelus vulgaris, *Форскалъ*, Егип. Арав. Фауна, стран. IV. *Одногорбой верблюдъ*, Озер. I. 224.

(**) Camelus Dromedarius, *Форскалъ*, тамъ же.

ватая рыжая ихъ шерсть густѣе и длиннѣе; чѣмъ у другихъ верблюдовъ.

Покрывъ степьми почву сихъ знойныхъ странъ, Природа предоставила человѣку верблюда, чтобъ переправляться чрезъ оныя; она сотворила его на то, чтобъ сносить усталость, голодъ, жажду и всѣ безпокойствія жара и неплодія. Безъ сего животнаго пространныя, песчаныя и каменистыя поля, покрытыя скалами горы, были бы для человѣковъ неодолимою преградою. Съ нимъ многочисленныя толпы попираютъ зыбучіе пески и представляютъ великолѣпное позорище примѣчателю, удивленному видѣть людей въ такихъ мѣстахъ, которыя, кажется, отвергаютъ всякое одушевленное существо; посредствомъ его обращаются всѣ сокровища Востока; съ нимъ наконецъ отдѣленный путешественникъ не боится погибнуть въ неизмѣримой и народы отдѣляющей пустотѣ.

Съ подобными и для общества столь полезными качествами сіи драгоцѣнныя животныя одарены отмѣннымъ врожденнымъ побужденіемъ и понятіемъ. Они даже почитаются быть весьма чувствительными къ несправедливости и къ дурнымъ съ ними обращеніямъ. Аравитяне утверждаютъ, яко бы человѣкъ, ударившій ихъ по напрасну, съ трудомъ можетъ избѣжать ихъ мщенія, и что, по удивительной сообразности съ нравомъ своихъ хозяевъ, они помнятъ обиду до тѣхъ поръ, пока изыщутъ случай отмстить за оную. Во время своей разходки паче всего бываютъ нетерпѣливы. Тогда довольно часто испускаютъ они нѣкото-

рый родъ сипкаго мычанїя, сильнаго хрипленїя, и у нихъ изо рта выходитъ красноватая и омерзительная кишка, подобная толщиною свинячей кишкѣ. Сказываютъ, что, во время движенїй гнѣва своего, иногда схватываютъ человѣка зубами, повергаютъ на землю и топчутъ его ногами. Будучи ревностны къ отмщенїю, забываютъ вражду, коль скоро удовольствованы, или по крайней мѣрѣ воображаютъ оными быть; а по сему, еспьли Аравитянинъ разсердилъ верблюда, то кладетъ платье свое на такомъ мѣстѣ, по которому должно проходить животному, и располагаетъ его такимъ образомъ, чтобъ оно казалось покрывающимъ лежащаго человѣка. Верблюдъ узнаетъ одежду того, которой поступилъ съ нимъ несправедливо, схватываетъ ее своими зубами, треплетъ сильно и съ бѣшенствомъ ходитъ по оной. Когда же утолится сердце его, то оставляетъ оную, и тогда хозяинъ платья можетъ предстать безъ опасенїя, навьючить и управлять по своему желанїю животнымъ, которое съ удивительною покорностїю повинуется воли человѣка, коего за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ имѣло намѣренїе изтребить.

Я видалъ иногда, что *Гадїины*, или Дромадеры, будучи утомлены нетерпѣливостїю сѣдоковъ своихъ, останавливались вдругъ, поворачивали длинную свою шею, чтобъ укусить ихъ и испускали озлобительный крикъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ не должно слѣзать съ нихъ; ибо человѣкъ неминуемо будетъ разтерзанъ въ куски, паче же всего осперегаться и не бить

ихъ; ибо бѣшенство звѣря отъ того усугубится. Терпѣніе въ сихъ случаяхъ есть самое лучшее средство; когдажъ гладя рукою, можно ихъ успокоить, что однакожъ не скоро случается, то они уже сами продолжаютъ дорогу и пускаются въ путь. Поступь сихъ Дромадеровъ есть весьма протяженная рысь, во время которой голова ихъ поднята очень высоко, а напруженный хвостъ изображаетъ горизонтальную линію. Сѣдла, или лучше сказать деревяжки, на которыя садятся, выдолблены на срединѣ, и у нихъ у обоихъ лукъ имѣется округленной кусокъ дерева, отвѣсно помѣщенный, за которой ухватясь крѣпко держатся, чтобъ не упасть. Есть такія сѣдла, которыя простѣе, не такъ хорошо отдѣланы и не столь удобны, какъ Арабскія, и у коихъ рукоятка вдѣлана горизонтально; ихъ привозятъ изъ *Сеннаара*, столичнаго города *Нюбіи*. Длинныя на обѣихъ сторонахъ висячія сумки и въ которыхъ помѣщается нѣсколько провизіи для сѣдока и его животины, козій мѣхъ, наполненной водою, единственно для человѣка: ибо *Дромадеръ* можетъ пробыть восемь дней безъ питья, и кожаной ремень на рукѣ, для ударенія животнаго, составляютъ весь скарбъ путешественника, которой въ ономъ видѣ можетъ проѣхать степи и сдѣлать въ день отъ пятидесяти и до осьмидесяти миль. Но сей образъ путешествія до крайности утомителенъ: поясница отъ сильныхъ и стремительныхъ потрясеній верблюда бываетъ разбита, руки скоро пухнутъ и въ нихъ причиняется великая боль, а скоротечно раздѣляемый

возпаленный воздухъ препятствуетъ дыханїю, и даже почти совсѣмъ занимаетъ духъ. Самая скорая и удивительнѣйшая сего рода ѣзда совершена однимъ Бедуинцомъ, котораго мнѣ часто показывали въ *Каирѣ*. Онъ пріѣхалъ въ пять дней изъ онаго города въ *Мекку*, то есть сдѣлалъ болѣе четырехъ сотъ миль, на которыя караванъ поклонниковъ употребляетъ слишкомъ мѣсяцъ.

Естьлижъ нѣтъ надобности спѣшить, или путешествуютъ съ караванами, коихъ ѣзда всегда бываетъ весьма одержанна, по причинѣ навьюченныхъ верблюдовъ: то утверждаютъ на одного изъ сихъ животныхъ нѣкоторой родъ покрытой носилки, въ которой не токмо удобно сидѣть, но даже и лежать можно. Такимъ-то образомъ обыкновенно путешествуютъ женщины; и ихъ въ тѣхъ носилкахъ бываетъ иногда по пяти и по шести вмѣстѣ.

Плиній писалъ, послѣдуя *Ксенофонту*, яко бы верблюды, а подъ симъ родовымъ наименованїемъ разумѣются и *Дромадеры*, не могутъ терпѣть лошадей. Другїе удостовѣряли, будто бы они имѣютъ равномѣрное отвращенїе къ лошакамъ и къ ослам. Но истинна сего обстоятельства есть, что всѣ оныя животныя, по крайней мѣрѣ въ Египтѣ и въ Турецїи, живутъ и путешествуютъ въ сообществѣ, и что передъ рядомъ навьюченныхъ верблюдовъ всегда почти бываетъ оселъ, которой имъ и показуетъ путь, и что изъ нихъ переднїй, привязанный къ ослу, слѣдуетъ за нимъ тихими шагами. Иные согласясь утверждали, что не должно битїемъ понуждать верблюдовъ; ибо одно пѣ-

нїе и свистъ могутъ поспѣшать ихъ поступь. Не должно дѣйствительно и не во время ни худо съ ними обращаться: ибо они скоро заартачатся, но у вожатыхъ выючныхъ верблюдовъ бываетъ палочка, или хлыстикъ, которымъ они ихъ ударяютъ, а верьховыхъ, или тѣхъ, на которыхъ сидятъ люди, погоняютъ длиннымъ ремнемъ. Какъ тѣ, такъ и другїя возбуждаются щелканїемъ языка, подобной тому, которымъ наши кучера поощряютъ лошадей своихъ. Надлежитъ также запримѣтить кстати, что Бедуинцы никогда не свистятъ, и даже съ неудовольствїемъ взираютъ на того путешественника, которой, будучи мало свѣдущъ о ихъ обыкновенїяхъ, свищетъ въ ихъ обществѣ. Съ другой стороны думаю я, что когда они и поютъ, то сїе дѣлаютъ съ намѣренїемъ, чтобъ сократить скуку дороги.

Евреямъ было запрещено ѣсть верблюжье мясо (*); но Аравитяне и другїе жители Египта, разнствуя отъ Христїанъ, почитаютъ оное отборною яствою и даже здоровою пищею; ибо въ городахъ, гдѣ суевѣрїе превознесено до самой вышней степени, въ *Каирѣ* и *Александрїи* запрещали они осквернять сего рода мясо, продавая оное *Франкамъ*, которые впрочемъ имъ не уважаютъ и нимало не стараются достать его, потому что хотя оно и не имѣетъ дурнаго вкуса, но сухо и жестко. Въ Барбарїи пріуготовляютъ и копятъ верблюжьи языки, и по томъ отправляютъ въ

(*) *Левитъ*, Глава II. стих. 3.

Италію и въ другія земли, они составляютъ весьма хорошее кушанье.

Верблюдъ, сіе столь кстати образованное животное для странъ Востока, гдѣ оно составляетъ главное богатство народовъ, принимающихъ его даромъ небеснымъ, не былъ въ числѣ животныхъ, почитаемыхъ освященными въ древнемъ Египтѣ, подъ управленіемъ коего вся цѣль состояла, чтобъ отдѣлить свой народъ и занять его однимъ земледѣліемъ; на все то, что къ нему не относилось, взирали равнодушно; а все, что могло удалить отъ него, почиталось мерзкимъ. Подъ симъ послѣднимъ видомъ лошадь, верблюдъ и оселъ, надобные торгующимъ народамъ, были для Египтянъ предметами презрѣнія.

Аравитяне вскармливаютъ верблюдовъ и снабжаютъ ими нынѣшнихъ жителей Египта, которые и содержатъ оныхъ великое число: они продаются довольно дорогою цѣною. Въ *Каирѣ* стоилъ каждой отъ четырехъ до пяти сотъ франковъ: въ Верхнемъ Египтѣ продавались они дешевлѣ, и цѣна ихъ разнствовала отъ двухъ до трехъ сотъ ливровъ. Въ Барбаріи суть они равномѣрно многочисленны; но порода ихъ становится рѣдка, ѣхавши внизъ вдоль Западнаго берега Африки, и кажется далѣе *Зеленаго* мыса не простирается, потому что я видѣлъ только одного или двухъ верблюдовъ у нѣкоторыхъ *Вельможъ* земли *Голофофъ*.

Сверхъ двухъ главныхъ полезныхъ предметовъ, какъ-то, перевозки товаровъ и путешествій, верблюдъ соединяетъ въ себѣ и дру-

гія не меньше того драгоцѣнныя достоинства: шерсть его составляетъ важную отрасль торговли; изъ оной дѣлаются палатки и ковры Аравитянъ; его калъ, смѣшанной съ рубленою соломою, и потомъ высушенной на солнцѣ, есть обыкновенная пища огня въ странахъ, гдѣ дрова отмѣнно рѣдки; изъ сего также вещества родится и нашатырная соль; а молоко самокъ есть одно изъ простыхъ и здоровыхъ ѣствъ Бедуинцовъ.

Чрезъ часъ послѣ нашего пріѣзда къ *Гуссейновымъ* Бедуинцамъ, сдѣлалась въ лагерѣ тревога, по поводу появленія другой воровской и непріятельской Бедуинцовъ шайки, усмотрѣнной въ равнинѣ; весь народъ взволновался, женщины кричали отъ страха, мущины принимались за оружіе; и одни вскочивъ на первыхъ встрѣтившихся имъ лошадей, другіе пѣшкомъ чинили погоню за разбойниками. Посреди сего непредвидѣннаго смятенія, остались мы весьма спокойными со стариками и женщинами для охраненія лагеря. Но размышляя объ ономъ внезапномъ явленіи зломыслящей толпы, пришло мнѣ въ голову, что она искала насъ, и что нашествіе ея было дѣйствіемъ Абукирскаго возмущенія и разсѣяннаго тамъ слуха о неизмѣримости похищенныхъ нами сокровищъ. Я не разсудилъ безпокоить своихъ товарищей сообщеніемъ имъ моихъ подозрѣній; но послѣдствіе времени доказало, что они были справедливы и основательны.

По возстановленіи спокойствія, гостепріимство, коего обязанности у сихъ народовъ почитаются священными, воспріяло свои права,

которые и не могли быть пресѣчены, какъ только одною не обходимою обороною. Мнѣ принесли въ *Гуссейнову* палатку, содѣлавшуюся уже моею, и раздѣляемую съ молодымъ быкомъ; ибо товарищи мои были помѣщены въ разныхъ другихъ палаткахъ; мнѣ принесли, говорю я, живаго барана, назначеннаго на ужинъ небольшой моей команды. Но когда примѣтили, что я щадилъ жизнь сего бѣднаго животнаго, то и подали намъ отмѣнно хорошаго молока и хрустящихъ довольно вкусныхъ лепешекъ. *Гуссейновы* жёны ежеминутно присылали меня спрашивать, не хочу ли я чего ѣсть.

Тамъ-то и посреди сихъ общежительствъ пустыни, должно искать прямую откровенность, которая въ одно мгновенїе ока изъ хозяина дѣлаетъ брата и друга. Тамъ не извѣстны тѣ вѣроломныя привѣтствїя, тѣ обманчивыя ласки, коими въ большихъ Европейскихъ обществахъ другъ друга отягощаютъ, но которыхъ однакожъ всякой знаетъ настоящую цѣну. Откровенныя и непринужденныя приношенїя состоятъ также изъ простыхъ и нужныхъ предметовъ; отказать въ оныхъ, есть средство огорчить душу того, кто ихъ предлагаетъ; а прїемъ сихъ гостепрїимственныхъ даровъ возбуждаетъ признательность и утверждаетъ дружбу.

Ревность, сїя дщерь высокомѣрїя, здѣсь также не есть мучителемъ женскаго пола. Роскошь и обманчивыя удовольствїя, влекущїя за собою нездравомыслённость, не старались утвердить своего владычества на знойныхъ и безплодныхъ пескахъ. Нравы здѣсь сохранились невредимыми, непорочными и такими,

какъ о нихъ повѣствуютъ древнія бытописанія сихъ самыхъ народовъ. Женщины не опасаются, какъ у другихъ жителей Египта, являться съ непокрытымъ лицемъ, говорить искренно съ иностранцемъ, и оказывать непринужденную и пріятную веселость, почитаемую подругою добродѣтели и которою укоренія совѣсти отражаютъ. Я уже сказалъ, что въ молодыхъ лѣтахъ, оныя женщины могутъ почитаться одаренными красотою, хотя и смуглы, и что Европейскіе глаза съ большимъ трудомъ могутъ привыкнуть къ болѣзненнымъ изображеніямъ, которыми они нижнюю часть лица своего, посредствомъ иглы и сажи, навсегда испещряютъ. Сіе странное украшеніе есть свойственное многимъ народамъ, а особливо Африканцамъ: оное употребляется и въ Мальтѣ, гдѣ простой народъ дѣлаетъ себѣ подобныя впечатлѣнія не на лицѣ, но на другихъ частяхъ тѣла. Пристающіе къ оному острову Прованскіе матросы по большей части не минуютъ заплатить пошлины людямъ, коихъ ремесло состоитъ назначать на рукахъ и на ногахъ разныя фигуры, а особливо предметы набожества. Находившійся при мнѣ морской гранодеръ, разсудилъ и себя велѣть изранить, и у него во всю длину на рукѣ былъ изображенъ большой крестъ. Я оное запримѣтилъ только въ *Каирѣ*, то есть тогда, когда уже не возможно мнѣ было отослать его; и дѣйствительно къ чему послужитъ крестъ, и какимъ онъ можетъ быть заступленіемъ въ такой землѣ, въ которой Музульманское изступленіе вознесено до вышшей степени буйства.

Бедуинцы суть, вообще, весьма собою видные люди; простая, умѣренная и всегда единообразная жизнь, не снѣдаемая разпутствомъ, продолжается до назначеннаго природою предѣла. Они достигаютъ до самой глубокой старости, и въ началѣ оныя, примѣчательны своею почтенною и совершенно Патрїаршескою физїономїею Есть однакожъ нѣкоторая часть сей нацїи, отдѣленїе, которое нищета, безпрестанная ѣзда и страданїя многотрудной и волнующей жизни, можно сказать, обезобразили. Сїи послѣднїе, ведущїе всегда скитающую жизнь, всегда обращаясь въ грабежахъ и бывъ всегда нещастны, почти всѣ мѣлкаго росту и гнуснаго вида, и въ нихъ съ трудомъ познаются слѣды красоты первоначальнаго ихъ произхожденїя.

Я нашелъ у моихъ хозяевъ странное и преданїемъ вкорененное въ нихъ мнѣнїе. Они утверждали, яко бы предки ихъ были Европейцы и Христїане, и что одинъ изъ ихъ корабслей разбившись при берегахъ Египта, были они ограблены и принуждены жить въ пустынѣ. Отъ всего мнимаго прародительскаго Христїанства, остался у нихъ только одинъ крестъ, которой они и изображали пальцами, или начертали на пескѣ. Я не совсѣмъ утверждаю истинну сего сказанїя, но могу удостовѣрить, что оно было мнѣ повторяемо нѣсколько разъ, безъ всякаго понужденїя, многими въ лагерѣ находившимися людьми, и что я объ ономъ у другихъ Бедуинцовъ никогда не слыхалъ.

Я не спалъ во всю ночь, былъ пожираемъ удивительнымъ множествомъ блохъ, которыя

не дали мнѣ ни на минуту покоя. Они привлечены животными и безпрестанно содержимымъ подъ палатками огнемъ; земля и ковры были ими усыпаны, и я удивлялся безчувствію Бедуинца, который спитъ крѣпкимъ сномъ посреди сихъ насѣкомыхъ.

Одинъ Бедуинецъ нашелъ малинькой древній бронзовый кубъ, коего каждая сторона имѣла десять линій въ квадратѣ, и уступилъ мнѣ оной. Вырѣзанныя на немъ буквы LV уповательно изображаютъ Латинскую цыфру 55.